

Шерри Томас

*Все началось с испорченного
эликсира и молнии.*

*Пылающие
небеса*

Все началось с испорченного эликсира и молнии. Иоланта Сибурн — величайший стихийный маг своего поколения. Если верить тому, что ей сказали. Та, которой древнее пророчество предрекло стать спасительницей волшебного мира. Чей долг и судьба сразиться с Лиходеем, самым могущественным тираном и магом, какого только видывал свет, и победить его. Самоубийственная задача для любого, не говоря уже о необученной шестнадцатилетней девушке, что вовсе не рада подобной участи. Принц Тит твердо намерен отомстить за свой род. Следуя видениям матери, он поклялся защищать Иоланту и подготовить ее к битве с Лиходеем. Однако принц совершает роковую ошибку: влюбляется в девушку, которая должна была стать лишь средством. Прислужники тирана наступают, и Титу придется выбрать между своей миссией и жизнью любимой.

Шерри Томас

Пылающие небеса

Посвящается Джею, который столь же любезен и умен, сколь красив, и кому эта история полюбилась еще в зародыше.

Пролог

Незадолго до начала летнего семестра, в апреле 1883-го года, в Итоне — почтенной и прославленной английской школе для мальчиков — произошло совсем незначительное событие. После трехмесячного отсутствия, вызванного переломом бедра, вернулся, дабы продолжить свое обучение, шестнадцатилетний Арчер Фэрфакс.

Почти каждое слово в предыдущем предложении — ложь.

Арчер Фэрфакс ничего себе не ломал. Его нога прежде не ступала в Итон. Его звали не Арчер Фэрфакс. И на самом деле он был даже не «он».

Это история о девушке, которая обманула тысячи мальчиков. О юноше, который обманул целую страну. О дружбе, которая изменит судьбы миров. И о силе, что способна бросить вызов величайшему из тиранов.

Ждите чудес.

Управлять огнем было легко.

В сущности, проще некуда.

Говорят, когда маг стихий вызывает пламя, то понемногу отнимает его у каждого огонька в мире. Значит, Иоланта Сибурн воровала у многих, собирая миллионы искорок в одну мощную вспышку.

Вылепленный ею полыхающий шар идеальной формы двух саженей в диаметре завис над быстрыми водами речки Тяготы.

Иола шевельнула пальцами, и над огненным шаром аркой взмыла вода. Брызги вспыхивали на солнце, падали в пламя и шипели, превращаясь в струйки пара.

Опекун Иоланты, учитель Хейвуд, любил наблюдать за ее играми с огнем. И не только он. Все вокруг, от соседей до одноклассников, постоянно требовали, чтобы юная чародейка показала, как заставляет танцевать над ладонью маленькие огненные шарики. В детстве сама Иоланта точно так же упрашивала наставника пошевелить ушами и смеялась от удовольствия, хлопая в ладоши.

Однако интерес учителя лежал гораздо глубже. В отличие от всех остальных, желавших просто поразвлечься, он настаивал, чтобы Иоланта чертила язычками пламени сложные, запутанные узоры и рисовала целые картины. При этом он приговаривал: *«Ух, какая красота»*, — и изумленно качал головой. А иногда изумление сменялось чем-то другим, весьма напоминающим тревогу.

Но прежде, чем Иоланта успевала спросить, в чем дело, учитель взъерошивал ей волосы и предлагал сходить поесть мороженого. За два года они съели очень-очень много мороженого — светничное для него и дынонасовое для нее, — сидя у окна в кондитерской миссис Хиндерстоун на Университетской аллее. До нее было всего-то пять минут ходьбы от их дома, расположенного на территории Консерватории магических наук и искусств — самого престижного учебного заведения во всей Державе.

Прошло много лет с тех пор, как Иоланта ела дынонасовое мороженое, но она до сих пор помнила терпкий освежающий вкус любимого лакомства, и как от него пощипывает язык.

— Ух, какая красота!

Иоланта вздрогнула. Однако произнесла эти слова женщина. Это оказалась миссис Нидлз, которая три раза в неделю готовила и убирала у учителя Хейвуда здесь, в Малых Заботах-на-Тяготе — деревеньке настолько отдаленной от Консерватории, насколько от нее вообще можно отдалиться, не покидая пределов Державы. Не то чтобы Хейвуд получал достаточно для найма экономки, но услуги миссис Нидлз полагались учителю как часть заработка.

Пришлось рассеять огненный шар, все еще висевший в воздухе над стремительной пенящейся рекой. Иоланта не возражала жонглировать перед детьми пламенными шариками размером с яблоко или управлять несколькими гирляндами танцующих огоньков на балу в честь солнцестояния в Малых Заботах. Однако смущалась, показывая умение работать с такими размерами, когда в руке достаточно огня, чтобы сжечь дотла целую деревню.

«Дважды подумай, стоит ли демонстрировать всем свои силы, — всегда предупреждал учитель Хейвуд, — если только ты не выступаешь в Грандиозном Цирке. Ты

же не хочешь прослыть хвастунишкой или того хуже — чудовищем».

Иоланта обернулась и улыбнулась экономке:

— Спасибо, миссис Нидлз. Я просто практиковалась перед свадьбой.

— Я и не знала, что вы такой сильный маг, мисс Сибурн, — изумленно проговорила та.

В древние века, когда стихийники решали судьбы миров, никто бы даже не взглянул в сторону Иоланты дважды — с ее-то посредственными способностями. Однако время магии стихий уходило. Иоланта полагала, что в сравнении с большинством ныне живущих волшебников, которые с трудом вызывали достаточно огня, чтобы зажечь ночник — или достаточно воды, чтобы вымыть руки, — могло показаться, будто уровень ее силы действительно выше среднего.

— Миссис Оукблаф, Розы и вся родня жениха будут просто поражены, — продолжила миссис Нидлз, ставя на землю небольшую корзину для пикника. — И учитель Хейвуд, само собой. Он уже видел ваш номер?

— Именно он и подал мне идею о большом огненном шаре, — солгала Иоланта.

Жители деревни могли считать учителя Хейвуда любителем мериксиды, пренебрегающим своей шестнадцатилетней подопечной, но она отказывалась говорить о нем иначе, чем как о внимательном, заботливом отце.

За семь лет, прошедших с тех пор, как начались их проблемы, Иоланта выработала определенную манеру поведения, вторую натуру, которую носила, словно панцирь. Глядя на Иоланту, люди видели просто душку: уверенную в себе, дружелюбную девушку, поразительно милую и любезную — разумеется, все это результат искренней заботы, коей ее окружали всю жизнь.

Иола выросла, настолько слившись с этой внешней оболочкой, что даже не всегда помнила, кто на самом деле под ней скрывается. Да и вспоминать об этом ей не особо хотелось. Зачем терзаться крушением иллюзий, путаницей в мыслях и гневом, если можно просто парить надо всем и притворяться жизнерадостной и очаровательной?

— Кстати, как вы себя сегодня чувствуете, миссис Нидлз? — задала Иоланта встречный вопрос. Если дать людям выбор, большинство предпочтет говорить о себе. — Как ваше бедро?

— Гораздо лучше, после того как вы дали мне ту мазь против боли в суставах.

— Чудесно! Но в этом не только моя заслуга, учитель Хейвуд помог мне с мазью — он всегда вертится рядом, когда я стою у котла.

Или, что более вероятно, на целый день запирается в своей комнате, не обращая внимания на стук Иоланты и подносы с едой, оставленные у него под дверью. Но миссис Нидлз об этом знать не стоит.

Никому не стоит.

— О, ему повезло, что у него есть вы, крупно повезло, — проворчала экономка.

Улыбка слегка поблекла... Интересно, она хоть кого-нибудь когда-нибудь вводила в заблуждение? Тем не менее из образа Иоланта не вышла:

— Возможно, я ведь время от времени делаю для него то одно, то другое. Но есть куда более легкие способы справиться с рутиной, чем растить мага стихий.

Они хором рассмеялись: миссис Нидлз — добродушно, Иоланта — придерживаясь своей роли.

— Ну да ладно. Я вам тут принесла кое-что поесть, мисс.

Экономка пододвинула корзину для пикника поближе.

— Благодарю. И если вам сегодня надо уйти пораньше, чтобы подготовиться к свадьбе, то, разумеется, можете это сделать в любой момент.

Так миссис Нидлз покинет дом прежде, чем раздраженный и дезориентированный учитель Хейвуд выйдет из оцепенения, вызванного приемом мериксиды.

Экономка приложила руку к сердцу:

— Это было бы чудесно! Я обожаю свадьбы, и мне хотелось бы выглядеть как можно лучше перед всей этой модной городской родней.

Свадьба Розы Оукблаф должна была состояться почти в ста верстах от Малых Забот, в столице провинции, Мидсуэлле. Во время церемонии Иоланте предстояло освещать путь, по которому жених и невеста пройдут рука об руку к алтарю. Считалось удачей, если путь освещает не просто наемный маг стихии, а подруга новобрачной, и никого особо не заботило, что Иола не столько дружила с Розой, сколько пыталась подкупить ее мать.

— Увидимся на свадьбе, — сказала Иоланта экономке.

Махнув на прощание рукой, миссис Нидлз совершила скачок, оставив после себя легкое искривление пространства, которое быстро исчезло. Иоланта посмотрела на часы — без четверти час. Она опаздывала.

И не только на свадьбу. Иоланта отставала с чтением академической литературы по меньшей мере на полсеместра. У нее по-прежнему не получались очищающие зелья. Каждое заклинание из «Магии былых времен» изо всех сил сопротивлялось попыткам его освоить.

А первый цикл вступительных экзаменов в высших учебных заведениях начнется через пять недель.

Магия стихий — древнейшая магия. Именно она испокон веку связывала чародея с целым миром, не требуя в качестве посредников ни слов, ни действий. Тысячелетиями магия тонких сфер была лишь бледной имитацией, пытаясь подобраться, но даже на шаг не приблизившись к силе и величию стихийной.

Однако в какой-то момент ситуация изменилась. Теперь магия тонких сфер обладала достаточными глубиной и гибкостью, чтобы удовлетворить любые нужды, и магия стихий стала ее неуклюжей старомодной кухней из деревни, плохо приспособленной к требованиям современной жизни. Кому в наши дни нужны волшебники, наделенные властью над огнем, если освещение, обогрев и стряпня полностью обеспечиваются гораздо более безопасной и удобной беспламенной магией?

Без глубоких познаний в магии тонких сфер выбор профессии для стихийника оказывается до смешного мал: податься в цирк, в литейные мастерские или в каменоломни. Ни один из этих вариантов Иоланту не прельщал. А не сдав вступительные экзамены блестяще, она не получит стипендии и не сможет учиться дальше.

Иола снова посмотрела на часы. Нужно еще разок повторить ритуал освещения пути, а потом проверить в аудитории эликсир света.

Щелкнув пальцами, она соорудила новую пламенную сферу четырех локтей в диаметре. Еще один щелчок — и огненный шар увеличился в два раза и маленьким солнцем взмыл над крутыми, лишенными лесного покрова скалами противоположного берега.

Огонь был чистым наслаждением. Сила была чистым наслаждением. Хотела бы Иоланта с такой же легкостью подчинять себе учителя Хейвуда. Она переплела пальцы, затем резко их развела. Огненный шар разделился на шестнадцать пламенных вихрей, снующих в воздухе, словно стайка рыб, делая быстрые повороты в унисон.

Хлопок в ладоши. Вихри огня снова слились в идеальную сферу. Резким движением

запаястья Иоланта заставила шар быстро взмыть вверх и завертеться, посылая во все стороны лавину искр. Потом опустила руки вниз, наполовину погрузив огненный шар в реку, и над водой с шипением поднялась мощная струя пара. Свадьбу собирались провести рядом с большим зеркальным прудом, и Иоланта планировала в полной мере воспользоваться этим преимуществом.

— Остановись, — раздался голос за ее спиной. — Прекрати сейчас же.

Она застыла от неожиданности. Учитель Хейвуд... рановато он встал. Рассеяв огонь, Иоланта обернулась.

Раньше ее опекун был красивым мужчиной, золотоволосым и ладно скроенным. Теперь от его привлекательности не осталось и следа. Волосы безвольно свисали, обрамляя бледное лицо; под глазами темнели мешки. Телосложение его казалось настолько хрупким — иногда Хейвуд напоминал марионетку, — будто он рассыплется от малейшего удара. Как же больно смотреть на тень, оставшуюся от прежнего учителя. Больно каждую минуту.

Однако в глубине души Иоланта была взволнована тем, что он пришел понаблюдать за ее тренировками, и ничего не могла с этим поделать. Хейвуд довольно давно не проявлял к ней никакого интереса. Возможно, получится уговорить его помочь с учебой. Опекун обещал заниматься с ней дома, однако Иоланте приходилось учиться самой, и у нее накопилось множество вопросов без ответа.

Но для начала...

— Добрый день. Вы уже поели?

Ему не стоило совершать скачок на пустой желудок.

— Ты не можешь показывать подобное на свадьбе, — заявил учитель.

Уши Иоланты начали гореть, будто в них впились жала десятков пчел. Он пришел, чтобы сообщить ей это?

— Прошу прощения?

— Жених Розы Оукблаф из семьи коллаборационистов.

Ходили слухи, что Греймуры из Мидсуэлла сдали властям больше сотни повстанцев во время и после Январского восстания. Об этом было известно всем.

— Так оно и есть.

— Я не знал, — сказал учитель Хейвуд. Затем с посеревшим от усталости и напряжения лицом прислонился к большому валуну. — Думал, она выходит замуж за Греймора — из рода художников. Миссис Нидлз только что вывела меня из заблуждения, и я не могу позволить агентам Атлантиды увидеть, как ты управляешься со стихиями. Они тебя заберут.

Глаза Иолы расширились. О чем он? Разве она не слышала бы, питай Атлантида к магам стихий особый интерес? Насколько Иоланта знала, владение стихиями не привлекало внимание Атлантиды.

— Да в каждом цирке есть дюжина чародеев, которые умеют делать то же, что и я. С чего бы Атлантиде мной интересоваться?

— Потому что ты моложе и у тебя гораздо более сильный потенциал.

Две тысячи лет назад она бы не задавала ему подобных вопросов. Разногласия между королевствами тогда решались войнами магии стихий. Хорошие стихийники высоко ценились, а великие... ну, они считались ангелами во плоти. Но это было две тысячи лет назад.

— Потенциал для чего?

— Для величия.

Иола прикусила нижнюю губу. В больших количествах мериксида вызывала галлюцинации и паранойю. Однако Иоланта всегда тайком разбавляла сделанную учителем настойку сахарным сиропом. Неужели у него был тайник, о котором она не знала?

— Я была бы не прочь стать великим магом стихий, но за последние пять сотен лет ни одна живая душа не слышала ни об одном Великом. И вы забываете, что я не могу управлять воздухом — невозможно стать Великим, если не контролируешь все четыре стихии.

— Это неправда, — покачал головой Хейвуд.

— Что именно?

Он не ответил на ее вопрос, лишь добавил:

— Ты должна меня слушаться. Если Атлантида узнает о твоей силе, ты окажешься в огромной опасности.

Иоланта сама предложила освещать путь к алтарю на свадьбе. Она представить себе не могла, что подумает о ней мать невесты, миссис Оукблаф, если за считанные часы до церемонии Иола вдруг объявит, мол, передумала.

Ее карманные часы пробили один удар.

— Прошу прощения. Мне нужно вылить из котла эликсир света.

Она также вызвалась позаботиться о свадебной иллюминации. Эликсир серебристого света ныне был в моде, но сделать его истинно серебристым, безо всяких голубоватых оттенков, весьма тяжело и отнимает массу времени. А созрев, эликсир светится ровно семь часов.

Вся затея находилась под угрозой срыва. Иоланта начала с пяти порций, и лишь одна пережила процесс загустения. Тем не менее дело того стоило. Оукблафы хотели показать более богатым будущим родственникам, что способны устроить впечатляющую изысканную церемонию, и удачно выполненный эликсир серебристого света имел большое значение для достижения этой цели.

Иоланта совершила скачок, надеясь, что Хейвуд за ней не последует.

Учащиеся отдыхали на весенних каникулах. Без обычного гула голосов в аудитории было пусто и тихо. Оборудование для лабораторных работ располагалось в дальнем конце комнаты под портретом принца. Иоланта сняла крышку с самого большого котла и перемешала его содержимое. Эликсир налип на лопатку, густой и непрозрачный, как дождевые облака. Идеально. Три часа охлаждения — и он начнет излучать свет.

— Ты слышала хоть слово из того, что я сказал? — снова раздался за спиной голос учителя.

Судя по интонации, он не злился, только был очень утомлен. Сердце Иоланты колотилось, пока она распаковывала серебряный кувшин, который ей дала миссис Оукблаф, чтобы перелить туда эликсир света. Иола не знала почему, но всегда подспудно ощущала, что каким-то образом несет ответственность за состояние Хейвуда. И это совсем не походило на простое чувство вины от того, что она не могла позаботиться о нем так, как ей хотелось.

— Вам следовало перекусить. Ваша мигрень становится гораздо сильнее, если вы вовремя не поедите.

— Я не хочу есть. Я хочу, чтобы ты меня выслушала.

Голос опекуна нынче редко звучал по-отечески — Иоланта и не помнила, когда слышала такие заботливые нотки в последний раз. Она обернулась:

— Я слушаю. Но не забывайте, пожалуйста, что подобные громкие заявления — будто

мне будет угрожать опасность со стороны Атлантиды, если я всего-навсего проведу обыкновенный ритуал освещения пути к алтарю — требуют убедительных доказательств.

Именно учитель Хейвуд познакомил Иоланту с концепцией того, что громкие заявления требуют убедительных доказательств. Она впитывала каждое сказанное им слово, чувствуя гордость и эйфорию — ведь стала почти дочерью для этого красноречивого эрудированного мужчины.

Но все это в прошлом. Ошибки и обман Хейвуда стоили ему одного места за другим, и выдающийся ученый, которому когда-то судьбой было предназначено величие, оказался на посту деревенского школьного учителя — и к тому же снова опасно близок к потере работы.

Опекун покачал головой:

— Мне не нужны доказательства. Мне всего лишь нужно забрать данное тебе разрешение поехать в Мидсуэлл на свадьбу.

Единственная причина, по которой Иоланта собиралась в Мидсуэлл, — это возможность сохранить за Хейвудом место. Пошел слух, мол, родители, которым не понравилось пренебрежение учителя их отпрысками, потребовали, чтобы миссис Оукблаф, деревенский распорядитель, его уволила. Иоланта надеялась, что если обеспечит зрелищное освещение пути к алтарю, не говоря уже об эликсире серебристого света, то, возможно, получится уговорить миссис Оукблаф вынести решение в пользу Хейвуда.

Если уж отдаленная деревня, отчаянно нуждающаяся в школьном учителе, не хочет держать его на работе, то кто захочет?

— Вы кое-что забываете, — напомнила Иоланта. — Законы четко говорят: когда подопечной исполняется шестнадцать, ей больше не нужно разрешение опекуна, и она вольна идти куда хочет.

Она уже полгода как могла уйти.

Учитель Хейвуд вытащил из кармана фляжку и сделал глоток. Иоланта почувствовала приторно-сладкий аромат мериксиды, но сделала вид, будто ничего не заметила, хотя предпочла бы вырвать флягу и выбросить ее в окно.

Однако между ними больше не было тех тесных взаимоотношений, когда члены семьи действительно злятся друг на друга. Теперь они стали незнакомцами, которые придерживались особого перечня правил: никаких обсуждений его пагубной привычки, никаких упоминаний о прошлом и никаких планов на будущее.

— Тогда ты просто должна поверить мне, — серьезно произнес учитель. — Мы обязаны тебя защищать. Держать тебя подальше от глаз и ушей Атлантиды. Поверь мне, Иола. Пожалуйста.

Ей очень хотелось. После всей его лжи — *«Нет, это не договорной поединок. Нет, это не плагиат. Нет, это не взятки»* — Иоланта все еще хотела доверять учителю Хейвуду так, как когда-то: всецело, безоговорочно.

— Извините, — отозвалась она. — Не могу.

До этого момента Иола никогда открыто не признавала, что может надеяться только на себя.

Хейвуд отшатнулся и пристально посмотрел на нее. Пытался ли он отыскать ребенка, который неприкрыто его обожал? Который последовал бы за ним на край света? *«Эта девчушка все еще здесь»*, — хотела сказать ему Иоланта. Если бы только учитель взял себя в руки, она бы с радостью позволила ему позаботиться о ней, для разнообразия.

Опекун склонил голову:

— Прости меня, Иоланта.

Это был не тот ответ, которого она ожидала. Дыхание ускорилось. Хейвуд действительно хотел извиниться за все, что заставило ее потерять веру в него?

Внезапно он направился к котлам, по пути откручивая колпачок фляжки.

— Что вы...

Учитель вылил остатки мериксиды из фляжки прямо в эликсир света, над которым Иоланта до изнеможения трудилась две недели. Затем повернулся к ней, безмолвно стоящей с открытым ртом, и крепко обнял:

— Я поклялся тебя защищать, и сдержу слово.

К тому времени, как Иоланта поняла, что натворил опекун, он уже выходил из классной комнаты.

— Я сообщу миссис Оукблаф, что сегодня вечером ты не сможешь осветить путь к алтарю, поскольку слишком стыдишься своей неудачи с эликсиром света.

* * *

Иоланта уставилась на испорченное варево — ровную поверхность грязно-зеленой жидкости без единого намека на тягучесть. Эликсир серебристого света, который она обещала миссис Оукблаф. Вот только ни за какие деньги его нельзя приготовить в последний момент!

Иолу затопила горькая волна отчаяния. Ради чего она так старалась? Зачем беспокоилась о сохранении места за учителем Хейвудом, если никого другого это не волновало, и меньше всего — его самого?

Однако Иоланта слишком привыкла игнорировать жалость к себе и разбираться с последствиями поступков наставника. Она уже была у книжных полок, вытаскивая талмуды, которые могли помочь. В «Зельях для начинающих» ни слова не говорилось об эликсирах света. В справочнике школьника «Типичные ошибки зельеварения и как их исправить» лишь пояснялось, что делать, если эликсир выделяет отталкивающий запах, загустевает или не переставая шипит. «Руководство по зельеварению. Популярное и редкие снадобья» предоставляло читателю подробную историческую справку и только.

От безысходности Иоланта взялась за «Энциклопедию зелий».

Учитель Хейвуд любил «Энциклопедию», непонятно только, почему. Это ведь самая претенциозная в мире толстенная книга! Оказалось, что в разделе, посвященном эликсирам света, основной текст после вступительных параграфов написан клинописью.

Иоланта продолжала листать страницы, надеясь на какой-нибудь параграф на латыни, на которой она отлично читала, или хотя бы на греческом, который при необходимости могла разобрать со словарем. Но кроме клинописи попадались только иероглифы.

Вдруг, совершенно неожиданно, взгляд Иоланты наткнулся на сделанную от руки заметку на полях, которую она смогла прочесть: *«Как бы вы ни испортили эликсир света, его всегда можно восстановить ударом молнии».*

Иоланта моргнула — и поспешно откинула голову назад: она и понятия не имела, что в глазах стоят слезы. И что это за совет такой? Если выставить любой эликсир под ливень, это нанесет зелью непоправимый ущерб, похоронив всякую надежду на его восстановление.

Если только... Если только автор заметки не имел в виду нечто другое — вызванную молнию.

Хельгира Беспощадная обладала властью над молниями.

Вот только Хельгира — героиня фольклора. Иоланта прочитала все четыре тома в тысячу двести страниц «Жизни и деяний великих магов стихий». Ни один реально существовавший стихийник, даже великий, не мог управлять молниями.

«Как бы вы ни испортили эликсир света, его всегда можно восстановить ударом молнии».

Автор этой строчки, очевидно, не сомневался, что подобное вполне осуществимо. Завитки и черточки в написанных словах плясали на полях с веселой убежденностью. Однако когда Иола подняла глаза, лицо принца на портрете не выражало ничего, кроме пренебрежения к ее безумной идее.

Иоланта на секунду прикусила щеку изнутри. Потом достала пару толстых перчаток и схватила котел.

Что ей терять?

* * *

Принц был на полпути к тому, чтобы поцеловать Спящую красавицу.

Он вспотел, одежда его превратилась в лохмотья, из раны на руке все еще сочилась кровь. И вот она, его награда за сражение с драконами, охраняющими ее замок, — чиста, невинна и красива, но без особого изыска.

Принц подошел к Спящей красавице; его сапоги по щиколотку утопали в пыли. В сером свете, пробивающемся сквозь грязь на окнах, виднелась свисающая по всему чердаку, словно плотный театральный занавес, паутина.

Принц сам продумал каждую деталь декораций. Когда ему было тринадцать, казалось крайне важным, чтобы убранство чердака безошибочно свидетельствовало о вековой запущенности. Но теперь, тремя годами позже, вдруг подумалось, что лучше бы он позаботился об общении с красавицей.

Если бы принц только знал, что хочет услышать от девушки! Или наоборот.

Он опустился на колени рядом с кроватью.

— Ваше высочество! — эхом отразился от каменных стен голос его камердинера. — Вы просили разбудить вас в это время.

Как принц и полагал, с драконами он подзадержался. Он вздохнул:

— И жили они долго и счастливо.

Принц не верил в счастливые концы, но эти слова были паролем к выходу из Горнила.

Окружающая сказка поблекла — Спящая красавица, чердак, пыль, паутина. Зажмурившись, принц шагнул в небытие, а открыв глаза, обнаружил себя растянувшимся на кровати в собственной спальне. Его ладонь лежала поверх старинной книги детских сказок.

Мысли в голове туманились. Правая рука пульсировала в том месте, где хвост виверны разрезал кожу. Но ощущение боли — лишь игра разума. Раны, полученные в воображаемом мире Горнила, не переносились в реальность.

Принц сел. Зачирикала его канарейка, запертая в инкрустированной драгоценными камнями клетке. Он слез с кровати и просунул пальцы сквозь прутья птичьей тюрьмы. Затем вышел на балкон, бросив взгляд на огромные позолоченные часы в углу спальни: четырнадцать минут третьего — точное время, упомянутое в видении матери. Вот почему, погружаясь в свои короткие полусны-полувидения, принц всегда просил разбудить его

именно в этом часу.

В реальном мире его дом, построенный на высоком отроге Лабиринтных гор, был самым известным замком во всех магических государствах, гораздо более величественным и прекрасным, чем любой дворец, в котором могла обитать Спящая красавица. С балкона открывался великолепный вид на водопады, тонкими ленточками выющиеся вниз на сотни верст, и голубые предгорья, усыпанные точками сотен озер, которые наполнялись талым снегом. А вдалеке виднелись плодородные долины, кормящие хлебом все его королевство.

Однако принц едва взглянул по сторонам. Балкон заставил его напрячься, поскольку именно здесь — по крайней мере, согласно видению — принцу суждено встретиться со своей судьбой. Начало конца для предсказанной ему роли наставника, камня, положенного для перехода через реку — того, кто не выживет в конце поисков.

За его спиной, шаркая ногами и шурша шелковыми верхними одеждами, собрались слуги.

— Не хотите ли немного освежиться, сир? — масляным голосом спросил Гилтбрейс, главный слугитель.

— Нет. Подготовьте все к моему отъезду.

— Мы полагали, ваше высочество покинет нас завтра утром.

— Я передумал. — Половина слуг получала жалование у Атлантиды, так что при любой возможности принц причинял им неудобства, постоянно меняя свои планы. Необходимо, чтобы они поверили, будто он просто капризный ребенок, которого не интересует ничего, кроме собственной персоны. — Оставьте меня.

Слуги ретировались ко входу на балкон, но продолжали за ним следить. За пределами личной спальни и ванной принц почти всегда был под наблюдением.

Он окинул взглядом горизонт, ожидая — и страшась — этого еще не произошедшего события, которое уже определило весь его жизненный путь.

* * *

Иоланта выбрала вершину Закатного утеса — скалы, находящейся в нескольких верстах к востоку от Малых Забот-на-Тяготе.

Они с учителем Хейвудом жили в деревне уже восемь месяцев, почти целый учебный год, но у Иолы все еще перехватывало дыхание от гористой местности Южного приграничья: глубоких теснин, отвесных склонов и стремительных горных рек. На многие версты вокруг деревня была единственным оплотом цивилизации, противостоящим необузданному размаху дикой природы.

На вершине Закатного утеса, в самой высокой точке окрестностей, жители деревни водрузили флагшток, на котором развевалось знамя Державы. Сапфировый стяг плескался на ветру, серебряный феникс в центре блестел под лучами солнца.

Опустившись на колени, Иоланта почувствовала что-то холодное и твердое. В траве, окружавшей основание флагштока, обнаружилась вкопанная в землю бронзовая табличка. Надпись на ней гласила: «*DUM SPIRO, SPERO*».

— Пока дышу — надеюсь, — пробормотала Иоланта.

Потом обратила внимание на высеченную на табличке дату: «3 апреля 1021 г.». День, когда казнили баронессу Соррен и отправили в изгнание барона Уинтервейла. Именно эти события ознаменовали конец Январского восстания — первого и единственного случая,

когда подданные Державы с оружием в руках поднялись на борьбу против господства Атлантиды, которая де факто управляла их страной.

Развевающийся стяг сам по себе не казался чем-то выдающимся — по крайней мере, этого Атлантида еще не запретила. Но табличка, упоминающая о восстании, являлась актом открытого неповиновения здесь, в малоизвестном уголке Державы.

Когда началось восстание, Иоланте было шесть лет. Учитель Хейвуд забрал ее и присоединился к жителям, массово покидающим столицу Державы, Деламер. Несколько недель они жили во временном лагере беженцев на дальней стороне Змеистых холмов. Взрослые взволнованно шептались. Дети играли с какой-то почти безумной энергией.

Возвращение к нормальному образу жизни произошло как-то внезапно и странно. Никто не рассказывал о ремонте в Консерватории, понадобившемся, чтобы заменить поврежденные крыши и опрокинутые статуи. Никто не рассказывал ни о чем из того, что произошло.

В тот единственный раз, когда Иоланта столкнулась с девочкой, с которой познакомилась в лагере беженцев, они неловко помахали друг другу и смущенно отвернулись, будто в этом фарсе было нечто постыдное.

За годы, прошедшие с тех пор, Атлантида лишь усилила мертвую хватку вокруг Державы, оборвав все ее контакты с внешним миром и расширив свое влияние в королевстве через широкую сеть открытых коллаборационистов и тайных шпионов.

Время от времени до Иолы доходили слухи о бедах, случавшихся поблизости: лишение средств к существованию одного знакомого по подозрению в неблагоприятной для интересов Атлантиды деятельности; исчезновение родственника одноклассницы в стенах Инквизитория; неожиданный переезд целой семьи, живущей вниз по улице, на один из самых отдаленных островов Державы.

Еще ходили слухи о назревании нового повстанческого движения. Слава небу, учитель Хейвуд не проявлял к этому никакого интереса. Атлантида была чем-то вроде погоды или местоположения королевства — нечего даже пытаться что-то изменить; можно только приспособиться, вот и все.

Иоланта спустила и свернула флаг, отложив его в сторону, чтобы не повредить. На мгновение она задумалась, действительно ли подвергнет себя опасности, показав перед всеми трюк с огнем и водой. Нет, совсем не верится. Первые два года, после того как учитель Хейвуд потерял место в профессуре Консерватории, они жили по соседству с семьей мелких коллаборационистов, и он никогда не запрещал Иоле показывать детям фокусы с огнем.

Она подтолкнула котел, чтобы его металлический бок коснулся шеста, дабы обеспечить лучшее поглощение заряда молнии. Потом отмерила от шеста пятьдесят больших шагов для пущей безопасности.

Просто на всякий случай.

Иоланта поразилась, что вообще к чему-то готовится. Да, по нынешним меркам она прекрасный маг стихий, но не идет ни в какое сравнение с Великими. Что заставило ее думать, будто она достигла таких высот мастерства, о которых упоминается только в легендах?

Иола посмотрела на безоблачное небо и глубоко вздохнула. Она не могла объяснить, почему, но интуитивно чувствовала верность анонимного совета из «Энциклопедии». Нужна лишь молния.

Но как ее вызвать?

— Молния! — выкрикнула Иоланта, направив указательный палец в небо.

Ничего. Не то чтобы она ожидала результата с первой же попытки, но все-таки слегка разочаровалась. Возможно, могла бы помочь визуализация. Иола закрыла глаза и представила яркую жаркую вспышку, линией соединяющую небо и землю.

Снова ничего.

Тогда она закатала рукава блузки и достала из кармана волшебную палочку. Сердце забилось сильнее — прежде Иоланта никогда не использовала ее для магии стихий.

Палочка служила усилителем магической энергии; чем мощнее сила, тем мощнее получалось усиление. Если Иоланта снова допустит ошибку, то ее затея потерпит крах. Но если добьется успеха...

Дрожащей рукой Иола подняла волшебную палочку над головой и вдохнула так глубоко, как только могла.

— Да порази уже этот котел! Я не могу ждать целый день!

Первая вспышка появилась необычайно высоко в атмосфере, и казалось, будто она зародилась над другим концом континента. Линия белого пламени прочертила небосвод и грациозно изогнулась поперек безоблачного голубого неба.

А затем устремилась к Иоланте — жгучая ослепительная смерть.

Историки и теоретики веками спорили о взаимосвязи между расцветом магии тонких сфер и упадком магии стихий. Протекали ли данные процессы независимо друг от друга, или же первое стало причиной второго? Возможно, ученые никогда не придут к единому мнению, но доподлинно известно, что упадок магии стихий не только повлек за собой уменьшение численности ее представителей — с приблизительно трех процентов от общего числа магов до менее чем одного процента, — но и привел к ослаблению власти над стихиями, которой обладал каждый конкретный маг.

Ныне маги, работающие в каменоломнях, по-прежнему изо дня в день передвигают двадцатитонные каменные глыбы (рекорд десятилетия — сто тридцать пять тонн, поднятые одним магом). Однако большинство стихийников мало используют свои уменьшающиеся силы и способны разве что на демонстрацию салонных фокусов. Тем больше оснований поражаться силе некоторых великих магов стихий былых времен, которые заставляли непрерывно двигаться горы и стирали с лица земли — а иногда и создавали — целые королевства.

Из книги «Жизнь и деяния великих магов стихий»

Столб белого света возник из ниоткуда: такой далекий, что казался тонкой паутинкой, и такой яркий, что почти ослепил принца.

С минуту правитель Державы безмолвно стоял, пораженный увиденным, как вдруг его сердце екнуло: это ведь и есть тот самый знак, которого он ожидал полжизни!

Принц непроизвольно стиснул ладонь в кулак. Пророчество сбылось. А он не готов. Да и никогда не будет.

Но действовать надо в любом случае.

— На что вы пялитесь с таким благоговением? — Принц послал слугам презрительную усмешку. — Никогда в жизни молнию не видели, деревенщины?

— Но, сир...

— Что встали? Приготовления к моему отъезду сами по себе не сделаются. — Он обернулся к Гилтбрейсу: — Я буду в кабинете. Проследи, чтобы меня никто не беспокоил.

— Да, сир.

Слуги были приучены оставлять правителя в покое, когда он того хотел — им вовсе не улыбалось чистить сапоги дворцовых стражников, таскать помой с кухни или разгребать навоз в конюшнях.

Принц рассчитывал, что внимание прислуги тут же вернется к пылающим небесам. Бросив быстрый взгляд через плечо, он увидел, что глаза челяди и в самом деле прикованы к удивительной бесконечной молнии.

В замке существовали секретные коридоры, о которых знали лишь члены семьи. Не прошло и минуты, как принц уже добрался до рабочего кабинета. Зашел внутрь, вытащил из центрального ящика стола свисток и дунул в него. Звук начал свое путешествие, по дороге набирая силу и мощь, и в конечном счете достиг ушей верной кобылки принца, стоящей в конюшне.

Затем он достал из витрины фамильный бинокль. Тот показывал точное местонахождение любого объекта, который через него разглядывали — и область видимости простиралась не только на каждый уголок Державы, но и на сотни верст за пределами государства в любом направлении.

Принц почувствовал чуть заметную дрожь пальцев, пока наводил резкость, крутя колесики бинокля. Молния била очень далеко, у южного края Лабиринтных гор.

Вытащив из нижних ящиков стола перчатки для верховой езды и седельный выюк, принц прошептал нужные слова. И через мгновение уже съезжал по гладкому каменному желобу, высеченному в скале почти под прямым углом, из-за чего местами принц разгонялся до такой степени, что просто беспрепятственно падал вниз.

Он сгруппировался. И все же удар при приземлении на выжидательно подставленную спину Марбл по силе оказался сравним с ударом о стену со всего разбега. Принц проглотил готовый вырваться хрип боли и начал нащупывать в темноте поводья, свисающие с загровка его старушки. Стиснув коленями бока лошади, он заставил ее двигаться вперед.

Они находились у начала вырезанного в скале тайного хода. Преодолев невидимую границу, наездник с лошадью тут же что есть духу помчались по туннелю, диаметром не превышавшему девяти локтей — Марбл с трудом протискивалась там со сложенными крыльями.

В туннеле было темно, хоть глаз выколи. Спертый сырой воздух давил на кожу. Марбл пулей взмыла ввысь, так что у принца заложило уши. Яркая точка в конце туннеля быстро увеличивалась в размерах, превратившись в пятно солнечного света — и в следующее мгновение они уже летели по небу над остроконечной вершиной пустынной горы довольно далеко от замка.

Расправив огромные крылья, Марбл скользнула вниз в затяжном спуске. Принц закрыл глаза и мысленно вернулся к тому, что увидел через бинокль: обыкновенная, как серый воробушек, и такая же маленькая деревня.

Он предпочел бы совершить скачок без лошади. Однако такие дальние перемещения, да еще и без возможности полагаться на собственные воспоминания, в надежде лишь на визуальные ориентиры, точными не удаются. А принц не мог позволить себе роскошь идти пешком, когда достигнет цели.

Он наклонился вперед и зашептал Марбл на ухо.

Они перескочили.

* * *

Ослепшая, Иоланта распростерлась на спине. Лицо пылало, в ушах стоял звон, будто треньканье новогодних колокольчиков.

«Кажется, жива». Застонав, Иоланта перевернулась на живот, встала на колени и зажала уши ладонями.

А открыв через некоторое время глаза, уставилась на размытое зеленое пятно — собственную юбку. Затем приподняла голову и поднесла к лицу руку. Та постепенно перестала расплываться. Царапина, но крови нет. Иоланта облегченно вздохнула. Она боялась, что из ушей течет кровь, и на пальцах обнаружатся кусочки мозга.

Тем не менее трава вокруг стала коричневой. Странно, вереск с приходом весны только-только начал буйно разрастаться, устлав вершину скалы зеленым ковром. Взгляд Иоланты скользнул по жухлой траве, и...

Флагшток исчез, а над зияющей на его месте ямой поднимался столб такого же черного, как развороченная земля, дыма.

С трудом поднявшись, Иола засунула волшебную палочку обратно в карман и заковыляла к воронке. Ноги, казалось, превратились в желе. Глаза тут же начали слезиться от дыма. Сухая, словно трут, трава хрустела под подошвами.

Воронка простиралась на семь локтей в ширину и не менее четырех — в глубину; флагшток криво лежал поперек ямы. Просто безумие! Когда ударила молния, ее электрический заряд должен был уйти в землю, не представляя никакой опасности.

Иоланта поискала взглядом котел и обнаружила его на дне воронки. А в нем — самый прекрасный эликсир из всех, что она когда-либо видела. Он ярко сиял, словно тысячи звезд в ночном небе.

Иоланта не смогла сдержать рвущийся из груди смех. В кои-то веки ей улыбнулась удача. Иллюминация на свадьбе будет идеальной. Ее выступление будет идеальным. О, ну хорошо, она собиралась принять участие в церемонии. И миссис Оукблаф, разумеется, простит учителя Хейвуда за то, что тот подшутил над ней, сказав — ха! — будто свадьба ее дочурки обойдется без эликсира серебристого света.

Шум в небе заставил Иоланту задрать голову. Крылатое животное, нечто среднее между

драконом и лошастью, вихрем пронеслось мимо. Оно появилось с севера и на бешеной скорости улетело к границе. Однако на глазах Иолы зверь поднял и развернул крылья вертикально, замедляя скорость.

А потом направился обратно, прямо к ней.

* * *

Принц не верил своим глазам.

Он вышел из скачка довольно близко к тому месту, где ударила молния, но Марбл пролетела мимо слишком быстро, и он не успел разглядеть мага на вершине почерневшей скалы. Однако теперь, когда заставил Марбл развернуться...

Длинные черные волосы, торчащие во все стороны из-за электрического заряда, белая блузка в оборках, зеленая юбка. Никакой ошибки: маг стихий, вызвавший молнию, оказался девушкой.

Девушкой.

Арчер Фэрфакс не мог быть девушкой. Что, полымя его возьми, принцу делать с девушкой?

Однако в следующее мгновение уединение чародейки нарушили. Неподалеку материализовался мужчина в черной мантии и бросился к ней.

* * *

Иоланта во все глаза смотрела на переливчато-синего крылатого зверя. На конскую голову, увенчанную острыми, чуть ветвистыми, как у молодого оленя, рогами; на шипастый хвост с алым кончиком.

Перитон с Пиратского берега.

Они были очень популярны в городах, но никак не в приграничных территориях. Что же этот перитон делал здесь именно тогда, когда она вызвала молнию?

— Что ты натворила?

Наставник Хейвуд! Он несся к ней; черная мантия школьного учителя вздымалась и опадала при каждом шаге.

— Я восстановила эликсир света, — ответила Иоланта. — И не беспокойтесь о воронке, я о ней позабочусь — и поставлю на место флагшток.

Она обладала властью и над землей, хотя, конечно, не такой, как над огнем и водой... и над молниями.

— Небо, что тут произошло? — послышался голос жившей в деревне миссис Гринфилд, также появившейся на скале. — С вами все в порядке, мисс Иоланта? Выглядите ужасно.

Учитель Хейвуд достал волшебную палочку, дернул Иолу за руку, чтобы она встала позади него, и наставил палочку на миссис Гринфилд, выкрикивая:

— *Obliviscere! Obliviscere! Obliviscere!*

«Obliviscere» — мощнейшее заклинание забвения... и использование его магами без медицинской лицензии запрещено законом. Миссис Гринфилд может потерять шесть месяцев, если не год воспоминаний!

— Что вы делаете?! — завопила Иоланта.

Миссис Гринфилд упала на колени, ее стошнило. Иола бросилась к бедной женщине, но

Хейвуд поймал ее за рукав:

— Ты пойдешь со мной.

— Но миссис...

Учитель мертвой хваткой сжал ее руку:

— Если хочешь жить, то сейчас же пойдешь со мной!

— Что?

Оба вздрогнули, услышав звук хлопающих у них над головами крыльев — перитон. Он вез седока. Иоланта прищурилась, чтобы получше рассмотреть, кто это, но в следующее мгновение увидела собственную входную дверь.

Учитель втолкнул Иолу в дом. Она споткнулась о порог.

В коридоре показалась голова миссис Нидлз:

— Учитель Хейвуд, мисс Сибурн...

— Выметайтесь! — зарычал Хейвуд. — Чтобы через секунду духу вашего здесь не было.

— Прошу проще...

Он вытолкнул миссис Нидлз из дома и захлопнул дверь. Затем втащил Иоланту в гостиную и направил волшебную палочку в потолок. Кончик палочки мелко дрожал.

Иоланта сглотнула:

— Объясните, что происходит!

В руки учителя из ниоткуда упала наплечная сумка.

— Я уже все объяснил. За тобой идет Атлантида.

Через открытые окна донеслось хлопанье крыльев перитона. У Иолы волосы встали дыбом.

— Что мне делать? — еле слышно прошептала она, крепко вцепившись в волшебную палочку.

И подпрыгнула от громкого стука во входную дверь.

— Учитель Хейвуд, немедленно откройте! — Голос принадлежал деревенскому распорядителю — миссис Оукблаф. — Вы арестованы за покушение на миссис Гринфилд, свидетелями которого были я и мистер Гринфилд. Мисс Сибурн, вы также пойдете со мной.

Наставник сунул сумку Иоланте:

— Не слушай ее. Тебе надо уходить.

Она поспешила вслед за ним. Сумка оттягивала руки.

— Что там?

— Не знаю. Я никогда ее не открывал.

«Но почему?»

В углу учительской спальни стоял большой дорожный сундук, который путешествовал вместе с ними с места на место. Когда опекун его отпер и откинул крышку, Иоланта впервые заглянула внутрь. И там оказалось совершенно пусто. Сундук-портал.

— Куда я должна отправиться?

— Этого я тоже не знаю.

Под ложечкой засосало.

— А что вы вообще знаете?

— Что ты подвергла себя ужасной опасности. — Учитель Хейвуд на секунду закрыл глаза. — А теперь полезай-ка внутрь.

Дом взорвался. Стены обрушились и обломки с грохотом разлетелись во все стороны. Иоланта закричала, бросилась на пол и накрыла голову сумкой. Осколки кирпичей и

штукатурки забарабанили по всему телу.

Когда пыль немного улеглась, Иола огляделась в поисках Хейвуда. Он лежал на полу среди обломков, из раны у него на голове сочилась кровь. Иоланта поспешила к опекуну:

— С вами все в порядке, учитель? Вы меня слышите?

Затрепетав, его веки медленно поднялись, и он уставился на подопечную мутным взглядом.

— Это я, Иоланта. С вами все в порядке?

— Ты почему еще здесь? — закричал Хейвуд, с трудом поднимаясь на ноги. — Полезай в сундук. Сейчас же!

Затем выхватил у нее дорожную сумку и швырнул ее в сундук. Глубоко вздохнув, Иоланта перелезла через высокий борт, но, едва учитель потянул за крышку, придержала ее рукой, не давая захлопнуть.

— Подождите, разве вы не пойдете со...

Он вдруг рухнул на пол.

— Учитель Хейвуд!

В клубах пыли и мела появилась дородная женская фигура — миссис Оукблаф. Она взмахнула волшебной палочкой. Бесвольное тело Хейвуда поднялось в воздух и, еле избежав столкновения с торчащим обломком потолочной балки, унеслось в соседнюю комнату, упав там с глухим стуком.

Миссис Оукблаф наступала на Иоланту.

* * *

Куда же они перескочили?

Деревня не была большой, но все же сорок-пятьдесят изб и коттеджей в ней насчитывалось. Местные бросили все свои дела и вытаращились на Марбл, тень которой скользила по черепице крыши и брусчатке улиц темным облаком, словно вестник смерти.

Принц обдумал сложившееся положение. Будь он отцом или охранником — явно понимающим последствия того, что натворила девушка, — ударился бы он в бега немедленно? Вряд ли. Для начала он бы вернулся в свое жилище, где ожидали рокового часа упакованная на подобный случай сумка и какое-либо средство, позволяющее быстро очутиться в безопасности.

Вот только где это жилище находится?

Принц пролетал мимо маленького домика, стоящего отдельно от остальных, когда краем глаза уловил какое-то движение. Он повернул голову, надеясь увидеть материализовавшихся мужчину и девушку. Однако перед строением стоял только один маг — не длинноволосая девушка, а коренастая женщина.

Разочарованный, принц продолжил поиски лишь для того, чтобы спустя минуту увидеть, как тот самый дом сильно затрясся, а затем его стены обвалились.

Принц заставил Марбл уменьшить скорость почти до полной остановки и совершил скачок на покосившееся крыльцо домика.

* * *

— Что вы делаете? — Иоланта хотела возмущенно крикнуть, но голос походил скорее

на хныканье.

— Впечатляюще, правда? — улыбнулась миссис Оукблаф. На ее квадратном лице не осталось и следа обычного выражения простоватой доброжелательности. — Вы не знали, что я когда-то участвовала в сносе зданий?

— Вы разрушили наш дом, потому что я сломала флагшток?

— Нет, потому что вы сопротивлялись аресту. А честь арестовать вас, юная леди, должна принадлежать именно мне — я слишком долго торчала в этом мерзком месте.

«Честь арестовать меня, не учителя Хейвуда». Миссис Оукблаф, которая вскоре должна была породниться с самыми непреклонными коллаборационистами и приверженцами Атлантиды во всем Южном приграничье, очевидно, верила, что за поимку Иоланты получит весомое вознаграждение.

Страх, бурлящий в душе, внезапно вышел из-под контроля. Иоланта дернула крышку сундука, но та не поддалась.

— Ну нет, я не позволю тебе так просто уйти, — покачала головой миссис Оукблаф.

И направила на нее свою палочку. Иоланта инстинктивно контратаковала. Стена огня с ревом устремилась к миссис Оукблаф.

* * *

Для начала принц окружил домик непроницаемым защитным барьером, дабы воспрепятствовать вторжению других незваных гостей. Входная дверь все еще стояла более-менее ровно, а вот стены вокруг нее обвалились. Принц переступил через мусор и обломки, валявшиеся на полу в прихожей, и еле успел уклониться от языков пламени, что с шумом рванули к нему навстречу.

Однако огонь его не тронул, а развернулся на полдороги и ринулся туда, откуда появился. Принц последовал за ним вглубь дома и застыл как вкопанный.

Дюжина пламенных вихрей, трещащих и шипящих, словно разъяренные змеи, атаковали разгромившую дом незнакомку, которая лихорадочно выкрикивала защитные заклинания. В высоком сундуке, нахмурившись и сосредоточенно размахивая руками, стояла девушка, с головы до ног покрытая пылью.

Несколько защитных заклинаний женщины сработало. Под их охраной она направила на девушку волшебную палочку.

И принц взмахнул своей. Женщина упала на вздыбленный пол, а юная чародейка, на секунду замерев с вытаращенными глазами, тут же вскинула обе руки и выбросила их вперед. Огонь с ревом устремился к принцу.

— *Fiat praesidium!* — Воздух перед ним уплотнился, чтобы принять на себя огненную атаку. — Отзови пламя. Я не причиню тебе вреда.

— Тогда уходи.

Резкое вращение запястьями — и стена огня приняла вид тарана.

Хорошо, что принц победил такое множество драконов.

— *Aura circumvallet.*

Воздух обволок пламенное орудие. Девушка взмахнула руками, пытаясь заставить огонь подчиниться, но тот остался опутан невидимыми оковами.

Она щелкнула пальцами, усиливая огненную мощь.

— *Omnis ignis unus,* — прошептал принц. — Пламя едино.

Новый шквал огня, вызванный девушкой, материализовался внутри темницы, созданной принцем.

Он подошел к сундуку. Проникшие в комнату сквозь сломанные стены солнечные лучи заплясали на крупинках штукатурки, висящих в воздухе. Один лучик высветил тонкую струйку крови на девичьем виске.

Чародейка дернула крышку, но принц не дал сундуку захлопнуться.

— Я не причиню тебе вреда, — повторил он. — Пойдем со мной. Я доставлю тебя в безопасное место.

Девушка бросила на него сердитый взгляд:

— Пойти с тобой? Я даже не знаю, кто ты...

Она запнулась и вздрогнула, внезапно осознав, кто перед ней. Тит Седьмой, правитель Державы. Его профиль красовался на всех монетах королевства. Его портреты висели в школах и административных зданиях — даже несмотря на то, что он еще не достиг совершеннолетия, и до вступления его на престол оставалось семнадцать месяцев.

— Ваше высочество, простите мою неучтивость. — Девушка ослабила хватку на крышке сундука, однако взгляд ее оставался настороженным. — Вы здесь по приказу Атлантиды?

Так значит, она знала, откуда ожидать опасность.

— Нет, — ответил Тит. — Инквизитор доберется до тебя только через мой труп.

— Меня ищет инквизитор?

— Еще как.

— Зачем?

— Я потом объясню. Нам надо убираться отсюда.

— Куда?

Принц оценил ее осмотрительность: лучше уж быть осторожной, чем наивной. Однако времени на подробные разъяснения не осталось. С каждой секундой их шансы исчезнуть незамеченными уменьшались.

— Пока что в горы. Завтра я выведу тебя из Державы.

— Но я не могу бросить опекуна. Он...

Слишком поздно. Марбл, ждущая в небе, издала высокий пронзительный крик: она заметила инквизитора. Тит открутил часть своего кулона и вложил девушке в ладонь нижнюю половину:

— Я найду тебя. А теперь уходи.

— Но как же учитель...

Он толкнул ее вниз и захлопнул крышку.

* * *

Как только сундук закрылся, его дно исчезло, и под Иолантой разверзлась бездна. Она падала в абсолютную темноту, молотя руками и ногами.

Магов часто смущает отнесение Державы в разряд скорее княжеств, нежели королевств. Державу уж точно нельзя назвать микрокоролевством: учитывая, что ее площадь составляет более сотни тысяч квадратных верст, это одно из самых больших магических королевств на Земле — и в прошлом одно из самых

влиятельных.

Легенда гласит, что в ночь перед коронацией Тит Великий, Объединитель Державы, увидел сон, в котором чей-то голос возвестил: «*Король мертв, и его род оборвался!*» Чтобы избежать подобной судьбы, он короновался под именем Его светлости, правителя Державы, назвавшись принцем вместо короля. Уловка сработала: он дожил до старости, продолжив свой род. Сегодня, когда большинство других монархов и принцев являются лишь номинальными главами своих государств, не имея реальной власти, дом Элберона представляет собой редкий феномен среди магических королевств, по-прежнему оставаясь правящей династией.

Из книги «Держава. История и обычаи»

Дождаться, пока перитон спустится вниз, не было времени. У Тита оставалось два варианта: позволить инквизитору увидеть Марбл, изловить ее и сообразить, что поблизости крутилась личная лошадь принца, или же перескочить на спину парившего в воздухе животного.

Скачок на движущийся объект — откровенная глупость. А уж когда движущийся объект находится на высоте двадцати пяти саженей над головой — вообще самоубийство. Но если его присутствие все равно обнаружится, принц предпочитал быть застигнутым наверху, с возможностью утверждать, что вниз он еще не спускался.

Тит нашел Марбл взглядом, глубоко вдохнул и совершил скачок туда, где, как он надеялся, она должна была оказаться.

Материализовавшись в воздухе, принц ощутил под собой пустоту. Его сердце замерло. Спустя долю секунды он рухнул на что-то твердое... Спину Марбл. По телу пробежала волна облегчения. Однако теперь не время расслабляться и трястись от запоздалого страха, вызванного близостью смерти. Тит сидел слишком близко к хвосту. Прикрикнув на Марбл, чтобы та летела ровно, принц прополз вперед по ее гладкой спине и направил волшебную палочку на домик, уничтожая непроницаемый круг.

За пределами круга уже столпились жители деревни, обсуждая между собой, стоит ли заходить внутрь. Уничтожение барьера развеяло последние сомнения. Люди ворвались в дом.

Не успел Тит схватиться за поводья, как появилась инквизитор со своей свитой. Спустя мгновение помощник инквизитора поднял руку, формально попросив спуститься.

Снижаясь, Тит воспользовался свободной минуткой, чтобы применить к себе разнообразные очищающие заклинания: его опасный трюк потерял бы всякий смысл, появившись он перед инквизитором в одежде, усеянной щепками и кусочками шпукатурки.

За домом начиналось поле. Крылья Марбл просвистели над самыми головами, заставив слуг инквизитора броситься наземь, спасаясь от перитонных шипов, отполированных конюхами до кинжальной остроты.

Марбл опустилась на землю, но Тит не торопился спешиваться: инквизитор, умышленно выказывая пренебрежение, до сих пор не вышла его встретить. Достав из седельной сумки два яблока, принц бросил одно из них Марбл, а сам откусил от второго. Сердце, все еще не вернувшееся к нормальному ритму, снова начало биться чаще.

Инквизитор была мастером извлечения секретов, а у Тита их накопилось слишком много.

Краем глаза он заметил, как она вышла из задней двери домика. Марбл зашипела — само собой, настолько умный зверь не мог не питать к инквизитору ненависти. Тит продолжил есть яблоко, спокойно и неторопливо, и спешил лишь после того, как выбросил огрызок.

Инквизитор поклонилась.

На публике к принцу по-прежнему проявлялось почтение — Атлантиде нравилось делать вид, будто они не тираны, а лишь первые среди равных. Поэтому Тит, не имея ни капли реальной власти, тем не менее именовался правителем Державы, а инквизитор, представитель Атлантиды, официально ничем не отличалась от любого другого посла

любого другого королевства.

— Мадам инквизитор, какое неожиданное удовольствие, — поздоровался Тит.

Ладони его вспотели, но голос оставался надменным. Тысячелетняя родословная принца уходила корнями к Титу Великому, объединителю Державы и одному из величайших магов, когда-либо державших в руках волшебную палочку. Родители инквизитора, если Тит не ошибался, торговали антиквариатом — и далеко не всегда настоящим.

Родословная мало на что влияла, когда дело доходило до способностей самого чародея — архимаги частенько оказывались выходцами из ничем не примечательных семей. Однако для обычных магов, особенно для инквизитора, хотя ее сложно назвать обычной, происхождение значило немало. Тит при любом удобном случае напоминал ей, что он самодовольный заносчивый юнец, который был бы никем и ничем, не родился он в некогда прославленном доме Элберона.

— В самом деле неожиданное, ваше высочество, — ответила инквизитор. — Южное приграничье далековато от мест, которые вы обычно посещаете.

Инквизитору было сорок с небольшим. На ее бледном лице особенно выделялись тонкие красные губы и жутковатые бесцветные глаза, над которыми изгибались почти незаметные ниточки бровей. Тит впервые увидел эту женщину лет в восемь и с тех пор до смерти ее боялся.

Он заставил себя выдержать ее взгляд.

— Я увидел из замка непрерывную молнию и, естественно, решил взглянуть, в чем дело.

— Вы быстро добрались. Как же вам удалось так скоро определить точное место удара молнии?

В голосе инквизитора отсутствовали всякие эмоции, но она буравила Тита тяжелым взглядом. Принц во всем винил свою мать. Инквизитора во что бы то ни стало необходимо убедить в легкомыслии Тита, вот только покойную принцессу Ариадну некогда тоже считали покорной — каковой, как оказалось, она никогда не была.

— Разумеется, при помощи бинокля деда.

— Разумеется, — согласилась инквизитор. — Дальность скачков вашего высочества достойна похвалы.

— Дальность у нас в роду, но вы совершенно правы, я в ней особенно преуспел.

Беззастенчивое хвастовство Тита заставило собеседницу скривиться. К счастью для принца, способность совершать скачки считалась чем-то сродни способности петь: даром, который никак не зависел от талантов чародея в области магии тонких сфер.

— Что вы думаете о том, кто вызвал эту молнию? — поинтересовалась инквизитор.

— Считаете, ее вызвал человек? — Тит закатил глаза. — Вы детских сказок не перечитали?

— Это магия стихий, ваше высочество.

— Вздор. Огонь, воздух, вода и земля — это стихии. Молния — ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое.

— Молнию можно посчитать союзом огня и воздуха.

— А грязь можно посчитать союзом воды и земли, — презрительно бросил принц.

Инквизитор стиснула зубы. По спине Тита потекла струйка пота. Он играл в рискованную игру, балансируя на тонкой грани между выведением инквизитора из себя и доведением ее до бешенства.

— А что здесь интересуется Атлантиду? — чуть менее надменным тоном спросил он.

— Атлантиду интересуют все необычные явления, ваше высочество.

— И что же ваши люди выяснили об этом необычном явлении?

Инквизитор вышла из дома. Значит, она уже осмотрелась внутри.

— Немного.

Тит направился к жилищу.

— Ваше высочество, я бы не советовала вам этого делать. Здание ненадежно и может рухнуть.

— Если оно достаточно надежно для вас, то и для меня тоже, — небрежно бросил он.

Кроме того, у него не было выбора. Торопясь убраться подальше, Тит не успел уничтожить все следы своего пребывания в доме. Нужно вернуться и обойти комнаты, на случай, если где-то остались отпечатки подошв его сапог, которые не затоптали жители деревни.

Январское восстание провалилось по многим причинам, и не последнюю роль среди них сыграло не слишком внимательное отношение предводителей восстания к мелочам. Тит не мог позволить себе совершать те же ошибки.

Он прошел по всему дому, инквизитор следовала за ним по пятам. Дом как дом, обычный, только книг много. Агенты инквизитора рыскали по всем комнатам, проверяя стены и полы, выдвигая ящики столов и открывая шкафы. Почти полдюжины агентов сгрудилось вокруг сундука, который, к счастью, кажется, был одноразовым порталом, не раскрывающим места назначения.

Перед крыльцом, на лужайке, охраняемой еще несколькими агентами, лежали опекун девушки и чародейка, разрушившая здание — оба по-прежнему без сознания.

— Они мертвы? — поинтересовался Тит.

— Да нет, очень даже живы.

— В таком случае им нужен врач.

— Который и осмотрит их в свое время — в Инквизитории.

— Это мои подданные. Зачем их забирают в Инквизиторий? — закапризничал принц, стараясь, чтобы в голосе звучала не забота о подданных, а раздражение от собственного бессилия.

— Мы всего лишь хотим допросить их, ваше высочество. И пока они будут находиться у нас, с удовольствием в любое время проводим к ним представителей Державы, — отозвалась инквизитор.

Уже лет десять, как в Инквизиторий не пускали никого из властей Державы.

— Могу ли я зайти к вам сегодня вечером, ваше высочество, — продолжила собеседница, — чтобы обсудить все, чему вы стали свидетелем?

По спине Тита побежала еще одна струйка пота. Значит, инквизитор все же подозревала его... в чем-то.

— Я уже рассказал обо всем, что видел. Кроме того, мои каникулы подошли к концу. Сегодня я возвращаюсь в школу.

— Мне казалось, вы собирались туда завтра утром.

— А мне казалось, что я волен приезжать и уезжать, когда мне вздумается, поскольку владею этой землей, — резко ответил Тит.

В глазах инквизитора он разглядел все те зверские пытки, которым ей хотелось бы подвергнуть принца в надежде превратить его в слабоумного идиота.

Однако она этого не сделает. Удовольствие, полученное от разрушения его разума, не

стоило проблем, которые могли за этим последовать, учитывая, что Тит, в конце концов, правитель Державы.

По крайней мере, так он себя успокаивал.

Инквизитор улыбнулась. Тит ненавидел ее улыбки чуть ли не больше, чем ее взгляды.

— Разумеется, ваше высочество может сам решать, когда и куда ему ехать, — согласилась она.

Его отпустили. Тит постарался, чтобы его облегченный выдох прозвучал не слишком громко.

Как только они вновь вышли на лужайку позади дома, инквизитор склонила голову в почтительном поклоне. Принц вскочил на Марбл, та расправила крылья и оттолкнулась от земли.

Но даже после того, как они поднялись в воздух и начали удаляться от деревни, Тит все еще ощущал на спине пристальный взгляд инквизитора.

* * *

Перемещение не было мгновенным. Иоланта продолжала падать. Некоторое время она кричала, но, осознав, что не чувствует бьющего в лицо воздушного потока, который показал бы, с какой скоростью она падает, замолчала. С таким же успехом она могла висеть на месте, лишь думая, что летит вниз, поскольку ощущала под собой пустоту.

Неожиданно Иоланта ощутила под собой нечто другое. Она приземлилась с глухим стуком, ушибив зад и заворчав от сотрясшего тело удара.

По-прежнему не было видно ни зги. Иоланта нащупала что-то мягкое, в нос ей ударили запахи пыли и засушенной лаванды. Сложенная одежда. Зарывшись руками поглубже, Иоланта наткнулась на поверхность, покрытую гладкой натянутой кожей. Под ней чувствовалось нечто твердое — по всей вероятности, дерево. Боясь наделать нежелательного шума, Иоланта не решилась постучать, чтобы проверить догадку.

Она продолжила изучать свое новое местоположение. Движения помогали удерживать страх — и желание поддаться панике — в узде. Если бы Иоланта попыталась осмыслить, что именно произошло за последние несколько часов, то взвыла бы от всей этой неразберихи. А если бы задумалась о судьбе учителя Хейвуда, то рассыпалась бы на мелкие кусочки от ужаса. Или чувства вины.

Опекун не страдал галлюцинациями под воздействием мериксиды. Он даже ничего не преувеличивал. А Иоланта предпочла не верить его словам.

По сторонам возвышались покрытые кожей стены, доходившие ей до плеча и увенчанные потолком, обитым той же простеганной кожей: Иоланта попала внутрь еще одного сундука.

Судя по всему, плотно закрытого. Она решила рискнуть и зажечь маленький огонек. Тот начал излучать тусклый красный свет, выхватив из темноты мощную щеколду, расположенную под щелью на стыке крышки и стены.

Наличие щеколды приводило в замешательство: получается, с ее помощью сундук запирался изнутри? По обе стороны от запора находились круглые деревянные диски. На одном Иоланта разглядела изображение глаза, на другом — уха. Очевидно, без разведки лучше не высовываться.

Иоланта потушила пляшущий на ладони огонек — его свет мог ее выдать — и нащупала

диски.

Сначала она коснулась изображения уха, но не расслышала ни звука. Иоланта передвинулась к смотровому отверстию, но увидеть тоже ничего не удалось. В комнате, где стоял сундук, было темно, словно на дне океана. Ни один предательский лучик не пробивался сквозь шторы на окнах.

Где бы Иоланта ни находилась, она, судя по всему, оказалась в полном одиночестве. Она нащупала и открыла щеколду. Затем подняла руки вверх и слегка надавила на крышку сундука.

Крышка чуть-чуть приподнялась и застряла. Иоланта толкнула сильнее и услышала металлический скрежет, но крышка не сдвинулась с места. Нахмурившись, Иоланта передвинула щеколду обратно и попробовала опять. На сей раз крышка вообще не пошевелилась. Значит, задвинутая щеколда не давала сундуку открыться. Но что мешало ему открыться, когда щеколда отодвинута?

У Иоланты похолодели кончики пальцев. Сундук был заперт снаружи.

* * *

Второй скачок за столь короткий промежуток времени заставил занервничать даже такую дисциплинированную лошадь, как Марбл. Как только они материализовались над Лабиринтными горами, она пронзительно заржала, закрыв глаза от боли. Титу пришлось из всех сил натянуть поводья, чтобы не врезаться в скалу, неожиданно выросшую у них на пути. Горы постоянно перемещались, и даже тем, кто хорошо с ними знаком, приходилось всегда быть настороже.

— Ш-ш-ш, — зашептал Тит. Они едва избежали катастрофы, и его собственное сердце тоже громко стучало. — Ш-ш-ш, старушка. Все в порядке.

Тит направил лошадь вверх, подальше от горных вершин, которые могли решить вырастить дополнительные отроги. Марбл подчинилась его командам, ее мощные мускулы сокращались при каждом взмахе крыльев.

Под ними, куда ни глянь, расстилались земли Державы. Лабиринтные горы рассекали остров пополам, будто покрытый чешуей спинной хребет доисторического монстра. По обе стороны от длинной горной цепи раскинулись сельские ландшафты: сочная зелень травы и розовые и светло-желтые точки цветущих фруктовых садов.

«Теперь ты, Тит, властитель этой земли и ее людей, — сказал на своем смертном одре дед Тита, принц Гай. — Не подведи их, как я. Не подведи свою мать так, как я подвел свою дочь».

Знай Тит тогда то, что ему известно сейчас, ответил бы старому ублюдку: *«Ты сам предпочел поставить собственные интересы выше интересов этой земли и этих людей. Ты сам решил обмануть ожидания моей матери. Надеюсь, ты как следует помучаешься там, куда отправляешься».*

Та еще семейка, их правящая династия Элберонов.

Поскольку инквизитор уже в курсе, что принц побывал на месте удара молнии, необходимость скрываться отпала. Как только на горизонте возник замок, Тит направил Марбл напрямик к посадочной арке на вершине.

Когда он спешил, Марбл издала жалобный крик. Тит торопливо потрепал ее крыло, обтянутое жесткой кожей.

— Я велю конюхам выгулять тебя. Ступай, милая.

Резкие порывы ветра трепали стены остроконечной башни замка. Тит с трудом добрался до входной двери и быстро сбежал на два пролета вниз по лестнице, ведущей в его апартаменты.

Наткнувшись на кучку слуг, как обычно, толпившихся у дверей, он рыкнул: «*К моему отъезду уже все готово?*» — и взмахом руки отослал тех, кто имел неосторожность последовать за ним.

Покои поражали размерами. Даже воспользовавшись секретными переходами, Тит лишь через пару минут смог добраться до глобусной комнаты, где в воздухе парила модель Земли четырнадцати локтей в диаметре.

Повинуясь взмаху волшебной палочки, двери захлопнулись, окна скрылись за плотными портьерами, а с пола поднялась стена густого тумана. Туман не тронул лишь пространство между принцем и глобусом. Тит осторожно коснулся шара половиной кулона, все еще висящего у него на шее. Пальцы наткнулись на что-то горячее и зернистое... Наверное, пустыня Калахари.

Воздух между кулоном и глобусом задрожал. Тит отступил назад и присмотрелся. В тысяче верст на северо-восток от того места, где он стоял — прямо посреди немагического государства, — светилась ярко-красная точка.

Чтобы ограничить влияние изгнанников, Атлантида установила тотальный контроль над путешествиями между магическими и немагическими королевствами. Большинство порталов подверглись уничтожению. Сундук девушки должен был использовать совершенно уникальную магию... Или же кто-то позаботился о лазейке для этого портала.

Чародейку могло забросить куда-угодно. Однако сегодня Титу улыбнулась удача, и сейчас девушка находилась всего в сорока верстах от его школы. Если повезет, он найдет ее в течение часа.

Разогнав туман, Тит вызвал Далберта, своего камердинера и главного шпиона в одном лице. Необходимо было покинуть дворец как можно быстрее — прежде, чем инквизитор пустит по его следам еще больше агентов.

— Ваше высочество.

В дверном проеме возник Далберт — мужчина средних лет, за круглым симпатичным лицом которого скрывался беспощадный дар к сбору информации.

Последние восемь лет он постоянно и незаметно снабжал Тита фактами и слухами, держа своего хозяина в курсе всего происходящего в Державе и за ее пределами и при этом продолжая заботиться о его личных нуждах. Тем не менее Тит никогда с ним не откровенничал.

— Через двадцать минут на Слау прибудет поезд. Я планирую на нем быть. Позаботься об этом.

— Слушаюсь, ваше высочество. И, сир, принц Алект и леди Калиста ожидают внизу. Они просят аудиенции у вашего высочества.

Регент с любовницей жили в Деламере, столице Державы, и редко достаивали горную Цитадель принца своим присутствием.

Тит вполголоса выругался.

— Проводи их в тронный зал... и прикажи Вудкину заняться Марбл.

Далберт поспешно покинул комнату. Тит спустился двумя уровнями ниже, по дороге натянув на себя дневной мундир. За исключением особо пышных официальных церемоний

принц редко входил в тронный зал — находиться в комнате, которая должна символизировать законность и величие его положения, оставаясь, в сущности, марионеткой, казалось просто смешным. Однако сегодня ему хотелось побыстрее избавиться от гостей, а тронный зал не располагал к длительным беседам.

Потолок здесь, поддерживаемый двумя рядами белых мраморных колонн, вздымался ввысь на семь саженей. На помосте высотой по пояс возвышался обсидиановый трон. Тит прошел мимо него и направился к сводчатым окнам. В ста пятидесяти саженях под ним лежало ущелье, высеченное голубой речкой, что питалась талыми водами. Вдалеке, словно неспешные волны, перекатывались с места на место фиолетовые горные вершины.

Алект и леди Калиста появились на двух из четырех низких пьедесталов, при помощи которых желающие получить аудиенцию посетители перемещались из приемной в тронный зал.

Алект, доводившийся деду Тита младшим братом, был привлекательным мужчиной пятидесяти восьми лет с гибкими моральными принципами. А леди Калиста слыла величайшей чародейкой-прелестницей среди своих ровесниц. Лучшей за последние три сотни лет, по свидетельствам различных источников.

Возраст леди Калисты приближался к сорока годам, однако в отличие от многих других чародей-прелестниц она не прибегала к услугам сомнительной магии, чтобы сохранять внешний вид двадцатилетней. Наоборот, она достойно встречала старость, позволив нескольким морщинкам появиться на лице и при этом продолжая утверждать свою власть над легионами сердец.

С тех пор, как Алекта назначили регентом, леди Калиста стала его любовницей. Кое-кто поговаривал, мол, Алект даже сделал ей предложение, но она ему отказала. Она была главной хозяйкой столицы, верховным судьей в вопросах стиля, щедрой покровительницей искусств... и агентом Атлантиды.

Алект отвесил поклон. Леди Калиста присела в реверансе.

— Чему я обязан удовольствием от вашего визита? — спросил Тит, не предложив им ни присесть, ни освежиться.

Прямота принца удивила Алекта. Не имея желания вступать в конфронтации и любого рода споры, регент перевел взгляд на любовницу.

Леди Калиста улыбнулась. Ходили слухи, что любовные письма ей и по сей день привозили целыми тачками. В ее улыбке наличествовала изрядная доля мастерства. Эта улыбка могла заставить мальчишку, ничего не сделавшего в своей жизни, почувствовать себя опытным и важным... даже зрелым.

Тит ощутил лишь отвращение — вероятнее всего, именно леди Калиста предала его мать, сообщив инквизитору о тайном участии принцессы в Январском восстании.

— Мы получили записку от инквизитора, — пояснила леди Калиста приятным полупшепотом. — Ее превосходительство озабочена тем, что редко вас видит. Вы ей довольно сильно нравитесь, ваше высочество.

Тит закатил глаза:

— Она слишком много о себе воображает. Какое мне дело, любит она меня или нет? Она была никем, прежде чем Лиходей вытащил ее из неизвестности.

— Однако сейчас она инквизитор и может доставить массу неприятностей.

— С чего бы ей это делать? Она хочет спровоцировать новое восстание?

При слове «восстание» улыбка леди Калисты слегка поблекла, но тут же вновь стала

теплой и участливой.

— Разумеется, она этого не хочет, ваше высочество. Как только вы достигнете совершеннолетия, вам придется часто с ней встречаться. Она надеется на вежливое, продуктивное и взаимовыгодное сотрудничество.

— Я высоко ценю вашу дипломатичность, — отозвался Тит, — однако не вижу смысла в приукрашивании действительности. Я терпеть не могу эту выскочку, а она завидует мне и таит на меня обиды. Сберегите мое время и скажите, чего она хочет на самом деле.

Услышав эту речь, Алект поперхнулся и закашлялся. Сам он никогда не испытывал проблем с выказыванием инквизитору почтения. У регента плохо получалось удерживать власть в своих руках, но он стремился к наделенным ею людям, словно виноградная лоза, что тянется к опоре. И, будучи по сути своей паразитом, Алект, по всей вероятности, становился лишь счастливее по мере увеличения инквизиторской власти.

Следующая улыбка леди Калисты получилась натянутой. Неужели инквизитор скверно с ней обходилась? Обычно улыбки регентовой любовницы выглядели совершенно естественно.

— Инквизитору хотелось бы обсудить с вами то, что вы видели сегодня днем.

— Ничего я не видел — я же уже ей говорил.

— Тем не менее она полагает, что с ее помощью вы могли бы припомнить еще что-нибудь.

— И я по-прежнему смогу самостоятельно ходить в туалет после того, как оправлюсь от ее «помощи»?

Методы инквизитора повсеместно внушали ужас.

— Уверена, она обойдется с вами с предельной учтивостью и предупредительностью, сир.

Тит обдумал свое положение. Он должен безотлагательно покинуть замок. И все же инквизитора тоже надо как-то умиротворить.

— Через несколько дней состоится ваш весенний раут. Я буду присутствовать там в качестве почетного гостя. Вы можете пригласить инквизитора. Во время раута я предоставлю ей короткую аудиенцию.

На протяжении года принц выступал на различных государственных и благотворительных приемах, которые обычно были посвящены детям и молодежи. Раут немного отличался от подобных мероприятий, но так Тит возбудит любопытство, а не споры.

Леди Калиста открыла было рот, но Тит ее опередил:

— Полагаю, вы признательны, что я возьму на себя труд встретиться с ней.

Пора бы ей припомнить, что он все еще ее правитель.

— Разумеется, — пробормотала гостья, и на ее лице вновь расцвела магическая улыбка.

Дальнейший разговор, перед тем как Тит отпустит гостей, теперь свелся к простым формальностям.

— Есть еще какие-то вопросы, требующие моего внимания?

— Выбор новой мантии, в которой я появлюсь на рауте, — сказал Алект, радуясь, что любовница выполнила данное ему поручение. — Я не могу решить, на какой остановиться, а леди Калиста утверждает, что у нее слишком много других забот.

— Перед раутом моего внимания требуют тысячи мелочей, — возразила леди Калиста тоном, в котором явно слышалось «хоть ты и дурачок, но я все равно безумно тебя люблю».

— Закройте глаза и ткните пальцем наугад, — посоветовал Тит, силясь скрыть нетерпение в голосе.

— В самом деле, действительно, — согласился Алект, — такой же хороший метод, как и любой другой.

— Приятного дня, — попрощался Тит, до боли сжимая челюсти в попытке остаться вежливым.

Алект поклонился. Леди Калиста присела в реверансе. Они взошли на пьедесталы и исчезли, вернувшись в находящуюся внизу приемную.

Тит облегченно выдохнул и бросил взгляд на часы: у него оставалось десять минут, чтобы успеть на поезд.

Однако леди Калиста вновь появилась в зале с соответствующим случаю извиняющимся видом.

— Прошу прощения, сир, кажется, я позабыла свой веер. А, вот же он.

«Ну что ей еще нужно?»

— Знаете, какие любопытные известия я только что слышала, сир? — спросила леди Калиста. — Что молния, которую вы видели, была вызвана великим магом стихий — девушкой примерно вашего возраста.

Ну разумеется, она спросила его о девушке — какой бы приспешник инквизитора не спросил? Тит напустил на себя скучающий вид.

— И что с того?

— Эта девушка может оказаться крайне важной.

— Для кого?

— Атлантида не тратит свое время попусту. Если инквизитор хочет ее найти, должно быть, она представляет какую-то ценность.

— И зачем вы мне об этом рассказываете, миледи?

Леди Калиста подошла к Титу и коснулась его руки. Стоя так близко, он ощутил исходящий от нее неуловимый, но все же сильный аромат нарциссов.

— Сир, вас не волнует, что инквизитор на полпути к тому, чтобы найти эту девушку, которая, по всей вероятности, крайне важна?

Мало кто из подданных принца прикасался к нему без особого на то дозволения. Леди Калиста отважилась на сей риск, поскольку когда-то являлась ближайшей подругой принцессы Ариадны. Прикосновение было по-матерински теплым, а лицо леди выражало внимание, которого вечно занятая мать Тита никогда не показывала.

Тит отшатнулся:

— Мадам, если вы ищете кого-нибудь, кто даст отпор инквизитору, вы смотрите вовсе не на того человека. Я наследник благородной династии, давным-давно пережившей свое время славы. Это достаточно тяжелое бремя. Я не собираюсь возглавлять какое-то идеалистическое общее дело, у меня на это нет ни желания, ни таланта.

— Не глупите, сир, — тихо рассмеялась леди Калиста. — Никого подобного я не ищу. О небо, да зачем мне хотеть пошатнуть текущее положение дел, если оно меня целиком устраивает?

Она развернулась, взошла на пьедестал и присела в еще одном реверансе:

— Однако, если вы вдруг когда-нибудь надумаете возглавить идеалистическое общее дело, сир, обязательно дайте мне знать. Стабильность рано или поздно утомляет.

Деление на магов и немагов никогда не было абсолютным вследствие того, что исчезающие общины магов отказывались присоединяться к более многочисленным магическим сообществам и со временем распадались.

Когда-нибудь немаги с их растущими возможностями в науке и технике смогут стать угрозой для волшебного рода. Однако на протяжении многих веков наибольшую опасность для магов всегда представляли им же подобные. Ни одна успешная охота на ведьм не обходилась без участия чародеев, желающих извлечь собственную выгоду. Именно поэтому маги, обитающие в немагических государствах, подчиняются целому ряду строжайших предписаний.

Изгнанные после Январского восстания избрали любопытный план действий. К тому времени, как мятеж был подавлен, не осталось ни одного магического королевства, куда могли бы податься его сторонники: Атлантида стала властителем всего магического мира. Поэтому изгнанники приняли решение жить среди немагов, строя планы своего возвращения.

Из «Хронологии Последнего Великого Восстания»

Ныне термин «чародейка-прелестница» утратил свое первоначальное значение.

С одной стороны, к чародейкам-прелестницам временами относили леди, блистающих на сцене и щеголяющих в модных нарядах. С другой — этот термин также стал эвфемизмом для слова «проститутка» к вящей досаде настоящих чародеек-прелестниц, полагающих, что их никак нельзя сравнивать с обычными девицами легкого поведения.

В контексте данной книги мы останемся верны классическому определению чародейки-прелестницы: очень красивой женщины с изысканным вкусом, весьма сведущей в музыке, литературе и гуманитарных науках, которая в состоянии поддерживать интеллектуальную беседу почти на любую тему. Она может зависеть или нет от щедрости своего покровителя, но содержит себя лишь благодаря собственной привлекательности.

Из книги «Возвышенная красота. Семь прекраснейших чародеек-прелестниц всех времен и народов»

На самом высоком чердаке замка находилось любопытное транспортное средство: черный лакированный железнодорожный вагон для личного пользования. Внутри стены были обтянуты небесно-голубым шелком, стояла пара мягких кресел, обитых кремовой парчой. Столик рядом с ними уже накрыли к чаю, из фарфорового носика вился пар.

Тит, неся в руках клетку с канарейкой, вошел в вагон, что связывал его с другой жизнью. Он прямо ощущал, как в глубине пока еще далекого парового двигателя горит уголь, и слышал грохот колес по рельсам.

Далберт принес багаж принца и закрыл дверь вагона.

— Не желаете чего-нибудь выпить на дорожку, сир?

— Благодарю, но, право, не стоит.

Далберт взглянул на часы:

— Приготовьтесь, сир.

Камердинер опустил большой рычаг, и вагон затрясло. В следующую секунду транспорт переместился из тихого склада на самой вершине замка за тысячи миль на землю Англии, присоединившись к поезду, что отошел от лондонской станции Мэншен Хаус всего три четверти часа назад.

— Через пять минут прибудем в Слау, сир.

— Благодарю, Далберт.

Тит встал с места и подошел к окну. Снаружи моросило — снова дождливая английская весна. Окрестности зелены и туманны, а ход поезда ритмичен и действует не хуже сонного порошка.

Странно. Впервые прибыв в немагический мир, Тит возненавидел здесь все: запахи сажи и нечистот, безвкусную еду, непонятные традиции. Однако сейчас, проучившись в немагической школе почти четыре года, он считал этот мир своим убежищем. Сюда Тит сбегал, насколько подобное вообще возможно, от гнета Атлантиды. И от гнета своей судьбы.

Два пронзительных паровых свистка отметили прибытие поезда в Слау. Далберт опустил портьеры на окнах и отдал принцу сумку:

— Да пребудет с вами Фортуна, сир.

— Да услышит Фортуна твоё пожелание.

Далберт поклонился, Тит в ответ тоже склонил голову и совершил скачок.

* * *

Ни одно из известных Иоланте заклинаний отпирания не сработало. Над деревом у нее не было власти, а вода, как и огонь, здесь бесполезны. От пламени легко защититься, но, если поджечь сундук снаружи или изнутри, можно наглотаться дыма.

«Придется ждать, пока кто-то не вызволит меня из ловушки».

Иоланта редко поддавалась панике, но теперь ощущала, как грудь распирает от истерики, выдавливая воздух и все, кроме желания кричать без умолку.

Вместо этого она очистила разум и стала дышать размеренно, пытаясь чуть успокоиться.

«Я нужна инквизитору?»

Да, и очень».

Инквизитор была фактическим наместником Лиходея в Державе. Однажды в раннем детстве Иоланта спросила учителя Хейвуда, почему маги так боятся инквизитора.

Ответ наставника она не забыла и по сей день: *«Потому что подчас страх — единственная подобающая реакция».*

Иола содрогнулась. Если бы только она послушалась учителя! Тогда с эликсиром света ничего бы не случилось, и ей бы не пришлось вызывать ту молнию.

Иоланта спрятала лицо в ладонях. Что-то холодное и тяжелое прижалось к коже между бровями: кулон, который принц дал ей, прежде чем отправил через портал.

В свете искорки огня Иоланта увидела, что кулон полуовальный и сделан из блестящего серебряно-белого металла с почти стертým узором на крышке. Сначала он был ледяным на ощупь, и даже близость огня не повлияла. Затем по какой-то непонятной причине вдруг согрелся до комнатной температуры.

Из произошедшего сегодня только мучительная неосведомленность учителя Хейвуда сбивала с толку даже больше, чем появление принца.

Опекун знал, что Иоланту нужно скрывать от вездесущих глаз Атлантиды, и приготовил для нее какие-то вещи на случай внезапного побега. Как же он мог не знать, куда она отправится и что лежит в сумке?

Точно, сумка!

Иоланта сунула кулон в карман, вызвала еще огня, стараясь не опалить волосы и одежду, и принялась рыться в сумке. Она нащупала ткань, кожу, шелковый мешочек со звенящими монетами и, наконец, конверт, в котором лежало письмо.

«Моя дорогая Иоланта,

Я только что вышел из твоей комнаты. Через неделю тебе исполнится два года. Когда я закрыл за собой дверь, ты спала сладко, будто ангелочек, под тихо баюкающим тебя поющим покрывалом.

Я желаю тебе благополучного, спокойного будущего. Больно думать, что когда-нибудь ты, еще дитя, но уже одинока, будешь читать это письмо.

(Интересно, как проявится твоя сила? Повернешь ли ты вспять речку Деламер? Устроишь ураган в погожий солнечный денек?)

Каждую ночь я молюсь, чтобы до этого никогда не дошло, но ради всеобщей безопасности передам воспоминания о некоторых событиях хранительнице памяти. Послезавтра я буду лишь знать, что нельзя позволить Атлантиде выяснить, насколько сильны твои способности, а если не выйдет — значит, необходимо отправить тебя подальше от непосредственной угрозы.

Ты, несомненно, желаешь получить объяснения, но их я не осмелюсь записать из боязни, что это письмо попадет не в те руки, несмотря на все мои предосторожности. Помни одно: держись подальше от всех агентов Атлантиды. Любой преследующий тебя маг хочет воспользоваться твоими способностями.

Никому не доверяй.

Никому не доверяй, кроме хранительницы. Она тебя найдет и будет защищать до последнего вздоха. Чтобы ей помочь, оставайся там, где находишься, как можно дольше. Меня заверили, что принимающий портал расположен в безопасном месте. Но ради всего святого, будь бдительна. Осторожность не бывает излишней. И что бы ты ни делала, не повторяй то, что привлекло к тебе внимание Атлантиды.

Береги себя, Иоланта, береги. И не отчаивайся, тебе помогут.

Как же я хочу обнять тебя и заверить, что все будет хорошо.

Однако мне остается только горячо молиться, чтобы Фортуна тебя не покидала, чтобы ты нашла в себе невероятную силу и встретила неожиданных друзей на этом опасном пути, которым ты отныне должна следовать.

С любовью,

Горацио.

P.S. Я наложил на тебя заклинание неповторимости. Портрет твой сделать невозможно, поэтому Атлантида не сможет разыскивать тебя по фотографии или рисункам.

P.P.S. Не волнуйся обо мне».

Как же о нем не волноваться? Инквизитор придет в ярость, когда поймет, что учитель Хейвуд намеренно отказался от воспоминаний, чтобы сбить ее со следа. И если...

Из раздумий Иолу вывел глухой удар по полу, вибрация от которого отозвалась в спине. Она сунула письмо учителя обратно в сумку и потушила огонь. На мгновение повисла тишина, а затем — еще один удар. Иоланта стиснула в руке свою палочку и сдвинула диск, закрывающий смотровое отверстие. Часть пола поднялась — открылся люк. Значит, это чердак. Из щели полился свет, озаривший ящики, сундуки и полки, заполненные рядами пыльных диковинок.

Со скрипом петель крышка люка поднялась еще выше. Сначала на чердаке появился фонарь, а потом и женщина с волшебной палочкой. Незнакомка держала его высоко, и свет становился все ярче и ярче, достойно соперничая с ослепительным полуднем.

Иоланта сощурилась из-за слепящего сияния. Незнакомке на вид было лет сорок: весьма привлекательная, с глубоко посаженными глазами, высокими скулами и широким ртом. Очень светлые, почти белые в режущем-ярком свете, волосы уложены на макушке. А бледно-голубого платья такого покроя Иоланта в жизни не видела: застегнутое на пуговицы до подбородка, в талии всего вершок, с длинными узкими рукавами, обшитыми кружевом.

Кто это? Может ли она, по счастью, оказаться той самой хранительницей памяти, что должна найти Иоланту?

— Вот ты и явилась наконец! — процедила незнакомка сквозь стиснутые зубы.

Сердце упало. Незвестная говорила мрачно, даже угрожающе и направила волшебную палочку на сундук. Что-то лязгнуло и со звоном стукнулось об пол. Защелки? Нет, цепи. Иоланта увидела через отверстие крепкие металлические звенья.

— *Aperi*, — приказала женщина; сняв цепи, она теперь использовала простейшее заклинание отпирания.

Прислушавшись к скрытому чутью, Иоланта сжала задвижку. Переезжая три раза за семь лет, она научилась читать людей: кем бы ни была эта чародейка, добра от нее не жди.

Задвижка дернулась в руке, но Иола удерживала ее на месте.

— *Aperi*, — повторила незнакомка.

Задвижка снова пошевелилась.

Женщина нахмурилась:

— *Aperi maxime*.

На этот раз задвижка дернулась и рванулась, будто пойманное животное, жаждущее сбежать. У Иоланты заболели пальцы от усилий не дать сундуку открыться.

Наконец задвижка застыла, но Иола едва успела вздохнуть, как женщина крикнула:

— *Frangare!*

Этим заклинанием пользовались каменщики, чтобы раскалывать пополам валуны. Наверное, на сундук были наложены защитные чары, так как он не то что не открылся, а даже не треснул ни чуточки.

— *Frangare! Fragnare! Fragnare! Fragnare!* — снова и снова кричала женщина.

Руки Иоланты похолодели от страха. С сундуком ничего не случилось.

Но надолго ли?

Она попыталась совершить скачок... и не сдвинулась ни на йоту: в домах уважающих себя магов подобное невозможно.

Незнакомка положила фонарь, сжала лиф своего платья, будто от сильной усталости, и медленно произнесла:

— Совсем забыла... Он же создал неразрушимый сундук, чтобы я не смогла от него избавиться.

Значит, где-то должен быть мужчина. Вдруг хоть он поможет?

— На смертном одре он попросил меня поклясться на крови, что я буду защищать тебя, словно дитя родное с того времени, как впервые увижу, — тихо продолжала женщина. Затем рассмеялась так, что кровь стыла в жилах. — Он слишком многого хотел!

Незнакомка вскинула голову, на лице ее замерло холодное и бесстрастное выражение, а глаза лихорадочно горели.

— Ради тебя он потерял свою честь! Ради тебя он уничтожил всех нас!

Кто эта сумасшедшая? И разве можно считать этот дом безопасным местом?

Женщина подняла волшебную палочку, и цепи снова оплели сундук. Она беззвучно шевелила губами, словно молилась.

Иолтанта затаила дыхание. Какое-то время ничего не происходило, а затем кончики ее волос задрожали. Сундук был заперт, Иола не шевелилась, так почему двигался воздух? Причем двигался в одном направлении: из сундука.

Злодейка собиралась задушить Иоланту прямо здесь.

А воздух — единственная стихия, над которой у нее совсем не было власти.

* * *

Кулон согрелся в Англии и стал еще горячее, когда Тит перенесся в Лондон.

Многие изгнанные из Державы решили осесть именно здесь — в единственном уголке Британии, который напоминал им Деламер. И девушка должна была появиться в жилище кого-то из изгнанников.

Город находился во власти одного из печально знаменитых туманов. Принц неплохо видел в своих противотуманных очках, а вот его ковер-самолет снизу разглядеть никто не мог.

Прежде ковры-самолеты были самым быстрым, удобным и комфортабельным способом путешествовать. Однако теперь, в эпоху моментальных перемещений, они стали антиквариатом, которым восхищались, но почти не пользовались. Тоненький коврик Тита, меньше аршина в ширину и всего два в длину, когда-то считался детской игрушкой — и то не самым летать, а кукол возить.

Он пролетел над городским домом Розмари Альгамбра, предводительницы изгнанников, но кулон никак не изменился. Потом проверил жилище Хитмуrow,

считавшихся самыми могущественными чародеями среди изгнанников. Опять ничего. Тит направился к дому помощника Альгамбра, и тут кулон вдруг нагрелся.

Принц как раз пролетал над Гайд-парк-корнер. Поблизости жила лишь одна семья чародеев — Уинтервейл. Не может быть. Никто в здравом уме не доверил бы девушку леди Уинтервейл!

Но когда Тит покружил над ее домом, кулон стал таким горячим, что пришлось вытащить его из-под рубашки, дабы не обжечь кожу.

Тит знал, что этот дом — одно из самых защищенных частных жилищ. К счастью — повезло! — принц учился вместе с сыном хозяйки, Лиандром Уинтервейлом, и попасть в дом можно было из его комнаты в школе.

Тит приземлился на ближайшую крышу, снял противотуманные очки и, скатав ковер-самолет в тугой рулон, запихнул его под мышку. Затем перескочил в дом при школе, а именно — в перманентно пустую комнату Арчера Фэрфакса.

Выглянув в окно, Тит увидел за домом Уинтервейла и его приятеля — индийца Мохандаса Кашкари. Дождь превратился в туман. Кашкари, поспокойней из двух друзей, стоял на месте, а Уинтервейл бродил вокруг него, разговаривая и жестикулируя.

Чудесно, теперь не нужно придумывать, как бы выманить Ли из его комнаты. Тит чуть приоткрыл дверь и выглянул наружу.

Многие ученики уже вернулись. Несколько ребят толпились в дальнем конце коридора, решая, пойти ли в «Аткинс» купить съестного, и, наконец определившись, потопали вниз по лестнице.

Когда коридор опустел, Тит бросил свой транспорт на пол — после некоторых усовершенствований ковер выдерживал вес принца, но не поднимется еще и с девушкой, — миновал четыре комнаты и, проскользнув в покои Уинтервейла, залез в узкий шкаф и закрыл дверь.

— *Fidux et audax.*

Тит снова открыл дверь и вышел в комнату Лиандра в лондонском городском доме. Коридор снаружи пустовал. Принц добрался до лестницы: при спуске кулон холодел, а при подъеме становился еще горячее.

Тит побежал вверх по ступенькам.

* * *

В сундуке еще оставался воздух, но и он улетал прочь с тихим свистом. Дышать уже было так трудно, словно легкие придавило валуном.

«Вскоре эта сумасшедшая погрузит меня в вакуум». Руки Иоланты затряслись. Она выглянула в смотровую щель, в панике ища хоть что-то, чтобы спастись.

Вот! На полке в укромном уголке чердака среди пыльных металлических инструментов стояла каменная статуэтка.

Иоланта не умела управлять керамикой, так как обработка глины меняла ее свойства, но обладала властью над камнем. Она подняла статуэтку над полкой и взмахом руки бросила прямо женщине в затылок.

Та вскрикнула и с грохотом уронила на пол волшебную палочку. Однако вовсе не потеряла сознание, как надеялась Иоланта, а только, сделав несколько спотыкающихся шагов, налетела на сложенные у стены ящики.

Пока Иола сомневалась, стоит ли снова нападать на ослабевшую женщину, та уже подняла палочку:

— *Exstinguare!*

Каменная статуэтка обратилась в прах.

— И чем ты теперь воспользуешься? — спросила незнакомка с ледящей душу улыбкой.

Внезапно воздуха в сундуке стало так мало, что закружилась голова. Будто кто-то сунул Иоланту лицом в мокрый цемент. Сколько она ни старалась, вздохнуть так и не удалось.

Она едва-едва заметила, как что-то обожгло левое бедро, а потом все погрязло во тьме.

* * *

Оказавшись под открытым люком, Тит услышал панический женский шепот:

— Что ты сделала? Ты же помнишь, что нельзя? Тебе нельзя снова убивать.

Сердце пронзил страх. Леди Уинтервейл — жуткий параноик, и далеко не всегда можно положиться на ее рассудок. Неужели Тит опоздал?

Он опутал скрипучую лестницу подавляющим звук заклинанием и поднялся. А едва увидел леди Уинтервейл, направил на нее палочку и одними губами прошептал: «*Tempus congelet*», не желая, чтобы сумасшедшая услышала его голос до того, как ее охватят чары остановки времени.

Если заклинание вообще сработает. Тит никогда не использовал его в реальности.

Леди Уинтервейл застыла. Он бросился мимо нее к сундуку.

— Ты там? С тобой все в порядке?

В сундуке было тихо, как в гробу.

Тит выругался. Цепи не поддались на первые несколько заклинаний. Он снова выругался. Можно было, конечно, заговорить оковы, но времени почти не осталось. Чары останавливали его самое большее на три минуты. И девушку, если она еще жива, нужно было выпустить немедленно.

Осмотревшись, Тит не нашел ничего подходящего. Однако вскоре заметил, что цепи не опутывают все, а прикреплены к пластинам, прикрученным болтами к боковой стенке сундука. И магия, связующая пластины, оказалась достаточно простой, чтобы сработали чуть усиленные разъединяющие чары.

Тит сшиб цепи, но крышка поднялась лишь на миллиметр. Что там еще мешает?

— *Aperi.*

Что-то щелкнуло, и Тит приоткрыл сундук. Девушка лежала так, что лицо скрылось под растрепанными волосами.

Все вылетело из головы принца. «*Она же не мертва, правда?*»

Сунувшись в сундук, он поднял безвольную руку и поискал пульс. Сердце екнуло, когда Тит нащупал слабое биение.

— *Revisce!*

Никакой реакции.

— *Revisce forte!*

Девушка содрогнулась всем телом, медленно подняла голову и, открыв глаза, пробормотала:

— Высочество.

Тит ослабел от облегчения. Но прохладиться некогда.

— Подожди, я тебя вытащу. *Omnia interior vos elevate!*

Содержимое сундука воспарило: и сама девушка (что от неожиданности вскрикнула и заметалась), и ее палочка, и сумка, и множество одежды, скорее всего, уложенной и запертой здесь с самого начала. Все вещи были магическими. Если сундук передали на хранение Уинтервейлам, то произошло это до их изгнания.

Тит подхватил девушку, волшебную палочку и сумку, и позволил всему остальному упасть в сундук. Быстрый взмах — и крышка захлопнулась. Отменяющее заклинание вернуло все пластины и цепи на место. А Тит со своей ношей уже спускался вниз, бросив через плечо: «*Omnia deleantur*», чтобы стереть свои следы на полу и везде, где он мог оставить их на пыльном чердаке.

— Она тебя ранила? — спросил Тит, едва добравшись до лестницы.

— Вытянула весь воздух из сундука.

Он посмотрел на девушку в своих объятиях. Дышала она с трудом, но демонстрировала недюжинное самообладание, учитывая, что на нее только что покушались. Или ей просто не хватало воздуха для истерики.

— Почему она хотела меня убить? — прохрипела девушка.

— Не знаю, но она не в себе: ее отец и сестра погибли во время восстания, и супруг тоже умер молодым.

В покоях Лиандра, двумя этажами ниже, Тит устроил свою ношу на постели и открыл окно напротив, куда тут же заполз туман.

— Чем это пахнет?

— Лондоном.

— Лондоном, который в Англии?

Тит обрадовался, что у чародейки имелись хоть какие-то познания в немагической географии.

— Да. Вот, дай мне...

Из шкафа послышался звук: туда кто-то перенесся. Должно быть, заклинание перестало действовать, леди Уинтервейл увидела пустой сундук и вызвала сына. Тит закрыл окно, стащил с кровати девушку и прижал ее к стене в темном закутке за шкафом.

У нее хватило мозгов не двигаться и не издать ни звука.

Из открывшегося гардероба выскочил Уинтервейл. Сердце Тита защемило: сумка чародейки лежала на виду у подоконника, куда он сам ее бросил, открывая окно. Но Ли не обратил внимания на обстановку и выбежал в коридор.

Тит задержался на мгновение, чтобы успокоиться.

— Поспеши.

Окно глубоко утопало в фасаде дома. Принц снова открыл створку и поднял девушку на карниз. Потом, с ее сумкой, сам выбрался наружу, прикрыл окно и запер его заклятьем.

Кругом витал туман. Девушка потерялась в густых горчичного цвета испарениях. Тит попытался ее нащупать, но коснулся лишь прядей волос.

— Дай мне руку.

Она вложила свою ладонь в его. Пальцы чародейки были холодными и не дрожали.

— Я не думала, что вы действительно придете.

Тит вздохнул:

— Значит, ты меня плохо знаешь.

И вместе с ней совершил скачок.

Вскоре после появления скачков, чародеи поняли, что новый революционный способ путешествий представляет серьезную проблему для безопасности как общественных учреждений, так и частных домов. Маг, раз увидевший внутреннее убранство здания, мог перескочить обратно в любое время, что вообще сводит на нет необходимость в стенах.

Было придумано несколько своеобразных и часто нелепых решений проблемы. Кто забудет торговую марку «Вечноразный дом», которая меняла цвет стен и мебели после каждого гостя? Кстати, иногда это изобретение творило поистине ужаснейшие убранства, какие только попадались на глаза чародею.

В настоящее время мы с удовольствием пользуемся самыми совершенными и неброскими чарами, чтобы защитить наши жилища от тех, кто является туда со злыми намерениями. Чары в этом разделе при правильном применении, гарантированно отразят любую попытку неразрешенного скачка в ваш дом.*

Ни одно из этих заклинаний, в единственном числе или использованное в сочетании с другими, не сработает, если речь идет о скачкозаменителе. Так что мы очень рады, что отыскать таких умельцев почти невозможно.

Из книги «Советы новоиспеченному владельцу дома»

Со скачками у Иоланты никогда не было проблем — перескакивала ли она сама, или вместе с кем-то. Однако на сей раз она словно застряла меж двумя давящими булыжниками. Иола зажмурилась и подавила крик боли.

Оказавшись на месте назначения, она пошатнулась, и принц ее подхватил:

— Извини. Я знал, что от скачка тебе, вероятно, станет плохо, но надо было как можно скорее перенестись в безопасное место.

Ему не стоило извиняться. Если они в безопасности, остальное неважно.

Они попали в какой-то вестибюль, где, кроме зеркала, пристенного столика и двух дверей, не было ничего. Принц указал палочкой на дверь, и та бесшумно открылась. За ней находилась комната с темно-красными обоями, бледно-желтыми креслами и большим пустым камином, перед которым стояла перегородка из кованного железа с вьющимися лозами и гроздьями винограда.

Принц снова взял Иоланту на руки и отнес в низкое кресло.

— У меня, кажется, найдется для тебя лекарство, — устроив ее, сообщил он. Затем подошел к двери напротив: — *Aut viam inveniam aut faciam.*

«Либо найду дорогу, либо проложу сам».

Дверь распахнулась. Иоланта заметила, что ее спаситель вошел в комнату с комодами и стеллажами, заполненными книгами, пузырьками, баночками и бутылками, а также известными и экзотическими инструментами. На длинном столе в центре помещения стояла клетка с канарейкой, а также два чемодана: один коричневого, другой — тускло-красного цвета.

Принц ненадолго исчез из вида. Иоланта слышала, как он открывает и закрывает ящики. Вернувшись, он сел рядом и устроил ее голову на сгибе своего локтя. Шерстяная куртка пропиталась горьким запахом тумана.

— А туман настоящий? — невнятно спросила Иола.

Такой густой, что хоть ножом режь, ужасного желтого оттенка и противный, как свиные помои.

— Его вызвала не магия, но и естественным его не назовешь — следствие британской индустриализации. Вот, это поможет прийти в себя после скачка.

В руках принц держал пузырек с мелким иссиня-черным порошком. Взяв Иоланту за подбородок теплыми сильными пальцами, он высыпал порошок ей в рот. На вкус лекарство напоминало морскую воду.

— Против удушья нет средства, однако это должно придать тебе сил.

Принц достал второй пузырек с лекарством для тонуса: серебристо-серые гранулы неожиданно имели вкус апельсинов.

— Благодарю, ваше высочество, — прошептала Иоланта.

Он уже уходил обратно в помещение, заполненное стеллажами.

— Что это за комната, сир?

— Моя лаборатория, — ответил принц, открывая ящик.

— А можно поинтересоваться, что вы там делаете?

— То, что делают в лабораториях: зелья, дистилляции, эликсиры, все в таком духе.

Иоланта вела лабораторные в сельской школе для учителя Хейвуда: такие занятия в той

или иной форме были обязательными для учеников до четырнадцати лет. Но обычно маги не готовили свои зелья в домашних условиях: перегонные фабрики и изготовители зелий вполне удовлетворяли все их потребности. На самом деле во многих домах не было даже необходимого оборудования для тех рецептов, которым учила Иоланта.

Интересно, эта оснащенная лаборатория — лишь прихоть принца, или дело в другом?

Принц вернулся, закрыв за собой дверь. Он был высоким и стройным — не худым, но жилистым. Когда они впервые увиделись в разрушенном доме, на владетеле Державы красовалась простая синяя туника и черные брюки, заправленные в сапоги до колен. Обычная одежда для сельской местности, ничего похожего на искусно сшитые парадные одежды, в которых его изображали на официальных портретах.

Теперь он был одет в черный пиджак с темно-зеленым жилетом, черные штаны и тщательно отполированные сапоги из черной кожи. Пиджак облегал тело лучше, чем принятые в Державе туники, а штаны оказались чуть посвободнее.

Иоланта посмотрела принцу в лицо. Официальные портреты известны тем, что не отражают действительности, но на сей раз картины не солгали — принц был красив: темные волосы, бездонные глаза и высокие скулы.

На портретах он всегда презрительно усмехался. Иоланта как-то сказала другой ученице, что принц похож на злобного мальчишку, который не только обзовет девушку деревенщиной, а еще и намеренно выльет на нее содержимое своего стакана. В реальности он оказался не таким циничным, в его лице была свежесть, мальчишеская привлекательность и, насколько могла судить Иола, никакого злого умысла.

Они встретились взглядами, и она почувствовала трепет в животе.

Ни слова не говоря, принц снова открыл дверь, но вместо лаборатории вошел в нечто похожее на ванную комнату.

— Сир, а что случилось с лабораторией?

Послышался шум воды.

— Лаборатория — изгиб в пространстве, а не часть этого гостиничного номера.

— Так мы в гостинице?

Почему-то Иоланта полагала, что они перенеслись в одно из его небольших владений, вроде охотничьей хижины или летнего домика.

Напор воды усилился.

— Мы едва ли в трех верстах от дома, где ты выбралась из сундука.

— Мы все еще в Лондоне?

— Так точно.

После его пояснений, Иоланта заметила, что в канделябрах за матированным стеклом на стене полыхает настоящее пламя, а не эликсир света. Не будь она так поглощена заботами, заметила бы это раньше.

Принц вышел из ванной с полотенцем и, склонившись, приложил влажную ткань к виску Иолы.

— Ой!

— Прости, кровь уже запеклась, но нужно лишь промыть рану.

Она вытерпела боль.

— Ваше высочество, не будете ли вы так любезны рассказать мне, что происходит?

«Зачем я здесь? Зачем вы здесь? Почему сегодня все пошло наперекосяк?»

— Позже. Я бы прослыл невнимательным хозяином, если бы не предложил тебе сначала

принять ванну.

Иоланта позабыла, какая она грязная и избитая.

— Ванна сейчас набирается. Сама справишься?

Резонно, ведь ему в последнее время пришлось много таскать ее на себе. Но все равно... ну и вопрос!

— А если не справлюсь, сир?

Иоланта сразу же пожалела, что спросила. Верх нахальства. Да еще перед своим же правителем. Пусть в последнее время ей не хватало родительских советов, но она предпочитала считать себя воспитанной барышней.

Принц постучал пальцами по подлокотнику кресла:

— Значит, придется за тобой присмотреть.

Его тон был ровным, а выражение лица — бесстрастным, однако в воздухе появилось напряжение. Иоланта покраснела.

— Ну что, с тобой все будет в порядке... или нет? — спросил принц.

Иола впервые осознала, что у него сине-серые глаза цвета далеких холмов.

Теперь не оставалось ничего, кроме как храбриться.

— Уверена, что справлюсь, но если вы мне понадобится, сир, прошу, не мешкайте.

Он окинул ее быстрым взглядом. Иоланта уже видела подобный интерес в глазах мальчишек, но этот был таким мимолетным, что ей могло и показаться.

Принц склонил голову — напыщенно и церемонно:

— Я к вашим услугам, сударыня.

* * *

Наконец увидев себя в зеркале, Иоланта поморщилась. Она выглядела ужасно даже без запекшейся крови: грязное исцарапанное лицо, волосы, покрытые пылью и кусочками штукатурки, а когда-то белая блузка теперь напоминала цветом старую тряпку.

По крайней мере, она в безопасности. При мысли об учителе Хейвуде сердце сжалось. Интуиция не обманула: все его неприятности были из-за Иолы.

Она поспешно вымылась, а после надела сменную одежду, выданную принцем: тапочки, белье, голубую фланелевую рубашку и пару такого же цвета брюк — вещи подошли бы для мальчишки на полголовы выше и полпуда тяжелее.

Сжимая в руках порванную одежду, Иоланта вышла из ванной и увидела в гостиной поднос с едой и разожженный камин. Значит, это правда: камин в немагическом мире строили не просто для красоты.

Принц окинул Иолу странным взглядом, словно впервые увидел:

— Мы уже встречались? Ты кажешься... знакомой.

Каждый год с ним встречались избранные дети, но Иоланта ни разу не попала в их число.

— Нет, сир, я бы запомнила.

— Я мог бы поклясться...

— Вы, вероятно, с кем-то меня спутали, сир. Вот ваш кулон. — Она протянула руку.

— Благодарю.

Принц покачал головой, словно проясняя мысли, и указал на одежду Иоланты:

— Если не возражаешь, нам надо уничтожить вещи. Я бы предпочел оставить как

можно меньше свидетельств твоего магического происхождения. То же касается содержимого твоей сумки. Хочешь что-то оставить?

Напоминание, что она не в такой безопасности, как хотелось бы. Иоланта не знала, как принц сохраняет свое хладнокровие, но была рада его уверенности, подавляющей ее страх.

Принц знаком попросил ее сесть и протянул сумку. Иоланта отложила письмо учителя Хейвуда. Порывшись в одежде, нашла мешочек с монетами, который нащупала раньше — настоящее китайское золото, действительное в любом магическом мире, — и тут наткнулась на нечто цилиндрическое.

— Мне кажется, тут что-то под подкладкой.

Принц произнес заклинание, аккуратно снявшее двойное дно, и показалась спрятанная трубка.

Он ошеломил Иоланту не столько чарами — хотя заклинание принц исполнил великолепно, — сколько своим поведением. Будь он сиротой, вынужденным заботиться о себе с молодых ногтей, его зрелость и смекалка, возможно, никого бы не удивили. Но принц должен был получить наиболее привилегированное воспитание во всей Державе, однако вот он — всегда думает на шаг вперед, угадывает потребности гостыи.

— Благодарю, сир, — сказала Иоланта.

Услышал ли принц восхищение в ее голосе? Она смутилась и поспешно взяла трубку, в которой лежала натальная карта — на самом верху свитка виднелось искусно нарисовано ночное небо.

Иола положила письмо, мешочек с монетами и натальную карту обратно в сумку, а принц подхватил все остальное.

— А зачем ты сегодня вызвала молнию?

«Надо было сохранить работу опекуна и крышу над нашими головами».

— Я пыталась исправить порцию эликсира света и нашла в «Энциклопедии зелий» примечание, что разряд молнии может исправить любой эликсир света, как бы плохо он ни был изготовлен.

С вещами в руках принц подошел к камину.

— Кто написал это примечание?

— Не знаю, сир.

Он бросил ненужные пожитки в огонь:

— *Extinguamini. Tollamini.*

Вещи Иоланты обратились в прах, пыль поднялась столбом по дымоходу. Принц облокотился о каминную полку и ждал, пока все признаки уничтоженного добра исчезнут. Как он элегантно выглядит, весь...

Иоланта поняла, что пялится на него, как ни на кого прежде, и поспешно опустила взгляд.

— Странно, что кто-то оставил такой совет. Молния никак не влияет на приготовление зелий. Какого года та энциклопедия?

— Не знаю, сир, книга всегда хранилась у моего опекуна.

Принц повернулся к двери в лабораторию, повторил пароль и вошел.

— У меня есть первое издание, опубликованное в державное тысячелетие.

Державное тысячелетие знаменовало тысячу лет правления дома Элберона, к которому принадлежал принц Тит. Сейчас на дворе стоял державный год тысяча тридцать первый, значит, копии энциклопедии в Малых Заботах было не больше тридцати одного года. А Иоле

казалось, что книга гораздо древнее.

— Сир, а нам следует выяснить, кто написал это примечание?

«Нам». Она еще больше смутилась из-за того, что сболтнула, предположив, будто у них с принцем общая цель.

— Сомневаюсь, что нам удастся, даже если попробовать. Хочешь чего-нибудь поесть?

— Кажется, да. — Желудок успокоился, и Иола почувствовала лютый голод, ведь она не притронулась к обеду, принесенному миссис Нидлз.

Принц налил ей чашку чая.

— Как тебя зовут?

От изумления, что он этого еще не знал, Иоланта аж забыла поблагодарить принца за чай.

— Сибурн, сир, Иоланта Сибурн.

— Приятно познакомиться, мисс Сибурн.

— Да продлит Фортуна дни страны под вашим флагом, сир.

Так положено приветствовать правителя Державы. Вероятно, Иоланте следовало еще и преклонить колени. И почти наверняка — присесть в реверансе.

Как будто читая ее мысли, принц ответил:

— Не переживай о приличиях, не стоит называть меня «сир», мы не в Державе, и тут некому нас ругать за несоблюдение придворного этикета.

«Значит... он еще и любезен».

Довольно. Неизвестно, что стало с учителем Хейвудом, а она тут едва ли не поклоняется малознакомому принцу.

— Благодарю вас, сир... то есть, благодарю. И не соблаговолит ли ваше высочество рассказать, что стало с моим опекуном, когда я исчезла?

— Сейчас он в заключении у инквизитора. — Принц присел напротив Иоланты.

Даже удовольствие от его присутствия не уменьшило ее тревогу.

— Значит, инквизитор все-таки появилась?

— Даже полминуты не прошло, как ты перенеслась, а она уже тут как тут.

Иола сжала руки, шокированная тем, что ей грозила настоящая опасность.

— Ты не выпила чаю. Добавить сливок или сахара?

Обычно ей нравился чай с щедрой порцией сахара и сливок, но такой приторный напиток больше не импонировал. Иоланта глотнула черного чаю, а принц толкнул к ней тарелку с сэндвичами.

— Ешь, скрываться от инквизитора непросто, тебе понадобятся силы.

Иоланта откусила сэндвич с неожиданно пряным вкусом.

— Значит, я нужна инквизитору.

— Точнее, ты нужна Лиходею.

Иоланта отшатнулась. Она не помнила, когда и где впервые услышала о Лиходее, официально носившем титул Верховного главнокомандующего великого мира Новой Атлантиды. В отличие от инквизитора, которую обсуждали, пусть и шепотом, о главнокомандующем все подчеркнуто молчали.

— А зачем я сдалась Лиходею?

— Из-за твоих способностей, — ответил принц.

Такой нелепости Иоле еще никто не говорил.

— Но Лиходей и так уже самый могущественный маг на свете!

— И он желает таким и остаться, что возможно лишь с тобой. Кстати, ты крошишь сэндвич.

Иоланта с трудом разжала пальцы.

— Как? Каким образом я могу помочь Лиходею сохранить власть?

— Знаешь, сколько ему лет?

Она покачала головой и поднесла чашку к губам. Нужно было чем-то запить еду, вдруг превратившуюся в клейковину, которую невозможно проглотить.

— Почти двести, а то и больше.

Иоланта устала на принца, забыв о чае:

— Как кто-то способен столько прожить?

— Не естественным путем. Агенты Атлантиды рыскают по всем доступным мирам в поисках необычно сильных магов стихий. А как только находят, он или она тайно переправляется в Атлантиду и пропадает навсегда. Не знаю, как Лиходей использует таких стихийников, но что использует — это точно.

«Если сожмешь чашку еще крепче, ручка сломается». Иоланта поставила чай на стол.

— А кого можно считать необычно сильным магом стихий? Я не имею власти над воздухом.

Принц подался вперед в кресле:

— Уверена? Когда ты в последний раз пыталась им повелевать?

Иоланта нахмурилась — она не помнила.

— Меня пытались убить, выкачав воздух из точки назначения портала. Будь я способна им управлять, я бы это остановила. Верно?

На этот раз нахмурился принц:

— Разве ты родилась не тринадцатого или четырнадцатого ноября тысяча восемьсот шестьдесят шестого... то есть в державном тысяча четырнадцатом году?

— Нет, я родилась раньше, в сентябре.

На день позже принца, если точнее. Так приятно было в детстве притворяться, что праздник, посвященный ему, касался и Иоланты.

— Покажи мне свою нательную карту.

В последние годы кое-где стало модно вопреки традиции пренебрегать нательной картой; в Деламере ее могли забросить подальше и забыть о ней. Но не в Малых Заботах. Когда Иоланта прошлой осенью вызвалась устроить огненные барьеры для ежегодных гонок с препятствиями, у нее, как и у всех участников, запросили карту, чтобы вычислить наиболее благоприятный день для соревнований.

Только вытащив цилиндрический контейнер, Иола вдруг поняла, что карта, использованная всего несколько месяцев назад, никак не могла лежать в сумке, которую никто не трогал более десяти лет.

Раньше, проверяя, что это такое, Иоланта развернула лишь верхние пару дюймов свитка. В полном развороте на почти метровой схеме не было имени в центре, только время рождения: пять минут третьего ночи, четырнадцатого ноября тысяча четырнадцатого державного года.

У Иоланты зазвенело в ушах.

— Но я родилась в сентябре, я уже видела свою карту и не раз. Это не она!

— Однако именно эту сюда сложили на случай, если правда выйдет наружу и тебе придется уйти, — заметил принц.

— Так вы утверждаете, будто мой опекун сделал фальшивую натальную карту? Зачем?

— В ту ночь произошел метеоритный ливень: звезды падали, как капли. Провидцы всех миров на земле предсказали рождение великого мага стихий. Будь я твоим опекуном, то уж точно никому бы не сказал, что ты родилась в ту ночь.

Иоланта читала о той ночи, когда неба не было видно за золотыми полосами падающих звезд.

— Вы считаете, что я тот самый великий маг стихий? — спросила она едва слышно. Не может быть. Ей совсем этого не хотелось.

— До тебя не было никого, кто бы мог призвать молнию.

— Но молния бесполезна. Я едва себя не убила, когда ее вызвала.

— Лиходей уж придумает, что сделать с такой силой.

Иоланта понятия не имела, почему от этих слов испугалась еще сильнее, но что есть, то есть.

— День у тебя выдался утомительным, отдохни, — предложил принц. — Мне сейчас надо уйти, но через несколько часов я вернусь тебя проведать.

Уйти? Он оставит ее совсем одну?

— Возвращаетесь в Державу? — спросила Иоланта слабым и испуганным голосом.

— Отправляюсь в школу.

— Я думала, вас учат в замке. — Точнее в монашеской обители в Лабиринтных горах, где обучали юных принца или принцессу. Так говорили в школе Иоланты.

— Нет, я хожу в английскую школу неподалеку от Лондона.

Она не верила своим ушам.

— Вы шутите!

— Нет, я серьезно. Лиходей так пожелал.

— Но вы же наш принц и должны быть одним из лучших магов. А в такой школе вас не научат всему необходимому!

— Ты правильно поняла намерения Лиходея, — тихо заметил принц.

Иоланта пришла в ужас:

— Не могу поверить, что ни регент, ни премьер-министр не возражали.

— Ты переоцениваешь смелость тех, кто у власти: они часто более заинтересованы в том, чтобы удержаться на посту, чем сделать что-то полезное.

В голосе принца не было горечи, лишь сухая констатация. Как он справлялся с таким вопиющим оскорблением? Ведь на бумаге он равен Лиходею по власти и привилегиям, а на деле последний навязывает правителю Державы свою волю!

— А... что мне делать, пока вы в школе?

— Я надеялся взять тебя с собой, но это школа для мальчиков. — Он пожал плечами: — Мы придумаем что-то новое.

Принц говорил подчеркнуто любезно, но Иоланта чувствовала: он не рад тому, что не все идет по плану и надо что-то придумывать.

— Я могу пойти с вами. Я какое-то время ходила в школу для девочек и каждый семестр играла главную мужскую роль в школьном спектакле. У меня низкий голос, и я прекрасно подражаю мальчишеской ходьбе и говору. — Она так отлично справлялась, что некоторые родители ее одноклассниц даже считали, будто на роль пригласили мальчика. — Не говоря уже о том, что я умею драться.

В отличие от большинства магов, которых с детства учили воздерживаться от насилия,

юные стихийники не чурались сходиться в рукопашной: лучше уж пусть бьются на кулаках, чем подожгут противника.

— Уверен, что ты можешь раскидывать мальчишек направо и налево, и не сомневаюсь в твоём сценическом таланте. Но притворяться парнем несколько часов каждый семестр совсем не то же самое, что круглые сутки день за днем носить личину на виду у агентов.

— Прошу прощения?

— В школе есть агенты Атлантиды. За мной следят.

Иоланта сжала подлокотники кресла:

— Вы живете под надзором Атлантиды?

Почему-то она считала, что принц от этого избавлен.

— В школе лучше, чем дома: в замке не продохнуть от шпионов инквизитора, но сейчас нам это не поможет.

Иоланта не могла представить, что за жизнь он вел.

— Здесь ты в безопасности, — продолжал принц. — У служащих гостиницы есть доступ в вестибюль, куда мы перескочили, но остальной номер защищен чарами от вторжения.

Такие чары не гарантировали безопасности: в доме Иоланты в Малых Заботах их тоже хватало.

— Никто тебя здесь не знает, — все убеждал ее принц. — Атлантида, несмотря на свое величие, не в силах найти тебя так легко в городе, где живут миллионы. И если что-то тебя встревожит, иди в лабораторию и жди. Ты уже знаешь пароль; подписью служит первый абзац на десятой странице книги на столе в форме полумесяца.

«Лучше бы он бросил школу и охранял меня». Если принц ошибся, а Атлантида окажется быстрее и умнее, чем он полагает, Иоланта станет легкой добычей. Он должен остаться с ней. Надо его вразумить, а если придется, то и умолять. Закрыть собой выход.

Иоланта открыла рот и выпалила:

— Ладно.

«На кону твоя жизнь, а ты тут похваляешься своей храбростью перед этим парнем!»

— Спасибо, — поблагодарил принц и коснулся ее руки.

Иола его впечатлила. Внутри зажглась чистая радость, едва не рассеяв страх от ухода принца.

Он пропал на мгновение в лаборатории и вернулся со шляпой-котелком и коричневым чемоданом, который Иоланта уже видела.

— Я вернусь после отбоя в школе. Тем временем перекуси и отдохни. Тебя непросто было найти, так что я не собираюсь терять тебя в ближайшее время.

Он ее искал? Иоланте хотелось узнать больше, но придется подождать его возвращения.

— Да не покинет вас Фортуна, ваше высочество.

Она едва присела в реверансе.

Принц покачал головой:

— Не нужно реверансов. И да пребудет с тобой Фортуна, Иоланта Сибурн.

Он надел шляпу и пошел к двери.

Если бы Иола не следила за ним внимательно, то не заметила бы маленький плоский диск на его рукаве. Она засомневалась: а вдруг в Англии модно так украшать пиджаки?

Но что там говорил учитель Хейвуд? *«Осторожность не бывает излишней».*

— Минуточку, ваше высочество, тут у вас что-то на левом рукаве.

Принц тут же посерьезнел и осмотрел себя:

— Где?

Иоланта повернула свою руку, чтобы показать. Эту штуку приделали чуть выше локтя, где он сам вряд ли бы заметил — да и кто-то другой тоже, если только не смотрел прямо на принца, когда тот поднимал руку.

Он нащупал, сорвал диск и мрачно на него уставился.

Затем стиснул кулаки и выпалил:

— У нас неприятности.

Удивительно, что Новая Атлантида стала средоточием магической власти. Да, остров большой — почти в два раза превышающий размеры Державы, — но он не годится для полномасштабного развития цивилизации. Создавшее его извержение вулкана произошло не так давно, а внутренний ландшафт слишком крутой и неровный. По почти повсеместному базальтовому покрытию трудно ходить, на нем невозможно ничего вырастить. Когда маги впервые ступили на этот остров, морских обитателей хватало, но за восьмисотлетнюю историю несколько раз они подходили опасно близко к полному исчезновению некоторых видов.

И из этих восьмиста двести лет вошли в историю как голодные века. Изоляция острова, относительно примитивные транспортные средства передвижения той поры и широко распространенная коррупция среди членов королевского клана лишили эффективности вспомогательные кампании, организованные другими магическими мирами. Под конец голодных веков население острова уменьшилось по меньшей мере на семьдесят процентов.

Считается, что Лиходей родился в последние десять лет голодных веков в среде беззакония и отчаяния. Можно только догадываться, стал бы он самым влиятельным на земле магом, если бы родился в более благополучном мире. Но, вне всякого сомнения, хаос и лишения его юности повлияли на стремление Лиходея к порядку и на его желание всем управлять.

Из книги «Империя. Возрождение Новой Атлантиды»

Безусловно, особенно сложно родителям и воспитателям совладать с юными магами стихий. Большинство детей иногда подвержены резким перепадам настроения. Но маленький стихийник в раздражении способен, не желая того, пошатнуть фундамент дома и выкачать воздух из легких товарища по играм. И даже взрослея, такие дети все равно невольно теряют контроль над своими способностями.

В этой главе мы хотим представить полный список практических техник для разрывания прямой связи между гневом маленького мага и его или ее инстинктивным желанием воспользоваться силой стихий. Не раз уже повторялось, что насилие — не лучшая замена, но пока мы не научились в совершенстве управлять эмоциями детей, лучше пусть они используют свои кулачки, чем чаще всего непропорционально большие силы.

Из книги «Воспитание и питание юного мага стихий»

Немного о подписях, прежде чем мы перейдем к нашему первому разделу заклинаний. Чары в этом и многих других учебниках не имеют подписей. Но никто еще не становился архимагом, используя лишь заклинания из публичных библиотек. Сильнейшие из чар, и передаваемые по наследству, и новейшие, обычно требуют как заклинания, сказанного вслух — которое могут и услышать, — так и непроизносимой подписи, позволяющей сохранить секрет.

По той же причине вторая подпись иногда используется с паролями, чтобы усилить их эффективность и надежность.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Тит рывком открыл дверь уборной, бросил диск размером с пенни в унитаз и потянул за шнур, спуская воду.

— Что за неприятности? — спросила у него за спиной мисс Сибурн. Голос не совсем ее слушался, но, к чести чародейки, истерикой не пахло.

— За мной следят.

Леди Калиста. Теперь Тит вспомнил: перед уходом она касалась его руки. А он слишком спешил, чтобы заметить неладное.

Если повезет — а до сего момента им явно везло, — лакеи Калисты впустую убьют время, следуя за диском, пока тот будет путешествовать по сточным трубам Лондона.

Нет, не повезло. От главного входа и из-за французских дверей, ведущих на узкий балкон, слышались голоса.

Тит жестом подозвал к себе чародейку. Та не колебалась ни секунды. К еще большей ее чести, она держала в руках не только свою сумку, но и чемоданчик, который Тит выронил, торопясь избавиться от диска.

Он втянул Иоланту в лабораторию, закрыл дверь и прислушался. Совсем скоро в комнатах раздались шаги.

— А как же ваши заклинания, защищающие от вторжения? — прошептала мисс Сибурн.

— Они должны были не подпускать немагов.

Безликость этих комнат служила лучшей защитой от Атлантиды.

Здесь агенты не нашли бы ни одной вещи, принадлежащей Титу — в этом отношении он всегда был скрупулезен. И они не смогли бы так легко обнаружить свернутое пространство. Неважно. Этот номер теперь все равно никак нельзя считать безопасным.

— *Exstinguatur ostium*, — сказал Тит, разрушая связь между лабораторией и гостиницей.

Пока они в безопасности. Но что бы случилось, если бы он ушел? Да, Иоланта Сибурн наблюдательна. Наверняка додумалась бы укрыться в лаборатории. Но связь разорвать не смогла бы. И к моменту возвращения Тита — после отбоя в школе — агенты Атлантиды вполне могли бы пробиться в лабораторию.

— Приношу свои извинения. — Слова обжигали горло. — Мне следовало...

«Я чуть не потерял ее в первый же день».

— Мне следовало заметить устройство прежде, чем я покинул Державу. Я думал, что предусмотрел все, но собственную небрежность не учел.

Мисс Сибурн была напряжена, костяшки пальцев, держащих палочку, побелели, но она прекрасно собой владела и, казалось, перенесла поспешное отступление даже лучше самого Тита.

— Как вы смогли подготовиться ко всему?

— Я никогда не сомневался в точности предсказаний, касающихся тебя. — Тит вытянул табуретку. — Садись.

Чародейка села и прижала ладони к вискам, выдавая волнение, которое прежде успешно скрывала:

— Когда я проснулась утром, то не была нужна никому, кроме себя. Если бы все так и оставалось!

— Желания смертных Фортуны едва ли волнуют.

— Отныне я знаю. — Не поднимая головы, она продолжила: — Прошу вас, не откладывайте возвращение в школу из-за меня.

Далберту приказали записывать время, когда принц покидает Державу. Инквизитор и ее агенты знали, в какое время он должен явиться в школу — и Тит уже опаздывал.

Но он не мог просто оставить мага стихий в лаборатории, где не было ни еды, ни воды, ни туалета, ни места, где можно полежать и отдохнуть — разве только на верстаке.

Иоланта Сибурн откинула волосы с лица. Она помылась гостиничным мылом с ароматом английского луга. Лаборатория была небольшой, и Тит стоял достаточно близко к чародейке. На мгновение он совсем отвлекся — на запах, на волнистые пряди еще влажных волос.

Он уже видел ее раньше. Но где?

Иоланта посмотрела на него темными как ночь глазами:

— Вам больше не нужно идти?

— Я не могу оставить тебя здесь.

Из лаборатории было еще два выхода. Один вел на мыс Рат в горах Шотландии, куда Тит иногда навещался в теплую погоду; другой — к заброшенной конюшне в Кенте. Куда бы они ни вышли отсюда вместе, ему придется исполнить предначертанное.

Тит выдвинул ящик и достал пузырек с зеленым порошком.

— Кажется, мы будем придерживаться первоначального плана, мисс Сибурн. Надеюсь, общество мальчиков придется тебе по душе.

* * *

С тех пор, как Тит в последний раз видел конюшню, она почти не изменилась. Рухнувшие стропила, пустые дверные проемы. Через полуразвалившуюся крышу видны клочки серого неба. На полу лужи после дождя. В нос ударил запах гниющего дерева и старого навоза.

Поднялся сильный ветер. Волосы упали на лицо Иоланты. Она выглядела взъерошенной, будто только поднялась с постели и была еще теплой ото сна.

— Где мы?

Тит закрыл за собой дверь в лабораторию. Та сразу же исчезла: из нее можно было выйти, но войти обратно — уже нет.

— Юго-восточная Англия.

— У вас нет выхода прямо в школу?

— Я не хочу, чтобы в случае взлома лаборатории все следы сразу привели ко мне. Ты можешь перескакивать чаще одного раза в день?

— Да, но дальность у меня маленькая. Никогда не пробовала совершать скачки больше, чем на несколько верст.

Тит взял Иоланту за руку и высыпал ей на ладонь немного зеленого порошка.

— Прими — это поможет. Нам нужно переместиться на семьдесят верст, но, поскольку тянуть тебя буду я, такой большой диапазон и не нужен.

Она проглотила порошок.

— Вы способны перескакивать на семьдесят верст?

Дальность скачков Тита была почти невиданной — четыре с половиной сотни верст. Иоланта положила свою руку на его, и в следующее мгновение они уже стояли в комнате

Фэрфакса.

Или средство Тита оказалось крайне действенным, или врожденная дальность скачков Иоланты намного превосходила несколько верст, но она не скорчилась от боли и не стала спотыкаться, потеряв ориентацию в пространстве. Просто отпустила руку принца и огляделась, словно они только поднялись по лестнице и вошли через дверь.

В этом доме жило тридцать пять учеников в возрасте от тринадцати до девятнадцати лет. Младшие мальчики — в комнатах поменьше на верхних этажах. Старшие — на втором этаже, повольготней и в апартаментах получше.

Как и у других старшеклассников, комната Фэрфакса размером была восемь на десять футов. Рядом с камином стояли стул и письменный стол. Неподалеку от окна крепились полки: на верхних рядами выстроились книги, а на нижних — разное спортивное снаряжение. Комод и еще один стул у двери завершали картину.

На стене с синими обоями висел портрет королевы Виктории в овальной рамке. Королева казалась опухшей и неодобрительной. Под изображением полукругом располагалось шесть почтовых открыток с океанскими лайнерами. По остальной части комнаты были рассеяны фотографии и гравюры с Африкой: волнистые дюны, антилопы-гну, леопард у водопоя, круглая у основания лачуга из тростника рядом с пастушьим деревом.

Тит очертил звуконепроницаемый круг.

— Добро пожаловать в Итон. Мы в доме миссис Долиш. И это твоя комната.

— Кто такая миссис Долиш? И откуда у меня здесь комната?

— Мальчики в Итоне живут в пансионах — этим управляет миссис Долиш. У тебя есть комната, потому что ты здесь учишься. Зовут тебя Арчер Фэрфакс, и последние три месяца ты был дома из-за перелома бедра. У твоей семьи есть дом в Шропшире, но большую часть жизни ты провел в Бечуаналенде — это район рядом с магическим королевством Калахари.

— Где настоящий Арчер Фэрфакс? — обеспокоенно спросила Иоланта.

— Настоящего Арчера Фэрфакса никогда не существовало. Так как мне пришлось быть здесь, я приготовил место и для тебя — тогда я еще думал, что ты мальчик.

Она нахмурилась:

— И здесь меня знают, хотя нога моя сюда не ступала?

— Да.

— Впечатляюще, — пробормотала Иоланта.

Тит редко впечатлял кого-то только своими заслугами — от ее слов у него закружилась голова.

— Теперь нужно обстричь тебе волосы, — резко сказал он, не желая, чтобы Иоланта догадалась о его чувствах.

— Да, — выдохнула она.

Тит встал позади нее, собрал и поднял ее волосы — они оказались гладкими и удивительно тяжелыми — и заклинанием отрезал их до затылка.

— Прости.

— Отрастут.

К сожалению, в ближайшем будущем придется не давать им отрасти. Тит старательно подстриг то, что осталось от волос новоиспеченного Фэрфакса, оставляя такую длину, которая позволяла скрыть рану на виске. Иоланта выглядела не совсем как парень. Но и явной девушкой тоже не казалась.

Собрав обрезанные пряди и уничтожив их в незажженном камине, Тит достал из комода

вещи, составлявшие униформу в Итоне.

— Ты ко всему подготовился.

— Едва ли. Если бы я мог хоть немного предвидеть будущее, то готовил бы все для девушки.

В видении о смерти Тита его уход оплакивал мальчик. В этом и заключается подвох видений — толкует их провидец, который может ошибаться. В данном случае девочку с короткими волосами приняли за мальчика. И несмотря на все приготовления, сейчас Тит чувствовал себя очень неуверенно.

Он постучал по чему-то вроде стенового шкафа, и оттуда, напугав Иоланту, выдвинулась узкая кровать. Тит оторвал длинную полосу льняной простыни, быстро подшил ее с помощью заклинания и отдал чародейке.

— Для... изменения твоего облика, — пояснил он, другим заклинанием подшивая простыню.

А как еще описать предмет, которым нужно стянуть грудь?

Иоланта прочистила горло:

— Спасибо.

— Теперь с одеждой трудностей быть не должно, — оживленно сказал Тит, пытаясь скрыть смущение.

«А ведь это только начало всех сложностей, которые возникнут из-за появления девочки в школе для мальчиков».

— Запонки вдеваются в петлицы. Разобраться с остальным вроде несложно.

Он тактично отвернулся и услышал тихий шелест снимаемой одежды. Причин для учащения пульса не было. Никаких. Ничего такого не произойдет, и отныне Тит станет обращаться с Иолантой, как с любым другим мальчиком. Да и вообще, для их же безопасности он не должен даже думать о ней иначе, чем как об Арчере Фэрфаксе, своем школьном приятеле.

Но все равно кровь бешено мчалась по венам, будто после полного пробега по стадиону.

Тит поднял взгляд и увидел отражение Фэрфакс в маленьком зеркале на двери. Она стояла к нему спиной, обнаженная сверху до пижамных штанов, и, опустив голову, пыталась справиться с обвязкой. Изгиб ее тонкой шеи, гладкость спины, сужающейся к талии... Тит тряхнул головой и уставился на пустой стул.

Спустя, кажется, целую вечность — вечность, за которую он успел позабыть о том, что же подумают агенты Атлантиды о его затянувшемся отсутствии, — Фэрфакс спросила:

— А как мне ее завязать?

— Скажи «*Serpens caudam mordens*». Это простое заклинание, и палочка не нужна.

— Даже в первый раз?

— Да.

— Ладно. — Казалось, слова Тита совсем ее не убедили. — *Serpens caudam mordens*.

Долгий миг молчания. К этому моменту Тит уже окончательно выучил лирообразные очертания перекладины на спинке стула.

— *Serpens caudam mordens*, — повторила Фэрфакс. — Не работает.

Времени ждать, пока она научится, не осталось. Тит глубоко вдохнул и повернулся. Теперь она стояла к нему лицом и держала в руках концы ткани, которой обмотала грудь. Тит опустил взгляд: над слишком низкими пижамными штанами резко выделялась талия; впадина пупка была глубокой и идеально круглой.

Принц собирался подойти поближе, но теперь передумал. Оставшись на том же месте, он произнес:

— *Serpens caudam mordens.*

Ткань заметно натянулась. Фэрфакс приглушенно крикнула.

— Спасибо. Так идеально.

Она еще явно не стала плоской как доска.

— Еще раз, — сказал Тит.

— Нет, не нужно. Я едва могу дышать.

— Уверена, что туго?

— Да, совершенно.

Не следовало этого делать, но он все же вновь уставился на ее пупок. Затем осознал, что творит, и, подняв глаза, увидел, что Фэрфакс залилась румянцем. Она поймала его за разглядыванием.

Тит отвернулся, чтобы в тысячный раз посмотреть на стул:

— Подвигайся и убедись, что она не сползает.

В следующий раз она позвала его, когда уже надела белую рубашку и черные брюки. Как Тит и думал, вещи оказались не по размеру. Нужно будет поработать с несколькими заклинаниями: укоротить рукава рубашки, сделать ее уже в плечах. Посадку брюк необходимо занизить и поднять отвороты на три дюйма — Тит запасся большой одеждой, потому что уменьшать гораздо проще, чем наоборот.

— Если ничего не получится, ты всегда сможешь устроиться портным, — пробормотала Фэрфакс, когда он опустил перед ней на одно колено, проверяя ровность штанин.

— Видела бы ты мое кружево! Тоньше паутины.

Над его головой раздался тихий смех.

— Не знала, что у тебя есть чувство юмора.

— Нечасто, — отозвался Тит с большей прямоотой, чем обычно.

Может, ему не нужно будет лгать ей, как всем остальным?

Тит встал. У жилета на спине имелись ремни, которые достаточно просто подтягивались по размеру. В пиджаке нужно было уменьшить пройму, убрать мешковатость в плечах и сузить талию.

Но это еще не конец. К рубашке следовало прикрепить воротничок и повязать галстук. И так как у Фэрфакс такого опыта явно не было, за дело пришлось браться Титу.

Они встали лицом к лицу так близко, что он видел, как бьется жилка на ее шее. Одежда пахла лавандовым саше, которое он положил в шкаф. На кончиках пальцев Тит чувствовал дыхание Фэрфакс.

А когда поправлял галстук, то костяшками задел ее подбородок. Она прикусила нижнюю губу. Что-то дрогнуло у Тита внутри. Его сосредоточенность.

Он отступил на два шага:

— Сейчас достану туфли.

— Сколько же ты отрабатывал портняжные заклинания? — спросила Фэрфакс.

— Сотни часов. — И еще половину этого времени на подгонку обуви. Тит уменьшил кожаные полуботинки до нужного размера и вручил ей шляпу-котелок. — В Англии никогда не ходят без головного убора.

Она сойдет за мальчика? Тит не был полностью в этом уверен. Но он позаботился о том, чтобы все ожидали увидеть Фэрфакса, а не какую-то девушку. А ожидание — сильная штука,

особенно если связано с сильной верой.

Фэрфакс поправила шляпу, глядя в зеркало на двери, и внезапно развернулась.

— Что такое?

Она открыла рот, но сдержалась и снова сжала губы:

— Неважно.

Однако Тит знал: она поняла, что он мог видеть ее в зеркале, пока она переодевалась. Они уставились друг на друга. Фэрфакс опустила глаза и опять сосредоточилась на своем отражении.

Принц подошел к окну, чуть-чуть раздвинул шторы и через щелочку огляделся. Облака понемногу рассеивались. Бледные солнечные лучи падали на небольшую поляну рядом с домом. Мальчиков и персонала не было видно — близилось время послеобеденного чая, и, должно быть, все вернулись в дом.

Фэрфакс подошла и встала рядом.

— Перескачи вон за те деревья, — проинструктировал Тит. — Потом заходи через парадную дверь. Я встречу тебя у входа.

Он не хотел терять ее из виду. Но ничего не поделаешь: возвращение Арчера Фэрфакса нужно обставить так, чтобы никто не связал его с исчезновением Иоланты Сибурн. Если принц словно наколдует друга из воздуха, они оба попадут под подозрение агентов Атлантиды.

— А остальные мальчики знают, кто я?

— Когда они услышат, как я зову тебя по имени, то узнают. — Тит повернулся к ней. — Да, то, что ты здесь, моя ошибка. Но, пожалуйста, будь убедительна в роли мальчика — или все мои усилия пойдут прахом.

Взгляд Фэрфакс был одновременно восхищенным и озадаченным.

— Ты очень старательно подготовился.

«Даже не представляешь, насколько».

— И поэтому ты меня не подведешь, — не то приказал, не то взмолился Тит.

* * *

Пансион миссис Долиш оказался старым, добротным и аккуратным кирпичным домом. И из южного его окна на втором этаже за Иолантой наблюдал принц.

Наблюдал ли он и за тем, как она разделась почти догола? Ей померещилось, или он стал смотреть на нее иначе? Подбородок снизу, там, где он нечаянно ее коснулся, при этой мысли снова запылал.

Принц взмахнул рукой в молчаливом приветствии и исчез. Иоланта сразу же почувствовала себя брошенной на произвол судьбы. Когда-то ей казалось ненадежным ее прежнее положение. Она даже не представляла, насколько хорошо ее защищали, какой немыслимой цены это стоило учителю Хейвуду.

Теперь стоит поостеречься, хотя бы для того, чтобы его самопожертвование не оказалось тщетным.

Здесь явно шел дождь — все промокло. На окрестности падал бледный свет. Вдалеке Иоланта заметила здание более величественное, чем остальные. Школа? А дальше, в противоположном направлении, — громадную тень чего-то, напоминавшего приземистый замок.

Кажется, это не город — слишком много деревьев, травы и неба. Но и не отдаленная деревня. Были и другие дома. Где-то неподалеку грохотали повозки, их тянули... Серьезно? Иола сощурилась — да, лошади.

Настоящие лошади, без крыльев или рога на лбу, с копытами, стучащими по мокрой мостовой. Иоланта не могла сдержать улыбку, вспомнив книги с картинками, столь любимые ею в детстве: истории об обыкновенных детях, у которых не было ничего, кроме смекалки, мечей и верных лошадей, сопровождавших их в приключениях.

Повозки были темными и закрытыми, некоторые — с опущенными занавесками. Пешеходы в черных, коричневых и тускло-синих одеждах казались полностью поглощенными своими делами и даже не подозревали, что среди них есть беглец, за которым гонятся лучшие силы величайшей империи на земле.

Эта мысль почти утешала: по крайней мере, никто не обращал на Иоланту ни малейшего внимания.

Порыв ветра едва не сорвал ее шляпу. Надвинув котелок поглубже, Иоланта наконец шагнула вперед. Двигаться в новой одежде было неудобно — слишком много слоев, сдерживающий покррой, неэластичный материал. И без волос голова казалась странно легкой, почти невесомой.

Осторожно, стараясь не выглядеть как чужак, Иоланта прошла на тротуар, и сразу же к ней прицепился чумазый мальчишка неопределенного возраста, размахивающий отпечатанными листами.

Она отскочила, готовая удирать в обратном направлении.

— Новые подробности похорон Джона Брауна! Желаете ознакомиться?

— М-м-м...

«Что?»

— Узнайте все о горе его величества! Всего за пенни!

Иоланта перевела дух. Газета, вот, чем размахивал мальчик. Газеты в Державе уже давным-давно не печатали на бумаге.

— Извини. Он мне не интересен, — честно призналась Иола.

Паренек пожал плечами и рванул разносить свой товар дальше по узкой улице, зажатой меж тесно стоящими кирпичными домами с крутыми скатными крышами.

Иоланта остановилась перед парадной дверью дома миссис Долиш: черной и неприязательной, с арочным сводом сверху.

«Вот, я это сделала».

Теперь просто нужно искусно изображать мальчика. В обозримом будущем.

И под зоркими очами Атлантиды.

* * *

У себя Тит переоделся в школьную форму, а как только вышел в коридор, открылась дверь в комнату Уинтервейла.

— Когда ты приехал? — удивленно спросил тот.

— Недавно. Сидел в своей комнате.

— Почему не присоединился к нам с Кашкари?

— Настроения не было — напоролся сегодня на инквизитора. А ты тоже не кажешься очень довольным. Что-то случилось?

— Мама. Только что пришлось сходить домой.

Тит задал очевидный вопрос:

— Разве она не уезжает в Экс-ле-Бен^[1], когда ты возвращаешься в школу?

— Теперь в Баден-Баден, но она еще не уехала. Я нашел ее на чердаке в истерике. Она все твердила, что кого-то убила и на сей раз ангелы ее не простят. Я облазил весь дом — ничего. Если она и правда кого-то убила, то логично подумать, что нашелся бы труп.

Да уж, крайне непросто быть сыном леди Уинтервейл. Нельзя сказать, что она совсем сумасшедшая, но временами очень близко подходит к грани безумия.

— Она еще дома?

— Поехала погостить к Альгамбра. — Уинтервейл постучался затылком по стене позади него. — Это Атлантида ее довела. Когда ты собираешься возглавить переворот?

Тит пожал плечами:

— Восстание придется организовать тебе, кузен. Если бы я мог это сделать, то не торчал бы здесь.

Ему нужно было постоянно обманывать леди Калисту и инквизитора, и Тит гордился, что очень редко говорил им хоть слово правды. Но всегда беспокоился, когда, хоть и из той же необходимости, приходилось лгать своему троюродному брату. Тит хотел, чтобы Уинтервейл не был таким доверчивым.

— А почему, ты думаешь, я собираюсь в Сандхерст^[2]? Британцы участвуют во многих войнах. Наверное, у них можно чему-то научиться.

Тит также хотел, чтобы леди Уинтервейл не была так непреклонна в соблюдении традиции, по которой вместе с наследником дома Элберонов должен учиться ребенок, рожденный в одном из величайших семейств Державы. Леди Калиста воспитывалась с его матерью — и только посмотрите, чем это обернулось.

— Постарайся не погибнуть на одной из британских колониальных войн, — заметил Тит. — Вот была бы насмешка судьбы.

— Я правда слышу, как кто-то здесь говорит о колониальных войнах? — спросил подошедший к друзьям Кашкари. Выглядел он щеголем: школьная форма сидит как влитая, черные волосы аккуратно уложены. — Уинтервейл, живот перестал болеть? Ты лучше выглядишь.

— Все отлично.

Из-за непредсказуемого состояния рассудка леди Уинтервейл и ее склонности надеяться лишь на своего единственного ребенка, тому часто приходилось придумывать различные болячки, дабы вернуться в комнату — еще он мог сказать, будто там нужно прибраться, — а на деле использовать спрятанный в шкафу портал.

— Хотите чаю? — выдал Уинтервейл свое обычное приглашение.

— Почему бы и нет? — оживился Кашкари.

— Я подойду через минуту. Кажется, я видел в окно Фэрфакса. Спущусь убедиться, что это в самом деле он.

— Фэрфакс? — воскликнул Уинтервейл. — Ты уверен?

— Но твое окно не выходит на улицу. Как ты мог его увидеть? — спросил Кашкари.

— Он шел по траве. Как знать? Может, решил еще раз ознакомиться с окрестностями.

— Наконец-то, — сказал Уинтервейл. — Он как раз нужен нам для игры.

— Его нога еще полностью не восстановилась, — сообщил Тит по дороге к лестнице.

Превратное заклятье, которое он наложил, прежде чем впервые вошел в школу, было

крепким: никто не сомневался в существовании Фэрфакса. Но все-таки нужно поскорее спуститься на первый этаж. Мальчики не узнают в чародейке Фэрфакса, пока его имя не названо вслух. А сделать это мог только Тит.

— Кто знает, будет ли он показывать такие же хорошие результаты в спорте после подобной травмы?

Другой страстью Уинтервейла, кроме возвращения семейным владениям былой славы, был крикет. Он убедил себя (и еще кучу мальчишек в придачу), что Фэрфакс — необычайно одаренный игрок, и с его возвращением кубок школы непременно достанется команде их дома.

— Странно. Его не было всего три месяца, а я уже не могу вспомнить, как он выглядит, — недоумевал Уинтервейл.

— Повезло тебе, — ответил Тит. — Фэрфакс — один из самых чудовищно уродливых парней, которых мне только довелось встречать.

Кашкари усмехнулся, догоняя его на ступеньках:

— Я передам ему твои слова.

— Да пожалуйста.

Несмотря на то, что в доме миссис Долиш жили преимущественно мальчики, отделка все же соответствовала ее вкусу. Обои на лестничной клетке пестрели рисунком розы и плюща. Повсюду висели вышитые маргаритки и гиацинты в рамочках.

Ступеньки вели в холл, где можно было полюбоваться стульями с ситцевой в маках обивкой и зелеными муслиновыми занавесками. На пристенном столике из вазы клонили вниз головы оранжевые тюльпаны, а над ними нависало старинное зеркало — пансионерам надлежало хорошенько рассмотреть свое отражение, прежде чем выйти из дома, дабы не опозорить ненароком миссис Долиш.

Титу оставалось преодолеть две ступеньки, когда вошел Фэрфакс — тонкий, высокий, в отличительном «хвостатом» пиджаке старшеклассника Итона. Тит ужаснулся собственной ошибке. Чародейка совершенно не походила на мальчика! Она была слишком, ну очень хорошенькой: широко расставленные глаза, обрамленные длинными ресницами; излишне гладкая кожа, полные алые губы... Все в ней выдавало девочку.

Фэрфакс увидела принца и с облегчением улыбнулась. Да, улыбка была хуже всего — из-за нее на щеках появлялись глубокие ямочки, а Тит даже не подозревал, что они вообще есть.

Его обуял страх. В любой момент кто-нибудь мог закричать: *«А что здесь делает девочка?!»* И, так как все знали, что Фэрфакс — закадычный друг Тита, находящимся в Итоне агентам не понадобится много времени, чтобы сложить два и два и прийти к выводу: здесь происходит нечто большее, чем просто переодевание девочки в мальчика.

— Фэрфакс, — услышал принц свой голос. Тот почти не дрожал. — Мы уж думали, ты никогда не вернешься.

— Боже мой, да это Фэрфакс! — почти сразу же воскликнул Кашкари.

— С возвращением, Фэрфакс! — вторил ему Уинтервейл.

Услышав вновь и вновь звучавшее имя, в холл подтянулись другие мальчишки и подхватили: *«Глядите, Фэрфакс вернулся!»*

От вида стольких ребят чародейка перестала улыбаться. Она ничего не говорила, лишь металась взглядом от лица к лицу, судорожно стискивая ручку чемодана. Тит не мог дышать. Восемь лет он жил в состоянии медленно вскипающей паники, но настоящий ужас до сего

момента был ему неведом. Тит всегда полагался только на самого себя, теперь же все зависело от Фэрфакс.

«Ну же, Фэрфакс», — беззвучно молил он. Хоть и знал, что для нее это слишком. Сейчас она выронит чемодан и бросится наутек. Развернется ад, восемь лет работы пойдут насмарку, а смерть матери окажется напрасной.

Фэрфакс прочистила горло и лучезарно улыбнулась — правда, это была не совсем улыбка, скорее, самодовольная кривая усмешка:

— Как я рад, что снова вижу ваши жуткие рожи.

Ее голос. Вечно суется в поисках выходов из всех непредвиденных ситуаций, Тит не обратил на него внимания. Сейчас же будто услышал его впервые: глубокий, низкий и чуть хрипловатый.

Но на сердце стало спокойно не из-за голоса, а из-за усмешки. Без сомнения, она была самонадеянной и в точности подходила шестнадцатилетнему парню, не знавшему вкуса поражений.

Уинтервейл спрыгнул с лестницы и покачал головой:

— Фэрфакс, ты ничуть не изменился, в очаровании не уступаешь его высочеству. Неудивительно, что вы двое всегда были не разлей вода.

Фэрфакс вскинула бровь, услышав такое обращение. Уинтервейл знал истинный статус друга, в то время как остальные полагали, будто он принц какой-то небольшой европейской страны.

— Не надо его поощрять, Уинтервейл, — сказал Тит. — Он и так невыносим.

Фэрфакс искоса посмотрела на него:

— Видно, по себе судишь.

Уинтервейл присвистнул и хлопнул ее по руке:

— Как нога, Фэрфакс?

Один такой его «хлопок» мог сломать молодое дерево. Фэрфакс удалось удержаться на ногах.

— Как новенькая.

— А твое знание латыни все еще так же ужасно, как и подачи мяча?

Мальчишки добродушно засмеялись.

— С моей латынью все отлично. А вот с греческим у меня такие же проблемы, как у тебя — со свиданиями, — парировала Фэрфакс.

Ребята снова захохотали. Все, включая Тита — тот был просто потрясен... и чувствовал облегчение.

Она хорошо справилась.

На самом деле, просто блестяще.

Прошло больше пятидесяти лет со времени первого успешного скачка до общественного признания факта, что они доступны не всем. До тех пор верили, что каждого мага можно научить перескакивать, если начинать достаточно рано, тренироваться как следует и при необходимости прибегать к вспомогательным средствам, число которых все росло. Родители записывали в классы даже трехлеток, опасаясь, что, начиная позже, малыши вырастут в презируемых сверстниками «эму» — нелетающих птиц. В медицинской литературе тех дней

описано немало случаев опасно ранних родов, вызванных многократными попутными скачками беременных в напрасных попытках привить умение носимому плоду.

Однако прежде чем общество смирилось с невозможностью скачков для некоторых, ему пришлось признать, что многие неспособны перемещаться далеко. В первые годы бурного развития нового способа передвижения маги были убеждены, что их дальность с опытом будет все увеличиваться. Когда первопроходцы начали наталкиваться на пределы своих личных диапазонов, они сваливали неудачи на позднее или неправильное обучение, или на недостаточное понимание основ процесса — и побуждали юные поколения быть умнее и добиваться большего.

По новейшим данным, совершать скачки способно от семидесяти пяти до восьмидесяти процентов взрослых магов. Из них менее десяти процентов имеют однократную дальность свыше двадцати верст, и лишь четверть способна на несколько скачков подряд, остальным требуется перерыв по меньшей мере в двенадцать часов. Более того, сейчас нам известно, что скачки усугубляют недомогания. От них следует воздерживаться беременным, немощным, престарелым и еще не оправившимся после тяжелой болезни. Изредка скачки приводили к серьезным последствиям даже у здоровых в остальном людей.

Из «Настольной книги здоровья и благополучия мага»

Нужна ли вам палочка? Если коротко: нет, не нужна. Для того чтобы заклинание работало, требуются лишь намерение и действие, и было неопровержимо доказано, что движения губ или же проговаривания заклинания вслух для действия достаточно.

Зачем же мы тогда все еще пользуемся палочками? Одна причина — традиция: мы орудуем палочками слишком долго, прекратить делать это будет почти грубостью. Другая — привычка: маги привыкли и привязались к своим палочкам. Но, что важнее, палочка действует как усилитель. Заклинания, накладываемые с ее помощью, более мощные и эффективные — достаточно веская причина, чтобы найти себе палочку по душе.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Вы не найдете здесь много информации о превратных заклятиях, потому как для книги такого уровня они слишком сложны и, что еще важнее, незаконны.

Привороты часто ошибочно называют самыми известными примерами превратных заклятий. Однако эффект приворотного зелья временный, хоть и весьма бурный. С другой стороны, эффект настоящих превратных заклятий или полупостоянный, или постоянный. И они подменяют не эмоции и поведение, а факты. Другими словами, это кампания дезинформации.

К счастью, не так-то просто наложить превратное заклятие. Если мистер Рукозагребущий известен как вор, то никакое превратное заклятие этого не изменит. Также не поможет оно и человеку, которого уже подозревают во лжи.

Превратные заклятья только тогда эффективны, когда 1) те, к кому они применяются, ничего не подозревают и 2) распространяемая ложная информация не противоречит уже известным фактам.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Стерпев кучу рукопожатий, хлопков по спине и обычных полуприветствий-полуоскорблений, Иоланта понадеялась, что наконец-то сможет передохнуть. Не тут-то было.

— Бентон! — позвал Уинтервейл. — Отнеси вещи Фэрфакса в его комнату. И не забудь как следует растопить камин. Фэрфакс, пойдем, перекусим.

Мальчик поменьше в пиджаке только до талии, без фалд, утащил чемодан.

— Не давай ему спуска, — улыбнулся Уинтервейл — блондин, такой же высокий, как принц, и сильный, едва способный удержаться на одном месте из-за бурлящей внутри энергии. — Пока тебя не было, Бентона особо не утруждали.

Иоланта не спросила, почему нужно не давать ему спуска — позже принц все объяснит, — и просто ухмыльнулась:

— Он еще пожалеет, что я вернулся.

До Малых Забот учитель Хейвуд преподавал в школе для мальчиков. Каждый вечер после спортивных тренировок группа учеников, громко болтая, проходила мимо окна Иоланты. Она обращала особое внимание на самого популярного парня, отмечая его развязную манеру держаться и беззлобные подшучивания.

И сейчас играла роль того самого веселого и обаятельного нахала.

Идущий на шаг впереди принц повернул голову и искоса одобрительно посмотрел на Иоланту. Ее сердце пропустило удар. Вряд ли он из тех, чье одобрение легко заслужить.

На пороге комнаты Уинтервейла, Иоланта замерла как вкопанная. На подоконнике цвела крупная погодница — полезнейшая штука, если хочешь узнать, стоит ли брать с собой зонт. Вот только откуда здесь взяться растению магического мира? Что оно делает в?..

Принц положил руку Иоланте на плечо:

— Успел забыть, как выглядит комната Уинтервейла?

Она позволила втащить себя внутрь, понимая, что не следовало останавливаться и глазеть.

— Просто размышлял, неужели стены всегда были такими зелеными?

— Нет, — ответил Уинтервейл. — Я переклеил обои перед самым концом прошлого семестра.

— Ты везунчик... И молодец, — прошептал принц Иоле на ухо.

Она запылала, почувствовав его дыхание на своей коже, но не отважилась бросить на него взгляд.

Вскоре комната оказалась забита. Два мальчика помладше тихо сидели перед камином — один готовил чай, а другой с поразительной сноровкой жарил яичницу. Третий подавал хлеб с маслом и тушеную фасоль.

Иоланта внимательно наблюдала за происходящим: без сомнения, мальчики помоложе прислуживали тем, кто постарше. Бентон, которому поручали отнести чемодан в ее комнату, вернулся с тарелкой все еще шкворчащих сосисок.

— На этот раз не пригорели? — подколол Уинтервейл.

— У меня они почти никогда не горят! — негодуя воскликнул Бентон.

Уинтервейл ткнул Иоланту локтем:

— Ох уж эти новички! К третьему семестру такие ворчливые.

Он угодил в очень чувствительную точку ее груди. Иоланта могла гордиться собой, потому что в ответ лишь судорожно втянула воздух.

— Они научатся понимать, где их место.

Она подошла к растению и прикоснулась к его мягким, похожим на папоротник листочкам. Это точно погодница!

— У тебя всегда была эта лоза?

— Я вырастил ее из сеянца, — ответил Уинтервейл. — Когда ты уехал, росточек был всего с вершок, наверное.

Может, это принц ему дал?

— Неужели я отсутствовал так долго? Мне так не казалось.

— Как там Сомерсет? — спросил Кашкари.

Сомерсет?! Иоланта инстинктивно придвинулась к принцу, будто верила, что его близость поможет избежать ошибок.

— Ты хочешь сказать, Шропшир?

Принц, усевшийся на кровати Уинтервейла, бросил на нее очередной одобрительный взгляд.

Акация Лукас, одна из учениц Хейвуда в Малых Заботах, страстно желала выйти замуж за юного правителя Державы. Однажды во время лабораторной, которую проводила Иоланта, она указала на его портрет и прошептала подруге: *«У него лицо ангела»*. Иоланта посмотрела на холодно-высокомерное лицо на портрете и фыркнула.

Нельзя сказать, что Акация во всем права — или же во всем ошибается. Принц ни капельки не походил на чистого возвышенного ангела. Но земным вполне мог быть: самый опасный тип людей, глядя на которых, видишь только то, что хочешь увидеть.

Иоланта увидела решительного защитника. Но был ли он таким на самом деле, или же это просто ее желание, продиктованное отчаянием? Сама того не желая, где-то в глубине души она все же понимала, что не исключительно по доброте душевной он всем рисковал.

— Ты из Шропшира, да? Извини. — Кашкари покачал головой. — Значит, как Шропшир?

У него были прямые иссиня-черные волосы, кожа оливкового цвета, умный взгляд и прекрасный рот, придававший лицу немного грустное выражение — потрясающий красавчик!

— В основном холодно и сыро, — ответила Иоланта, считая, что такой вариант всегда подходит для весенней погоды на острове в северной части Атлантического океана. И добавила, спохватившись: — Но я, конечно, все время торчал внутри, изводя экономку.

— А как там в Дербишире? — спросил принц у Кашкари, отвлекая остальных от обсуждения Арчера Фэрфакса.

Иоланта смогла перевести дух — ранее она задерживала дыхание. Принц проявил потрясающую дальновидность, придумав, что Фэрфакс большую часть своей жизни провел за границей: этот факт мог послужить оправданием его скудных знаний о Британии. Но то, что Иола вспомнила упоминание о Шропшире, было чистейшим везением. Как мало эмигрант ни знает об Англии, уж о своем-то доме знать должен!

— Жаль, что мне не хватает времени возвращаться в Хайдерабад между семестрами. В Дербишире очень красиво, но жизнь в сельской местности быстро приедается, — ответил Кашкари.

— Хорошо, что теперь ты снова в школе, — сказал принц.

— Верно, школа более непредсказуема.

— Да? Для меня школа предсказуема, и она мне нравится такой, — заметил Уинтервейл. — Скажу-ка я тост. За школу — чтобы она всегда была такой, как мы хотим!

Чай был готов. Уинтервейл разогнал юную прислугу и сам разлил напиток для гостей. Те зазвенели чашками.

— За родную школу!

Дома к чаю обычно подавали печенье или булочки. Здесь же — на столе красовались яйца, сосиски, фасоль и тосты — послеобеденный перекус был полноценной едой. Иоланта надеялась, что поглощение пищи полностью захватит внимание мальчиков. Еще несколько вопросов, и она обязательно себя выдаст.

— Хорошо поешь, — велел Уинтервейл. — Тебе нужно набраться силенок для крикета.

«Для чего? Какого крикета?»

— М-м-м... Силенок у меня и так хватит.

— Отлично! Нам ужасно не хватало хорошего боулера.

«Кого-кого?!» По крайней мере, Уинтервейл не ждал от нее рассказа о том, что это за зверь такой. Он лишь протянул ей руку:

— За сезон, достойный воспоминаний!

Иоланта пожала его ладонь и повторила:

— За сезон, достойный воспоминаний.

— Вот это по-нашему, — влез Кашкари.

Принц совсем не казался таким же радостным. Какими обязательствами Иоланта себя связала через это рукопожатие? Но прежде, чем она успела отозвать его в сторонку и спросить, снова заговорил Кашкари:

— Не знаю почему, Фэрфакс, но я никак не могу вспомнить, как ты сломал ногу.

Ее сердце упало. И как придумать ответ на подобный вопрос?

— Он... — одновременно начали принц и Уинтервейл.

— Продолжай, — разрешил его высочество.

Иоланта отпила из кружки, пытаясь слишком явно не выдать облегчение. Конечно же, принц о ней позаботится!

— Он залез на дерево с краю нашего поля для крикета и упал, — ответил Уинтервейл. — Принцу пришлось нести его на себе обратно. Так ведь, ваше высочество?

— Да, — согласился тот, — а Фэрфакс всю дорогу плакал как девчонка!

«Ах так?»

— Если я и плакал, то лишь потому, что тебя, бедненького, жалел. Я вешу всего-то девять стоунов. Но услышь кто, как его высочество всю дорогу стонал, точно подумал бы, будто я слон. «Ох, Фэрфакс, я больше не могу идти». «Ох, Фэрфакс — это все: ноги меня не держат». «Ох, Фэрфакс, у меня коленки трясутся. Ты сейчас меня раздавишь».

Кашкари и Уинтервейл фыркнули от смеха.

— У меня до сих пор спина ноет, — заявил принц. — А ты вешишь ничуть не меньше Гибралтарской скалы.

Их перепалка почти походила на флирт. Но Иоланта не могла не заметить, что среди всеобщего веселья принц оставался в стороне — встретиться они впервые, она сочла бы его угрюмым. Интересно, почему даже среди своих товарищей он кажется совсем одиноким?

«Конечно, все дело во мне», — неожиданно поняла Иоланта. Она — вот причина. Егс большая тайна.

А теперь они вместе хранят этот секрет.

Лицо Иолы озарилось улыбкой.

— Принц, а для чего нужны друзья?

— Прости, у меня не было времени рассказать, что Уинтервейл — изгнанник, — повинулся Тит. — Собственно, он маг стихий, но его пламя даже огоньку спички проигрывает.

Они стояли у берега тихой темной Темзы, в некотором отдалении от пансиона. Тит долгие годы занимался здесь греблей. Повторяющиеся движения, значительная затрата усилий и в конце концов настоящее изнеможение прекрасно успокаивали его ум.

Итон не всегда был приятным местом: многие мальчики переживали сложности, пока искали себе место в иерархии, и некоторые старшеклассники постоянно злоупотребляли своей властью. Но для Тита школа с ее классными комнатами, изматывающими спортивными тренировками и тысячью мальчишек — и даже с агентами Атлантиды — оказалась ближе всего к «нормальности», насколько та вообще могла присутствовать в его жизни...

— Здесь есть еще маги? — спросила Фэрфакс.

Свет таял, и облака тоже, оставляя за собой чистое, сумеречно-синее небо; лишь на западном горизонте все еще тлел закат.

— Кроме Уинтервейла, только люди Атлантиды.

Фэрфакс, казалось, чуть не опьянела, когда ушла из комнаты Уинтервейла, но напоминание о вездесущности Атлантиды привело ее в чувство. Она опустила глаза. Ссутулилась. Будто уменьшилась прямо на глазах.

— Боишься?

— Да.

— Ты привыкнешь.

Наглая ложь. Тит так и не смог привыкнуть, но вместо этого научился держаться.

Фэрфакс сделала глубокий вдох, оторвала листок плакучей ивы и свернула в зеленую трубочку. Ее пальцы были тонкими и хрупкими — очень девичьими.

— Уинтервейл назвал тебя «ваше высочество», а никто даже глазом не моргнул. Неужели они все знают, кто ты?

— Уинтервейл знает. Другие думают, что я мелкий германский князек из рода Сакс-Лимбургов.

— А разве есть такая династия?

— Нет, но все, кто слышал о ней, смогут найти такое прусское княжество на карте или в исторических книгах — постарался главный маг регента.

— Но ведь это незаконное превратное заклятье, разве нет?

— Тогда никому не рассказывай, что именно так я приготовил место Арчеру Фэрфаксу в Итоне.

Он заслужил ее долгий взгляд, одновременно одобрительный и полный тревоги.

Они остановились на краю берега. Воду заволокло темной рябью с отблесками красного золота.

— Темза, — сказал Тит. — Здесь мы занимаемся греблей — те из нас, кто не играет в крикет.

Он подумал, что Фэрфакс спросит, что такое крикет, но она просто медленно кивнула.

— На другом берегу находится Виндзорский замок, одна из резиденций английской

королевы.

В тот момент она посмотрела на юг, на замок, возвышающийся на фоне неба. Тит явственно почувствовал, что Фэрфакс слушает его вполуха.

— Тебя что-то беспокоит?

Она снова взглянула на него — в ее глазах сияло невольное восхищение. Тита редко волновало, что о нем думают другие. Но эта девушка, которая наблюдала за ним столь осторожно и ненавязчиво, такая восприимчивая, могла...

— Мы раньше говорили о моем опекуне, нет?

Ее решение довериться ему порадовало Тита — и в то же время странно обеспокоило.

— Да, в гостинице.

Она бросила в реку ивовый лист; тот немного покружился в водовороте.

— Последние несколько лет я очень из-за него расстраивалась. Он был таким многообещающим ученым. Но потом начал совершать ужасные ошибки, одну за другой, и в результате стал никем. Сегодня я узнала, что четырнадцать лет назад, чтобы обезопасить меня, он отказался от важнейших воспоминаний — отдал их хранительнице памяти. С того момента он жил, не зная о событиях, что привели его в конечную точку.

Тит с трудом представлял, как человек мог справляться с этим столько лет. В медицине на этот счет существовало единодушное мнение, что передача памяти на долгий срок крайне опасна. Через несколько лет мозг начинал судорожно искать пропавшие воспоминания. Те становились манией.

— Скорее всего, поэтому он и пристрастился к мериксиде, — продолжила Фэрфакс. — Думаю, этот выбор стоил ему карьеры и репутации... Должно быть, он подсознательно пытался заставить хранительницу вмешаться.

Она подняла с земли камешек и резким движением кисти бросила его. Тот четыре раза подскочил на водной глади, прежде чем исчез в потоке. Фэрфакс еще некоторое время смотрела на реку, а потом расправила плечи, сразу сделавшись выше. Казалось, она приняла важное решение.

— Конечно, у меня другой случай. Я владею всеми своими воспоминаниями. Но, как и он, я тоже в неведении. А я этого не хочу.

— То есть я держу тебя в неведении?

Она прикусила нижнюю губу:

— Пожалуйста, не пойми неправильно. Я очень благодарна за все, что ты сделал. Будь я лучше, позволила бы лишь благодарности мной управлять. Но я обязана спросить. Зачем? Зачем ты так рискуешь? Почему не повинуюешься инквизитору? Почему ты вообще в это замешан?

Фэрфакс явно смущалась, задавая такие вопросы: ногой она нервно терла мягкую землю насыпи, тем самым выдавая большую тревогу, чем Тит когда-либо в ней замечал. Но, как бы то ни было, голос ее звучал настороженно.

Обмен, о котором хотел попросить Тит, всегда казался ему справедливым и простым. Он обеспечивает безопасность мага стихий, а тот в ответ дает ему великие силы, нужные в данный момент. Но будет ли Фэрфакс видеть все в таком же свете?

Возможно, нужно использовать ее опекуна в качестве козыря: сама она не сможет проникнуть в Инквизиторий. Тит тоже не мог, но она-то этого не знает!

«А ты знаешь». Он лгал по необходимости, однако стоит ли обманывать Фэрфакс, зная, что, вероятно, взамен он просит ее жизнь?

То, что Тит не ответил сразу же, привело ее в замешательство. Фэрфакс провела рукой по волосам и удивленно отдернула пальцы, словно забыв, что большая часть ее шевелюры острижена и уничтожена.

Затем с задумчивым взглядом чуть-чуть покачала головой. Тит пристально смотрел на нее — девушку, которая больше нигде и никогда не будет в безопасности.

Нет, он не станет лгать. Не ей. Им предстоит вдвоем бороться против целого мира, и именно этому союзу будут посвящены дни, отведенные Титу на земле.

Это его единственный шанс совершить что-то правильное и значимое.

* * *

На мгновение Иоланте показалось, что принц ей вообще ничего не расскажет. А он заключил их в двойной непроходимый круг.

Человек возьмется ставить такую защиту, только если категорически не хочет, чтобы его подслушивали. Легкий ветерок с реки внезапно стал пробирать до костей.

Принц вглядывался в водную гладь, не отрываясь от узкой полоски островка. Иоланта привыкла к профилю правителя — он вычеканен на каждой монете Державы, — но все же не могла отвести глаз. Раньше она встречала симпатичных мальчиков. Но принц оказался больше, чем просто симпатичным; он был потрясающим. И в его манере держать себя чувствовалось величие, которое не имело ничего общего с родословной — нет, он просто излучал целеустремленность.

— Я собираюсь свергнуть Лиходея.

Тихие слова, коснувшись Иоланты, унеслись с порывом ветра. Она вздрогнула и принялась ждать, что принц скажет, мол, пошутил — у него ведь, как выяснилось, есть чувство юмора.

Он прямо встретил ее взгляд; его был твердым и непоколебимым.

Это безумие! С таким же успехом можно уничтожить Лабиринтные горы — и то, наверное, проще. Лиходей непобедим. Неприкосновенен

— Почему? — хрипло спросила Иоланта.

— Потому что это мое предназначение.

Несмотря на охватившее ее неверие — или же благодаря ему, — уверенность принца повергла Иолу в трепет.

— Как... как ты узнал, что это твое предназначение?

— Так сказала мне мать.

Когда речь заходила о принцессе Ариадне, люди обычно судачили о таинственной любовной связи, результатом которой и стало рождение принца. Никто не мог вспомнить другого примера из всей истории рода Элберонов, когда был бы неизвестен отец будущего правителя.

— Твоя мать была провидицей?

— Да. — Какое чувство вложил он в свой ответ? Гнев, смирение, грусть — или же помесь всех трех? — В соответствии с ее волей, общественность об этом так и не узнала.

Настоящих провидцев существовало немного. Они считались редкостью.

— Какие из ее предсказаний сбылись?

У принца в руке появился камешек, хотя он не наклонялся.

— Двадцать пять лет назад к ней и моему дедушке прибыла делегация молодежи из

Атлантиды. В их числе была семнадцатилетняя девушка — не делегат, просто помощница. Мама указала на нее деду и сказала, что когда-нибудь эта девушка станет самым могущественным человеком в Державе.

— Инквизитор?

Принц бросил камешек, и тот запрыгал вдаль по воде.

— Инквизитор.

Впечатляюще.

— Что-то еще?

— Она знала точную дату похорон баронессы Соррен за много лет до того, как та выдвинула обвинения против Атлантиды.

Этот факт лишил Иоланту мужества. Неудивительно, что принцесса Ариадна не хотела, чтобы кто-то знал о ее даре, если она предвидела такие вещи, как даты похорон.

Принц бросил еще один камешек.

— Она также сказала, что я узнаю о твоём существовании, когда буду на балконе. Так и вышло.

В сердце зажегся лучик надежды.

— И она сказала, что ты свергнешь Лиходея?

Принц медлил с ответом.

— Так да или нет?

— Она сказала, что я должен попытаться, сдвинуть дело с мертвой точки.

— Но ведь это не гарантия успеха?

— Нет. Но мы никогда не совершим чего-то стоящего, если с самого начала будем требовать гарантию успеха.

От его смелости захватывало дух. В сравнении с ним, Иоланта жила в микроскопическом масштабе, беспокоясь о благополучии лишь двух людей: себя и учителя Хейвуда. В то время как принц, который мог бы вести роскошную жизнь, полную привилегий, желал отказаться от всего ради большей пользы для мира.

— А какую роль в плане играю я?

— Ты нужна мне, — просто ответил он. — Только с великим магом стихий у меня есть шанс на успех.

В детстве Иоланта с увлечением читала «Жизнь и деяния великих магов стихий». И думала, что случилось бы, достигни ее силы такой же внушающей страх безграничности, будь судьбы миров в ее руках. Слушая принца, она вновь почувствовала то волнение, удивительный заряд от ощущения неограниченных возможностей.

— Ты действительно не сомневаешься, что я и есть тот великий маг стихий?

Глаза принца излучали абсолютную уверенность.

— Да.

Если в этом убежден и он, и Атлантида, и учитель Хейвуд — настолько, что отказался от воспоминаний, — наверное, так и есть. Не могут же они все ошибаться!

— Так... как мы свергнем Лиходея?

— Когда-то нам придется напрямую противостоять ему.

У Иоланты закружилась голова. Конечно, они найдут какой-нибудь умный способ победить главнокомандующего, держась на расстоянии...

— Лицом к лицу? — Ее голос дрогнул.

— Да.

Мечты о воображаемой доблести тут же рассеялись, оставив после себя лишь осадок неприкрытого страха.

Но принц такого хорошего о ней мнения. И так рискует. Иоланте была невыносима мысль о том, что он в ней разочаруется. И что она сама в себе разочаруется. В четырех томах «Великих приключений» и всех семи книгах «Великих эпических поэм» — их она тоже очень любила в детстве — наступал момент, когда обстоятельства в жизни главного героя складывались определенным образом, и он отправлялся в легендарное путешествие. Никто в этих историях ни разу не сказал: «Нет уж, спасибо, конечно, но это не для меня».

«Но это и правда не для меня». Размышления о высоком предназначении могут взволновать душу на минуту — не больше. Иоланта не хотела приближаться к Лиходею, в одиночку участвовать в каком-то противостоянии, ведущем к смерти.

Если она умрет, то никогда не станет профессором в Консерватории, никогда не сможет снова жить в ее живописных окрестностях.

Кроме того, Держава уже давным-давно находится в тени Атлантиды. И Иоланта привыкла к такому положению вещей. У нее отнюдь не было нестерпимого желания свергать Лиходея и — пока учитель Хейвуд оставался на свободе — вообще пересекаться с инквизитором.

— Я думала... думала, что здесь прячусь, — выдавила Иола, ненавидя то, как слабо прозвучал ее голос.

— Ты не можешь вечно прятаться от Атлантиды.

«Когда-нибудь тебя найдут, — подразумевал принц, — и тогда нужно будет бороться — или же умереть».

Иоланта хотела собрать остатки храбрости, но с тем же успехом могла наколдовать бриллианты из воздуха. Казалось, ноги вот-вот расплавятся, а легкие словно заполнились ртутью.

— А как конкретно я должна... победить Лиходея?

— Точно не знаю. Я долгие годы читал о магии стихий, однако мне еще предстоит понять, как использовать твои возможности. Ведь согласно словам моей матери, Лиходея можно одолеть, только используя силу великого мага стихий.

— Используя силу великого мага стихий... — медленно повторила Иоланта. — Ты имеешь в виду, использовать так же, как Лиходей.

— Нет, не так.

— А как?

— Еще не знаю.

Она смутилась:

— Так ты собираешься ставить на мне эксперименты?

— Нет, я собираюсь экспериментировать с тобой, а не над тобой. В этом деле мы вместе.

Иоланта отчаянно хотела доверять этому юноше, который выглядел так, словно его рождение благословили ангелы — прекрасный в своем бесстрашии. Но они не вместе в этом деле. Чтобы помочь ему достичь цели, изменить ход истории, ей пришлось бы полностью отвергнуть свою задачу — выжить.

Возможно, она и есть великий маг стихий, но уж никак не великая героиня. Обычная девушка, дрожащая в мужской паре ботинок, которые немного жмут у носков.

Тем не менее, желание произвести впечатление на принца все еще боролось внутри с

потребностью спасти себя.

— Может... я просто помогу тебе как советник.

«Трусиха». Но уж лучше стухнуть, чем умереть.

— Нет, без тебя никак.

Каждое слово звучало как приговор.

— Но я не знаю, что делать, и ты не знаешь...

— Я выясню в конце концов. А тем временем буду тренировать тебя, чтобы ты лучше направляла свои силы. Потенциала недостаточно: ты должна стать мастером. Только тогда сможешь противостоять Лиходею.

У Иоланты задрожали губы. Она больше не могла отрицать очевидное.

— Я не хочу ему противостоять.

— Никто не хочет, но ты не сбежишь от своего предназначения.

Какое предназначение, если ей приходилось бесстыдно заискивать перед жалким деревенским распорядителем, лишь бы никуда не переезжать до экзаменов?

— У меня нет предназначения, — слабо возразила Иоланта.

— Может, ты и не знала этого до сегодняшнего дня, но оно у тебя есть и всегда было.

Взволнованный голос, пристальный взгляд. Умей она мечтать, принц убедил бы ее своей уверенностью.

— Я не такая храбрая, как ты думаешь. Я пошла с тобой, потому что ты предложил убежище. У меня нет качеств, необходимых, чтобы взвалить на плечи ношу, о которой ты просишь.

Мгновение принц молчал; в его глазах что-то вспыхнуло и погасло.

— А что же с твоим опекуном? Ты сама его спасешь?

Его вопросы заставляли Иоланту мучиться сомнениями почти целую минуту, прежде чем она осознала, чем они были: манипуляцией. Он готов воспользоваться ее беспокойством за учителя Хейвуда, чтобы добиться своего.

«Любой преследующий тебя маг хочет воспользоваться твоими способностями.

Никому не доверяй».

Как она раньше не догадалась? Несмотря на кажущееся величие принца, он просто необычайно амбициозен; Иоланта же нужна ему лишь как средство достижения собственной цели.

Она почувствовала неконтролируемую тревогу.

— Я надеялась, вы выше этого, ваше высочество. Мой опекун спас мне жизнь не ради того, чтобы я потеряла ее в обреченной на провал аванюре. Его удар хватил бы, дай я себя так использовать.

Принц стиснул зубы:

— Я тебя не использую. Я тебя уже дважды спас и, ужасно рискуя сам, предложил тебе лучшую из возможных защит. Справедливо, мне кажется, попросить взамен помочь в добром деле — да еще в таком, важнее которого нет на свете.

В отличие от Иоланты, он не повысил голос. Но было очевидно, что принц защищается.

— Так бычок должен охотно идти на бойню лишь потому, что фермер кормил его и предоставил загон? Сколько из них согласились бы на эту «сделку», если бы знали, что будет в конце? Ты просишь меня отказаться от всего ради дела, ко мне не относящегося. Я не хочу быть звеном революции. Просто хочу жить!

— Жить, так никогда и не попробовав свободы? — глухо спросил принц.

— Мертвой мне будет все равно! — негодуя выпалила Иоланта.

Горше всего было от того, что она верила ему, надеялась на него. Собиралась держаться за него, как за якорь в океане новой бурной жизни. И отплатить за доброту чем только сможет.

А отплатить попросили жизнью.

* * *

Вернувшись в комнату Фэрфакса, Иоланта подняла тускло-красный чемодан, который принц дал ей носить как свой собственный, и положила его на письменный стол. Внутри оказалась мужская одежда, монеты непривычного вида, карта Лондона и района Итон-Виндзор, а также книга — «Ежемесячный железнодорожный справочник Брэдшоу».

— Может, передумаешь? — попросил принц.

Иоланта резко развернулась. Она понятия не имела, когда он перескочил в комнату.

С ничего не выражающим лицом он стоял, прислонившись к стене.

— Ты даже не знаешь, куда идти.

Но она знала. Принц говорил, что его школа расположена неподалеку от Лондона. Именно туда и нужно вернуться. Учитель Хейвуд советовал как можно дольше ждать прибытия хранильницы памяти рядом с конечным порталом. В этом шаге таились свои опасности. Но Иоланта не собиралась возвращаться в дом той сумасшедшей. Можно ведь следить за зданием с улицы, с соседней крыши, или...

— Я бы не стал даже думать об этом.

Сердце пропустило удар, но Иола повернулась к чемодану, положила монеты в карман и сделала вид, будто проверяет, что там еще есть.

— Женщина на чердаке знает, кто ты, или, по крайней мере, что ты из себя представляешь. Она справится о тебе у других изгнанников. Среди них есть информаторы. Атлантида, должно быть, уже следит за всеми окрестностями. Агенты снимут с дома защитные заклинания, чтобы ты смогла туда попасть, если захочешь попытаться. Давай, действуй, и больше никто никогда тебя не увидит.

Г горлу подкатила тошнота.

— Британия — большое государство. Передо мной почти бесконечное число вариантов. Как ты сам говорил, Атлантида, какой бы великой она ни была, не сможет так легко вычислить меня на земле, где живут миллионы людей.

— Не думай, что так легко сольешься с толпой. Твой пиджак — часть формы. То есть в тебе всюду узнают ученика Итона. Местные зададутся вопросом, почему ты бродишь по улицам вместо того, чтобы быть в школе — и тебя запомнят.

Иоланту прошиб пот. Она бы с легкостью себя раскрыла, так этого и не осознав!

— Мне всего лишь нужно сменить его.

Она переделалась в коричневый пиджак из чемодана.

— Если бы все было так просто. В сельской местности, где все друг друга знают, ты будешь выглядеть слишком подозрительно. Так что твой путь должен проходить по городам, где возможно остаться незамечной. Но ты же не знаешь, какие части города безопасны для хорошо одетого молодого человека, а в каких тебя ограбят и, вероятно, побьют. И прежде, чем ты начнешь меня уверять, какие крепкие у тебя кулаки, хочу спросить: сколько взрослых мужчин ты сумеешь обезоружить сразу, не прибегая к силам стихий?

— Если пытаешься убедить меня, что любое другое место для меня опасно, то у тебя ничего не вышло, — ответила Иоланта.

«Но еще чуть-чуть — и выйдет».

— Любое другое место опасно для тебя. Разве ты этого еще не поняла?

Она желала, чтобы принц не говорил так спокойно и разумно.

— Опасней этого? Ты приведешь меня к гибели!

— Я отдам за тебя жизнь. Ты знаешь кого-то, кто сделает то же самое?

«Я отдам за тебя жизнь». Эти слова вызвали странное чувство — боль быстрой осой вонзила жало в сердце. Иоланта закрыла чемодан.

— Ты можешь пообещать, что я выживу? Нет? Я так и думала.

Принц был спокоен и грустен. Раньше она не подметила этого, но теперь видела, что печаль навсегда оставила на нем свой след — отпечаток тяжести в сердце от непосильной ноши.

— Прости, — помимо воли вырвалось у Иоланты.

Принц подошел к окну и посмотрел на мрачающее небо. Левой рукой он сжал штору. Иоланта не взялась бы утверждать, но ей показалось, он вздрогнул.

— Что там? — спросила она.

Помолчав, принц сказал:

— Появились звезды. Вечером они будут прекрасны.

Затем развернулся и с поднятой палочкой подошел к ней. Иола отступила, не совсем понимая, что он собирается делать. Но принц просто подогнал коричневый пиджак по ее фигуре.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Уж если попадаться Атлантиде, так в лучшем виде.

Иоланта хотела презрительно фыркнуть, но не смогла. Казалось, ее горло набито древесными опилками.

— Значит... прощай.

— Необязательно.

Она покачала головой:

— Ты рисковал не без причины. Так как я не могу дать тебе желаемого, мне не следует и дальше подвергать тебя риску.

— Позволь мне самому решать, когда рисковать, а когда — нет, — тихо отозвался принц.

От его слов Иоланта вновь расклеилась. Если он защитит ее, даже зная, что она не станет помогать...

Нет, нельзя позволять себе снова мечтать.

— Я не могу остаться, но в любом случае спасибо, что сказал мне правду.

Странная тень легла на глаза принца, но выражение его лица быстро стало бесстрастным. Он положил руку Иоланте на плечо. На мгновение она подумала, что принц притянет ее к себе и поцелует, но он лишь провел подушечкой большого пальца по ее лбу в знак царственного благословения, сказал:

— Да пребудет с тобой Фортуна.

И отпустил.

На прошлой неделе двор подтвердил, что принцесса Ариадна в самом деле ждет первенца. Это известие положило конец месяцам слухов и вызвало еще больше вопросов.

В указе, регулирующем право наследования короны, указано только, что наследник должен быть первенцем по линии Тита Великого. Никаких упоминаний о законнорожденности нет.

Если не говорить о нескольких известных исключениях, большинство незаконнорожденных детей королевских кровей не заявляли о своих правах на престол. Однако, по мнению источников «Наблюдателя», принцесса Ариадна намерена провозгласить своего первенца наследником дома Элберона.

Это провозглашение, если оно последует, не будет оспорено по факту законности. Но большая часть магов, которых опросил «Деламерский наблюдатель», придерживаются мнения, что они имеют право знать отца будущего правителя. Категоричный отказ принцессы назвать имя нанес вред ее безупречной прежде репутации. Множатся сплетни, и большая их часть подвергает сомнению как личные качества принцессы, так и ее пригодность к управлению.

Из статьи «Принцесса: проверка на прочность», газета «Деламерский наблюдатель»,

от 8 июня 1014 державного года

Дежавю.

Казалось, совсем недавно Иоланта стояла на том же месте за домом миссис Долиш, глядя на окна комнаты Фэрфакса. Только тогда она думала, будто нашла прибежище. А сейчас уходит, и неизвестно, какие опасности ждут впереди.

За шторой никто не двигался, но свет оставался зажженным — золотистый прямоугольник уюта и покоя. Хотя Иоланте и предстояло уйти, она все равно смотрела и смотрела в окно, надеясь на то, чего больше не имела права ждать.

Если бы только ей не было так страшно и одиноко. Она словно превратилась в потерявшегося ребенка, которому отчаянно нужна рука помощи.

О гостинице не могло быть и речи. Тогда полуразрушенный сарай? Воспоминания о том, как там грязно, да еще и крыша протекает, отнюдь не привлекали, но Иоланта закрыла глаза и велела себе пересечь это расстояние.

Скачка не произошло. Она попыталась еще раз, и опять безрезультатно. Должно быть, дистанция больше ее диапазона. А не зная никаких мест по пути туда, разбить дорогу на части не получится.

Со зла Иоланта пнула ближайшее дерево. Ну как она могла так сглупить? Надо было продумать свой уход гораздо тщательнее. Найти место, куда она способна добраться. Или позаимствовать у принца средство для скачков.

И одеться потеплее. Сейчас, с наступлением ночи, резко похолодало. Иоланта зябла в коричневом пиджаке, на который сменила форму. Свободной рукой она обхватила себя, чтобы согреться.

А еще из-за холода поняла, что голодна. Целый день она почти ничего не ела, и желудок был пуст, как и полуночная улица.

«В любом случае необходимо найти хотя бы пропитание».

Иоланта последний раз посмотрела на ярко освещенное окно Фэрфакса. Если с ней что-то случится, пожалеет ли принц о потере хоть чуть-чуть?

Она вздрогнула, но уверила себя, что это только от холода. Кроме того, не стоит возвращаться туда, где она уже была. Иоланта положила английские монеты из чемодана в карман. Пройдясь по улицам Итона, она, вероятно, найдет постоянный двор, где можно переночевать и купить еду.

Утром положение не будет казаться столь ужасным.

Иола глубоко вдохнула, взяла чемодан в левую руку и направилась к улице. Но едва сделала несколько шагов, как что-то заставило ее поднять взгляд.

Небо поражало глубокой синевой. Принц оказался прав: сияло бесчисленное множество звезд. Лев. Дева. Близнецы. А вот и Полярная звезда, надежный ориентир северного неба.

Но что же такое на самом деле эти черные точки, которые так высоко, что их почти не видно во мраке ночи? Иоланта прищурилась. Неужели это птицы летят, образуя своим строем идеальный ромб?

Птицы, направлявшиеся на восток, исчезли вдали. Но не успела Иоланта облегченно выдохнуть, как с запада появилась еще одна стая, опять в форме ромба. На сей раз, пролетая над головой Иола, три птицы покинули строй. И принялись кружить в небе, снижаясь, так что она смогла разглядеть тускло-серый блеск их брюшек.

Это не птицы, а пользующиеся дурной славой бронированные фаэтоны Атлантиды — воздушные экипажи, либо переправлявшие важных сановников, либо поливавшие дождем смерти жителей-мятежников.

Что там говорил принц? Едва прознав о ее прибытии, люди Атлантиды окружают целый район вокруг дома той сумасшедшей на случай, если Иоланта решит вернуться.

Если это и правда агенты, то принц разве что преуменьшил масштаб их усилий ее разыскать.

Кровь застучала в ушах. Иоланта стала лихорадочно искать в карманах палочку. И, едва не плача, вспомнила, что оставила ее в лаборатории после того, как принц посоветовал не брать ничего личного, дабы не раскрыть себя как беглеца из магического мира.

«А теперь я поймана на открытой местности, да еще и без палочки».

Иола постаралась убедить себя, что все не так страшно. Атлантида не знает ее точного местонахождения — здесь, в Британии, она просто крошечная песчинка на огромном пляже. Кроме того, ищут девушку, а даже несколько десятков мальчишек не распознали ее в Иоланте.

Но три бронированных фаэтона опускались все ниже. Сердце ухнуло вниз, руки затряслись, и она быстро нырнула в рощицу.

В тридцати саженях над землей фаэтоны остановились, словно зависли в воздухе.

Для поддержки Иола ухватилась за ближайший ствол.

Через мгновение на лужайке за пансионом миссис Долиш появилась группа из по крайней мере десяти магов.

* * *

Размышляя о произошедшем, Тит понимал, что реакция Фэрфакс была абсолютно предсказуема. Разве вообще кто-нибудь пожелал бы взяться за такое безнадежное дело? Тит и сам всей душой ненавидел сей тяжкий груз на шее.

Но он поддался собственным чувствам. Всю жизнь ему приходилось скрываться и притворяться. А с Иолантой он захотел настоящего партнерства, отношений, основанных на доверии, понимании и добровольности — на всем том, чего прежде Тит был лишен.

Глупо, конечно. Да, глупо, но это совсем не значит, что ему меньше этого хотелось.

Тит отошел от окна и сел на виндзорское кресло с толстой подушкой в серо-белую полоску. Кресло он выбрал сам, как и материал для подушки сиденья. Он также выбрал синие обои и белые занавески. Тит совсем немного знал о декоре, но хотел сделать комнату спокойной, зная: события, что приведут Фэрфакса в Итон, неизбежно окажутся драматическими.

Перед ним на полках стояли книги, которые Тит собрал с конкретной целью — познакомить Фэрфакса с немагической реальностью: путеводитель по Британии для иностранцев, несколько альманахов и энциклопедий, написанный бывшим учеником справочник Итона, томик об этикете, еще один — о правилах самых популярных игр и развлечений. Всего несколько десятков.

Тит так все продумал, так старался, и так опростоволосился.

Нужно было оставаться двуличным! Он ведь лучший актер своего поколения, разве нет? Рассказал бы, что любой ценой защитит Иоланту, потому что предсказание гласит, дескать, она — любовь всей его жизни. Это же изумительная, но в то же время простая ложь,

идеально подходящая, чтобы обмануть девушку. Она бы осталась, а Тит бы продолжил ее тренировать, и никаких вопросов бы не возникало.

Но Фэрфакс хотела правды, и он — в припадке безумия, не иначе — тоже возжелал честности и искренности. И эти самые правда, честность и прямота привели его к полному краху надежд.

Тит резко встал с кресла. Что это за звук? Он выключил свет и бросился к окну.

«Черт возьми» — сказали бы его одноклассники.

Черт возьми...

Тит перескочил на улицу.

* * *

Один из магов указал в сторону Иоланты, и вся группа поспешила к деревьям.

Она тяжело задышала, звук ее страха разорвал тишину.

Получится ли справиться со всеми этими магами, которые хотят ее поймать? Или лучше вернуться в гостиницу и надеяться, что там ждет поменьше агентов Атлантиды? А может, если уж до этого дойдет, отбросить все предосторожности и вызвать еще одну молнию?

На лужайке материализовался новый маг — женщина в здешней одежде. Иоланта забила еще дальше в рощицу. Женщина без промедления направилась к агентам Атлантиды.

Они негромко заговорили. Иола не могла разобрать, о чем речь, но заметила, что они спорили, хотя и не повышая голоса.

Наконец агенты исчезли; вероятно, вернулись в бронированные фаэтоны. И женщина, напоследок осмотревшись, тоже перескочила.

Кто-то похлопал Иоланту по плечу. Она в ужасе подпрыгнула, но это оказался всего лишь принц.

— Пока они ушли, но надолго ли? Если хочешь уйти, уходи быстрее.

«Попроси меня остаться всего на несколько дней, чтобы худшее миновало».

Он ничего подобного не сделал. Да и с чего бы? Иоланта же ясно дала понять, что ее не уговорить.

— Что только что произошло? — спросила она более или менее ровным голосом, как будто до сих пор не пребывала в оцепенении.

— Спор о сферах полномочий.

Иоланта прикусила щеку изнутри.

— Что это значит?

— Это значит, что магов на фаэтонах послала инквизитор. Но миссис Хэнкок подчиняется напрямую министерству управления заморскими владениями, и ей совсем не нравятся ищейки инквизитора, без приглашения вторгшиеся на ее территорию. Они это знали, потому попытались скрыться прямо там, где сейчас ты.

Сердце забило даже сильнее, чем раньше.

— Иди, — велел принц.

У Иоланты не осталось выбора, кроме как признать очевидное:

— Я не знаю, куда идти.

Он взял ее руку и положил на свою. В следующее мгновение они уже стояли на ярко освещенной улице напротив длинного украшенного колоннами здания с изогнутой

мансардной крышей.

— Где мы?

— Слау, полторы мили к северу от Итона. Это железнодорожная станция. — Принц указал на здание. — У тебя в сумке расписание и достаточно денег, чтобы отправиться куда угодно. Если хочешь, плыви пароходом в Америку.

Он злился на нее, но все равно помогал. Почему-то эта мысль сделала будущее без него еще мрачнее. Сердце Иоланты томилось муками, которые она не смела назвать.

Принц развернул ее, так что теперь она стояла лицом к приземистому двухэтажному дому.

— Это постоянный двор. Если хочешь уехать утром, можешь там поужинать и остаться на ночь. Убедись, что проверила обстановку снаружи и узнала, где запасной выход.

— Спасибо, — пробормотала Иола, не глядя принцу в глаза.

— И возьми это. — Он вложил ей в руку палочку.

— Но она же твоя!

— Конечно же, нет. Непомеченная, запасная. Нельзя, чтоб у тебя была моя палочка, когда тебя поймают.

Не «если», а «когда».

Иоланта подняла голову, но принц уже исчез.

* * *

Гостиница оказалась маленькой, но светлой и очень чистой. В баре в камине пылал огонь; в воздухе стоял запах крепкого эля и горячего тушеного мяса.

Миссис Нидлз всегда говорила, что пустой желудок приносит много вреда, лишает человека тепла, храбрости и ясности ума. Когда Иоланта только ступила на порог, ей было холодно, страшно и грустно. Однако она гораздо лучше владела собой теперь, когда перед ней появился ужин: большие куски говядины и моркови, плавающие в подливке, ломти свежее испеченного хлеба и большой кусок масла, а еще попозже обещали пудинг.

Иоланта выбрала столик рядом с окном, с обзором запасного выхода, ведущего в аллею. Наверху ждала скромная, но вполне приличная комната, а на столе перед Иолой лежало расписание поездов. Она уже обвела поезд — насколько она понимала, очень грубое приспособление для быстрого передвижения, — на котором собиралась уехать утром.

Затем взяла ломтик хлеба и намазала на него толстый слой масла. Принц тоже скоро будет ужинать в своем пансионе в Итоне. Будет ли он думать об Иоланте, как она думает о нем? Или же тайно вздохнет с облегчением и обрадуется, что не придется сражаться с Лиходеем?

Хейвуду понравилось бы, что подопечная не согласилась действовать по безумному плану принца, а сосредоточилась на выживании. Она устала на хлеб в руке, блестящий от масла, и спросила себя, предлагают ли учителю в Инквизитории такую же вкусную пищу. Помогут ли ему агенты Атлантиды, когда появятся симптомы выхода из опьянения мериксидой? Или же они будут просто смотреть на его страдания?

— О чем думаешь, красавчик?

Иоланта подпрыгнула. Но рядом обнаружилась лишь улыбающаяся ей служанка.

Кокетливо улыбающаяся.

— М-м-м... О наполненной до краев кружке эля, поданной самой красивой девушкой в

комнате?

Девушка хихикнула:

— Сейчас принесу.

Иоланта уставилась на ее удаляющуюся спину, гадая, как сделать так, чтобы от нее отвязались. Нельзя было допустить даже возможность ситуации, в которой могло бы выясниться, что она совсем не «красавчик».

Служанка бросила взгляд через плечо и подмигнула. Иоланта поспешно уставилась в окно. Дома на станциях быстрого передвижения обычно имелось несколько гостиниц. Может, поблизости есть еще одна?

Два бронированных фаэтона висели высоко над железнодорожной станцией на другой стороне улицы. А на земле группа агентов, которых было легко отличить от испуганных пешеходов по форменным туникам, расходилась в разные стороны. Несколько шли прямо в гостиницу.

От охватившего Иоланту страха даже время словно замедлилось. Мужчина, читающий расписание под фонарем, зевнул, и его рот открывался бесконечно долго. Гость за ближайшим столиком попросил своего спутника передать ему соль, причем каждый слог его просьбы растягивался, как разжеванная ириска. А сосед его, двигаясь так, словно сидит в бочке с клеем, взял оловянную кружку с ложкой внутри и протолкнул ту от края до края.

С громким стуком на стол прямо перед Иолантой бухнули огромную высокую кружку с элем и льющейся через край пеной. Иола дернулась и быстро посмотрела на служанку, которая опять многозначительно ей подмигнула:

— Хотите чего-нибудь еще, сэр?

Иллюзия свободы рассыпалась в порошок.

«Здесь я не в безопасности». Нигде не в безопасности. И выбор лишь один: умереть сейчас же или чуточку позже.

Иоланта бросила горсть монет рядом с почти нетронутым ужином и побежала к запасному выходу.

* * *

Он просто ублюдок. А как же иначе: он лжет, мошенничает и манипулирует.

Фэрфакс будет готова прибить его, когда поймет, что именно Тит сделал.

«Неважно, — убеждал себя он. — Ты выбрал этот путь не для славы и признания».

Главное — она должна вернуться. А пустоту в груди он абсолютно не замечал.

Тит включил свет в комнате Фэрфакса и стал ждать. Прошло двадцать минут, и появилась Иоланта, с бледным лицом и дикими глазами.

— Если ты пришла за шляпой, она там, на крючке, — как можно более обыденно произнес Тит. — На меня внимания не обращай, я просто выдумываю прощальную записку от твоего имени.

Фэрфакс опустила на пол чемодан, выдвинула стул и плюхнулась на него, закрыв лицо руками.

В последние недели жизни его мать часто сидела так же. Раздражаясь от вида ее страданий, Тит обычно дергал ее за рукав и просил поиграть с ним.

И долгие месяцы после ее смерти мог думать только о том, выбрала ли бы она тот же путь, если бы он вел себя по-другому: гладил бы ее спину и волосы и приносил чай.

Медленно и осторожно Тит пошел навстречу Фэрфакс, словно та была спящим драконом.

Не придумав ничего лучше, положил руку ей на плечо.

Она вздрогнула, будто ее выдернули из кошмарного сна.

Тит всегда считал себя бесчувственным. Хладнокровие высоко ценилось в роде Элберонов. Его дед особенно на этом настаивал, заявляя, что можно потерять жизнь, но не бесстрастность.

И тем не менее сейчас хладнокровие Тита трещало по швам. В душе он тоже дрожал. впитав страх чародейки, ее замешательство, ранимость — это было настоящее сопереживание, потрясшее его своей глубиной и чудовищностью.

Тит отдернул руку.

— Они были там. — Голос Фэрфакс звучал так, словно она стала бесплотным призраком. — Они были на станции. Два бронированных фаэтона в воздухе и... и агенты шли к постоялому двору.

Конечно, они там были! Он же сказал миссис Хэнкок, мол, если люди Атлантиды действительно думают, что девчонка где-то поблизости, то им следует перво-наперво осмотреть железнодорожные станции, потому как она не знает Британию насколько хорошо, чтобы совершать дальние скачки.

— Ты перескочила сюда прямо из-за стола?

— Нет, с аллеи за постоялым двором. Надеюсь, я оставила достаточно монет за ужин — я слишком торопилась.

— Вряд ли сейчас подходящее время, чтобы волноваться о прибыли хозяев гостиницы.

— Знаю. — Фэрфакс подняла лицо вверх и быстро моргнула. Потрясенный, Тит понял, что она вот-вот заплачет. — Это глупо. Из всего, что случилось сегодня, почему-то именно это... — Она вытерла глаза ладонью. — Прости.

Нужно было привлечь ее к себе и утешающе обнять, может, даже поцеловать в волосы. Предложить ей успокоение, которого она так желала, и убедить, что, вернувшись, она сделала правильный выбор.

Тит не мог этого сделать. Он вообще отступил на шаг.

— Я все еще могу быть Арчером Фэрфаксом?

Тит сцепил руки за спиной:

— Ты понимаешь, что должна дать взамен?

Фэрфакс скривила губы:

— Да.

— Требую клятву.

Она медленно выдохнула.

— На чем ты хочешь, чтобы я поклялась?

— Позволь пояснить. Я требую клятву кровью.

Она вскочила:

— Что?

— Только та клятва имеет значение, к исполнению которой можно принудить. Здесь на кону не только твоя жизнь.

Фэрфакс вздрогнула, но встретила с Титом взглядом.

— Я хочу больше за клятву кровью. Ты всегда будешь говорить мне только правду. Освободишь моего опекуна. И мы предпримем одну-единственную попытку одолеть

Лиходея.

Как будто могла быть вторая.

— Согласен, — кивнул он.

Затем нашел тарелку, поставил на письменный стол и направил на нее палочку:

— *Flamma viridis*.

Вспыхнул зеленый огонь. Тит открыл карманный нож, поднес острое к огню, сделал надрез в середине левой ладони, и три капли крови упало в пламя. Огонь сверкнул и еще сильнее засиял изумрудным. Тит снова окунул нож в пламя и протянул Фэрфакс:

— Твоя очередь.

Она поморщилась, но повторила ритуал. Огонь поглотил ее кровь и окрасился в цвет полночного леса. Тит захватил все еще кровоточащую девичью ладонь своей и погрузил их соединенные руки прямо в ледяное пламя.

— Стоит кому-то из нас предать клятву, и этот огонь разольется по венам нарушителя. Тогда он не будет таким прохладным.

Огонь резко стал белым-белым и опалил их ладони. Фэрфакс зашипела. Тит судорожно втянул воздух, чувствуя обжигающую боль.

Так же внезапно, как и появилось, пламя исчезло, не оставив следов. Фэрфакс отдернула руку, с беспокойством ее осматривая. Но кожа осталась идеально гладкой и неповрежденной, даже порез испарился.

— Ощущения гораздо менее неприятные, чем те, что ожидают нарушителя клятвы, — возможно, без надобности разъяснил Тит.

— Ты обо всем подумал, так?..

Голос ее сорвался.

Шторы были задернуты. Со своего места она не могла выглянуть из окна. Но все равно неверяще туда уставилась. И из-за отрицания в ее глазах в груди Тита вновь расцвела пустота — пуще прежней. Фэрфакс все еще не хотела верить, как низко он пал.

Но это неизбежно. Она слишком сообразительна, а у него не было времени осторожничать.

И без того белое лицо ее стало совсем бледным, челюсть напряглась; Фэрфакс царапнула ногтем по центру ладони — там, где был сделан надрез.

— Ты же видел их в небе, да? Бронированные фаэтоны? Поэтому и заговорил со мной о звездах, чтобы я наверняка посмотрела вверх и их заметила.

Голос звучал неестественно спокойно. Тит вспомнил, как она благодарила его за честность. Она, вероятно, думала о том же, понимая, что, когда произносила эти слова, Тит уже собирался злоупотребить ее доверием.

Он промолчал.

— У тебя не хватило порядочности рассказать, что они там и что мне следует подождать минут двадцать, прежде чем выходить?

— Для принца порядочность — не добродетель.

Фэрфакс горько усмехнулась:

— Тот дом в Лондоне действительно окружен агентами Атлантиды?

Тит мог и преувеличить вероятность того, что леди Уинтервейл расскажет о ее прибытии другим изгнанникам. Эта безумная была склонна скорее к скрытности, чем к откровенным признаниям.

— Ты как-то связан с бронированными фаэтонами в Слау, теми, что вынудили меня со

всех ног броситься обратно?

Тит пожал плечами.

Фэрфакс снова усмехнулась:

— Так скажи-ка мне, какая разница между тобой и Атлантидой?

— Я все равно дал тебе выбор. Ты вернулась сюда по своей воле.

— Нет, я вернулась, потому что ты припер меня к стенке. Ты как хотел играл с моей жизнью. Ты...

С искаженным лицом она резко прислонилась спиной к стене.

— Уже подумываешь о нарушении клятвы? — Тит мог только воображать, какая боль ее терзает.

Фэрфакс выглядела еле живой. Ее голос охрип.

— Этот договор не может иметь силу. Сейчас же освободи меня от него!

— Нет.

Никогда.

Она ненадолго закрыла глаза. А когда снова их открыла, они были полны холодной ярости.

— Да что ты за человек? Кто может жить без чести и честности?

Тит вонзил ногти в ладони.

— Очевидно, человек, выбранный сделать то, для чего остальные слишком порядочны.

Он хотел, чтобы его слова прозвучали легкомысленно, но получилось жестко и сердито.

Фэрфакс сжала руку в кулак.

— Ты нравился мне больше, намного больше, когда я тебя не знала.

Неважно. Тит получил от нее, что хотел. С этих пор ее мнение о нем к делу не относится.

Титу пришлось глубоко вдохнуть, прежде чем он смог ответить:

— Фэрфакс, в этом деле твоя привязанность и не требуется — только сотрудничество.

Она округлила глаза. И внезапно оказалась прямо перед ним и сильно ударила его кулаком в низ живота.

Тит крикнул. А девчонка знает, как причинять боль!

— Ублюдок, — прорычала она.

В голову пришла совсем неуместная мысль: нужно было поцеловать ее, пока была возможность.

Приложив усилия, Тит выпрямился:

— Ужин через полчаса, Фэрфакс. И в следующий раз скажи мне что-нибудь, чего я действительно не знаю.

Следующий текст взят из подпольной листовки времен Январского восстания.

“Мы получили плохие новости от наших друзей на субконтиненте. Наступление в горах Гиндокуш провалилось. Выжившие сообщают о ранее невиданных воздушных экипажах Атлантиды — бронированных закрытых фаэтонах, которые отражают любое из известных атакующих заклинаний.

В сотни раз ухудшает дело то, что фаэтоны разбрызгивают смертельное зелье. Оно прозрачно и не имеет запаха. Многие сопротивляющиеся бойцы на земле сначала думали, что это естественные осадки, а их товарищи умирают в

сражениях. Но позже, когда отметили, что массовые смерти гражданских лиц совпадают с курсом полетов бронированных фаэтонов, у наших друзей не было выбора, кроме как заключить: Атлантида открыла новое устрашающее оружие — дождь смерти”.

Из «Хронологии Последнего Великого Восстания»

Нужно в который раз подчеркнуть, что магия крови — не синоним жертвенной магии. Последняя, хоть об этом можно и не говорить, всегда была запрещена в магических мирах. Чародеи, которые нарушают запрет, как правило, делают это среди обычных людей, манипулируя местными религиозными ритуалами так, чтобы те соответствовали их задаче.

Для магии крови не требуется забирать жизнь или рвать чье-то тело на части. Более того, входящие в ее спектр заклятья, вопреки распространенному мнению, не осушают тело. Для заклятья нужна крошечная капля крови, и эта кровь должна быть взята у участников ритуала добровольно. Насильственно пролитая кровь не сможет ни держать тайну, ни связывать людей, дающих клятву.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Каждая мысль причиняла мучительную боль.

Иоланта не знала, когда именно свалилась на пол, но страдать лежа было ничуть не хуже, чем в какой-либо другой позе.

Такой боли — грязной, животной, отвратительной — она еще никогда не испытывала; по нервным окончаниям словно кто-то проводил ржавыми лезвиями. Иоланта почти мечтала о чистой тьме удушья.

Не сразу, далеко не сразу она сообразила, о чем можно думать без возобновления пытки. К примеру, совсем не больно было представлять, как будущая жена принца, которая, вероятно, у него все-таки появится, изменяет ему с каждым слугой в замке. Или как дети его ненавидят. А больше всего Иоле понравилось рисовать в воображении, как его похороны оборачиваются фарсом и дебошем, потому что каждый житель Деламера считает за честь плюнуть на гроб правителя.

Иоланта и без уроков истории знала, что род Элберонов находится в упадке. Принц, несомненно, желал вернуть ему былую славу и показать себя во всей красе. Стать следующим Великим принцем. А Иоланта в его плане — крошечная пешка, равно как и для Лиходея она лишь вещь, из которой нужно выжать все возможное и выбросить за ненужностью.

Иола чувствовала себя потрепанной и истощенной, как после ужасной болезни. Она почти не верила, что еще утром ее самой большой заботой была свадьба Розы Оукблаф. Казалось, все происходило сто лет назад — в другой жизни.

Взявшись за край стола, Иоланта поднялась.

Впрочем, эта ситуация — еле стоять на ногах, когда мир кружится вокруг тебя — не казалась такой уж незнакомой. Да, это жутко походило на уже многократно пережитое: всякий раз, когда учитель Хейвуд терял место, Иоланта думала, что положение безвыходно и выбраться уже не удастся.

Но теперь так и есть — положение действительно безвыходное. Просто конец всему, как она это понимала.

И что же делать?

Будто в ответ на ее вопрос, живот забурчал. Иола слишком нервничала, когда пила с мальчиками чай, и была погружена в свои мысли в гостинице. Она чуть не засмеялась. *«Ты жива, а внизу дожидается ужин — что еще нужно?»*

К этому Иоланта привыкла: идти вперед, несмотря ни на что; приспособливаться даже к самому худшему.

Ничего другого не оставалось.

* * *

Тит постучал в дверь Фэрфакс, но ответа не получил.

— Не хочешь пойти на ужин?

Тишина.

Он спустился один и, к своему удивлению, едва шагнув в столовую, обнаружил там Фэрфакс, которая о чем-то увлеченно беседовала с Уинтервейлом. Точнее, тот проводил

анализ сильных и слабых сторон команд соперничающих по крикету домов, а она внимательно слушала.

Должно быть, Уинтервейл сказал что-то забавное, потому что она запрокинула голову и засмеялась. Тит замер: Фэрфакс была ужасно красивой. Он гадал, как его однокашник может стоять так близко и ничего не понимать.

Уинтервейл все говорил и говорил, она же смотрела на него откровенно восторженным взглядом. У Тита зачесались руки дать наглецу в челюсть так, чтобы он влетел в буфет с посудой. Сложно поверить, что он знает Фэрфакс всего несколько часов: за это время она успела перевернуть всю его жизнь.

Тит подошел к ним. Фэрфакс быстро кивнула ему, после чего вновь обратила все внимание на Уинтервейла. К Титу присоединился Кашкари, и они разговорились о сжижении кислорода — об этом немагическом научном исследовании любознательный индеец только что прочел в газете.

Вскоре дверь столовой распахнулась, и, толкаясь и пихаясь, в помещение ворвались мальчишки, тут же усевшись за два длинных стола, предназначенные для учеников разных возрастов. Миссис Долиш расположилась во главе стола старших детей, а миссис Хэнкок — младших.

— Не прочтете ли вы молитву, миссис Хэнкок? — спросила миссис Долиш.

При упоминании имени миссис Хэнкок сидящая на противоположной от Тита стороне стола Фэрфакс напряглась. Он видел, что ей не терпится повернуться и хорошенько рассмотреть означенную особу, но Фэрфакс была достаточно осторожна, поэтому, подражая другим мальчикам, склонила голову.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Отец наш Небесный, — начала миссис Хэнкок, — помоги нам в своем бесконечном милосердии; начинается новый семестр в этой старинной и прекрасной школе. Направь мальчиков на тропу усердия, и пусть их учеба будет плодотворной. Дай им здоровья и сил — как телесных, так и душевных. И пусть тысяча восемьсот восемьдесят третий год станет наконец годом наших побед в крикете. О, Всесильный Боже, ты же знаешь, что каждое лето мы старались как могли.

Мальчишки захихикали. Миссис Долиш, сама едва не смеясь, зашикала на них.

Фэрфакс вскинула голову, и удивление было прямо-таки жирными чернилами написано на ее лице. Она что, полагала, будто агенты Атлантиды не могут оказаться вполне очаровательными людьми? Ребята этого дома любили миссис Хэнкок едва ли не больше, чем даже миссис Долиш.

— Господь, мы благодарим тебя за щедрость этого ужина, — продолжила оратор. — За миссис Долиш, нашу стойкую начальницу. Даже за мальчиков, которых мы нежно любим, однако, если верить прошлому опыту, захотим придушить голыми руками еще до конца этой чудесной недели.

Смех стал громче.

— Но все равно мы очень рады, что все наши мальчишки вернулись к нам в целостности и сохранности, особенно Фэрфакс. Надеюсь, в этом семестре он больше не будет лазить по деревьям.

Руки Фэрфакс, лежащие на столе, напряглись. Она снова опустила голову, словно хотела скрыть беспокойство за то, что ее выделил из толпы враг.

— Отвлекаясь от всего этого, мы хотели бы постичь тебя, о, Господь, и служить тебе

каждое мгновение наших жизней. Ибо Твое есть Царство и сила, и слава во веки веков. Аминь.

— Аминь, — повторили мальчики.

На стол подали жареную корюшку, спаржу и апельсиновое желе — Фэрфакс, вероятно, с такими блюдами прежде не сталкивалась. Ела она немного. Через три минуты уронила салфетку, повернулась на месте и, поднимая вещицу, наконец бросила быстрый взгляд на миссис Хэнкок.

По мнению Тита, миссис Хэнкок была гораздо более привлекательной женщиной, чем пыталась казаться. Она отдавала предпочтение бесформенным платьям бесчисленных оттенков скучного коричневого цвета, а волосы всегда прятала под большим белым чепцом. Но вот что действительно оставляло прочное впечатление искусственности, так это выступающие зубы — Тит не верил, что они и правда такие огромные.

К его облегчению, миссис Хэнкок, говорившая с мальчиком по левую от себя руку, кажется, не заметила внимания Фэрфакс. И, к еще большему его облегчению, та долго не пялилась. Честно говоря, вообще не пялилась. Если бы Тит не наблюдал за ней, ожидая чего-то подобного, то мог бы и не заметить этот беглый мимолетный взгляд.

Фэрфакс тем временем дальше демонстрировала свое нежелание есть, жуя спаржу так, словно это опилки. Теперь уже повернулась миссис Хэнкок и пристально посмотрела на ее затылок.

Тит быстро опустил глаза. Сердце неистово колотилось. А вдруг женщина скорее распознает в вернувшемся ученике девчонку? Она уже что-то подозревает или же обращает внимание потому, что номинально Фэрфакс — лучший друг принца, и за ним нужно тщательно следить?

— Передай соль, — обратился Уинтервейл к Фэрфакс.

Солонка — маленькая оловянная чашка — стояла прямо перед ней. Вот только в любом приличном доме Державы блюда подают уже приправленными по вкусу каждого сидящего за столом. Если только Фэрфакс никогда не помогала с готовкой, она наверняка даже не знает, как выглядит соль.

Но прежде, чем Тит смог что-то сделать, она уверенно взяла себе щепотку соли, посыпала на корюшку и передала солонку.

Тит потрясенно уставился на Фэрфакс и получил в ответ взгляд, полный чистейшего осуждения.

Вскоре они с Уинтервейлом снова увлеченно болтали о крикете. Титу удавалось более-менее связно отвечать Кашкари, но он не мог сосредоточиться, то и дело отвлекаясь на Фэрфакс и ее нового друга, явно наслаждавшихся общением.

А еще на взгляды, которые бросала на них миссис Хэнкок — ведь это явно уже больше, чем просто случайность.

Разговор о крикете не ограничился временем ужина — он продолжился в комнате Фэрфакс, причем Тита подчеркнуто не пригласили.

Вернувшись к себе, он открыл комод, стоявший рядом с кроватью, и достал шар Хансена последней модели — пишущую машинку, походившую на механический игольчатый валик, где кнопки-иглолки располагались на медном полушарии.

Тит вставил лист бумаги в полуцилиндрический каркас. Кнопки начали двигаться, приводя в движение короткие клапаны под ними и образуя слова и предложения, которые составляли ежедневный отчет Далберта принцу.

Этот отчет, частично застенографированный, частично зашифрованный, показался бы бессмысленным его школьным товарищам — и большинству магов тоже, если уж на то пошло. Но Титу половинка страницы поведывала столько же, сколько целая английская крупноформатная газета.

Обычно он получал информацию о решениях парламента, сегодня же в сообщении не упоминался ни регент, ни премьер-министр. Только сведения, которые Далберт собрал на Фэрфакс и ее опекуна.

Хейвуд родился на самом крупном из островов Сирены — живописном архипелаге, расположенном на юго-западе от основных земель Державы. Его отец владел прибыльной рыболовной флотилией, мать была специалистом по сохранению рыбных запасов. У пары родилось трое детей: Хелен, умершая еще в детстве, Гиперион, юнцом сбежавший из дома, и, наконец, Горацио, достигший таких высот, что любой родитель мог бы гордиться таким сыном.

Записи о его образовании оказались достаточно типичны для одаренного и амбициозного юноши. Он поступил в Консерваторию, где его потрясающие способности выделялись даже на фоне прочих в немалой степени талантливых учеников. В конце третьего года его родители один за другим скончались, и Хейвуд связался с кутилами. Далее к отчету прилагался список из множества незначительных нарушений, хотя успехи молодого мага в учебе ничуть не уменьшились.

Все гулянья резко прекратились, когда он взял на себя попечительство одиннадцатимесячной девочки — Иоланты Сибурн. О сироте ранее заботилась троюродная бабушка, но, заболев, она связалась с человеком, который значился следующим в завещании покойных Сибурнов и должен был взять на себя ответственность за малышку.

Что интересно, из-за опекуинства разыгрался небольшой спор. Объявился другой друг семьи — женщина, заявившая, мол, еще до рождения Иоланты Сибурны попросили включить ее в завещание как того, кто позаботится о ребенке в маловероятном случае их кончины.

Однако в завещании обнаружилось лишь имя Хейвуда, на чем, собственно, дело и закончилось.

Некоторое время все шло прекрасно, но семь лет назад опекуна Иоланты поймали на жульничестве: он сделал межуниверситетский матч по поло договорным. Его перевели на более низкую должность в Институт Магии Былых Времен, где Хейвуд незаконно заимствовал одну из хорошо известных исследовательских работ, которая была еще свежа у всех в памяти. Лишившись и этого места, маг нашел работу учителя в какой-то никому не известной школе. Жизнь все еще ничему его не научила: он принимал взятки от учеников в обмен на хорошие оценки.

Хейвуд творил непростительное, но хранительница памяти так и не вмешалась.

Девочку зарегистрировали как мага стихий третьей степени. Дар редкий, и все же встречается гораздо чаще, чем четвертая степень, означающая власть над всеми стихиями. Судя по оценкам за учебу, Иоланта не собиралась подаваться в уличные артисты — а ведь в нынешние времена именно таким становился выбор многих стихийников, вынужденных глотать огонь ради заработка.

Интересный факт: чем глубже Хейвуд увязал в неприятностях, тем лучше были оценки Иоланты и громче похвалы от ее школьных учителей. Прекрасное качество — способность направлять свой страх и разочарование на достижение цели.

Распахнулась дверь, и в комнату вбежал Уинтервейл.

Скомкав отчет, Тит бросил его в камин.

— А стучаться тебя не учили?

Уинтервейл схватил его за руку и потянул к окну:

— Черт, что это?

Бронированные фаэтоны по-прежнему неподвижно висели в ночном воздухе.

— Воздушные экипажи Атлантиды. Они появились еще до ужина.

— Почему они здесь?

— Я же тебе говорил, что сегодня столкнулся с инквизитором — видимо, это ее взбесило, — ответил Тит. — Вперед! Брось в них камень и начни революцию.

— Начал бы, если бы смог бросить камень так высоко. А их не волнует, что их могут увидеть?

— С чего бы? Англичане в любом случае все свалят на немцев.

Уинтервейл покачал головой:

— Нужно опять сходить проверить маму.

— Передай от меня привет.

Тит подождал минуту, затем направился к двери Фэрфакс и постучал:

— Это Тит.

К его удивлению, она ответила:

— Входи.

Босая, в ночной рубашке, она сидела на кровати и играла с огоньком в форме китайской головоломки: одна ажурная сфера внутри другой, а внутри той — еще одна.

— Не стоит играть с огнем, — посоветовал Тит.

— Тебе тоже, — не поднимая взгляда, отозвалась Фэрфакс. — Полагаю, ты пришел, чтобы обсудить освобождение моего опекуна?

Голос звучал ровно. Она держалась с почти противоестественным спокойствием, словно точно знала, как хочет поступить с Титом.

В то время как он понятия не имел, что же делать с ней.

— Я права? — наредила Фэрфакс.

Титу пришлось напомнить себе, что, поклявшись на крови всегда говорить ей правду, он не может и дальше лгать — по крайней мере, в ответ на прямые вопросы.

— Я пришел забрать свою запасную палочку и обсудить твоё обучение. Но можно поговорить и о твоём опекуне.

Фэрфакс вытянула палочку из-под матраца и бросила Титу.

— Так давай поговорим о нём.

— Через несколько дней я собираюсь вернуться в Державу. И пока буду там, схожу в Инквизиторий, проведу его.

— Почему не прикажешь, чтобы его выпустили?

Этим вопросом она явно намеревалась его задеть. У Тита не могло быть такой власти даже по достижении соответствующего возраста.

— Из-за инквизитора моё влияние строго ограничено.

— Тогда что ты можешь сделать?

— Во-первых, мне нужно узнать, в подходящей ли он форме для того, чтобы его спасти — может, да, а может, и нет. Все зависит от того, что сделала с ним инквизитор.

— А что ты подразумеваешь под формой, неподходящей для спасения?

— Если у него помутился рассудок, я не стану рисковать и вытаскивать его из плена. Тебе придется смириться с потерей опекуна.

— А если он в порядке?

— Тогда нужен план. Моей целью остается самому не угодить в Инквизиторий.

— Тебе же не составит труда добыть нужные сведения?

— Да. Но я не хочу, чтобы знали о моей личной заинтересованности.

— Разве нет человека, которому ты можешь доверять?

Тит замялся.

— Нет, если речь идет о тебе или связанных с тобой планах — любой сможет нажиться, предав нас.

— Думаю, такой лживый человек, как ты, везде видит обман, — нарочито сладким голосом заявила Фэрфакс. — Прекрасно понимаю, почему никто не хочет добровольно из-за тебя рисковать.

Ее слова попадали в цель, раня, точно стрелы из английского лука.

С одной стороны, Титу хотелось закричать, что ничего он не жаждет столь же сильно, как доверия и сплоченности. Но в словах Фэрфакс была доля истины, этого он отрицать не мог. Он соткан из лжи, вся его жизнь определялась тем, что другие не знали и не могли о нем знать.

Но с ней — с Фэрфакс — все должно было быть по-другому. Им предстояло стать товарищами, и разделенные вместе опасности, разделенная на двоих судьба должны были сплотить их. А сейчас из всех, кто презирал Тита, Фэрфакс, несомненно, презирала его наиболее сильно.

— Теперь и ты видишь, какие сложности возникают при спасении твоего опекуна, — выдавил он, ненавидя холодность, пронизывающую каждый слог. — И это в случае, если он еще не утратил разум.

— Я сама решу, в подходящем ли он состоянии ума для того, чтобы его выручать.

— И как же ты это сделаешь?

— Пойду с тобой в Инквизиторий. Должно быть, у тебя имеется способ вернуть меня в Державу — иначе, куда бы ты дел Фэрфакса на время каникул?

— Ты же в курсе, что можешь попасть в ловушку, заявившись в Инквизиторий?

— Я готова рискнуть.

Тит начал понимать, что имеет дело с незаурядной особой. Конечно, с ее-то потенциалом, она никогда и не была посредственностью. Но способность управлять стихиями — это почти как... талант в спорте. Огромная власть над стихиями не всегда подразумевает наличие выдающегося ума.

Однако Фэрфакс явно обладала силой воли и стальным характером. В то время, когда менее стойкая девушка — да и юноша, если уж честно — уже сломалась бы под натиском бед или неконтролируемого гнева, эта решила противостоять Титу и получить как можно больше контроля над ситуацией.

Она могла стать прекрасным союзником и грозным врагом.

— Ладно, — согласился Тит. — Пойдем вместе.

— Договорились. Что ты хотел рассказать о моем обучении?

— Что оно скоро начнется — завтра утром, если быть точным, — и что ты должна подготовиться к трудностям.

— Почему так скоро и какие трудности?

— Потому что у нас нет времени. Взрослый маг обладает властью над тем же количеством стихий, что и в конце подросткового возраста. Ты еще растешь?

— Откуда мне знать?

— Именно. Времени нет. Так как сегодня был сложный день, я жду тебя утром в шесть. Послезавтра — в половину шестого. А потом, до конца семестра, — в пять.

Фэрфакс молчала.

— Ранний подъем пойдет тебе на пользу. Ты не захочешь пользоваться уборной, когда там кто-то еще.

Ее губы сжались в тонкую линию, но опять не прозвучало ни слова. Однако огонь в ее руке слился в сплошной шар, тут же покрывшийся шипами. Без сомнения, Фэрфакс жаждала загнать пламя прямо Титу в глотку.

— Насчет купания: возможно, ты не захочешь мыться в общих ваннах. Я скажу Бентону, чтобы принес горячую воду в твою комнату.

— Как мило с твоей стороны, — пробормотала она.

— Моя щедрость не знает границ. Я также захватил тебе еды. — Тит опустил бумажный сверток на ее письменный стол. Фэрфакс толком не поела ни за чаем, ни во время ужина, и он сомневался, что в гостинице все было иначе. — Пирог для сладких снов — съешь его, и будешь спать спокойно.

Вообще-то, этим пирогом Тит сам боролся с бессонницей. Ему предстояла очень долгая ночь...

— Хорошо. Значит, я без проблем встану на наше занятие.

Внезапно Фэрфакс дернулась, плечи резко выдвинулись вперед, будто ее ударили в живот, пальцы сжались в кулаки. Огненный шар превратился в синий комок чистого пламени.

— Думаешь о том, как будешь учиться спустя рукава?

Клятва требовала от нее полной отдачи!

Фэрфакс скорчила гримасу и выпрямилась, не сказав ни слова.

Нельзя было оставлять ее так, не дав выпустить пар. *«Пусть лучше время от времени отыгрывается на мне».*

В голову пришла неожиданная мысль.

— Знаю, ты хочешь наказать меня. Я разрешаю. Сделай все самое плохое, на что только способна.

— Этим я накажу лишь себя.

— Но не когда ты заручилась моим согласием. Если нравится, можешь каждую минуту представлять, как сжигаешь меня дотла. Придумывай и пытайся исполнить любые наказания, только убивать меня нельзя.

Фэрфакс фыркнула:

— В чем подвох?

— Подвох в том, что мне можно защищаться. Желаете меня ранить? Придется попотеть.

Она наконец-то подняла на Тита задумчивые глаза.

— Давай же, попробуй.

На мгновение она застыла, а затем указательным пальцем нарисовала в воздухе круг. Огненный шар превратился в огненную птицу, и та, сначала поднявшись вверх, тут же ринулась на Тита.

— *Fiat ventus.*

Птица отважно махала крыльями, но не могла подлететь к нему из-за вызванной заклинанием струи воздуха.

Фэрфакс щелкнула пальцами, и, вобрав весь огонь из камина, птица увеличилась в четыре раза.

— *Ignis remittatur.*

Слова Тита отправили пламя обратно в камин.

Фэрфакс прищурилась:

— А что же ты сделаешь сейчас? Вновь используешь старый добрый щит?

Внезапно вся комната запылала огнем.

— *Ignis suffocetur.*

Огонь погас под весом заклинания.

Тит смахнул с рукава несуществующую крупичу пепла.

— Палочку можно переломить по-разному, Фэрфакс.

* * *

Она недооценила принца.

Он хитер и безжалостен. Но Иола не сразу поняла, что он к тому же выдающийся волшебник. Не так-то просто одолеть магию огня магией тонких сфер, а принц легко справился даже без помощи палочки.

«*Кажется, ты здорово подготовился*». Иоланта и не подозревала, насколько здорово. Он совсем не нормальный шестнадцатилетний мальчик — скорее, наполовину демон в школьной форме.

— Пока ты мне не ровня, Фэрфакс. Но когда-нибудь станешь. И чем усерднее будешь учиться, тем скорее сможешь наказать меня по своему усмотрению. Только представь ужас в моих глазах, когда я начну молить о пощаде.

Иолантой очень ловко манипулировали. Принц хотел, чтобы она работала как проклятая для достижения его цели, а в качестве приманки использовал свое будущее унижение. Но не этого хотела Иола. Ей бы только стать...

Она быстро отгородилась от любой мысли о свободе и попросила:

— Пожалуйста, уйди.

Принц вытащил палочку:

— *Ignis.*

Маленький огненный шар ожил и по его приказу подлетел к Иоланте.

— Твой огонек, Фэрфакс. Увидимся утром.

Уборная, к счастью, оказалась вовсе не такой мерзкой, как уверял принц. Однако стоило Иоланте увидеть длинный писсуар, она тут же решила заходить сюда как можно реже.

Коридор, как и весь дом, был оклеен обоями в розочках. Ванные комнаты занимали северный конец, прямо напротив лестницы находилась огромная гостиная, а к югу от нее — комнаты шестнадцати старших мальчиков... пятнадцати старших мальчиков и Иоланты.

Их с принцем апартаменты соседствовали в южном конце коридора. Напротив была малая гостиная — для старосты пансиона и его помощников. А прямо к северу от комнаты принца — кухня, где младшие ребята готовили вечерний чай для старших. Таким образом, Иола и принц оказались отделены от остальных обитателей этажа.

Принц, несомненно, именно этого и хотел.

Из-под его двери пробивалась полоска света. Иоланте невольно вспомнилось, как она стояла во мраке и глядела на окна своей комнаты, тоскуя по свету. И по принцу.

Она вернулась к себе, закрыла дверь и оделась. Накануне вечером, снимая форму, она тщательно запоминала, как застегивается рубашка, разбиралась, как прикрепляется воротник, и убедилась, что сможет снова завязать галстук таким же узлом. И пока не сотворила заклинание «*Serpens caudam mordens*» семь раз подряд, спать не ложилась.

Утром с обвязкой никаких затруднений не возникло: ткань змеей обвила Иоланту и стянула так сильно, как только она могла вынести. С формой она тоже справилась довольно легко. Лишь узел галстука упорно отказывался выглядеть таким же тугим, как раньше, но это можно было стерпеть.

Закончив с одеждой, Иоланта придирчиво осмотрела себя в зеркале.

Ей всегда казалось, что внимательный наблюдатель сумеет разглядеть цинизм, скрывающийся под ее маской лучистой жизнерадостности. Теперь для этого и особой наблюдательности не требовалось — взгляд ее горел неверием и гневом.

Иола уже не та девочка, какой была двадцать четыре часа назад. И никогда больше ею не будет.

* * *

Когда она вошла к принцу, тот, уже одетый, стоял на коленях перед каминной решеткой и снимал с огня чайник.

— Как спалось?

Иоланта пожала плечами.

Принц посмотрел на нее и налил кипятка в заварочный чайник. На мгновение он показался ей удивительно обыкновенным — такой молодой, взъерошенный со сна, — и от этого горькой печалью пронзило сердце.

Иоланта отвела взгляд. В отличие от ее комнаты, заботливо убранной в духе колониального воспитания Арчера Фэрфакса, здесь обстановка была проста — только флаг на стене, изображающий дракона, феникса, грифона и единорога в четырех частях черного с серебром щита.

— Это флаг Сакс-Лимбурга. — Принц указал на карту на противоположной стене. —

Вот здесь ты найдешь его в Пруссии.

Золотой гвоздик с тем же геральдическим рисунком на широкой шляпке, что и на флаге, отмечал на карте крошечный завиток. Иола прошла мимо карты к окну и, чуть приподняв штору, выглянула на улицу.

Тяжелые бронированные колесницы исчезли.

— Они улетели около четверти третьего, — сообщил принц. — И, скорее всего, не вернутся — приказ Атлантиды сильнее приказа инквизитора.

Будто мысли прочитал. Это неприятно задевало.

— Не передашь мне вот это? — Он указал на маленькую гладкую шкатулку на столе.

Получив ее в руки, принц, вопреки ожиданиям, не открыл крышку, а сунул вещь в застекленный шкафчик, полный тарелок, кружек и разных съестных припасов, после чего протянул Иоланте чашку чая.

Чай оказался горячим и душистым. Где он научился так хорошо его заваривать? Приходилось ли принцу, когда он был одним из младших, вместе со всеми таскать сумки, разжигать камины, готовить для старших?

«Не буду задавать личных вопросов». Они пили чай в молчании. Принц закончил первым и внимательно разглядывал Иоланту, пока она притворялась, будто ничего не замечает.

— Неплохо, — сказал он наконец, — только запонок не хватает...

И продемонстрировал запонки на своих рукавах. Вот досада: Иола-то думала, что эти штуки нужны только для вчерашней рубашки.

Оторвав наконец взгляд от своих манжет, она заметила, что принц по-прежнему пристально ее рассматривает.

— Что еще?

— Ничего.

— Ты должен всегда говорить мне правду.

— Правду о том, что касается нашей миссии. Я не обязан раскрывать все свои мысли только потому, что тебе вздумалось спросить.

— Ах ты змей...

— А ты как думала? Прекрасные принцы только в сказках бывают. Кстати, о сказках...

Он снял маленький каменный бюстик с книжной полки у окна, вытащил лежавший под ним том и положил на свой стол. Книга выглядела совсем древней. Кожаный переплет, когда-то, видимо, бывший ярко-алым, выгорел от времени и стал красновато-бурым. Золотое тиснение на обложке почти совсем заросло пылью, но Иоланте удалось разобрать слова: «Книга поучительных историй».

— Это Горнило, — пояснил принц.

— Что еще за Горнило?

— Сейчас покажу. Присядь.

Она подчинилась. Он занял кресло с другой стороны стола и положил ладонь на книгу.

— А теперь положи сюда свою руку.

Иоланта последовала указаниям, разрываясь между нежеланием слушаться и любопытством.

Минуту или дольше принц молчал — вероятно, пароль был достаточно длинным. Затем легонько постучал по книге своей волшебной палочкой. Рука Иолы вдруг онемела до самого локтя, а потом ее неудержимо повлекло вперед. Столешница с устрашающей скоростью

ринулась прямо в лицо, Иоланта открыла рот, чтобы закричать...

И приземлилась коленями в высокую траву. Принц протянул ей руку, но она оставила этот жест без внимания и быстро вскочила на ноги. Вокруг, куда ни глянь, бескрайние зеленые луга купались в рассветных лучах. С одной стороны у горизонта плавно поднимались невысокие холмы, покрытые густым лесом, с другой, на порядочном расстоянии, на высоком бугре стоял замок, и восходящее солнце окрашивало его белые стены пурпуром и золотом.

— Так Горнило — это портал!

— На самом деле нет. Все, что ты видишь — иллюзия.

— Иллюзия? Что это значит?

Не может быть. Иоланта погрузила руки в высокую траву. Утренний свежий ветерок покачивал мелкие белые цветы с пятью лепесточками, и они приветливо кивали своими головками. Жесткие края травы царапали кожу. Иоланта сломала листок и поднесла его к носу, ощутив свежий резковатый запах зеленого сока.

— Это значит, что все здесь — ненастоящее.

Пара длиннохвостых птиц носилась над головой, перышки их сверкали и переливались. Вдалеке мирно паслись коровы. Руки стали влажными от росы. Иола потрянула головой — невозможно поверить, что все это понарошку.

— Если пройдешь верст пятнадцать в любую сторону, увидишь, что дальше пути нет, как будто этот мир — лишь террариум, накрытый гигантским куполом. Но поскольку у нас нет времени шагать пятнадцать верст...

Принц провел ее ярдов на сто к северу и показал на восток:

— Вон там — замок Спящей красавицы. Однажды ты сразишься с драконами. Видишь второе солнце?

Замок заслонял большую часть второго солнца, но край его был виден: бледный круг в небе, того же размера и на той же высоте, что и настоящее солнце, но расположенный чуть южнее. Несомненно, именно для того, чтобы напоминать разным простакам вроде Иоланты, что Горнило — не настоящий мир.

— Подумай вот о чем. Сновидения нереальны, но когда ты видишь сон, для тебя он становится реальностью. Вот так и работает Горнило. Только, в отличие от сновидений, здесь соблюдаются физические и магические законы действительности. Все, что верно там, верно и здесь, и наоборот.

Иола потрогала свое лицо. Ощущения такие же, как в реальном мире.

— А где сейчас настоящая я?

— Наши тела находятся в моей комнате и выглядят, наверное, так, точно мы задремали, уронив головы на стол.

Необыкновенная магия!

— Где ты взял эту книгу?

— Это фамильная реликвия.

Принц повернулся к замку, указал на него своей палочкой, потом бросил палочку Иоланте:

— Приготовься.

— И что ты сейчас делал?

— Ничего.

— Но ты указал палочкой на замок!

— Ах, это... Просто послал заклинание, чтобы разбить окно.

— Зачем?

— Привычка. Драконы, бывало, мешали мне попасть в замок. Вот я и бил окна снаружи, чтобы подразнить их.

— Но до замка верст пять. Как ты можешь разбить окно с такого расстояния?

— Заклинание дальнего действия. Попробуй применить заклинание дальнорзости, если не веришь.

Она так и сделала. И это позволило увидеть замок совсем близко — казалось, рукой достать можно, и все его окна целы. Иоланта уже собралась было уличить принца в обмане, как вдруг одно окно разлетелось фонтаном мелких осколков. Глухо, басовито грохнуло, а затем где-то у замковых ворот взметнулся огромный язык пламени.

Иоланта нахмурилась:

— Ты что, на убийцу тренируешься? Кому нужны такие заклинания?

— Моей матери было видение — она видела, что я их совершаю. Вот я и научился.

— Тебе бы голову проверить. Мало кто из шестнадцатилетних мальчишек так покорно слушается мамочкиных указаний.

— Мало кто из матерей обладает даром провидения, — просто ответил принц. — Ну как, готова?

— К чему?

Не нравился Иоланте его вид.

— Любишь цветы? *Decapitentur flores. Eleventur.*

Тысячи белых соцветий взлетели в воздух, невыразимо прекрасные в лучах солнца.

— Начинаем обучение. *En garde.* — Принц вскинул палочку. — *Ventus!*

Шквал цветов обрушился на Иоланту с такой силой, точно это были не цветы, а галька.

— Отбей их, — приказал принц.

Она взмахнула палочкой и представила, как цветочный поток меняет направление, уносясь от нее прочь. Но все, чего добилась, — бутоны принялись колотить еще сильнее. Разозленная, Иоланта выпустила язык пламени. Тут же что-то покрупнее цветочков шмякнулось на ее поднятую руку.

— Что за...

— Просто коровий навоз. Теперь сосредоточься. Думаю, больше не придется напоминать, что в этом упражнении можно использовать только воздушную стихию.

— Просто коровий навоз?!

«Да что он знает о магии стихий?!» Стихийникам упражнения ни к чему. Либо у тебя есть власть над одним из элементов, либо нет. Едва осознав себя, Иоланта уже понимала, что способна повелевать огнем, водой и землей. Что и делала, если и не совсем без усилий — все-таки управление землей требовало определенного напряжения, — то, по крайней мере, достаточно легко.

Иоланта увернулась от особенно крупной цветочной грозди:

— Ты так мне глаза вышибешь!

— Сопровствляйся.

Она запустила в принца мощной струей воды — чтобы тут же получить ее обратно с добавочкой в виде коровьей лепешки, мощно ударившей в грудь.

Иоланта швырнула в принца своей палочкой.

Он отступил в сторону:

— Неплохой бросок. Может, Уинтервейл в конце концов получит то, что хотел.

Иола вытерла рукавом мокрое лицо:

— Тебе-то какое дело?

— Никакого.

Ее палочка снова полетела к ней. Град цветочков долбил, не унимаясь, терпеть их щелчки становилось все труднее. Иоланта из сил выбивалась, пытаясь направить их на принца, осыпать безобразными оспинами эту самодовольную физиономию. Но ничего не выходило.

Его губы шевельнулись. Тысячи травинок — целый лес — поднялись перед нею. Еще одно движение губ, и они разом повернулись в воздухе, нацелив на Иоланту свои острые концы.

Кровь отхлынула от ее лица. Цветочки — это всего лишь больно. А эти, пожалуй, в клочья искромсают.

Травинки устремились к ней. Не задумываясь, Иола воздвигла стену пламени, чтобы испепелить их. Принц погасил огонь. Она вновь его призвала, а принц — сковал.

Иоланта велела земле окружить ее стеной. Он разметал эту стену, не дав ей подняться даже на фут.

— Ты воюешь не со мной.

— Тогда не делай мне больно!

— У тебя должна быть весома причина, иначе ты не сможешь преодолеть то, что мешает тебе повелевать воздухом.

— А может, я и не хочу преодолевать! Уж точно не для тебя, крысеныш!

За эту вольность Иоланта была тут же наказана — клятва напомнила о себе волной боли, точно тупым ножом по живому. Казалось, земля закачалась под ногами. Но Иола не унижит себя, рухнув перед принцем на землю! О нет, никогда. Она не поддастся, она останется стойкой...

Трава оцарапала лицо. Иоланта все-таки упала.

Ее охватил гнев.

Рука поднялась сама собой, волшебная палочка указала в небо, губы сами произнесли команду.

* * *

Еще не успев понять, что затевает соперница, Тит вскинул руку с палочкой:

— *Praesidium maximum!*

Он не раз защищался таким заклинанием от огня, но никогда — от молнии.

Та ударила в щит — раздался хруст, точно стекло растирали в мелкий порошок. Мощь удара была просто сокрушительной. Титу едва хватило сил не уронить руку и поддерживать щит, терявший дюйм за дюймом под этим бешеным натиском; перед глазами заплескали цветные точки.

Тит закричал, с трудом удерживая палочку. Мышцы плеч и рук ныли нестерпимо. От ослепительного света хотелось зажмуриться.

Как может молния, явившаяся ниоткуда, длиться так долго? Сколько еще продержится щит? Он исчезал — Тит чувствовал это каждой косточкой, — раскалывался, рассыпался, воздух вновь становился просто воздухом, уже не способен был защитить...

Вскоре от него ничего не осталось. Сердце подпрыгнуло куда-то к горлу. Но и молния тоже истощилась. Только последние электрические разряды еще потрескивали в воздухе.

Тит пережил это.

— Оставляет желать лучшего, — сказал он, надеясь, что голос не выдает охватившей все тело слабости. — У Черного Бастиона молния Хельгиры убила меня наповал.

Фэрфакс медленно поднялась на ноги:

— Хельгира мертва уже тысячу лет, если она вообще когда-нибудь жила.

— Ее история — одно из упражнений Горнилы, тех, что посложнее.

Ее губы плотно сжались.

— В Горниле можно умереть?

— Конечно.

— А на тебя настоящего это не влияет?

— Это неприятно. Когда умираешь в Горниле, потом даже думать не можешь о том, чтобы вернуться к месту своей гибели.

— И все же ты здесь.

— Верно, но я не собираюсь снова наносить визит в Черный Бастион. Когда-нибудь, возможно, я пошлю туда тебя — помериться силами с Хельгирой.

Фэрфакс пожала плечами:

— Если ты ее боишься, это еще не значит, что я тоже.

Тит мало спал прошлой ночью, ожидая, когда улетят бронированные колесницы. Он все смотрел на их едва различимые металлические брюшки и вновь и вновь возвращался мыслями к событиям минувшего дня, зная, что переступил запретную черту, и понимая, что поступил бы так же, доведись ему опять через это пройти.

В какой-то момент принц прекратил себя оправдывать. Фэрфакс права: он — злодей, и ради своей цели ни перед чем не остановится. И глядя на нее теперь, вымокшую, перепачканную, но не покоренную, Тит признавал, что ему придется зайти еще дальше.

Если кто и способен преодолеть узы клятвы кровью, так это Фэрфакс. Нужно найти другой способ ее удержать.

А еще лучше — сделать так, чтобы она сама не захотела уйти, даже если выдастся шанс.

Но Тит ничего не мог придумать. Пока.

— Достаточно на сегодня, — сказал он, пряча палочку в карман. — Пора в школу.

* * *

Утро выдалось солнечным. Ученики в форме выходили из пансионатов и сливались в общий поток. По пути младшие останавливались возле крохотных магазинчиков — принц называл их «лавочками сладостей», — покупая кофе и свежие булочки.

Принц же привел Иоланту в местечко побольше — не то чтобы настоящий ресторан, просто заведение с двумя залами, рассчитанное на старшеклассников. Иола жевала булочку с маслом и оглядывалась по сторонам. Никогда не помешает знать, кто здесь популярен, у кого можно добыть информацию, а кого лучше избегать.

Но, изучая свое новое окружение, она по-прежнему чувствовала на себе взгляд принца. Уже привычно. С момента их встречи он с нее глаз не спускал, тем более когда уверился, что Иоланта — средство достижения его самых недоступных целей. Но с момента возвращения из Горнилы, взгляд этот изменился... будто отныне принца больше интересовала она сама.

— А теперь чего ваше высочество желает?

Он удивленно вскинул бровь:

— У меня уже есть ты. Чего мне еще желать?

Иоланта отодвинула пустую тарелку:

— У тебя такой вид, точно ты что-то замышляешь.

— Какой ужас. — Принц покрутил свою чашку, из которой до сих пор не сделал и глотка. — Мне же приличествует лишь снисходительное выражение. Мы ведь не хотим создать впечатление, будто я могу — или хочу — разработать какую-то стратегию.

— Нашел, как выкрутиться, принц. А мне нужна правда.

Уголки его губ едва уловимо дрогнули.

— Я думал, как удержать тебя, мой дорогой Фэрфакс, ведь ты покинешь меня при первой же возможности.

Иоланта прищурилась:

— С каких это пор клятвы кровью недостаточно, чтобы удержать мага в своей власти?

— Ты прав, конечно. У меня нет причин сомневаться в успехе.

— Так почему ты в нем все же сомневаешься?

Принц поднял на нее глаза:

— Всего лишь потому, что ты мне бесконечно дорог, Фэрфакс, и потерять тебя было бы невосполнимой утратой.

Он говорил о ней, как об орудии, которое можно использовать против Лиходея. Так с чего же Иоланту вдруг охватило волнение, а сердце ее болезненно затрепетало?

Она встала:

— Я все.

* * *

Школа была старой: скопление облезлых зубчатых зданий из красного кирпича вокруг четырехугольного двора, в центре которого стояла бронзовая статуя какого-то человека — несомненно, очень важного. За века двор отшлифовался тысячами шаркающих ног, а у оконных рам не помешало бы обновить краску или даже дерево.

— Я ожидала чего-нибудь поэlegantнее, — заметила Иоланта. Она училась в школах и покрасивее, и попышнее.

— В Итоне принято обходиться малым. Они, бывало, загоняли по семьдесят учеников в небольшой чулан и проводили зимой уроки с открытой дверью.

— Но почему именно эта школа? — недоумевала Иола. — Почему, в конце концов, немагическая? Разве тебя не могли просто отправить в обитель и подсунуть некомпетентного педагога?

— У Лиходея есть свой пророк. Или был. За всю жизнь я не получал о нем никаких сведений, но, похоже, именно он в своем видении узрел меня в Итоне.

Вот и одна из причин, по которым обращались к пророкам, — никто из них не искажал открывшегося ему будущего.

— Так это судьба?

— О да, я — избранник судьбы.

Что-то в голосе принца заставило Иоланту пристально на него взглянуть. Но прежде, чем она успела сказать хоть слово, к ним подошли несколько юношей, стремясь пожать ей

руку.

— Слышал, что ты вернулся, Фэрфакс.

— Все зажило, Фэрфакс?

Она улыбалась и отвечала на приветствия, стараясь не подать вида, что понятия не имеет, кто они такие. Когда же мальчишки ушли своею дорогой, а принц принялся перечислять Иоланте их имена, ее вдруг грубо толкнули сзади.

— Что за...

Двое мускулистых парней обменялись довольными ухмылками.

— Смотри-ка, да это же Фэрфакс, — сказал один из них. — К его высочеству вернулась его милашка.

У Иоланты челюсть отвисла. Зато его высочество и бровью не повел.

— Разве так стоит обращаться к моему лучшему другу, хоть он и красив? Ты, наверное, просто завидуешь, Трампер, ведь твой лучший друг страшен, как мятая репа.

Значит, тот, что с бычьей шеей, — Трампер, а Хогг — второй, с широким, бледным и действительно будто приплюснутым лицом.

— Ты кого назвал мятой репой, ты, белоручка-пруссак, барышня кисейная?! — взревел Хогг

— Тебя, конечно, здоровенного, мужественного англичанина, — ответил принц и обнял Иоланту за плечи. — Идем, Фэрфакс, мы опаздываем.

— Кто это? — спросила она, когда они отошли подальше, и парочка не могла их услышать.

— Пара тупоголовых забияк.

— Это только они считают, что мы с тобой в особенных отношениях?

— Для тебя это важно?

— Конечно, важно! Мне придется жить среди этих мальчишек. Последнее, чего бы мне хотелось, — чтобы меня считали твоим... ну, этим самым.

— Об этом никому не надо знать, Фэрфакс, — прошептал принц, — пусть это останется нашим маленьким секретом.

От его взгляда — то ли ироничного, то ли порочного — что-то внутри перевернулось.

— Хотелось бы чистой правды.

Принц опустил руку:

— На самом деле все считают, будто ты дружишь со мной, потому что ты беден, а я — богат.

— О, в это я могу поверить, ведь просто так с тобой дружить никто не станет.

Он молчал. Иоланта надеялась, что сумела задеть его чувства — если, конечно, есть что задевать.

— В нашем положении дружба невозможна. — Голос принца звучал ровно, почти бесстрастно. — Она приносит страдания либо нам, либо нашим друзьям. Запомни это, Фэрфакс, прежде чем сдружишься со всеми вокруг.

* * *

Утренний урок — первый за день — вел профессор по имени Эванстон. Тощий и седовласый, он буквально утопал в своей профессорской черной мантии. Семестр только начинался, и Эванстон взялся за новую тему — «Скорбные элегии» римского поэта Овидия.

К счастью для Иоланты, ее знаний латыни оказалось более чем достаточно, чтобы все понимать.

Урок сменился службой в часовне, показавшейся Иоле безмерно долгой и мрачной. А затем принц снова повел ее в пансион, где, к ее удивлению, был подан весьма сытный завтрак. Юноши, многие из которых, как Иоланта видела, перекусили утром по дороге, набрасывались на еду с такой жадностью, точно три дня крошки в рот не брали.

После трапезы они отправились на уроки — которые здесь назывались «отделениями», — пока не пришла пора вернуться в пансион на обед, к которому присоединилась и миссис Хэнкок, пропустившая завтрак. Молитву снова произносила она, на сей раз не упомянув имени Фэрфакса, однако Иоланта постоянно чувствовала на себе ее цепкий взгляд.

Она сама не понимала, что это на нее нашло, но после обеда, когда мальчики гуськом покидали комнату, задержалась и подошла к миссис Хэнкок:

— Мои родители просили передать вам, что в этом семестре со мной будет гораздо меньше проблем.

Если миссис Хэнкок и ошеломил поступок ученика, она ничем этого не выдала. Только усмехнулась:

— Что ж, в таком случае, надеюсь, ты прислушаешься к словам родителей.

Несмотря на взмокшие ладони, Иоланта вежливо улыбнулась:

— Они тоже на это надеются. Хорошего дня, мэм.

Принц ждал ее у двери. Иола с удивлением отметила, сколь он мрачен и раздражен — это он-то, обычно такой сдержанный и невозмутимый. Даже слова ей не сказал, пока они выходили из комнаты.

Но уже на улице тихо произнес:

— Молодец.

— И именно поэтому ты смотрел так, точно сгораешь от желания чем-нибудь меня треснуть?

— Она следила бы за тобой куда тщательнее, если бы верила, что наша дружба искренняя. — Губы принца чуть искривились в полунасмешке. — Пусть лучше считает меня самодовольным типом, а тебя — оппортунистом.

«В нашем положении дружба невозможна».

Жалеть его Иола не собиралась. Но пожалела.

* * *

Тит с любопытством ждал, как же Фэрфакс отреагирует на их послеобеденные отделения.

У них снова была латынь — урок вел преподаватель Фрамpton с огромным, похожим на клюв, носом и толстыми губами. Казалось, он будет ими шлепать, однако Фрамpton произносил слова с прямо-таки ораторской дикцией, рассказывая об изгнании Овидия из Рима и читая ученикам из «Скорбных элегий».

Фэрфакс казалась очарованной актерским талантом Фрамптона.

Глядя на ее закушенную губу, принц вдруг понял, что она не только слушает преподавателя — она ловит каждое тоскующее слово Овидия.

Сейчас Фэрфакс тоже была изгнанником.

Урок длился уже почти четверть часа, когда она наконец поняла, кто такой Фрамpton. Читая, он проходил мимо ее стола. Она подняла взгляд и потрясенно уставилась на его галстук, заколотый булавкой со стилизованным изображением печально известного водоворота Атлантиды. Фэрфакс тут же склонила голову и принялась быстро царапать что-то в своей тетради, не глядя на учителя, пока тот не вернулся на свое обычное место перед классом.

А после урока затащила Тита под арку в задней части двора, крепко стиснув его руку:

— Почему ты мне ничего не сказал?

— Это же очевидно. Нужно быть слепым, чтобы не заметить.

— Здесь есть агенты, которые не носят эмблему?

— А ты как думаешь?

Фэрфакс втянула воздух:

— Сколько?

— Хотел бы я знать! Тогда не приходилось бы подозревать всех подряд.

Она оттолкнула Тита:

— Я пойду назад одна.

— Счастливого прогуляться!

Она ринулась прочь, но вдруг, словно вспомнив что-то, вновь повернулась к нему:

— Что еще ты от меня скрываешь?

— А сколько информации ты сможешь вынести?

Поистине, неведение иногда — блаженство.

Фэрфакс упрямо сощурилась, но ушла, ничего больше не спрашивая.

* * *

Она не пошла прямо в пансион, а побрела на северо-восток от школьных ворот. Слева от дороги простирались широкие зеленые поля, справа возвышалась кирпичная стена вдвое выше Иоланты.

Вдоль стены расположились лоточники. Какая-то старуха, вся в заплатах, пыталась всучить Иоле ручную соню. Загорелый мужик балансировал подносом, полным блестящих сосисок. Здесь торговали пирогами, пирожными, фруктами и чем угодно, что может быть съедено без тарелок и вилок. Вокруг каждого торговца толпились младшие ученики, точно муравьи на куске сахара — одни что-то покупали, другие глотали слюни.

Обыденность происходящего заставила Иоланту острее почувствовать себя не на своем месте. Эти мальчишки так жили, она же просто проходила мимо, притворялась.

— Фэрфакс!

Кашкари. Она вздохнула — индеец ее нервировал. Он, похоже, принадлежал к тому редкому типу людей, которые, задав вопрос, действительно внимательно выслушивают ответ.

— Куда собрался? — спросил Кашкари, перейдя улицу.

— Да так, смотрю, как тут что.

— Не думаю, что многое изменилось за время твоего отсутствия. О, смотри-ка, а вот и старина Джоб со своими грошовыми шербетами. Желаеть один?

Иоланта покачала головой:

— Холодновато для этого.

Однако подошла к изможденного вида торговцу вслед за Кашкари. Тот купил горсть жареных орехов и предложил ей угоститься.

— Кого я вижу! Тюрбанчик гуляет с Милашкой.

Иоланта быстро развернулась. Трампер и Хогг.

— Милашка, так Тюрбан теперь твой кули? — хихикнул Трампер.

Очевидно, слава о ней сюда еще не дошла. Немногие ребята из магического мира сознательно решались задирать магов стихий, поскольку те, прежде чем достигали школьного возраста, несколько лет тренировались направлять свой гнев скорее на физические, нежели магические действия. А также потому, что стихийника никогда не признавали виновным, если к концу драки школа не сгорела.

Кашкари, должно быть, заметил воинственный настрой Иоланты.

— Не обращай внимания. Они только и ждут, что ты попадешься на эту удочку.

— Терпеть не могу пропускать хорошую потасовку. — Она взяла у него несколько горячих орехов. — Но как хочешь.

Орешки оказались сладкими и хрустящими. Иоланта и Кашкари пошли дальше. Трампер и Хогг еще с минуто выкрикивали им вслед разные оскорбления, пока наконец эта забава им не наскучила.

— Не думал, что ты вернешься, — заметил индеец. — Ходили слухи, будто ты с родителями уехал в Бечуаналенд.

В Державе было много атлантов, особенно в больших городах. Но, насколько знала Иоланта, все они, даже самые мелкие клерки и охрана, посылали своих детей учиться домой. Оставалось предположить, что англичане в этом от них не отличаются.

— Мои родители могут и вернуться. Но они хотят, чтобы я закончил школу здесь.

Кашкари кивнул. Значит, объяснение приемлемо. Иоланта перевела дыхание.

— Скучаешь по Бечуаналенду?

Что она узнала в школе о Калахари? Великая цивилизация, известная своей восхитительной музыкой, живописью и литературой. Законодательство многих магических королевств основано на их образце. И они знамениты красотой своих благородных магов — это, очевидно, Иоланта помнила не с уроков географии.

Она с треском разгрызла кусочек ореха, чтобы выиграть немного времени:

— Да уж скучаю по погоде, когда здесь такая слякоть. И конечно, по охоте на крупную дичь.

— А местные там дружелюбны?

У нее начал пот проступать. Приходилось верить, что, если несуществующие родители Фэрфакса собирались вернуться туда, ситуация не могла быть такой уж скверной.

— Думаю, не враждебнее, чем в остальных местах.

— Индийскому народу не всегда нравится, что в страну пришли британцы. Когда мой отец был молод, они подняли великое восстание.

Как он сумел вовлечь ее в разговор о политической ситуации в немагическом мире, о котором Иоланта имела лишь смутные представления? Она знала только, что в магических королевствах субконтинента за последние сорок лет тоже дважды восставали против Атлантиды.

— Захватчику всегда следует считать, что его не любят. Разве какой-нибудь народ может быть рад оказаться поработленным?

Кашкари замер, забыв поставить ногу на землю. Иоланта насторожилась. Что такого она

сказала?

— Очень прогрессивные суждения, — задумчиво проговорил он. — Особенно для того, кто родился в колонии.

Неуверенная, не ляпнула ли какой-нибудь глупости, она решила взять нахальством:

— Я сказал, что думаю.

— Эй, вы, двое! Я вас всюду ищу.

Иоланта подняла взгляд и с удивлением обнаружила, что находится всего в каких-нибудь десяти шагах от двери пансиона миссис Долиш.

Уинтервейл склонился из открытого окна:

— Живо переодевайтесь. Остальных я уже собрал. Пора играть в крикет.

В комнате Иоланты лежала книжка с правилами популярных игр. Прощлой ночью она просмотрела раздел о крикете, но при этом чувствовала себя такой усталой и разбитой, что все прочитанное казалось полной бессмыслицей.

— Идем, — сказал Кашкари.

Это конец. Одно дело кивать и притворяться безмерно заинтересованной напыщенными разглагольствованиями Уинтервейла о крикете, и совсем другое — изображать из себя опытного игрока. Да только Иола ступит на этот самый питч — так, кажется, называется поле для крикета? — сразу станет ясно: она понятия не имеет, что делать дальше.

Но они уже поднялись наверх. Уинтревейл, в светлой рубашке из плотной ткани и таких же светлых штанах, встретил их в коридоре и провопил:

— Быстрее!

Принца нигде не было видно. Кашкари успел уже скинуть свой сюртук и жилет. Иоланте ничего не оставалось, как расстегнуть несколько пуговиц, хотя раздеваться она не начинала, пока не оказалась за закрытой дверью.

В гардеробной нашлась одежда подобная той, что была на Уинтернвейле. Все пришлось впору — как и пара грубых башмаков. Когда принц успел их подогнать? Впрочем, неважно, сейчас есть проблемы посрочнее.

В комнату постучал Уинтервейл:

— Фэрфакс, что ты там возишься?

Иоланта чуть-чуть приоткрыла дверь, крепко держа за ручку:

— У меня брюки порвались. Нужно залатать. Идите, я вас догоню.

— А вот Хэнсон хорошо управляетсся с иголкой, — Уинтенвейл показал на коротышку за своей спиной, — пусть поможет?

— Когда он мне в последний раз помогал, то перепутал мое левое яйцо с подушечкой для булавок, — ответила Иола.

Мальчишки в коридоре захохотали и помчались вниз по лестнице, топоча, словно стадо носорогов.

Иоланте же скользнула в комнату Уинтервейла, чтобы проследить, куда они пошли. Потом постучала в дверь принца. Никто не ответил. Вошла — пусто.

Куда он запропастился сейчас, когда так ей нужен?

Можно, конечно, притвориться, будто у нее скрутило живот, но что, если Уинтервейл или еще кто-нибудь — миссис Хэнкок, к примеру — настоит на вызове врача? Меньше всего Иоланте нужно, чтобы ее осматривали.

Она нервно мерила шагами комнату принца. Если не явиться в скором времени, Уинтревейл может послать кого-нибудь на поиски — тоже ничего хорошего.

Имей Иола возможность понаблюдать немного за игрой, то, вероятно, разобралась бы, что к чему. Но вдруг игровое поле открыто со всех сторон, и спрятаться там негде?

Идеального решения не было. Наверное, стоит вернуться в свою комнату и еще раз прочесть правила игры в крикет — если можно что-нибудь выучить, когда сердце так и рвется прочь из груди, — а потом попытаться незаметно подойти к полю.

Но только Иоланта шагнула в коридор, из своей комнаты навстречу вышел Кашкари. — Так что, идем? — спросил дружелюбно.

Попалась.

Не следует забывать, что прогресс в магии не линеен: иногда то, что кажется новым, на самом деле возникло гораздо раньше и лишь недавно открыто заново. Медики при дворе Месопотамии, к примеру, сформулировали всевозможные разновидности профилактических заклинаний. Заклинания в конце концов были утеряны из-за войн, пожаров и других опустошений Фортуны, но сохранились записи, подтверждающие их чудотворную силу.

Или возьмем более современный пример. Историки магии утверждали в течение многих лет, что так называемые книги авантюр — должно быть, наиболее успешное магическое приспособление нашего поколения — на самом деле не что иное, как коммерческая переделка того, что веками применялось домом Элберона для обучения и тренировки юных наследников, особенно в тревожные времена. Ныне обнаруженные документы времен Последнего Великого Восстания и в самом деле указывают на то, что у принца Тита VII в распоряжении были средства, выполнявшие многие функции современных книг авантюр, только еще лучше.

Из статьи «Все былое приходит вновь», газета «Деламерский наблюдатель»,

от 2 декабря 1151 державного года

Тит бежал.

Он ненавидел непредвиденные события. Непредвиденное должно происходить только с теми, кто этого не предвидит. Нечестно, что Тит, который проводил каждую свободную минуту в активной подготовке к любым возможным сюрпризам, вот так попался.

И все же с самого появления Фэрфакс неожиданности неустанно следовали за принцем. Следовало предупредить ее, чтобы слегка прихрамывала — это позволило бы ходить на занятия, но освобождало бы от физических нагрузок.

В свой первый семестр Тит с удивлением услышал, что Фэрфакса обсуждают как игрока в крикет. Но общественное мнение уже устоялось, и поздно было вмешиваться и переубеждать других ребят, мол, на самом деле Фэрфакс занимается греблей.

Тит намеревался дать ей парочку тайных уроков, но не успел. И, полымя его возьми, Уинтервейл не должен был сегодня назначать тренировку!

Легкие болели, но Тит заставил себя бежать еще быстрее. Фэрфакс не имела понятия о том, что следует делать. Она ошибется и выдаст свое незнание игры.

Уинтервейл может начать задавать вопросы. Конечно же, он не сразу придет к заключению, что Фэрфакса раньше просто не существовало, однако любое подозрение чревато последствиями.

Когда фигурки на поле стали различимыми, Тит увидел, что подает Кашкари. Индеец сделал короткий разбег, замахнулся и бросил. Но Уинтервейл, стоявший у бортика, был наготове. Он низко и по прямой отбил быстро летящий мяч прямо между двумя защитниками.

Хороший удар. Мяч пролетит мимо полевых игроков и выкатится за пределы поля, автоматически давая команде Уинтервейла четыре рана.

Вдруг мелькнуло белое размытое пятно: кто-то неся с головокружительной скоростью, а затем нырнул в траву. Вновь выпрямившись, игрок поднял руку, показывая, что поймал мяч на лету.

Фэрфакс! Не дав мячу приземлиться, она тем самым выбила Уинтервейла, одного из лучших бэтсменов во всей школе.

Тот издал торжествующий возглас:

— Что я тебе говорил? Что я говорил, а? Нам только и нужно было, чтобы Фэрфакс вернулся!

Тит с запозданием понял, что обращаются к нему. В какой-то момент он просто замер и так и стоял с открытым ртом. Очнувшись, принц прокричал в ответ:

— Одна удачная поимка мяча еще не делает его звездой крикета! — Чем заслужил презрительный взгляд от Фэрфакс.

По какой-то причине сердце заколотилось еще сильнее, чем минуту назад, когда Тит страшился, что весь его план обернется прахом.

Тренировка возобновилась. Не прошло и двух оверов — серий из шести подач подряд, — как Фэрфакс вывела из игры Сазерленда, разбив ему калитку, пока тот еще бежал.

Уинтервейл был вне себя. Он поставил Фэрфакс на позицию боулера, а Кашкари — отбивать. В тот момент, когда мяч вылетел из ее руки, все присутствующие на поле знали, что команда наконец заполучила боулера, в котором так сильно нуждалась: бросок был

сделан с поразительной быстротой.

Кашкари, не ожидавший, что мяч так молниеносно полетит в его сторону, еле сумел его отбить. Игрок на поле быстро подхватил мяч, и индиец не смог заработать ни одного очка.

Уинтервейл выкрикивал наставления:

— Выше! Ниже! Закрути его!

Фэрфакс закрутила мяч очень качественно для игрока, подающего с такой силой. Кашкари отер лоб, пока она готовилась к новой подаче.

— Вынеси его, Фэрафкс! — закричал Тит с таким энтузиазмом, которого никогда не ожидал от себя самого, особенно на игре в крикет. — Выбей его из игры!

Что она и сделала, сбив одну из перекладин над столбиками ворот. Команда взревела от восторга. Тит удивленно покачал головой. У Фэрфакс явный талант: быстрота, сила и удивительная координация.

Ну конечно же. Как он мог забыть, что маги стихий почти всегда прекрасные атлеты?

Она повернулась к Титу, подняла правую руку и, сжав указательный и средний пальцы вместе, провела ею перед лицом.

Хвастливый жест. Но жест жесту рознь. Принца только что послали куда подальше.

Он рассмеялся, но смех тут же замер. Возможно ли, что Уинтервейл все видел? Этот жест никогда не использовали в немагическом мире, по крайней мере, не в этой стране.

Нет, хвала небесам, Уинтервейл находился позади Фэрфакс. Она повернулась пожать руку Кашкари, этому любезнейшему спортсмену.

И снова тренировка. Фэрфакс продолжала удерживать превосходство настолько, что, когда команды поменялись местами и пришла ее очередь играть битой, смогла отшутиться после страшного в иных обстоятельствах ляпа — удара по мячу не той стороной биты, чуть выгнутой, а не плоской, — списав все на счет излишнего возбуждения.

Тренировка окончилась, только когда часы пробили сигнал к вечерней службе. Мальчишки схватили снаряжение и бросились бежать: пансион закрывали через десять минут.

Это была веселая спешка, ребята подкалывали друг друга из-за ошибок, допущенных во время игры. Фэрфакс разумно удерживалась от комментариев, разве что хмыкала, когда того требовала ситуация.

Они уже увидели дом миссис Долиш, когда Уинтервейл внезапно воскликнул:

— Что за черт?!

Тит заметил их еще раньше. Фэрфакс подняла взгляд. По тому, как изменилось ее лицо, Тит понял: она разглядела строй бронированных колесниц. Сейчас они были почти невидимы, исчезая на восточном краю темнеющего неба.

— Ты о чем? — поинтересовалось несколько мальчиков.

Уинтервейл покачал головой:

— Не обращайтесь внимания. Просто тучи. Обман зрения.

— Как думаешь, что ты увидел? — настаивал Кашкари.

— Как твоя сестра целовалась с бродягой, — выдал Уинтервейл.

Кашкари ударил его по руке. Остальные рассмеялись, и все тут же об этом забыли.

Кроме Фэрфакс. Прежде она выглядела изнуренной и счастливой, сейчас — только изнуренной.

«Ты привыкнешь». Так сказал принц.

Привыкания пока что не произошло. Чувство незащитной уязвимости железным кулаком сдавило горло.

— Как ты? — спросил принц.

Они успели вернуться к миссис Долиш до закрытия, и он проскользнул в комнату Иоланты с ней вместе.

Она пожала плечами. По крайней мере, с ним не было нужды притворяться — мальчишки разошлись не сразу по прибытии в пансион, так что еще четверть часа пришлось сохранять веселое выражение лица.

— Я солгал, — тихо признал принц. — Вся правда в том, что ты никогда не привыкнешь. Вкус страха всегда душит.

Иола поджала губы:

— Не стоило говорить мне это сейчас. Лучше бы продолжал лгать.

— Поверь, я бы с удовольствием, если б мог. Нет ничего более настораживающего, чем истина из моих уст.

Он поставил на плиту чайник, открыл буфет, вынул жестяную баночку и подал ей кусочек пирога:

— Я заказывал еду сегодня. Ешь, на полный желудок не так страшно.

Иоланта откусила кусочек. Она не знала, стала ли от этого меньше бояться, но пирог хотя бы оказался пропитанным и жирным, таким, каким и должен быть.

— Как ты так быстро научилась играть в крикет? — поинтересовался принц.

Она предложила Кашкари побежать, чтобы догнать остальных ребят. А затем, когда они достигли поля, притворилась, будто у нее судорога, заработав себе возможность посидеть на скамейке запасных. Наблюдение за игроками начало придавать смысл наскоро прочитанному вчера вечером. Крикетная терминология запутала ее, но оказалось, что это просто игра с мячом и битой, а с ними Иола была хорошо знакома.

Опершись бедром на краешек стола, она снова пожала плечами:

— Он не такой сложный.

Принц откинул ее койку и уселся, прислонившись спиной к стене и заложив руки за голову.

— Повезло нам. Уинтервейл был убежден, что ты превосходный игрок. Подводный камень моей аферы: разум всегда ищет, чем бы заполнить пустоту, а Арчер Фэрфакс был чистым листом.

Иоланта почти не слушала. Манера его посадки, сильные плечи и длинные ноги отвлекали.

— Поэтому Кашкари считает, что я вернусь в Бечуаналенд вместе с родителями?

— Это ложное предположение беспокоит меня меньше всего. Ты удивишься тому, что о тебе думали. В прошлом году ходили слухи, мол, Фэрфакс вовсе не ногу сломал, а был изгнан из-за того, что сделал служанке ребенка.

— Что?!

— Знаю, — невозмутимо отозвался принц, — твоя мужественность меня тоже поразила. А затем улыбнулся, поддавшись комичности ситуации. Его лицо засветилось озорством, и он стал просто красивым юношей, который рад удачной шутке.

Прошло несколько секунд, прежде чем Иоланта осознала, что, ошеломленная его

преображением, перестала жевать. Она неловко сглотнула:

— Кашкари задавал мне кучу вопросов.

Это отрезвило принца. Улыбка исчезла, словно редкий проблеск солнца в сезон дождей.

— Каких именно?

Иоланта почти испытала облегчение, когда он перестал улыбаться.

— Хотел знать, что я думаю об отношениях Британской Империи и стран, ею управляемых.

— А. — Он явно расслабился. — Кашкари должен был узнать твое мнение.

— Почему?

Чайник засвистел. Принц встал, снял его с крюка, залил кипятком в заварник и поболтал его.

— У Кашкари есть цель. Он не говорит об этом, но он хочет освободить Индию от Британской Империи при жизни. Меня считают аполитичным, поэтому он твердо знает, что, по крайней мере, я ничего не имею против его стремлений. Однако в тебе он менее уверен.

— Разве он не должен был поверить, что Фэрфакс разделяет его взгляды, так же, как Уинтервейл решил, будто я помогу ему выиграть в крикет?

Принц вылил воду, добавил чайные листья и снова залил в заварник кипятком.

— Фэрфакс родился и вырос за границей. В школе есть такие же ребята, и они наиболее ярые империалисты из всех. У Кашкари не было причин думать, что ты окажешься другим. — Принц отставил чайник и накрыл заварник крышкой. — Так что ты думаешь об отношениях Империи и колоний?

У Иоланты по-прежнему не укладывалось в голове, что правитель Державы готовит для нее чай.

— Я сказала, дескать, империя не должна удивляться тому, что ее колонии недовольны своим правителем.

— А Кашкари, вне сомнения, был приятно удивлен твоей позицией.

— Он счел мое мнение необычным.

— Так и есть. И лучше помалкивай об этом. Меньше всего нам надо, чтобы тебя заклеямили как радикала.

— Как кого?

— Того, чьим родителям следовало бы объясниться, почему это их сын мыслит подобным образом. Представь юного атланта, который вдруг начинает говорить, мол, Атлантида должна освободить все свои владения. Здесь реакция, возможно, не будет такой резкой, но лучше не проверять.

Иоланта кивнула, соглашаясь.

Принц налил и подал ей чай. Она сомневалась, хочет ли находиться к нему так близко.

— Спасибо, но нет необходимости постоянно меня потчевать.

— Ты бы делала то же самое для самого важного в твоей жизни человека.

Иоланта поставила чашку на стол с большей силой, чем следовало. За оглушающим стуком последовала неловкая тишина. Во всяком случае, неловкая для Иолы, здравый смысл которой никак не мог побороть мрачную притягательность слов принца. И он стоял так близко, что можно было уловить запах серебристого моха, в коем хранилась его одежда — чистый свежий аромат, а тепло тела придавало ему легкую пряную нотку.

— Мне нужно вернуться в лабораторию, — проговорил принц, делая шаг назад. — Береги себя, пока меня не будет.

Из лаборатории Тит вернулся в пансион к ужину, а затем пошел в свою комнату, чтобы проверить испытание, запланированное для Фэрфакс. Из Горнила он выбрался, мучимый тошнотой и головокружением, и обнаружил, что в дверь стучат.

В комнату ввалился Уинтервейл:

— Что тут, черт побери, творится? Почему вдруг повсюду бронированные колесницы? Идет война, о которой я не слышал?

Тит выпил стакан воды:

— Нет.

— А что тогда? Что-то явно происходит.

Семья Уинтервейла, даже будучи в изгнании, имела хорошие связи. Рано или поздно он обо всем узнал бы. И если Тит солжет в ответ на прямой вопрос, получится, будто ему есть, что скрывать.

— Атлантида разыскивает стихийного мага, который вызвал молнию.

— Как Хельгира, что ли?

Тита до сих пор подташнивало при каждом упоминания ее имени.

— Можно и так сказать.

— Чепуха! Никто на это не способен. А что потом? Маги, оседлавшие кометы?

Из комнаты Фэрфакс, находившейся по соседству, послышался взрыв мужского хохота. Кто еще стал ей другом?

«Друзьями», — мысленно поправил себя Тит, потому что к оглушительному смеху присоединилось еще несколько голосов.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Уинтервейл, подперев пальцами подбородок. — Это просто прикрытие, чтобы Атлантида могла избавиться от неугодных изгнанников. Мне лучше предупредить мать, ей нужно быть очень осторожной.

— Осторожность никому из нас не помешает.

— Ты прав.

Ну вот почему Фэрфакс не может вести себя, как Уинтервейл? Уважать мнение принца, прислушиваться к его советам?

— Кстати, как Леди Уинтервейл? — поинтересовался Тит.

— Уехала на воды. Надеюсь, ее это успокоит. Я давно не видел ее такой нервной.

Уинтервейл ушел почти перед самым отбоем. Но, когда Тит заглянул к Фэрфакс, комната была полна народу. Хозяйка устроилась на кровати по-турецки, рядом с ней сидел Сазерленд, а Роджерс и Купер — еще двое парней из команды по крикету — восседали рядом верхом на стульях. Все играли в карты.

— Давай, помогай мне, принц, — небрежно предложила Фэрфакс. — В картах от меня никакого толку.

— Это правда, — подтвердил Сазерленд.

— Как здорово, что я замечательный атлет и красив как бог, — сказала она с той добродушной бравадой, которую так здорово умела изображать.

Мальчишки засмеялись и заулюлюкали.

— Самомнение у тебя немаленькое, — заметил Роджерс.

— Мама говорила, что фальшивая скромность это грех, — с улыбкой парировала

Фэрфакс.

Тит предостерегал ее от дружбы с другими. Но сердце болело не от волнения, а от укола зависти. Даже если бы обстоятельства и позволили принцу иметь друзей, он ни с кем не сошелся бы столь легко. Ребята чувствовали в нем некую неприступность.

— Скоро потушат свет, — произнес Тит.

Купер, который всегда перед ним благоговел, немедленно отложил карты:

— Тогда нам лучше разойтись по комнатам.

За ним неохотно последовали Сазерленд и Роджерс.

Когда Тит закрыл за ними дверь, Фэрфакс перетасовала карты:

— А ты мастак разгонять народ, высочество. Наверное, сказываются долгие годы практики.

— Ошибаешься, я таким родился. А вот у тебя точно были долгие годы практики.

— Имеешь в виду мое врожденное потрясающее обаяние?

— Твое обаяние настолько же врожденное, как и моя правдивость.

Фэрфакс собрала колоду в правой руке. Карты вылетели из ее пальцев и аккуратной стопкой приземлились на левой ладони.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

У Тита не было какой-то определенной цели, когда он шел сюда. Но как только прозвучал вопрос, ответ появился сам собой, словно тщательно обдуманый заранее.

— Я читал о твоём опекуне. Он не делал твою жизнь легче.

— Его собственная жизнь была нелегкой из-за меня.

— Расслабься. Я в нем не сомневаюсь. Только хотел сказать, что ты очень хорошо о нем заботилась. У тебя доброе сердце.

Взгляд Фэрфакса был холоден, как горная река.

— Заботилась, потому что люблю его — и потому что никогда бы не смогла отблагодарить его за все, что он для меня сделал, дав дом и приют. Ты не заработаешь большей моей преданности комплиментами. Я сделаю ровно столько, сколько от меня потребует клятва кровью, не больше.

Умная девочка. Титу почти казалось, что она видит его насквозь.

— Доброй ночи, ваше высочество.

А теперь еще и отсылает, словно это он ее подданный, а не наоборот.

Тит перескочил расстояние, которое их разделяло, поцеловал Фэрфакс в щеку и тут же перескочил назад прежде, чем она успела отреагировать.

— Спокойной ночи, Фэрфакс.

Иоланта не сомневалась: принц ею манипулирует. Но зачем? Думает, будто, говоря, как она ему бесконечно дорога, хваля за доброе сердце или целуя в щеку, добьется, чтобы она добровольно рисковала ради него жизнью?

Ничто не заставит ее добровольно рисковать жизнью ради него.

И все же Иола долго ворочалась и не могла заснуть, чувствуя, как горит на щеке отпечаток его прохладных губ.

На следующее утро тренировка забросила ее в сказку «Батия и потоп», где пришлось попотеть, сдерживая вздувшуюся реку. Но послеполуденное отделение «Греческий завет» оказалось еще тяжелее. Учитель Хейвуд никогда толком не понимал ее затруднений с древнегреческим, отмечая, что морфологически латынь не многим проще. Но если латынь давалась Иоланте легко, как огонь, то осваивать древнегреческий было что горы двигать.

Ко времени возвращения в пансион миссис Долиш она мечтала прилечь у себя в комнате, однако принц не отпустил.

— Идем со мной.

— Но мы сегодня уже тренировались.

— Сегодня в школе короткий день. В такие дни ты будешь тренироваться и по вечерам тоже.

Не сказав ни слова, Иола последовала за принцем в его комнату.

— Знаю, ты устала. — Он закрыл дверь и сотворил заклинание, призванное держать всех остальных подальше. — Но еще я знаю, что ты сильна — гораздо сильнее, чем думаешь. Возможно, даже сильнее, чем я способен осознать.

Иоланта совсем не чувствовала себя сильной, только загнанной в ловушку.

— Всегда помни, — добавил принц и положил руку на Горнило, — что однажды твоя сила перевернет известный нам мир.

Они приземлились в незнакомой ей части Горнила: яблоневоый сад весь в бело-розовом цвету, прохладный воздух напоен сладким ароматом. Иола приставила руку козырьком и посмотрела на второе солнце, бледное, едва различимое. Злая на все на свете и возмущенная лишней тренировкой, она все же не могла не восхищаться Горнилом. Будто попадаешь в совершенно иной мир.

— В какой мы сказке?

— «Жадный пасечник».

То-то в ушах жужжит. Пчелы.

— И что в ней происходит?

— Увидишь.

Ответ ей не понравился.

Бок о бок они зашагали вглубь сада. В какой-то момент дорогу им преградил торчащий из земли валун. Принц легко вскочил наверх и подал Иоланте руку, но она проигнорировала его и перебралась самостоятельно.

— Фэрфакс, с моей стороны это лишь вежливость. Не волнуйся, от того, что ты примешь мою руку, связывающие нас путы крепче не станут.

— В магическом смысле, может, и нет. Но с вами, ваше высочество, нет такого понятия, как простая вежливость. Вы протягиваете руку, потому что желаете чего-то взамен. Может,

не сегодня, не завтра, но когда-нибудь сочтете, что за вашу обдуманную доброту надо бы отплатить.

Принц ответил полуулыбкой и восхищенным взглядом. *«Рассчитано, все рассчитано»*, — напомнила себе Иоланта. И все равно внутри разлилось тепло.

Они вышли на поляну.

— Это пчелиный улей? — нахмурилась она.

Стоявший перед ними улей был привычной колоколообразной формы, но высотой с трехэтажный дом и в основании не меньше десяти шагов в диаметре.

— Домик пасечника.

Принц открыл дверь и провел Иолу в дом. Внутри, если не считать формы, все выглядело как в типичном сельском жилище: дощатые полы, простая деревянная мебель, медово-желтые занавески на окнах.

Принц перетащил в центр комнаты комод, поставил на него стул, взобрался наверх и положил что-то на поперечную балку.

— Что это?

— Бумажка с паролем для выхода из Горнила. Она не подчинится заклинаниям, но ее можно сдуть ветерком.

Он соскочил вниз и заклинанием «*exstinctio*» уничтожил всю мебель.

— Пасечник держит пчел в старомодных плетеных ульях. Каждый раз, чтобы достать мед, он их убивает. Наконец пчелам это надоело.

— И? — Иоланта занервничала.

— И хотел бы я, чтобы мы встретились в иных обстоятельствах. — Принц вложил ей в руку свою запасную палочку. — Удачи.

И вышел.

Иоланта минуту пялилась на дверь, прежде чем снова посмотреть наверх на балку. На высоте в два с лишним человеческих роста, не допрыгнуть. Ничего, чем можно было бы воспользоваться, принц не оставил. И поскольку скачки в Горниле невозможны, придется или доставать бумажку по-честному, или никак.

Она вздохнула, подняла лицо к потолку и закрыла глаза, чтобы сосредоточиться.

На щеку плюхнулось что-то мокрое и липкое.

— Что за... — Иола отскочила назад, распахнув глаза.

Золотистая вязкая жидкость капала из... Отовсюду. Стены превратились в медовые соты, и из каждой сочился мед.

Сначала сочился, потом закапал, потом полился. Мед сползал по стене, струями стекал с куполообразного потолка.

Единственным безопасным местом оказалось именно то, куда принц положил пароль — в самом центре крыши было отверстие, служившее дымоходом.

На полу появились лужи. Обходя их, Иоланта направилась к двери, но та исчезла под толстым слоем твердого воска. Стоило отдернуть занавеску, и обнаружилось, что окна тоже запечатаны.

«Если мед так и будет литься, меня накроет с головой».

Иоланта проклинала принца. Конечно, он способен придумать такую гадость! Она поругалась еще и взмолилась, заклиная воздух в комнате подчиниться. *«Пожалуйста. Всего разочек».*

Мед прибывал все быстрее; вот он поднялся по щиколотку, потом по колено, такой

густой, что с трудом получалось передвигать ноги. Чрезмерно приторный запах душил. Иоланта встала под балку, но защита оказалась неважной — мед лился по бокам, склеивая волосы, его приходилось утирать со лба, чтобы не дать жидкости попасть в глаза. Даже палочка вся измазалась, стала и липкой, и скользкой одновременно.

«Мне нужен этот пароль. Очень нужен». Но воздух никак не реагировал на ее попытки. Словно Иола кричала глухонемому или махала руками перед слепцом.

Меда набралось уже по пояс. В груди заныло от страха.

А если выбраться из-под балки? Тогда бумажка будет видна, вдруг это поможет?

Но при попытке шагнуть Иоланта потеряла опору, пытаясь увернуться от огромного ошметка меда, летевшего на нее, и начала заваливаться набок. Как муха на камеди, она не могла выровняться и с ужасом почувствовала, что ее затягивает вниз.

Иола поняла, что может утонуть в меду — и что именно это и есть тот предел, к которому толкал ее принц. Замахав руками, она погрузилась глубже, и ноги коснулись пола. Охнув, Иоланта с трудом выпрямилась и вытащила из меда палочку. Закричала:

— Я сломаю тебе руку с палочкой! И башку тоже!

Мед доходил уже до подмышек, давил на грудь. Она запыхтела. Струйка попала в рот. Иоланта всегда считала, что любит мед, но сейчас ее замутило от сладкого вкуса.

Она сплюнула и постаралась сосредоточиться. Ради остальных стихий сосредоточиваться никогда не требовалось, она управляла ими, как дышала. А борьба с воздухом оказалась похожа на... ну, войну с воздухом: с чем-то, что увидеть нельзя, не то что ухватить.

Мед поднимался все выше, уже покрывал подбородок, подбирался к носу. Иоланта попыталась подняться повыше, поплыть. Но не смогла оттолкнуться достаточно, чтобы занять горизонтальное положение. Молотя руками и ногами — если медленные движения в вязкой жидкости можно так назвать, — она только погружалась все глубже.

И больше не могла дышать. Легкие горели. Инстинктивно Иоланта открыла рот, и внутрь залился мед. Она закашлялась, боль от попадания меда в дыхательное горло оказалась неопишуемой.

Наверху оставалась только одна рука. Она помахала палочкой, зло, отчаянно. Получилось или нет? Открыть глаза невозможно. Легкие будто схлопнулись.

В следующую секунду мед исчез, и Иола окружила чистая невесомость воздуха. Она упала на пол — пол в комнате принца — и тяжело дышала, наполняя легкие невыразимо сладким кислородом.

Разумом она понимала, что никогда, ни на минуту не была в реальной опасности. И значит, нет причин трястись и глотать воздух, радуясь спасению.

Но оттого еще больше ненавидела принца.

— Как ты? — спросил он.

В ответ Иоланта выкинула руку, обхватила его лодыжки и дернула. Он грохнулся, ударившись плечом об угол стола. Вскочив сверху, она замахнулась, чтобы ударить в лицо. Принц закрылся рукой. Кулак попал по локтю — крепкий удар, от которого ее тряхнуло целиком.

Иола замахнулась другой рукой. Принц снова блокировал удар. Она подняла колено, намереваясь ударить где побольнее.

В ответ он сбросил ее с себя. Иоланта немедленно накинута снова. Не успел принц подняться, как она сбила его с ног.

— Фэрфакс, хватит.

— Не тебе говорить, когда хватит, гад!

Локтем она нацелилась ему в зубы, но он опять увернулся.

Сердито зарывчав, она попыталась стукнуть его головой. Принц поймал ее лицо в ладони. Поскольку обе его руки оказались заняты, Иоланте наконец удалось заехать ему по виску.

Он дернулся — и отомстил, притянув ее голову вниз и поцеловав.

Иолу парализовало от потрясения. Ощущения оказались сногсшибательными, будто она молнию на себя призвала. Вкус у него был сердитый, голодный и...

Она вскочила, сбив стул. Принц остался лежать на полу, но не отводил взгляда — такого же голодного, как поцелуй. Иоланта сглотнула. Кулаки сжались, но ударить его она больше не могла.

Морщась, принц поднялся на ноги:

— Я знаю, что ты чувствуешь. Я был там вчера ночью, в меде по макушку.

Она уставилась на него.

— Почему ты смотришь с таким изумлением? Я же сказал, что собираюсь экспериментировать с тобой, а не на тебе. Все твои испытания я сначала испытываю на себе.

Конечно, она изумлена! Сама мысль, что кто-то добровольно подвергает себя таким мучениям...

Внезапно принц оказался у двери, прислушиваясь.

— Что там?

— Миссис Хэнкок. Она в коридоре, говорит с кем-то.

Минутой позже — едва хватило времени ему сделать что-то с раной на виске, а ей поставить на место стул и остальное, сбитое во время драки — в комнату постучали. Принц кивком велел Иоланте открыть.

— Почему я?

— Потому что такова натура нашей дружбы.

Скривив губы, она подчинилась.

За дверью, улыбаясь, стояла миссис Хэнкок:

— А, Фэрфакс, ты мне тоже нужен. Тебе письмо от родителей.

Иоланте потребовалась целая секунда, чтобы осознать, о чем она говорит. Несуществующие родители Фэрфакса прислали письмо.

Занемевшими пальцами она приняла конверт. Внутри лежал бледно-сиреневый листок бумаги, пахнувший розовым маслом. Изящным почерком было начертано:

«Мой дорогой Арчер,

С тех самых пор, как ты уехал учиться, Сисси неважно себя чувствует. Она, вероятно, привыкла к тебе, пока ты поправлялся.

Будь так добр, поезжай домой в субботу после занятий. Сисси будет в восторге. И я уверена, что от одного твоего вида ей моментально полегчает.

Целую, мама».

— Родители хотят, чтобы я поехал домой в субботу, — сказала Иоланта, ни к кому конкретно не обращаясь. Куда она должна направиться? И кто стоит за письмом?

— Да, они прислали письмо с просьбой и миссис Долиш, — ответила миссис Хэнкок. — Если пожелаешь, можешь ненадолго отлучиться.

— Вот еще. Сисси была в полном порядке, когда я уезжал. Наверняка только

притворяется.

Так, наверное, мог бы ответить шестнадцатилетний мальчишка, которому пришлось проваляться дома три месяца в компании младшей сестренки.

— Тогда останься. Кроме того, ты же должен в субботу помогать мне с сочинением. — Принц произнес это обиженным, капризным тоном.

— К сожалению, ваше высочество, у вас не будет возможности заняться сочинением в эту субботу, — сообщила миссис Хэнкок. — Посольство попросило отпустить вас тоже. Они хотят, чтобы вы присутствовали на приеме.

— Боже правый, почему они настаивают на этом маскараде? Я ничем не правлю, разве этого им недостаточно? Почему я должен присутствовать на их приемах, напоказ, будто ярмарочный медведь?

— Да ладно, принц, неужели все так плохо? — добродушно поддразнила Иоланта, играя свою роль. — Там будут шампанское и дамы.

Принц разложил свою кровать и плюхнулся на нее:

— Сразу видно, что ничего ты не понимаешь, Фэрфакс.

Она знала, что он притворяется, но все равно зыркнула на него сердито. Острый взгляд миссис Хэнкок ничего не упускал — без сомнения, как принц и рассчитывал.

Иоланта выдавила улыбку и обратилась к миссис Хэнкок:

— Уверен, завтра его высочество будет настроен более благосклонно. Благодарю вас, мэм, что принесли мне письмо.

— О, не за что, Фэрфакс. И доброго дня вам тоже, ваше высочество.

После ее ухода какое-то время оба молчали. Потом принц медленно выдохнул:

— В субботу вечером я встречаюсь с инквизитором.

Иоланта и принц предприняли серию пробных скачков и определили, что ее собственный диапазон равен двадцати семи милям — достаточно, чтобы за один раз преодолевать расстояние между Лондоном и Итоном.

В субботу пополудни она села на поезд до Лондона — создать видимость, будто направляется домой в Шропшир, — а оттуда перескочила в школьный чулан, где уже ждал принц.

— За тобой кто-нибудь следил?

Иола покачала головой.

Принц дал ей дозу средства для скачков.

— Тогда пойдем.

Первый скачок перенес их в затхлую тесную каморку, почти такую же, как только что покинутый чулан.

— Где мы?

— Где-то внутри колокольни Бирмингемского собора. Скажи, если тебе нужно передохнуть.

Иоланта мотнула головой, намереваясь не выказывать слабости. И продержалась еще два скачка, прежде чем закружилась голова. Ее не волновало, где они сейчас — судя по всему, в еще одной давно забытой комнатке. Прислонившись к стене, Иола пыталась побороть тошноту.

Принц проверил ее пульс: на запястье легли теплые, легкие пальцы. Потом дал какой-то порошок, сладкий, как сахар.

— Что это? — пробормотала она.

— То, что придаст моим поцелуям вкус шоколада.

До сих пор ни один из них не упоминал о поцелуе. Иоланта пыталась не вспоминать его — предстоящий визит к инквизитору означал, что она наконец увидит учителя Хейвуда, и это должно было занимать все ее мысли.

Но она снова и снова проживала тот поцелуй. И каждый раз ее пронзало молнией.

«Хотел бы я, чтобы мы встретились в иных обстоятельствах», — сказал принц.

Желал ли он ежедневно — ежечасно — родиться кем-нибудь другим, не нести тяжелой ноши, не иметь сокрушающей цели? Иоланта желала бы, но про него ничего сказать не могла. Его истинные чувства скрыты глубже океанской впадины, неизвестны никому, кроме него самого.

— Твои поцелуи всегда будут отдавать мокрым псом.

— Тебе ли не знать, правда? — дружелюбно парировал принц.

«Да что ты за человек? Кто может жить без чести и честности?»

«Очевидно, человек, выбранный сделать то, для чего остальные слишком порядочны».

Иоланта показала, что снова готова перескакивать. После еще двух раз, несмотря на снадобья, голова раскалывалась от боли.

Принц помог ей сесть:

— Опусть голову между колен.

— Почему ты до сих пор стоишь? — с ворчливой завистью спросила она, полузакрыв глаза.

Они были не в здании. Сидела она на мягкой зеленой траве, дышала влажным прохладным воздухом с отчетливым солоноватым привкусом моря.

— Ты, может, и красив, как бог, зато я божественно перескакиваю.

Жаль, не осталось сил пригвоздить его взглядом, хотя, как ни странно, хотелось улынуться.

— Где мы?

— На мысе Рат, в Шотландии.

— Это где?

— Самый север Британии, пять с чем-то сотен миль от Итона.

Неудивительно, что ей настолько плохо. Пять сотен миль обычно считались верхним пределом перескоков за день. То, что они преодолели их меньше чем за четверть часа, просто поразительно — и могло стать смертельным.

Иоланта подняла лицо. Они находились на скалистом утесе над серым беспокойным морем. Дул такой сильный ветер, что пришлось снять шляпу, и короткие волосы тут же взъерошило.

Принц присел на корточки, взял Иолу за подбородок и внимательно посмотрел в глаза. Она знала, что он просто проверяет зрачки, но все равно это был ужасно личный, долгий пристальный взгляд.

«Если не будешь осторожна, можешь обмануться, веря, будто способна заглянуть ему в душу».

Она отвела голову назад:

— Где вход в лабораторию?

— Вон там. — Принц кивком указал на маяк в отдалении.

Иоланта, пошатываясь, поднялась на ноги:

— Так чего же мы ждем?

* * *

Когда они в последний раз были в лаборатории вдвоем, она еще не была острижена и не думала о нем плохо. По волосам ее Тит не тосковал, а вот по взгляду, полному доверия и надежды — да.

Фэрфакс притронулась к банке с жемчужинами. Ее лицо было запрокинуто — он вспомнил, как повязывал ей галстук, как его руки касались ее подбородка снизу. Вспомнил, как жар бежал по нервам, какая мягкая у нее кожа.

Она обернулась и спросила, показывая на пустую клетку:

— Где твоя канарейка?

Тит притворился, будто размешивает стоявшее перед ним зелье:

— Продана в Лондоне на птичьем рынке. Я держал ее для маскировки; когда я в школе, она мне не нужна.

— Маскировки чего?

Он протянул ей снадобье. Оно хорошо созрело, вчерашняя жутковатая фиолетовая жижа сегодня напоминала по виду овсяный кисель и приятно пахла мускатным орехом.

— Это тебе.

Фэрфакс настороженно поглядела на мензурку:

— Ты же не пытаешься сделать из меня канарейку, правда? Заклинания переоблачения

человека очень нестабильны, уже не говоря об опасности для превращаемого.

— У меня есть работающее заклинание переоблачения.

— Тоже на себе испытывал?

— Конечно.

Взгляд, которым она его наградила... В последнее время она обычно была недовольна Титом, но на сей раз смотрела не сердито или неодобрительно. А так, будто ей больно.

— Как ты себя чувствуешь? Обещаю, оно безопасно. Ты знаешь, я никогда не подвергну тебя...

— Все хорошо. — Фэрфакс осушила зелье. — Почему я еще не канарейка?

Он высыпал ярко-красный порошок из пузырька в стакан с водой. Вода сначала окрасилась в малиновый цвет, потом снова стала прозрачной.

— Тебе нужно выпить еще и это.

Выпила. Потом посмотрела на пустую клетку:

— Будет больно?

— Да.

— И в этот раз стоило бы соврать. — Чуть улыбнулась, не глядя ему в лицо. — Я готова.

Тит направил на нее палочку:

— *Verte in avem.*

Переоблачение было внезапным и болезненным. Он это хорошо знал, сам проходил через него пять раз. Фэрфакс взмахнула руками, он подхватил ее и через секунду в его руках осталась лишь одежда. Канарейка, чирикающая, почти плача, носилась по комнате, бешено махая крыльями.

— Лети ко мне, Фэрфакс.

Тит едва успел ее схватить, она неслась прямо на него. А потом лежала неподвижно, оглушенно в его ладонях. Он провел пальцами по крыльям:

— Ты молодец, ничего не сломано. Когда я пробовал переоблачение в первый раз, заработал сотрясение и перелом локтя. — Он поместил птицу в клетку, на слою чистой газеты. — Передохни несколько минут, а потом нам будет пора идти.

Затем ходил по комнате, собирая то, что нужно взять с собой. Канарейка поковыляла к поилке.

— Пей воду, если хочется, но не ешь ничего из кормушки. Пусть ты и выглядишь канарейкой, но ты не птица. Ты не очень хорошо можешь летать и совершенно точно не можешь питаться сырыми семенами.

Она опустила клюв в воду, попила, а потом еще немного попрыгала по клетке. Дверца все еще оставалась открыта. Тит протянул руку:

— Иди сюда.

Птичья головка склонилась вбок — вид почти такой же недоверчивый, как и в обличье человека. Но Фэрфакс все же вспорхнула ему на ладонь. Тит поднес ее к губам и поцеловал в пушистую макушку:

— Мы будем вдвоем против всего мира, Фэрфакс, — тихо проговорил он. — Ты и я.

* * *

Далберт, как всегда, был пунктуален.

— Ваше высочество, — поклонился он в пояс и открыл дверь личного вагона принца.

Тит кивнул, отдал слуге свой портфель и поднялся в вагон, держа в руках клетку.

Далберт принес ему стакан гипокраса и насыпал немного водорозовых семян в кормушку Фэрфакс:

— Приветствую, мисс Лютик.

Тит наблюдал за ней. Она опустила клюв в кормушку и взяла семечко. Но, когда Далберт удовлетворенно улыбнулся и принялся хлопотать по вагону, выплюнула семечко обратно в плошку.

Тит облегченно выдохнул. Все трактаты настаивали, что маг в переоблаченном виде явно понимает язык и указания, но до сих пор у него не было возможности это проверить.

Раздался свисток паровоза, колеса застучали по рельсам. Они тронулись.

* * *

На рельсах они пробыли лишь несколько минут. Принц воспользовался этим временем, чтобы набросить тунику и переобуться в высокие сапоги. А потом перед глазами Иоланты предстали уже не английские поля, а дальние горные пики.

Как выяснилось, не настоящие, а нарисованные на стене круглой комнаты, в которой теперь стоял вагон.

Принц встал. Сейчас он казался ей невероятно огромным, с ладонями величиной с дверь. Он поднял ее клетку и вышел, а следом и его слуга.

Распахнулись высокие, тяжелые двустворчатые двери. Иола ожидала увидеть за ними огромный зал, но там оказалась всего лишь винтовая лестница с факелами, дававшими замечательно чистый белый свет.

Спускались долго — стоянка вагона находилась на самом верху башни. Распахнулись другие двери, и они пошли по широкому коридору с открытыми арками, которые выходили на садовую террасу, нависавшую над двором в полусотне саженей внизу.

Коридор повернул, раздвоился, снова повернул. Теперь везде стояли слуги, кланявшиеся и торопливо уступавшие принцу дорогу. Они поднялись на несколько ступеней, миновали библиотеку, зимний сад со скульптурным фонтаном в центре и большую вольтеру со всевозможными птицами.

Когда же наконец вошли в покои принца, Иоланта сочла их довольно скромно обставленными — учитель Хейвуд, пока еще работал в университете, имел гостиную роскошнее. Точнее, так ей казалось, пока она не увидела трехстворчатую ширму у окна. В каждой панели трепетали серебристо-лазурные бабочки. На ее глазах одна из них сменила цвет на ярко-желтый, другая — на нежно-сиреневый, а третья и вовсе покрылась затейливым зелено-черным узором.

Бабочки, вероятно, были сделаны из голубого серебра, бесценного эликсира, меняющего цвет при малейших изменениях тепла и силы солнца. Принц же, не обращая внимания на драгоценную ширму, быстро шагнул вперед. В следующей комнате Иола успела заметить огромную вазу с ледяными розами, бледно-голубые лепестки которых словно выдули из тончайшего стекла. Зал за ней вмещал огромный крутящийся глобус. Иоланта не была уверена, но ей казалось, что она видела грозу где-то в тропиках — там посверкивали крошечные молнии. Принц же лишь пригнулся на ходу, чтобы не задеть луну.

В спальне он остановился, чтобы стянуть обувь, а затем они очутились в огромной купальне. Краны и ножки-лапы ванной, вырезанной из цельного аметиста, были из чистого

золота. Над водой поднимался пар, на поверхности плавали лепестки и листья, пахло апельсиновым цветом и мятой.

Когда-то Иола обожала нежиться в ванне. Для нее как мага-стихийника это было одним из самых приятных развлечений: держать внизу слабый огонь, чтобы вода не остывала, и играть в воздухе замысловатыми скульптурами из капель.

Принц поставил клетку и отпустил слугу. Тот с поклоном вышел и закрыл за собой дверь. Опершись о стену, принц стянул чулки. И, шагая к аметистовой ванне, снял через голову рубашку.

Он был худощав и очень жилист. Птичье сердечко Иоланты застучало.

Он глянул на нее, губы скривились — улыбка, но не совсем. И тут же рубашка взлетела в воздух и приземлилась на клетку, закрыв обзор ванны.

— Извини, милая. Я стыдлив.

Иоланта возмущенно чирикнула. Можно подумать, она собиралась смотреть, как он раздевается, до самого конца!

— Знаю, ты бы предпочла изучать мою превосходную фигуру, но могу я посоветовать вместо этого насладиться видом шпалеры сзади? — продолжал принц. — Там изображено, как Гесперия Величественная разрушает оплот Узурпатора. Сам Румпельштильцхен ее выткал. Знаешь ли ты, что немаги в своих сказках превратили его в злодея? Бедняга, там он заставляет невинную страдалицу прясть золото из соломы.

Послышался всплеск, потом вздох: принц устроился в ванной.

Иоланта закрыла глаза, абсурдность ситуации становилась невыносимой. Она — птица в клетке. В двух шагах от нее абсолютно голый правитель Державы. И святой Румпельштильцхен, завещавший все свои сбережения на благо беднейших детей, выведен в сказке жадным грубияном.

Принц снова вздохнул:

— Почему я говорю с тобой? Ты не будешь помнить ничего из услышанного в птичьем обличье. — Он помолчал. — Я только что сам ответил на свой вопрос. Знаешь, что я однажды сделал? Решил записать, как провел время птицей. Кодом Морзе — способом передачи сообщений в немагическом мире, где буквы изображаются точками и тире. Я все рассчитал: клювом я буду делать маленькие дырочки в бумаге, это точки, а тире процарапаю когтями. Вот только когда я вернулся в нормальный облик, от листка бумаги остались одни клочки. А вроде хорошая была идея. — Он ненадолго умолк. — И ты завтра тоже ничего знать не будешь.

Значило ли это, что он расскажет ей что-то, о чем иначе говорить не стал бы? Иоланта наострила уши — фигурально, потому что ее ушами сейчас были покрытые перьями отверстия по бокам головы.

Принц тихо засмеялся:

— А с тобой почти приятно разговаривать, когда ты никак не отвечаешь.

Она велела воде в ванной ударить его по лицу. Раздался громкий всплеск.

— Эй! — По голосу казалось, что принц удивлен, но скорее приятно. — Интересно. Ты по-прежнему можешь управлять стихиями. Но прекрати, или я скормлю тебя местным котам.

Иоланта плеснула в него снова.

— Ладно, ладно, беру свои слова обратно. С тобой почти приятно разговаривать, даже когда ты отвечаешь.

Ей хотелось, чтобы он перестал говорить, она не желала знать, как они могли бы общаться, сложись все иначе.

«Скажи еще что-нибудь», — попросила ее неразумная сторона.

Принц послушался:

— Знаешь, о чем я должен беспокоиться? О твоей неспособности управлять воздухом. Молния выглядит впечатляюще, но бронированные колесницы выдерживают ее удар. Тебе нужно создавать бурю, чтобы иметь шанс их одолеть. Плохо, что у тебя не получается вызвать даже ветерок ради спасения собственной жизни.

Крылышки Иолы затрепетали. Ей придется сражаться с этими машинами смерти?

— Я должен бы изобретать новые, лучшие способы пробиться через твой блок. Но совсем не могу думать, потому что сегодня меня собирается допрашивать инквизитор.

Раньше она никогда не слышала в его голосе страха. Значит, принца тоже можно испугать. Хорошо. Не бояться тогда, когда должно, — признак безумия.

— Когда я в первый раз встретился с ней лицом к лицу, мне было восемь. — Он говорил совсем тихо, так что приходилось напрягать слух. — Дедушка умер два месяца назад, на следующий день была назначена моя коронация. Рожденных в доме Элберона учат вести себя спокойно и величественно, как бы ты себя ни чувствовал. Но инквизитор... у нее страшные глаза. Я пытался, но не мог заставить себя глядеть на нее. Поэтому, пока она говорила, я смотрел на своего кота. На самом деле Минос был маминым котом, таким же ласковым и нежным, как и она сама. После ее смерти он везде ходил за мной и ночью спал в моей кровати. В тот день он сидел у меня на коленях. Я почесал его за ухом, и он замурлыкал. А потом перестал. Но только в конце аудиенции, когда инквизитор встала, чтобы уйти, я заметил, что он... он умер.

В момент, когда голос принца пресекся, Иоланту охватило бурное чувство, которому она не могла найти названия.

— Мне хотелось плакать. Но она смотрела, поэтому я отбросил Миноса прочь и сказал так, как выразился бы дед: «Коту дома Элберонов должно бы достать воспитания не умирать перед важными гостями. Мои извинения». С тех пор я держал только птиц — птицы и рептилии неподвластны магии мысли. И с тех пор ужасно боюсь инквизитора.

Он замолчал.

Иоланта отвернулась и, уставившись на шпалеру, велела себе не испытывать к принцу ни малейшего сочувствия.

И не послушалась.

Объединение «За безопасное волшебство» и Лига Разумных Родителей, в дальнейшем именуемые **нижеподписавшиеся**, настоящим просят Министерство образования убрать все упоминания переоблачений магов в животных из школьных учебников.

Каждый год десятки юных магов, заинтригованные этими упоминаниями, пробуют переоблачения. Они варят ужасные, нередко ядовитые зелья, неверно используют заклинания, что приводит к пожарам и взрывам в домах и школах, не говоря уже о жертвах среди самих детей. Только за прошедшую зиму было несколько случаев: ребенок, отравивший жабры и утративший способность нормально дышать; другой, едва не ослепший после приобретения зрения летучей

мышь; и третий, потерявший волосы из-за линьки. То, что всем троим удалось вернуть нормальный облик, не уменьшает серьезности приведенных случаев.

**Из петиции № 4391, зарегистрированной Министерством образования,
21 апреля 1029 державного года**

Публичная поддержка Лиходеем магов мысли стала поворотным моментом в обретении им господства. До тех пор деяния даже тех из них, кто ценился благодаря способностям пытаться и добиваться признания, замалчивались, не признавались и, несомненно, никогда не чествовались.

Однако Лиходей вывел магов мысли на свет и раздал им высокие посты своей империи. И уроженцам не только Атлантиды, но и других королевств. Он не сомневался, что маги мысли будут преданы в первую очередь ему — ведь он возвысил их, оказал им доверие, — а не родным королевствам, где их боялись и ненавидели.

Из «Хронологии Последнего Великого Восстания»

Тит правил сам, а за ним следовала группа верховых стражников. Фаэтон тянули четыре тихоокеанских золотых феникса — из всех магов в Державе лишь глава дома Элберона имел право использовать фениксов в таких целях.

Тит предполагал, что закон этот постановили, дабы правящие принц или принцесса не отвлекались от своей главной обязанности, всякий раз изобретая все более изощренные способы выделиться на торжестве в Деламере.

Худшими в этом смысле были весенние приемы леди Калисты. Однажды какие-то идиоты додумались прибыть в фаэтоне, запряженном тысячью бабочек, каждая — размером с ладонь. Когда экипаж приблизился к посадочной площадке, изнуренные бабочки попадали ничком, вызвав отвратительную аварию.

За год до того группа гостей прибыла на турулах — гигантских венгерских соколах, — тогда как другая компания лордов и леди притащила с собой пару завезенных из Китая водяных драконов. Как выяснилось, турулы и китайские водяные драконы на дух друг друга не переносят. Зрелище было не для слабонервных.

Кавалькада Тита добралась до скоростной воздушной трассы, созданной двести лет назад во времена правления Аполонии Третьей для упрощения сообщения между замком и столицей. Фэрфакс сидела на плече принца и невесомо держалась коготками за его верхнюю мантию. Он взял птицу в ладонь и спрятал под тунику, пояснив:

— Я бы подержал тебя, но мне обе руки нужны свободными.

Фениксы — беспокойные животные, и скоростная воздушная трасса им ничуть не нравилась.

— Держись. Предстоит тяжелый полет, — предупредил Тит.

Возможно, напрасно. Будучи уроженкой Деламера, Фэрфакс, наверное, ежедневно пользовалась широкой сетью городских скоростных путей: как на земле, так и в воздухе. А если не ежедневно, то уж точно чаще, чем он, возвращенный в горах.

Неожиданно фаэтон трянуло, дыхание сбилось. Из легких с каждой секундой уходил воздух. Тит подумал было, что больше не вытерпит, когда фаэтон выплонуло на другом конце пути.

Фениксы раздражающе каркали. Тит рывком заставил их повиноваться, нашел под туникой Фэрфакс и снова посадил себе на плечо.

— Все хорошо?

Она не ответила, неотрывно глядя на город, который когда-то был ей домом.

Деламер, со сверкающей россыпью величественных садов и дворцов из розового мрамора, — один из самых крупных магических мегаполисов. Он тянулся от высот Змеистого Холма до берега нежно-голубого моря, пламенеющего в лучах заходящего солнца.

Красоту города, однако, нарушали вкрапления дремучих деревьев, сверху напоминавших грибковые наросты. Называли их быстрыми соснами — соснами там и не пахло, но скорости у них точно было не отнять: за два года они так вымахивали в высоту и ширину, что большинству других деревьев и за пять десятилетий такого не достигнуть. Их развели ботаники из Атлантиды, чтобы скрыть язвы, оставленные дождями смерти.

Знакомый столб красного дыма поднимался в небо, обозначая расположение Инквизитория. После окончания бунта Огонь Атлантиды горел беспрерывно.

Встреча с инквизитором становилась все ближе.

Тит отвел взгляд. Они держали путь прямо в закат. Каменистый западный берег омывали бурные волны, особенно полосу вдоль Деламера.

По природе своей амбициозная, богатая столица великой династии, полная магов, избалованных целительными дарами средиземноморских королевств, решила внести улучшения. Во времена правления Гесперии Величественной город отстроил пять полуостровов, вместе известных как Правая Длань Тита. Полуострова выглядели невзрачно — дабы не привлекать к себе излишнего внимания на скалистом побережье, — но их кажущаяся неровность скрывала обилие мягких склонов и закрытых пляжей, вокруг которых выросли тысячи вилл с голубыми крышами.

На трех полуостровах таились самые дорогие земли во всем магическом мире. На одном из них располагался любимый народом публичный парк. А на другом — безымянном пальце, владении короны — Цитадель Гесперии.

Первоначальная Цитадель все еще возвышалась в центре, но теперь расширилась до беспорядочно растущего дворца с огромными садами, девяносто девятью фонтанами и дюжиной парящих в воздухе балконов.

На одном из таких балконов Тита вскоре найдет инквизитор.

Принц направил фаэтон к посадочной площадке. И не он один: со всех сторон к Цитадели слетались другие экипажи. В этом году нигде не мелькали ни турулы, ни китайские водяные драконы — только привычные грифоны и псевдодраконы.

Два молодых человека выполняли кувырки и сальто на бревне, поддерживаемом в воздухе четырьмя огромными клиньями белых голубей. К бревну подвесили качели, на которых беззаботно сидела молодая акробатка.

Тит хотел полюбоваться зрелищем — отличным зрелищем, даже для принца, — но у него уже сбивалось дыхание, и править становилось все труднее.

Девушка на качелях его узнала. Она поднялась на ноги и исполнила делающий ей честь реверанс. Тит не обратил на нее ни малейшего внимания, как и положено высокомерному и раздражительному принцу, каким его знала публика.

Дорогу к посадочной площадке отмечали парящие в воздухе фонари. Гости расступились, освобождая путь своему суверену. Как только фаэтон Тита остановился, все до единого на площадке поклонились.

Алект и леди Калиста возглавляли толпу приветствующих. Не замедляя шага, Тит пронесся мимо них, но знал, что присевшая в глубоком реверансе леди Калиста подняла голову и проводила его сузившимися глазами.

Именно ее шпион проследил за ним до лондонского отеля, где Титу было совершенно нечего делать. Как бы он объяснил не только свое там присутствие, но также стремительный уход и оставленный поднос с недопитым чаем?

— Вижу, вы привезли с собой мисс Лютик, ваше высочество, — нагнала его леди Калиста.

— Ее общество терпимее многих прочих.

Фэрфакс услужливо чирикнула.

— И как ей пришло по душе Англия?

— Уверен, больше, чем мне. Сам воздух там отравлен.

— Ей нравится школа?

— Школа? У одного мальчишки на моем этаже в сундуке обнаружили хорька. Хорька!

Лютик живет в постоянном страхе за свою жизнь. Ей гораздо лучше у моей любовницы.

Фэрфакс перестала чирикать.

— Прощу прощения? — моргнула леди Калиста.

— Что вам не ясно? Уж кому, как не вам, знать про содержанок.

— Я не знала, что у вашего высочества есть такого рода отношения.

— А откуда вам знать? Она обходится мне и близко не так дорого, как вы Алекту, и не устраивает для меня званных вечеров. А вообще, она успела мне наскучить; я намерен заменить ее более бойкой девушкой, чьи вкусы в постели не столь заурядны. А теперь, если позволите, я бы выпил.

Тит прошел дальше, не дожидаясь, пока она призовет один из плавающих в воздухе подносов с искрящимися голубыми напитками. И почти сразу наткнулся на кланяющихся ему премьер-министра и нескольких министров не премьеров.

— Я полагал, вы равнодушны к подобным фривольным вечерам, — обратился Тит к премьер-министру.

— И это действительно так, сир. Но до меня дошли слухи, что сама инквизитор собирается нанести сюда визит, и я надеюсь побеседовать с ней насчет архивов. Переговоры совсем ничего не дали. Если мы не придем к соглашению, Инквизиторий начнет уничтожать записи к концу июня. Архивы велись десять лет и, весьма вероятно, содержат сведения о тысячах ваших подданных, исчезнувших после восстания.

— До чего неслыханно, — согласился Тит и проскользнул мимо.

Не то чтобы он совсем не переживал, но чем, по мнению премьер-министра, подпитывали Огонь Атлантиды, дым от которого непрерывно поднимался из Инквизитория?

Следующими к принцу ринулись нынешняя архимаг и две ее главные ученицы, а также нескончаемый поток матрон, желавших узнать, соизволит ли он появиться на их благотворительных собраниях.

Следом к Титу подплыла чародейка-прелестница.

— Ваше высочество, — лучезарно улыбнулась она.

— Мы встречались?

— Диана Фэрмиф, ваше высочество.

Он настороженно относился к чародейкам-прелестницам: любая, что пыталась его соблазнить, могла за ним шпионить.

— Что девушка, подобная вам, делает на этом ужасном вечере?

— О, разве он ужасный? — рассмеялась она. — Я пока не заметила.

— Увы, вы очень красивы, но наши вкусы слишком разнятся.

Еще несколько молодых женщин попытали удачу, но Тит избавился от них с той же сноровкой. Но затем к нему подошла та, от кого нельзя было уйти столь же легко, — Арамия, дочь леди Калисты.

— Тит, — протянула она к нему руки, — приятно снова тебя повидать.

Они познакомились очень давно: леди Калиста иногда брала дочь с собой в замок, чтобы Тит поиграл с кем-нибудь своего возраста. Они могли бы стать идеальными друзьями: Арамия была терпеливой, никогда не жаловалась и всегда выражала готовность к экспериментам. Не говоря уже о том, что она, как и принц, не знала своего отца. Но в годы сразу после потери матери в Тита словно демон вселился, и он только издевался над Араимией, вместо того, чтобы с ней подружиться.

Когда они играли в прятки, он запирали ее в кладовой; когда резвились на воздухе —

подсовывал клопов ей под блузку; а еще допытывался, почему она столь уродлива при такой красавице-матери.

«Может, мой отец был далеко не красавец», — только и пожимала плечами Арамия.

В последние годы их дорожки нечасто пересекались. Но избавиться от чувства вины оказалось что выбираться из болота. Стоило Титу увидеть Арамию, как он понимал, что все еще по шею в трясине.

— Как жизнь, Арамия? — Он расцеловал ее в обе щеки.

— О, как обычно. Ты же знаешь мою мать: все еще пытается превратить меня в лебедя. — Несмотря на все усилия, ей не удалось произнести это совсем пренебрежительно.

Арамия никогда не была уродливой — неприметной, возможно, но не уродливой. Хотя на фоне леди Калисты даже привлекательные женщины терялись. Тит не представлял, каково это: всю жизнь провести в тени блистательной родительницы.

— Но ты уже лебедь, — попытался он поднять дух Арамии.

— Не думаю, что внутренняя красота у моей матери в почете.

— А кто сказал, что я о внутренней красоте?

— Очень мило с твоей стороны, Тит, спасибо, — улыбнулась Арамия. — Не хочешь ягодного пунша? По моему собственному рецепту с добавлением секретного ингредиента: всего лишь капельки снежномятной эссенции.

Тит не желал, чтобы она называла его милым. Болото затянуло чуть глубже.

— Тебе все еще нравится возиться с рецептами?

— Так я могу приносить пользу.

«Раз уж мне не суждено слыть красавицей», — вот что имелось в виду.

Сердце разрывалось от того, сколь сильно ей хотелось заслужить материнское одобрение.

— Не отказался бы от бокала.

— Я попытаюсь что-нибудь придумать, чтобы матушка не слишком тебе досаждала. — Арамия сжала его руку.

И отошла, чтобы самой принести пунш. А к моменту ее возвращения Алект и леди Калиста уже отыскиали принца. Арамия не забыла о своих словах и увела мать за собой, сославшись на нечто, требующее ее внимания.

С одним Алектом справиться было легче. С энтузиазмом ребенка-переростка он рассказывал об эпическом подвиге: мол, решил обзавестись новой мантией, так пришлось провести пять незапланированных примерок за последние два дня.

Тит слушал его лепет, притворяясь, будто пьет ледяной пунш Арамии. Ей он доверял, но никогда нельзя знать наверняка, что на уме у леди Калисты.

— Возьмите бокал с пуншем Арамии, — предложил Тит Алекту. — Напиток вас немного взбодрит.

— Ах, он вам, стало быть, пришелся по вкусу? — поинтересовался тот.

— Да. А почему вы так удивлены?

— Ну, всего лишь потому, что вашему высочеству очень трудно угодить, — неловко рассмеялся Алект.

— Да, такова участь рожденных с утонченным вкусом.

— Верю, что в этом все и д...

— Довольно! Нет, это я не вам, Алект, — вы можете продолжать. Я говорю со своей канарейкой.

Фэрфакс вела себя странно: клевала его в плечо, чирикала прямо в ухо, а теперь еще и оставила глубокую царапину на шее.

— Быть может, мисс Лютик голодна? — предположил регент.

Фэрфакс действительно уже давно не ела, а мимо проносили огромное количество снеди. Тит достал упакованное печенье из складок мантии — еде леди Калисты он тоже не доверял — и поднес его к Фэрфакс.

Она весьма ощутимо клюнула его в ладонь.

— Что за...

— О боже, мне кажется, приближается инквизитор, — с придыханием прошептал Алект. — Она предупредила, что может посетить нас, но я до конца в это не верил. Мадам инквизитор крайне редко появляется в обществе.

Тит похолодел. Он рассчитывал, что у него в запасе больше времени.

Фаэтон инквизитора был полностью черным без каких-либо украшений, кроме эмблемы Атлантиды в виде водоворота. Сама инквизитор также облачилась во все черное, а волосы свои зализала назад и собрала в узел на макушке.

Она напоминала ходячую смерть.

— Прошу извинить меня, ваше высочество, — пробормотал Алект и поспешил лично приветствовать гостью.

К Титу присоединилась Арамия:

— Мне не следует так говорить, но меня дрожь от нее пробирает.

— Поразительно, как ее терпит твоя мать. Если бы ты показалась на людях в такой уродливой верхней мантии, она бы от тебя отреклась.

— К сожалению, — мягко усмехнулась Арамия, — инквизитор нравится дяде Алекту. Мать говорит, мол, это единственная женщина, которую дядя Алект предпочтет ей, так что у нее нет выбора, кроме как быть очень дружелюбной.

В самом деле — леди Калиста приветствовала новоприбывшую самой что ни на есть любезной улыбкой. Когда инквизитор поднималась по ступенькам, ведущим от посадочной площадки, Алект вертелся вокруг нее, словно ребенок подле нераспакованного подарка, и совершенно не стыдился своей преданности.

Инквизитор направилась прямо к Титу, пробивая себе дорогу через толпу. Почти половина приглашенных ей кланялась.

— Они не понимают, что делают? — нахмурилась Арамия. — Склоняются перед чужеземной властью!

— Они предусмотрительны, — отдал им должное Тит. — Будь я на их месте, возможно, поступил бы так же.

— Нет, не так же.

Она смотрела на него сквозь розовые очки, и ему почти захотелось стать лучшим человеком, чем он был.

Инквизитор приблизилась к Титу и холодно поклонилась. Он ответил столь же сдержанным кивком:

— Мадам инквизитор.

— Добрый вечер, ваше высочество.

— Вы знакомы с мисс Арамией Тиберий?

— Да, имела такое удовольствие. Мисс Тиберий, мне бы хотелось поговорить с его высочеством наедине.

— Разумеется, мадам инквизитор. Пока не ушла: могу ли я предложить вам выпить?

— В этом нет никакой необходимости.

Арамия поджала губы и оставила их одних.

«Для предполагаемого дипломата, у вас, мадам инквизитор, полностью отсутствует талант дипломатии».

Тит не поддался порыву: не следовало превращать инквизитора во врага прямо перед личным допросом.

— Леди Калиста отвела комнату, где нам никто не помешает, — сказала она ему.

— Хорошо. Она понадобится, когда мы вернемся.

— Вернемся?

— Разве вы не приглашали представителей Короны проверить моих подданных, ныне содержащихся в Инквизитории?

— Несомненно, мы все это сделаем п...

— Я совершенно подходящий представитель Короны. И готов навестить их сейчас же.

Алект за спиной инквизитора весь дрожал. Как же, Тит посмел ее перебить!

— Сейчас не самый лучший момент, — холодно заметила инквизитор.

В ее взгляде сквозила угроза, и Титу захотелось последовать примеру Алекта.

— Вы сказали: в любое время, — заставил он себя возразить. — И вы уже поставили меня в чрезвычайно неудобное положение, потребовав моего внимания.

— Вы молоды и упрямы, ваше высочество, и плохо обдумали свои требования. Давайте положим конец этим глупостям.

Любой нормальный человек отступил бы. Но у Тита не было выбора. Клятва кровью обязывала делать все возможное. И «все возможное», разумеется, равнялось самоубийству.

— Вижу, мне не следовало полагаться на слово, особенно кого-то вроде вас с вашей... родословной. — Зубы инквизитора скрипнули от намека Тита на ее родителей-фальсификаторов. — Знаете, я тоже передумал с вами беседовать.

Он отошел и присоединился к трио молодых чародеек-прелестниц.

— Вижу, самые красивые женщины на этом вечере уже познакомились друг с другом.

Три красавицы обменялись взглядами. Очевидно, главная среди них улыбнулась Титу:

— Вы очень интересный незнакомец, сэр, но мы, по правде говоря, охотимся на принца.

— На этого тщеславного болвана? Вам повезло, что он слишком поглощен своей персоной, чтобы обращать на вас внимание. Представляете, какой невероятный он зануда?

— Я об этом не узнаю, но вас, ваше в... то есть, сэр, занудой точно не назовешь.

Он поднял завиток ее темных волос, чувствуя отнюдь не их мягкость, а только силу инквизиторской ярости, что иглами колола спину.

— Позвольте угадать: вас нарекли Афродитой в честь богини любви?

— Отличная догадка, но меня зовут Алкиона, — нежно рассмеялась чародейка.

— Небесная нимфа — мне нравится. — Тит повернулся к одной из ее подруг. — А вы, должно быть, Елена — единственная не уступающая по красоте богиням смертная?

— Увы, я всего лишь Рея.

— Дочь земли и неба — еще лучше. А вы, — обратился он к третьей прелестнице, — Персефона, так сильно вскружившая богу голову, что он дерзнул ее похитить?

Девушки дружно рассмеялись.

— Ее и правда так зовут, — ответила Алкиона. — Превосходно, сэр!

— Я никогда в таком не ошибаюсь.

— Могу я полюбопытствовать? — отважилась Персефона. — Почему с вами канарейка?

— Мисс Лютик? Потому что исключительно хорошо разбирается в людях. Пищала ли она с той минуты, как вы приняли меня в свою компанию?

— Нет, не пищала.

— Значит, вы ей понравились. А, вижу по лицу мисс Алкионы, что она увидела саму горгону. А теперь смотрите: мисс Лютик оборачивается. Она найдет взглядом горгону и покажет свое неудовольствие.

Фэрфакс выдала поток яростного писка. Предупреждение Титу, что он слишком далеко заходит?

— Ваше высочество, — раздался голос инквизитора прямо за его спиной.

Желудок скрутило: судя по тону, она в ярости.

Чародейки-прелестницы сделали книксен, но Тит даже не обернулся.

— Полагаю, вы видите, что я занят, мадам инквизитор.

— Я передумала. Не пройти ли нам в Инквизиторий?

Последнее место, куда бы ему хотелось пройти. *«Надеюсь, ты счастлива, Фэрфакс».*

— Мои извинения, леди, — обратился Тит к прелестницам. — Мне придется ненадолго отлучиться. Надеюсь, вы еще не собираетесь уходить.

Он не услышал их ответа.

Настало время его первого допроса.

В образе птицы Иоланта могла смотреть куда угодно. И обнаружила, что все внимание сосредоточилось на них. На *нем*.

Сначала Иола отнесла это на счет его титула и наряда — великолепной, щедро расшитой серебряной нитью верхней мантии темно-синего цвета. Однако этот вечер пестрел мужчинами и женщинами высокого ранга в роскошных одеяниях. А смотрели все на него — равно лакеи и премьер-министр, служанки и баронессы, — будто он их околдовал.

Принца нельзя было не заметить.

Стоило ему выйти из фаэтона, и стало очевидным — это не обычный подросток. Грубый и неприступный, да, но к излучаемой им загадочной харизме не получилось бы остаться равнодушным.

Он никогда бы не убедил Атлантиду — как и любого другого, если уж на то пошло — не принимать себя всерьез.

Возможно, принц это понимал. Их сердца бились рядом: он спрятал Иоланту под верхнюю мантию на время пути до Инквизитория. Надетая под мантией туника была из прекрасного качества шелка, благоухала травами, вместе с которыми хранилась, и грела жаром тела принца.

Иоланта прильнула к нему поближе.

— Со мной ты в безопасности, — прошептал он.

И говорил от чистого сердца.

Пока он сам в безопасности — ей тоже ничего не грозит.

Но долго ли это продлится?

* * *

Тит правил одним из Алектовых запряженных пегасами фаэтонов — фениксы слишком чувствительны, чтобы приближаться к такому зловещему месту, как Инквизиторий. Капитан стражи Лоуридж и шесть солдат из замка двигались следом на белых пегасах.

Опустилась ночь. Зажженные фонари и свет в окнах домов только подчеркивали темные пустынные заросли быстрых сосен. Ярко и жутко сиял столб красного дыма над Инквизиторием — демонстрация силы, портившая вид столицы и днем, и ночью.

Первоначальный Инквизиторий сравнивали с землей во время Январского восстания. А с тех пор, как его отстроили заново, в здание и муха не пролетела бы. Инквизитор не принимала посетителей и не приглашала гостей. Поговаривали даже, что проникнуть внутрь можно только узником.

Пара пегасов, тянущих позаимствованный Титом фаэтон, определенно хотела сбежать — почти так же, как и он сам. Летать над землей, находящейся под прямым контролем инквизитора, запрещалось: как только путники пересекли границу, пегасам пришлось перейти на рысь по земле. Они негромко ржали, норовили сойти с дороги и били друг друга тяжелыми крыльями. Тит щелкнул кнутом рядом с ушами животных, прекращая нервные выходы.

Эх, если бы ему самому хватало звука удара, чтобы успокоиться.

Новый Инквизиторий представлял собой круглое здание, опоясанное толстой черной

стенной без единого окошка. Трое тяжелых ворот вели в сокрытый внутренний двор, озаренный неприветливым красноватым светом.

Встречал принца Баслан, правая рука инквизитора. Не зная, радоваться отсутствию самой хозяйки или испугаться — ведь значит, она уже готовится к его допросу, — Тит опустил поводья и замер.

Менее чем в десяти шагах от того места, где он остановил экипаж, из земли выпирал человеческий скелет: костлявые останки рук с темно-красными острыми фалангами тянулись к небу, умоляя о помощи.

— Интересный выбор оформления, — заметил Тит, чувствуя, как в ушах стучит кровь.

— Половину внутреннего двора решили оставить в руинах, дабы слуги Атлантиды всегда были начеку, — пояснил Баслан.

Обезображенную разрушениями часть двора покрывали крупные обломки стен и осколки красноватого при таком свете стекла. Человеческих останков Тит больше не увидел, зато заметил скелет собаки и верхнюю половину куклы, от которой мигом отшатнулся, пока не понял, что это не изуродованный ребенок.

В центре внутреннего двора располагалась башня высотой в пятнадцать сажень — из ее вершины валил красный дым.

Тит испустил вздох облегчения, когда его наконец провели в самую башню, и сорвал с рук перчатки с крагами. Ладони повлажнели от пота.

Затем быстрый спуск по лестнице: комнаты над землей, вне всякого сомнения, слишком хороши, чтобы делать из них камеры для заключенных. Воздух внизу, как и водится в подземельях, был затхлым, зато все поверхности сверкали чистотой.

Однако никакие гигиенические меры не могли скрыть гнетущую атмосферу этого места. С каждым шагом стены, казалось, понемногу сужаются, а воздух становится теплее и плотнее. Душит.

Когда спустились на три этажа, Тита охватило дикое желание убежать. В первые несколько лет после Январского восстания здесь держали тысячи и тысячи магов. Никто не знал, что с ними стало. Но их отчаяние будто впиталось в кладку: невидимые нити этого отчаяния обвивались вокруг лодыжек принца, посылая холод вверх по его жилам.

Минув еще три этажа, они попали в большое круглое помещение, откуда брали начало восемь коридоров. Тот, по которому повели Тита, насчитывал в длину шагов шестьдесят. Поручней не было — только толстые стены и слишком тесно стоящие стальные двери.

И камеры не больше двух аршинов в ширину.

Баслан остановился на полпути вниз по коридору, рукой коснулся узкой секции стены, и та стала прозрачной. Перед взорами гостей возникла маленькая, тускло освещенная камера. Почти пустая: только тонкий матрас на каменном полу, на котором сидела рыдающая женщина — чародейка, разрушившая дом.

— Поднимитесь, — приказал Лоуридж, в то время как его подчиненные изящно стукнули каблуками. — Вас почтил присутствием его благостное высочество принц Тит Седьмой.

Потрясение во взгляде женщины сменилось презрением.

— Лжете, — сплюнула она.

Тита это даже позабавило, хотя и мрачно.

— Она нас видит?

— Нет, ваше высочество, — ответил Баслан. — Прозрачность работает только с одной

стороны.

— Кто она?

— Ее зовут Неттл Оукблаф. Регистратор из Малых Забот-на-Тяготе.

— Как вы сюда попали? — обратился к женщине Тит.

— Я не должна здесь быть! — расплакалась та. — Я хотела помочь Атлантиде, помочь им завладеть девчонкой.

Тит взглянул на Баслана, но выражение лица атланта оставалось совершенно спокойным.

— Вы подданная Державы. Зачем вам помогать Атлантиде?

— Ради денег. — Очевидно, по венам пленницы все еще текла сыворотка правды. — Я подслушала, как родственники моего будущего зятя обсуждали это тайком. Мол, Атлантиде позарез нужен очень могущественный маг стихий, и того, кто его им доставит, очень хорошо наградят.

— Получили ли вы означенную награду?

Неттл Оукблаф высморкалась в носовой платок.

— Нет. За свои старания я получила только бесконечные часы допроса. Я хочу золота. Хочу слуг. И виллу в Деламере с видом на океан. — Голос ее стал выше. — Слышишь меня, Атлантида? Ты должна наградить меня. Если бы не я, Иоланта Сибурн и ее опекун исчезли бы без следа. Ты в долгу передо мной! — Она поднялась на ноги. — Вы не сможете держать меня здесь вечно. Родственники моего будущего зятя — очень влиятельные люди. О, пощади меня, Фортуна... свадьба! Кто-нибудь, скажите, что случилось со свадьбой! Моя дочь должна выйти замуж за сына Греймуrow, и я требую...

— Кажется, у нее все прекрасно, — заметил Тит. — Следующий.

В тот же миг стена вновь стала глухой, оборвав речь Неттл Оукблаф на середине.

Они прошли еще двадцать шагов по коридору. В следующей показанной Басланом камере царила такая же пустота. На матрасе, опершись спиной о стену, сидел мужчина. Лицо его было небритым, он похудел и постарел с их последней встречи. Но сомнений у Тита не возникло: перед ним опекун Фэрфакс.

Тит вытащил из-под складки мантии канарейку, крепко сжимая ее крошечное тельце. Другую же руку положил на карман, в котором спрятал свою палочку. Никто не заберет у него Фэрфакс — только если в драке не на жизнь, а на смерть.

— Хочу, чтобы он видел, с кем разговаривает, — приказал Тит. — Я не позволю еще одному своему подданному думать, будто в моем присутствии можно сидеть.

Баслан неохотно подчинился.

Горацио Хейвуд зажмурился против света и покосился на визитеров. В глазах его промелькнуло опасение, но пока еще не инстинктивный раболепный страх истязаемого.

— Поднимитесь, — вновь велел Лоуридж. — Вас почтил присутствием его благостное высочество принц Тит Седьмой.

Хейвуд опять зажмурился, кое-как поднялся на ноги, поклонился... но тут же потерял равновесие и, споткнувшись, упал на стену. Фэрфакс сидела очень спокойно в руке Тита, но ее коготки вцепились в его ладонь, а сердце колотилось под теплым пухом на груди.

Тит спросил имя, возраст и профессию Хейвуда. Тот послушно ответил немного хриплым голосом.

— Что вы делали после того, как оказались в Инквизитории?

— До того на меня наложили обездвиживающее заклятье, паралич прошел только этим

утром. С тех пор я отвечал на вопросы.

— Вы знаете, почему вас держат здесь в заключении?

Хейвуд взглянул на Баслана:

— Инквизитора интересует местонахождение моей подопечной.

— Некоторые осведомленные лица сообщили мне, что ваша подопечная будто сквозь землю провалилась.

Показалось, или Хейвуд в самом деле почти незаметно глазу расслабился? Плечи его уже не горбились так сильно.

— Я был без сознания, сир, и не видел, куда она подевалась.

— Как именно она сбежала?

— При помощи пары связанных сундуков-порталов, которые используются только единожды и в одну сторону.

— И в какую же сторону?

— Не знаю, сир.

— Откуда вам знать, что другой сундук не захоронен на дне океана?

Хейвуд сцепил вместе руки:

— Не думаю, что захоронен. Верю, он ведет к безопасности, а не к гибели.

«Он почти привел к гибели».

Тит раздраженно вздохнул:

— Ваши ответы не слишком много пользы приносят, не так ли?

— Мне мало что удастся вспомнить, сир.

— Такое повальное стирание памяти влечет за собой нежелательные побочные эффекты. Вы от них не страдаете, я погляжу. Не доверили ли вы свою память хранителю?

Хейвуд лишь слегка вздрогнул. Инквизитор наверняка уже спрашивала его об этом.

— Возможно, и так, сир, но я не могу припомнить, кто это был и когда я доверил ему свою память.

— Но знаете зачем.

— Дабы обезопасить свою подопечную.

— Я понятия не имел, что Атлантиде нужен великий маг стихий, хотя должен бы о таком знать. Как же проведдали об этом вы?

— Мне сказали. Но я не помню, кто.

В голосе Хейвуда наряду с разочарованием прозвучало облегчение. Он пожертвовал памятью не напрасно, ибо не мог никому изменить в своей забывчивости.

— Вам рассказали ее родители?

— Не помню, — ответил Хейвуд.

— Вы ее отец?

Фэрфакс встрепенулась от этого вопроса.

— Нет, но люблю ее как отец. Кто-нибудь, пожалуйста, передайте ей держаться подальше и даже не приближаться к Инквизиторию. Мне жаль, что я ее не уберег. Мне...

Стена стала непроницаемой.

— Ваше высочество, — мягко напомнил Баслан. — Нельзя заставлять ждать ее превосходительство.

* * *

Принц держал крепко, будто опасался, что Иоланта совершит какую-нибудь оплошность. Она бы не стала — только не после всех жертв, на которые пошел учитель Хейвуд. И точно не после его недавних мольб из камеры.

Но впервые в жизни Иола пожалела, что она не великий маг стихий. Тогда бы она развалила Инквизиторий до основания и раскрошила его стены.

Принц погладил перышки на ее голове и спине. Иоланте хотелось, чтобы он снова спрятал ее под мантию. Хотелось заползти в какое-нибудь теплое и темное местечко и очень долго не вылезать наружу.

Она едва заметила, что они опять остановились. Капитан стражи еще раз провозгласил присутствие своего сюзерена.

— Кто вы? — спросил принц.

— Мариголд Нидлз, сир, — ответили дрожащим голосом.

Иоланта чуть не выпрыгнула из держащих ее рук. Миссис Нидлз?!

В самом деле: к прозрачной стене прижималось доброе розовощекое лицо миссис Нидлз — полное одновременно страха и надежды.

— Как вы здесь оказались?

— Я убирала и готовила для учителя Хейвуда и мисс Сибурн. Но я была только приходящей прислужгой и никогда не жила в их доме. Я не знаю никаких секретов!

— Хватаетесь за соломинку? — Принц косо взглянул на Баслана.

— Соломинки иногда ведут к другим соломинкам, — отозвался атлант.

— Пожалуйста, сир, прошу вас! — вскричала миссис Нидлз. — Моя дочь уже на сносях. Я не хочу умереть, не повидав внука. И не хочу провести здесь остаток своих дней!

Иоланта похолодела. Как принц сказал? *«В нашем положении дружба невозможна. Она приносит страдания либо нам, либо нашим друзьям».*

А миссис Нидлз даже другом не была — всего лишь женщиной, которой не посчастливилось нуждаться в деньгах и получать их, работая на школьного учителя.

Пленница упала на колени:

— Пожалуйста, сир, прошу, вызволите меня отсюда.

— Я посмотрю, что смогу сделать, — пообещал тот.

Лицо ее заливали слезы.

— Спасибо, ваше высочество. Спасибо! Пусть Фортуна повсюду следует за вами и оберегает.

Стена стала непроницаемой, и они начали долгий подъем. Иоланта дрожала весь путь к поверхности.

* * *

— Есть у меня время полюбоваться Огнем Атлантиды? — спросил Тит, когда они вернулись во внутренний двор.

— Боюсь, что нет, ваше высочество, — ответил Баслан. — Ее превосходительство уже ждет.

Именно этого Тит и не хотел слышать.

Они пересекли двор. У массивных дверей Инквизиционной палаты Лоуриджу и стражникам приказали остановиться. Только Тита провели в огромный едва освещенный зал — магам мысли лучше всего работало в полутьме.

Инквизитор уже ждала, бледное, словно светящееся, лицо ее сияло. Нетерпение ее чувствовалось за двадцать шагов. Готовый к прыжку хищник; охотник, наконец загнавший свою жертву.

По спине Тита пробежал холод. Казалось, инквизитор собирается сегодня превзойти саму себя.

Когда Тит подошел к ней, она указала на стол и два кресла рядом с собой — единственные предметы мебели в просторном помещении. Кресла стояли по противоположные стороны стола: одно было низким и простым, другое — высоким и вычурным. Титу оставалось либо выбрать сиденье, указующее на высокий статус, и дать инквизитору еще одну причину осадить его, либо смириться с нынешней ситуацией, выбрать меньшее и вытерпеть допрос, пока инквизитор будет смотреть на него сверху вниз.

Он решил встать на кресло поменьше и примоститься на его спинке. К счастью, верхушка была плоской. Окажись там завитки, как у резных стульев, на которых восседали в столовой миссис Долиш и миссис Хэнкок, Титу пришлось бы довольствоваться подлокотником, что уже не произвело бы впечатления развязности и беззаботности.

Инквизитор нахмурилась. Тит уступил ей большое кресло, но преимущество высоты осталось за ним.

Она села и положила сцепленные руки на стол.

Тит глубоко вдохнул. *«Вот и начинается».*

— Итак, ваше высочество, что вас связывает с Иолантой Сибурн?

Он приготовил ответ на этот вопрос заранее, но все равно вздрогнул, будто задел оголенный провод.

— Имеете в виду пропавшего мага стихий, которого вы ищете?

— В нашу прошлую встречу вы не верили, что она — маг стихий.

— Леди Калиста поведала мне, что Атлантида направила все свои силы на ее поиски, — ответил Тит со всей беспечностью, на которую был способен. — Она даже убеждала меня взяться за ее поиски, ибо девушка, в конце концов, моя подданная.

Инквизитор пропустила его намек мимо ушей.

— Вы находились в деревне Малые Заботы-на-Тяготе сразу после той молнии. Затем вы изменили свой первоначальный план и отбыли в Англию на полдня раньше. А когда прибыли туда, то вместо того, чтобы напрямик пойти в свою школу, отправились в лондонский отель, где забронировали номер люкс на имя мистера Алистера Маккомба, откуда так же резко ушли. Не хотите ли объяснить свои передвижения, ваше высочество?

Титу захотелось ее подколоть. *«А где я был после того, как приехал в Лондон, и перед тем, как оказался в отеле? Будьте добры, поведайте мне и об этом».*

— Вижу, вас волнуют малейшие подробности моих дел, — заметил он. — Так и быть, мое внезапное отбытие из Державы объясняется достаточно легко: я не нахожусь в вашем распоряжении, мадам инквизитор. Вы не в праве просто заявить, мол, могу ли я позвать вас к себе сегодня вечером, ваше высочество, дабы обсудить то, что вы видели.

Инквизитор поджала губы.

— Кроме того, если бы вы озаботились расспросить мою свиту, то узнали бы, что я решил вернуться в школу раньше еще до того, как небо прорезала молния. Что касается люкса... Я молод, у меня есть определенные нужды, и с ними приходится считаться. А так как та жалкая школа, которую столь упорно рекомендует Атлантида, запрещает заниматься подобными делами, я завел отдельное место за ее пределами. Что же до моего ухода из

номера — не вижу смысла оставаться после того, как дело сделано.

— И где при этом была ваша сообщница в этом... деле?

— Ушла раньше меня. Мне она больше не требовалась, так как уже послужила цели.

— Мне не доложили ни о чьем приходе или уходе.

«Разумеется, не доложили, ведь она ушла вместе со мной».

На сей раз пришлось проглотить вертевшиеся на языке слова.

— Вы наблюдали за всеми служебными выходами? Их много в большом отеле.

— Где вы ее нашли?

«В одном доме в Малых Заботах-на-Тягоме. Очень подходит для призыва молний, эта девушка».

— В одном...

«Что со мной случилось?» Тит был законченным лгуном. Правдам не должно касаться его губ.

— ...районе Лондона. Случалось ли вам бывать в Лондоне, мадам инквизитор? Есть там дурные районы, кишмя кишачие девицами, что зарабатывают, лежа на спине. Чего там только не купишь! — Он потер подбородок костяшкой пальца. — И, честно говоря, после нашей с вами встречи мне хотелось кого-нибудь наказать.

Уголок инквизиторского глаза дрогнул.

— Понятно, — ответила она. — Ваше высочество дает в корне новое определение преждевременной зрелости.

«Напротив. Я не могу позволить себе к кому-нибудь приблизиться. И Фэрфакс никогда со мной не будет, не так ли?»

Внутри поднялась тревога. Да что с ним такое? Откуда эта нужда исповедаться?

Сыворотка правды. Ему дали дозу сыворотки правды. Но как? Тит ничего не пил на вечере, даже ягодный пунш Арамии.

Может, и не пил, но точно касался бокала — и держал его в руке гораздо дольше, чем если бы напиток предложил кто-нибудь другой. Пунш не был ледяным, как казалось. И Тит бы это понял, если бы все же сделал глоток. Холод шел от геля, которым намазали наружную стенку бокала, и сыворотка правды просочилась через кожу.

Вот о чем пыталась предупредить Фэрфакс, когда его клевала!

Тит так боялся оказаться опоенным сывороткой правды, что в столовой миссис Долиш всегда утолял жажду только водой и редко пил что-то помимо чая собственного приготовления. Он даже практиковался лгать под воздействием сыворотки. Одна капля. Ложь. Две капли. Еще одна ложь. Три капли. Продолжать лгать.

Но Тит никогда не подозревал Арамию. Она была хорошей, доброй, скромной, терпеливой, угодливой.

Если вдуматься, все до смешного очевидно. Она мечтала заслужить материнское одобрение. Красивой Арамии уже не суждено было стать, но она все еще могла сыграть на чувстве вины друга детства и принести собой пользу. Она ведь сама так и сказала, разве нет? А Тит даже капли угрозы тогда не почувствовал, только острое, ранившее сердце сочувствие.

«В нашем положении дружба невозможна», — сказал он Фэрфакс. Неужели думал, что фраза эта применима только к ней?

Инквизитор не спускала с Тита глаз:

— Ваше высочество, где сейчас Иоланта Сибурн?

«Прямо в этой комнате».

Он не терял бдительности, ни на секунду не терял. И все же губы раскрылись и приняли необходимую форму для произнесения первого слога правды.

— Я полагал, мы уже сошлись на том, что я не заинтересован в вашем маге стихий и ничего о ней не знаю.

— Почему вы ее защищаете, ваше высочество?

«Потому что она моя. Вы получите ее только через мой труп».

— Потому что...

Тит оттолкнул сам себя от края обрыва. Острая боль прорезала голову, и он чуть не свалился со своего импровизированного насеста. Кресло покачнулось от усилий обрести равновесие.

— Видимо, потому что мне делать больше нечего, как только дразнить Атлантиду.

Инквизитор нахмурилась.

— Вы должны кое-что знать обо мне, мадам инквизитор. Мне плевать на всех, кроме себя. Мне не нравится Атлантида. Я презираю вас. Но не позволю ни единому волоску упасть со своей головы из-за таких нелепых раздражителей, как вы. Какое мне дело до того, найдете вы девушку или нет? Что бы ни случилось, я все равно останусь принцем Державы.

Слова ранили. Горло саднило. По ощущениям во рту Тит будто гвозди пережевывал. А головная боль искажала зрение в левом глазу.

Инквизитор разглядывала его. Смотреть в ее глаза было все равно что на заливающую улицы кровь.

— Минуту назад вы упомянули леди Калисту, ваше высочество. Уверена, вы осведомлены, что она была близкой подругой вашей почившей матери. Знаете, что мне сказала леди Калиста сразу же после вашей коронации? Она сказала, что вашей матери нравилось слыть провидицей.

Тит с трудом сглотнул:

— Какое это имеет отношение к чему бы то ни было?

— Среди прочих предсказаний принцесса Ариадна узрела также, что я стану инквизитором Державы.

— Так вы и стали, — заметил Тит.

— Стала, — улыбнулась инквизитор, — но во многом благодаря ее высочеству.

Тит сощурился. Он ни о чем подобном никогда не слышал.

— Около восемнадцати лет назад избрали нового инквизитора Державы по имени Гиас. Он был молод, энергичен, невероятно способен и безгранично предан лорду главнокомандующему. Лорда главнокомандующего полностью удовлетворяла его работа. Всем казалось, что Гиас надолго задержится на своем посту. Но через три года после назначения его внезапно отстранили от должности. Никто не ведал, почему — лорд главнокомандующий сам решает, где кому служить. Гиаса заменила такая же умелая и верная Зевксипа. Она продержалась всего восемнадцать месяцев, и избавились от нее с той же поспешностью и бесцеремонностью. После чего предложили мою кандидатуру. Годами я, как и все, озадаченно размышляла над событиями, предшествующими моему назначению. Вчера у меня случилась аудиенция с лордом главнокомандующим. Пока была в Атлантиде, я связалась с двумя своими предшественниками и убедила их рассказать всю историю.

Тит никак не высказался по поводу методов ее «убеждения».

— Гиаса уволили из-за взяточничества. Он упорно настаивал на своей невиновности, но когда в его вещах обнаружили несколько величайших сокровищ дома Элберона, его

возражения пропустили мимо ушей. История Зевксипы еще более унижительна, если такое вообще возможно. Ее обвинили в непристойных домогательствах по отношению к принцессе Ариадне. Обвинение поставило крест не только на карьере Зевксипы, но и на ее личном счастье: любовь всей жизни оставила ее после такого. Не считайте меня наивной. Если бы маги не врали, не было бы нужды в инквизиции. Но я ушла от них убежденная, что и Гиас, и Зевксипа невиновны. Что привело меня к единственному возможному заключению: принцесса Ариадна была маньячкой, готовой на все, чтобы ее так называемые предсказания сбывались.

Тит соскочил с кресла:

— Я пришел сюда не за тем, чтобы выслушивать подобную чушь!

Его душила ярость. И он надеялся только, что ярость эта достаточно сильна, дабы скрыть смятение.

Все — совершенно все! — было поставлено на карту на основе точности видений его матери. Если же она выкручивалась обманом, лишь бы ее предсказания сбывались... Тит даже мысль свою не мог логически закончить.

— Леди Калиста сообщила мне, — слабо улыбнулась инквизитор, — что, будучи ребенком, ее высочество увидела, как однажды погибнет от руки своего отца.

Он отшатнулся. Раны после гибели матери так и не зажили. Инквизитор срывала с них коросты — одну за другой.

— Обычные маги полагают, что ранний уход ее высочества вызван болезнью: здоровье принцессы Ариадны всегда оставляло желать лучшего, и ее смерть в возрасте двадцати семи лет была неожиданной, но никого не удивила. Однако мы с вами знаем, что ее высочество казнил принц Гай — этаким показательный жест доброй воли, повиновения и желания оставаться в мире с Атлантидой. Но сейчас я задаюсь вопросом, не участвовала ли ваша мать в восстании затем только, чтобы ее наказали и пророчество исполнилось?

Титу хотелось кричать, что матери никогда не нравился этот дар, что для нее он был неподъемной ношей. *«Но веришь ли ты в это сам?»*

— Не могу не думать, — снова расплылась в улыбке инквизитор, — что ваши нынешние действия как-то связаны с желаниями принцессы Ариадны. Она обещала вам некое великое будущее, для коего вам нужно рискнуть жизнью и свободой? Потому что, как вы сами отметили, ваше высочество, вы слишком разумный молодой человек. Не верю, что вы бы пожертвовали лучшими годами своей жизни по собственной инициативе.

Сердце колотилось от невыносимой тяжести ее слов. Тит не сдавался, не рассказал инквизитору все, что она хотела знать, и сыворотка правды наказывала его за это. Но было и еще что-то. Что-то, отчего кружилась голова. Тит схватился за спинку кресла и посмотрел на инквизитора:

— Вам следовало заняться сочинением пьес, мадам инквизитор. Нашим театрам очень не хватает увлекательных сюжетов.

Она не отводила от него взгляда:

— Такой преданный сын. Была ли она так же предана вам? Или же воспринимала вас не более чем средством для достижения своей цели?

Тит сжал руки на спинке сильнее, чтобы унять в них дрожь.

— Вы приписываете слишком много мотивов простой женщине. Моя мать не была ни умной, ни расчетливой. И уж точно не такой жестокой, чтобы использовать единственного ребенка как пешку в большой шахматной игре с судьбой.

— Вы уверены?

Голова болела, будто кто-то царапал мозг осколками стекла. Но ничто не ранило сильнее возможности того, что мать оставила Тита сиротой, только чтобы доказать правдивость своего видения.

Нет, не так. Кое-что ранило сильнее: мысль, что она еще не закончила свои доказательства и по-прежнему манипулирует Титом из могилы, оправдывая сделанный при жизни выбор.

— Я в этом уверен так же, как вы в честности леди Калисты.

— Но вы сомневаетесь. Вижу, что сомневаетесь. Ее явное пренебрежение ранит вас. И почему вы должны оставаться спокойным? Не дело, когда так используют сыновью любовь.

Действительно ли мать так с ним поступила? Использовала и осквернила его любовь к ней не ради благородной цели, что важнее их отдельных жизней, а лишь ради доказательства своей правоты?

Тит всегда был вынужден действовать в одиночку. И всегда боролся со своими личными сомнениями. Теперь же сомнения и одиночество грозили полностью его поглотить.

Он хотел что-нибудь ответить. Но мешало ощущение в голове... будто край черепа плавился. Тит покачнулся. Пальцы крепче вцепились в кресло.

Как в тумане до него дошло, что именно так инквизитор всегда и действовала. Спокойный, собранный разум гораздо сильнее сопротивлялся ее прощупыванию, потому она сначала нарушала покой своих жертв. А когда те приходили в смятение — приступала к делу.

Среди атлантов ее прозвали Морской звездой. Морская звезда впихивает свой желудок между створками и переваривает бедного моллюска прямо в ракушке. Инквизитор то же самое делала с человеческой памятью: стирала границы разума бедного недоумка, впитывая в себя все разрозненные воспоминания и расставляя их осколки по полочкам в свое удовольствие.

— Только дураки встают на пути Атлантиды. Где Иоланта Сибурн?

«Не позволю ей ничего из себя выдавить. Нельзя». Если она только заподозрит, что Тит не просто мешает Лиходею, укрывая Фэрфакс, а замыслил полное его свержение, Атлантида не оставит правителя Державы в живых. И Фэрфакс... Фэрфакс сотрут с лица земли.

Но Тит чувствовал, как инквизитор начинает враждебную операцию. Ее силы беспощадно распиливали и кромсали его череп. Он попытался противостоять. Попытался вернуть себе какую-то часть прежнего спокойствия. И не смог. Только и получалось думать о том, что это мать так с ним поступила.

— Где девушка, которая вызвала молнию? Отвечайте!

Тит не осознавал, что вцепился в мраморные плиты пола, пока протестующе не заболели ногти. В глазах потемнело. Нет, перед глазами стоял туннель. И в самом конце его сидела на балконе мать, отстраненно поглаживая канарейку через прутья клетки.

Канарейка настойчиво чудесно пела.

Теперь у Тита точно начались галлюцинации. Глубоко ли залезла инквизитор в его мозг, чтобы откопать воспоминания? От боли в голове горел желудок.

Канарейка снова запела.

Фэрфакс. Пела Фэрфакс. Тварь наложат на нее свои лапы с минуты на минуту, если Тит не выпустит ее отсюда.

Но пока ведь она свободна. И может что-нибудь сделать: выклевывать инквизитору глаз

или выпустить содержимое кишок на ее голову.

Тит рассмеялся. Однако даже ему самому смех показался ненормальным.

Он поднял голову и открыл глаза. Фэрфакс прямо перед ним иступленно размахивала крылышками.

Принц со стуком ударился головой об пол.

Иоланта вскрикнула — получилось хриплое чириканье.

Ее поразили разоблачения инквизитора. Затем испугали: что, если принц ее выдаст? Затем обожгла боль, словно кто-то орудовал горячей головней в ее черепе. Иола содрогалась, крылья бесполезно трепыхались.

Принц не забыл вытащить ее из-под мантии перед падением.

До этого момента Иоланта думала, что страдает лишь она, что он ошибся, считая инквизитора неспособной влиять на разум птиц и рептилий. Но когда колени принца подогнулись, поняла: не она, а он был целью инквизитора.

Его пытали, а Иоланта — возможно, из-за уз кровной клятвы — разделяла его боль.

При виде его рук, бессмысленно скребущих мраморный пол — так заживо погребенный царапает крышку гроба, — охватившая ее боль мгновенно утратила власть. Принцу было гораздо хуже, чем ей.

Иоланту испугали его остекленевшие глаза. Она не ожидала, что из всех людей именно он, с его полным самоконтролем и безупречной подготовкой, окажется столь уязвимым.

Не просто ранимым — беспомощным.

«Если только я ему не помогу».

Но она не настолько сильна, чтобы расшатать фундамент Инквизитория или хотя бы стены этой комнаты. А если использовать огонь или воду, станет очевидно, что действует магия стихий.

Может, выклевывать глаза инквизитору? От одной мысли замутило. К тому же, это неосуществимо. Иола способна подняться с земли, но лететь быстро или ровно не получится, что делает ее бесполезной в качестве оружия.

Иоланта в отчаянии огляделась. Сверху на кованой железной цепи свисал светильник: четыре рожка, а в каждом — фарфоровый светящийся шар на плоской чаше.

Заклинание неразбиваемости придумано для стекла, не для фарфора. Если раскачать светильник, сферы выкатятся из него и, пролетев аршинов десять, разобьются вдребезги там, где сидит инквизитор.

Но надо создать не слишком сильный порыв ветра, иначе та мгновенно заподозрит присутствие мага стихий.

Слишком сильный? Иоланта, неспособная поднять в воздух даже клочок бумаги?

Направленный порыв ветра, который будет неощутим на уровне пола. И с первой попытки, чтобы, когда инквизитор заметит неладное, дело было уже сделано.

Способна ли она на это?

Боль осколком пронзила левый глаз. Иоланта вздрогнула. Принц на полу дернулся и прижал руки к ушам. Сквозь его пальцы сочилась кровь.

Этот вид шокировал Иолу почти до бесчувствия. *«Я должна его отсюда вытащить».*

Она попыталась отбросить колебания и сосредоточиться, покуда не превратится в единую цель. Но сомнения упрямо не выпускали из своей хватки. *«У тебя никогда не получалось, — нашептывал мягкий голос. — Даже когда тонула в меду, не смогла. С чего же решила, что сейчас сможешь?»*

Мед был иллюзией. А это реальность. На кону душевное здоровье принца. Иоланта,

возможно, упрекала его в безумии, но она скорее выключит инквизитору глаза, чем даст ей разрушить его мозг.

Иола отсекала все лишнее, позволяя себе помнить лишь о тех чувствах, которые испытывала, когда управляла огнем — или молнией. Ту абсолютную уверенность. То пронизывающее до глубины костей чувство связи.

На задворках сознания по-прежнему ютилась неуверенность.

Время истекало. Инквизитор встала, исходящая от нее угроза вызвала у Иоланты удушье. Она закрыла глаза. *«Сделай это. Сейчас же. И в точности как я хочу».*

Тишина, последовавшая после этого приказа, казалась бесконечной.

«Как ты смеешь мне не повиноваться? Ну же. Немедленно!»

Послышался глухой удар, а за ним — звук бьющегося фарфора и странный вопль. Затем внезапно наступила тишина. Иоланта открыла глаза. В комнате для допроса стало светло как днем, на полу блестел разлившийся эликсир, чье свечение больше не приглашали сферы.

Дверь резко распахнулась. В комнату вбежали маги.

— Ваше превосходительство! — кричали слуги инквизитора.

— Ваше высочество! — вторил Лоуридж.

Принц, скорчившись, лежал на полу. Кровь испачкала его лицо, воротник и пол под его головой.

Иоланту чуть не затоптали, когда она поскакала к нему. Она захлопала почти бесполезными крыльями, врезалась в голень одного стражника и, проскользнув под пахом другого, со всей силы бросилась к принцу и кое-как приземлилась на плечо.

Капитан стражи проверил пульс принца, беспокойно хмурясь.

— Он еще жив, сэр? — спросил один из стражников.

— Да, — ответил Лоуридж. — Мы должны без промедления доставить его в безопасное место.

Но Баслан преградил путь:

— Я требую отчета о том, что случилось с госпожой инквизитором.

Иоланта только теперь заметила, что инквизитор тоже лежит на полу, а вокруг толпятся встревоженные приспешники. Лица не разглядеть, но, похоже, она, как и принц, была без сознания.

Капитан выпрямился во весь рост и навис над Басланом:

— Как вы смеете спрашивать, что случилось с инквизитором? Что она сделала с нашим принцем? Если вы сейчас же не уберетесь с моей дороги, я сочту это провокацией войны и начну действовать соответственно.

Иоланта еле дышала. Она отчаянно боялась, что инквизитор необратимо навредила принцу, и даже не задумывалась, что, вмешавшись в допрос, вызвала дипломатический кошмар.

Баслан заколебался.

А капитан Лоуридж — нет. Из церемониальных копий двух стражников и собственной накидки он соорудил временные носилки. Солдаты уложили на них принца и вслед за своим командиром промаршировали прочь из допросной.

Колесница все еще стояла во дворе. Капитан Лоуридж осторожно уложил бесчувственное тело принца на пол и сам взялся за поводья. Солдаты Атлантиды закрывали выезд. Иоланта задергала крыльями. Если придется, рискнет ли она еще раз вызвать молнию?

— Освободите дорогу властителю Державы! — Гулкий голос капитана Лоуриджа, казалось, разносился на версты вокруг. — Или вы объявите ему войну. И ни один из вас больше не увидит Атлантиду.

Солдаты смотрели друг на друга. Наконец один сдвинулся в сторону на шаг, а за ним и остальные. Сержант открыл тройные ворота. Капитан Лоуридж быстро вывел колесницу наружу, стража принца верхом двинулась следом.

Кавалькада мгновенно достигла границ Инквизитория. Лоуридж свистнул, пегасы, повинувшись команде, расправили крылья, и колесница взлетела в воздух.

— В Цитадель! — крикнул капитан подчиненным.

— Нет, — возразил принц. Иоланта подскочила. Она не думала, что он уже пришел в себя. — Не в Цитадель. В замок.

Его глаза оставались закрыты, голос звучал тихо и слабо, но он явно был в полном сознании.

— Есть, сир, — ответил капитан. И повторил приказ принца: — Мы немедленно отправляемся в замок.

— Канарейка, — пробормотал принц.

Иоланта прыгнула на его окровавленную ладонь, и та сомкнулась над ней. В другое время Иола запротестовала бы против слишком тугой хватки, но сейчас была безумно рада, что ему достаёт сил так ее держать.

Они скакали к скоростному воздушному пути, ночной транспорт над Деламером уступал дорогу королевскому штандарту, реявшему над колесницей. Сопровождавший ускорение толчок подсказал Иоланте, что отряд покинул Деламер. Никогда прежде она не была настолько счастлива испытывать удушье.

Когда их выбросило на другом конце пути, принц закричал от боли.

Иоланта потерлась птичьей головой о край его ладони. Почти в безопасности — и с ними все будет хорошо.

— Ваше высочество, не могли бы вы... — начал капитан, когда кавалькада оказалась над Лабиринтными горами.

Принц вытянул волшебную палочку и что-то слабо пробормотал. На юго-востоке в небе загорелся яркий свет, освещая самые высокие башни замка.

— Благодарю вас, сир.

Капитан двинулся в направлении факела. Иоланта забыла, что из-за хаотичного перемещения гор даже живущие в замке должны искать его каждый раз, когда уезжают и возвращаются.

Принц попросил приземлиться у посадочной арки на крыше, а не во дворе. И, позволив капитану вытащить себя из колесницы, опирался на него при ходьбе.

Камердинер, слуги и орда пажей примчались наверх и сгрудились вокруг повелителя. Тот своим лучшим капризным тоном велел им удалиться, оставив его в одиночестве.

— Держитесь подальше, идиоты. Мне нечем дышать.

— Придворный врач уже в пути, — сказал слуга.

— Отошлите его.

— Но, сир...

— Отошлите его, или я отошлю вас. Мне не нужны люди, считающие, будто меня нужно латать после простой беседы с этой горгоной.

Конечно, подлатать принца было необходимо. Он потерял так много крови. И из ушей.

И тем не менее одержал победу. Большую часть толпы он оставил за дверями своих покоев, а прочие были допущены лишь в переднюю.

Придворному врачу, который не посчитался с желаниями принца и все равно пришел, он не только отказал во входе в спальню, но и дал отповедь:

— Вы смеете намекать, что я не способен проговорить десять минут с инквизитором и обойтись без медицинской помощи? За какого слабака вы меня принимаете? Я, полымя вас возьми, наследник самого дома Элберона! И мне не нужны всезнайки-костоправы после легкой болтовни с этой атлантической ведьмой.

Даже камердинер получил отлуп, как только помог принцу снять мантию.

— Убирайся.

— Но, сир, позвольте хотя бы умыть вас.

— А кто, по-твоему, умывает меня в школе? Я не из старого порядка принцев, которые не могут сами потереть себе задницу. Убирайся.

Камердинер запротестовал. Принц вытолкал его из спальни и хлопнул дверью ему в лицо.

Затем покачулся, ухватился за фруктовое деревце, росшее в лакированном горшке и, шатаясь, добрал до туалета, где его вырвало.

Иоланта печально чирикала там, где ее оставили — прямо за закрытой дверью туалета. Из кранов пошла вода. Послышался плеск. Принц вернулся бледным как смерть, но с более-менее отмытым от крови лицом.

Он поднял канарейку и, выпрямившись, покачулся.

— Сегодня днем ты хотела оказаться со мной в ванной, не так ли, милая? Что ж, сейчас твое желание исполнится.

* * *

Как только наполнилась аметистовая ванна, Тит забрался внутрь прямо в одежде. Он смыл кровь с перышек Фэрфакс, затем прочитал пароль. В следующее мгновение они уже сидели в другой ванне, пустой, а его одежда и птичьи перышки были абсолютно сухими.

— Добро пожаловать туда, где я должен был учиться, — пробормотал Тит.

Бывший монастырь — место уединения и созерцания, убежище сидевших на троне. Использовался он и для учебы, чистый воздух и отдаленность от мирских развлечений считались полезными для воспитания юных наследников.

Тит ежегодно по несколько месяцев между итонскими семестрами проводил здесь в чтении, практике и экспериментах. Для того, кто должен хранить секреты, монастырь казался раем, свободным от шпионов и наблюдателей настолько, насколько возможно в эти дни. Здесь не было лакеев, за исключением тех, кого принц решал взять с собой, а приходящие слуги появлялись лишь раз в неделю, чтобы поддерживать порядок.

Неуклюже, словно сонное дитя, Тит выбрался из ванны. Держась для устойчивости одной рукой за стену, он побрел по длинным гулким коридорам, останавливаясь каждую минуту, чтобы закрыть глаза и перевести дух.

Всякий раз при этом перед его взором разыгрывалась зловещая сцена: виверны и бронированные колесницы в небе в грациозном смертельном танце. Впервые видение посетило Тита в комнате для допросов, вытеснив образ матери и ее канарейки, прямо перед тем, как приступ ужасной боли лишил его сознания.

А теперь все повторялось, стоило закрыть глаза более чем на несколько секунд.

Фэрфакс защебетала, едва он распахнул дверь хранилища.

— Да, я создал свою лабораторию по подобию этого места. Но здесь все гораздо больше, правда?

Хранилище было раз в десять больше, а на его полках стояли все известные магическому сообществу вещества. Тит открыл ящики и сощурился — от головной боли двоилось в глазах.

— У нас проблемы. — Он и хотел бы заткнуться, но сыворотка правды все еще пульсировала в венах, а слабость была слишком сильна, чтобы с ней бороться. В любом случае Иоланта ничего не вспомнит, когда вернется в человеческий облик. — Боюсь, я не убедил инквизитора ни в чем, кроме желания пойти на экстраординарные меры, чтобы скрыть от нее правду.

Фэрфакс затрепетала в его руке. Или, возможно, задрожал сам Тит.

Он вылил себе в глотку набор лекарств, за ними — две бутылки тоника. По вкусу они напоминали простоявшую пару недель склизкую тухлую воду. Тит не потрудился сделать их менее противными, думая, что при необходимости окажется достаточно мужественным, чтобы не придирается к таким мелочам, как вкус и текстура.

Он ошибался и доказал это новым походом в туалет с целью избавиться от содержимого желудка.

Приковыляв обратно, Тит снял Фэрфакс с полки, куда посадил ее прежде, и отправился в другую часть хранилища, по дороге прислоняясь к стенам, дабы сохранять устойчивость.

— Мне нужно превратить тебя обратно, — сказал он, показывая Фэрфакс найденный стеклянный флакон с белыми гранулами. — Ты бы и сама превратилась в течение ночи, но лучше сделать это, пока я еще в сознании.

Затем отсчитал три гранулы. Канарейка пылко потянулась к ним, но Тит остановил ее клюв рукой:

— Нет, пока нет, если только ты не планируешь появиться передо мной обнаженной. Подожди, ты как раз это и собиралась сделать, да?

Соответствующий взгляд не удался — в висках снова застучало, и он поморщился.

Канарейка сильно клюнула его в тыльную сторону ладони.

— По-моему, леди слишком много возражает^[3], — процитировал Тит. — Неважно. Ты же не знаешь Шекспира, невежда.

С Фэрфакс в руке он зигзагами направился в соседнюю комнату, где временами спал, когда допоздна задерживался в хранилище. Вытянул простыню, накрывавшую тонкий матрас, посадил птицу на кровать, положил перед ней три гранулы и вновь накрыл всю кровать простыней, пряча под ней и Фэрфакс. Затем стянул с себя тунику и сапоги, чтобы ей было, что надеть. Тунике тоже досталось крови, но при данных обстоятельствах ее можно было считать вполне чистой.

— Помни, это будет неприятно, и ты не сможешь двигаться сразу по превращении. Я подожду в хранилище.

Через несколько секунд она зачирикала, возможно, пытаясь удостовериться, что он освободил помещение.

— Я еще здесь, ковыляю потихоньку, — отозвался принц.

Фэрфакс снова защебетала. Вероятнее всего, она велела ему поторопиться, но Тит решил немного повеселиться. В его жизни так не хватало смеха.

— Ты беспокоишься? Представь, как себя чувствую я, дорогая.

Она чирикнула дважды подряд. Хотел бы он чувствовать себя лучше — тогда воображаемая беседа с ней явилась бы достойным использованием его времени.

— Как ты можешь помочь? Если бы только ты... — Тит остановился.

Он пытался, хоть и без видимого успеха, навести мосты между ними. Но разве это единственное его желание? Нет, амбиции Тита простирались гораздо дальше, чем казалось. Он хотел, чтобы она...

— Влюбилась в меня. — Тит ясно услышал слова, вытянутые из него сывороткой правды. — Если бы ты меня любила, все стало бы гораздо проще.

* * *

Превращение было ужасным, словно сотня грызунов пыталась проложить себе дорогу из-под кожи Иоланты.

Затем она лежала на месте, не в силах пошевелиться — и не только из-за физической слабости.

То, чего хотел этот юноша, пугало.

Иоланте посмеяться бы над его запросами. Ничто в нем не привлекало ее: ни корона, ни черное сердце, ни красивое лживое лицо.

И все же она внутренне трепетала, поскольку то, чего он хотел, не казалось невозможным.

Или невероятным.

* * *

— Я не умер и не при смерти, — сказал Тит в ответ на донесшийся от двери судорожный вздох Фэрфакс.

Она, неровно дыша, уже стояла рядом:

— Тогда почему лежишь на полу?

Приняв большинство своих лекарств, он вновь потерял сознание. А когда пришел в себя, легче всего казалось просто оставаться на месте.

— Ты заняла ближайшую кровать. Кстати, как прошла трансформация?

Фэрфакс не ответила, только подняла его на ноги и наполовину довела, наполовину дотащила до кровати в соседней комнате.

— Ты уверен, что не умираешь прямо сейчас?

— Абсолютно. Я умру при падении, а не удобно лежа в кровати.

— Что?

Проклятая сыворотка правды все еще бушевала в венах. Надо следить за собой — Фэрфакс уже не птица.

— Не сделаешь мне чаю? Все необходимое найдешь в хранилище, в буфете под глобусом.

Она одарила его взглядом суженных глаз, но вышла и вернулась через несколько минут с двумя дымящимися кружками и жестянкой непортящегося печенья.

Тит попытался сесть.

Фэрфакс твердо положила ладонь ему на грудь:

— Лежи.

— Как же мне пить чай лежа?

— Забыл, кто я? — К нему подлетела капля, цветом и прозрачностью напоминающая дымчатый кварц. — Вот так и будешь пить лежа.

Выражение ее лица колебалось между гневом и скорбью, и Тит не мог определить, что побеждало.

— Я могу сесть, чтобы выпить чашку чая.

— Не надо. Я была там. И знаю, что с тобой сделала инквизитор. Я видела, как у тебя шла кровь из ушей.

Он втянул воздух:

— Ты помнишь?

— Да.

Прежде чем впервые испытать переоблачение, Тит прочитал всю существующую по теме литературу. Изменение формы относилось к по-настоящему древней магии, потому, даже учитывая, что ее не одобряли и временами объявляли вне закона, в записях и исследованиях недостатка не было.

За полторы тысячи лет осталось лишь две записи о магах, утверждавших, будто помнят время, проведенное в животной форме. Большинство ученых считали, что те маги или преувеличивали, или лгали.

Но Фэрфакс явно не лгала. Она могла узнать о том, что случилось в Инквизитории, только опираясь на свою собственную память.

— Как?

— Не знаю. Думаю, это может быть связано с клятвой кровью. Я должна была поддерживать непрерывность сознания, чтобы избежать опасности предать свои слова.

Тит почти не слышал сказанного ею, поскольку вспоминал, что наболтал сам. *«Если бы ты меня любила, все стало бы гораздо проще».*

Фэрфакс продолжала говорить, ругая его за отказ позволить придворному лекарю провести осмотр, невзирая на кровотечение из ушей.

— У меня не шла из ушей кровь.

— Не ври. Я видела.

— Я не могу тебе врать — клятва, помнишь? Кровь шла из вен на запястьях — в моих браслетах спрятаны лезвия. Придворный врач бы все понял. Потому я и не мог с ним встретиться. Нельзя допустить, чтобы до инквизитора дошло, что я не так плох, как казалось.

По изумленному взгляду Фэрфакс Тит не мог определить, хотелось ей его стукнуть или обнять. Вероятно, первое. Он скучал по тем коротким часам, когда она обняла бы его. И никогда не нравился себе больше, чем в то время, когда нравился ей. Когда она им восхищалась.

— Откуда ты узнал, что тебе понадобятся лезвия? — спросила Фэрфакс с прежним подозрительным видом.

— При инквизиции у тех, кто теряет рассудок, часто сначала идет кровь отовсюду. Я надеялся, когда у меня начнется кровотечение, инквизитор сочтет, что зашла достаточно далеко.

Она прихватила зубами верхнюю губу:

— Она остановилась?

— Нет, — покачал головой Тит. И скривился от резкой боли, вызванной этим

движением. — Что там произошло? Капитан Лоуридж сам решился сломать двери?

Вмешательство в допрос не допускалось никогда. Если Лоуридж действительно сделал это, придется немедленно разжаловать его, чтобы капитан успел скрыться от гнева инквизитора.

— Нет. Ее подчиненные ворвались первыми, когда слышали ее крик. Капитан Лоуридж, впрочем, от них не отставал.

Тит нахмурился:

— Но что заставило ее закричать?

* * *

Иоланта рассказала про свою тактику, но думала не об этом. Ее по-прежнему трясло от признания, что принц запланировал кровотечение из ушей.

Хотя стоило бы больше беспокоиться о том, что он пытается влюбить ее в себя, но Иоланта могла думать лишь о мальчике, чей кот был убит у него на коленях, мальчике, росшем в страхе перед тем днем, когда и он сам окажется под властью того же мага мысли.

Она вспомнила о точности его заклинаний — результате бесконечных лихорадочных тренировок. А это немагическое притворное кровотечение? Сколько раз принц репетировал с лезвиями в рукавах, падая на холодные гранитные полы монастыря в надежде, что при встрече с инквизитором получит шанс сохранить разум?

— Я качнула люстру. Сферы со светящимся эликсиром выпали. Мои глаза были закрыты, но, думаю, одна из них попала прямо в инквизитора — я слышала звук удара перед тем, как все разбилось. А твое вызволение из Инквизитория — это уже заслуга капитана Лоуриджа.

Иоланта не рассчитывала на благодарность, но ожидала, что принц обрадуется. В конце концов, он так беспокоился из-за ее неспособности управлять воздухом. Сейчас же она не только спасла его, но и доказала, что является редчайшим из созданий, магом, способным контролировать все четыре стихии.

Однако изумление на лице принца сменилось мрачностью. Он откинул простыню и попытался встать:

— Почему ты мне раньше не сказала?

Иоланта схватила его за руку, чтобы поддержать:

— Я думала, что ты на последнем издыхании.

Принц шатался, но смотрел свирепо.

— Пойми одно. Когда ты сама в опасности, тебя не должно волновать, жив я или умер. Моя задача — направлять и защищать тебя, пока могу, но в конце лишь один из нас будет иметь значение, и это не я.

Он был так близко, его жар, казалось, проникал прямо в Иолу. У основания его шеи осталось неправильной формы пятнышко засохшей крови, которое принц не успел смыть. Под распушенными рукавами виднелись следы проколов на запястьях там, где лезвия вонзались в кожу.

Сильная боль разгорелась в сердце Иоланты. Она могла еще удержаться и не влюбиться в него, но отныне не способна по-настоящему его презирать.

— Мы должны сейчас же вытащить тебя из Державы, — сказал принц. — Прежде, чем инквизитор поймет, что в допросной был еще кто-то, обладающий властью над стихиями.

Он уже шел, нетвердо держась на ногах. Иоланта обхватила его за пояс.

— Я должен вернуться в свои покои в замке. Зелье для трансформации лежит в моей сумке. Отведи меня в ванную наверху. Затем спустись и уничтожь все следы, по которым можно заподозрить твое присутствие. Инквизитор решилась покуситься на мой рассудок. Точно так же она способна ворваться в мою святая святых.

Иоланта напряженно кивнула и двинулась быстрее, таща принца за собой.

В ванной он наклонился и включил краны.

— Ступай. И возвращайся скорее.

Она поспешила сделать, как он просил. И вновь взбежала по лестнице и добралась до ванной комнаты в тот момент, когда принц опять материализовался, на сей раз насквозь промокший, держа в руке не фляжку, а что-то похожее на бутылку тоника для волос.

— Где зелье?

Принц выбрался из ванны и направил волшебную палочку на тоник:

— *In priorem muta.*

Бутылка превратилась в разделенную на части флягу, которую Иоланта тут же схватила. Отпивая зелье большими глотками, она направила свободную руку на принца и вытянула всю влагу из его промокшего нижнего платья — ночь выдалась прохладная, и он уже начинал дрожать. Затем, пока пила второй раствор, убрала пролитую принцем воду.

— Как всегда, ясно мыслишь в критической ситуации, — пробормотал тот.

Переход в птичью форму оказался не только неприятным, но и дезориентирующим. Все вокруг быстро выросло до размеров гор.

Принц взял Иоланту в руку:

— Пора идти.

* * *

— Сир, вы хотите попасть на поезд, идущий не в Слау, а в Лондон? — с сомнением уточнил Далберт.

— Именно.

Тит проверил свое тело, одежду и вещи, читая одно заклинание за другим, дабы выявить следящие метки и другие чуждые предметы. Чисто.

— Но, сир, в вашем состоянии...

— Еще больше причин отправляться без промедления. Ты видел, что со мной сделала инквизитор. Дом Элберона для нее ничего не значит. Чем дальше я буду от нее, тем безопаснее.

Далберт по-прежнему не выглядел убежденным, но уступил и поднял сумку Тита.

В спальню громко постучали.

— Ваше высочество, к вам леди Калиста, — объявил из-за двери Гилтбрейс.

Именно этого Тит и боялся. Он схватил клетку Фэрфакс и жестом приказал Далберту сохранять молчание и следовать за ним.

— Ваше высочество, — послышался голос леди Калисты. — Мы с регентом совершенно подавлены слухами о судорогах, которые неожиданно приключились с вами во время визита в Инквизиторий.

— Поспеши, — прошептал Тит Далберту. — Они попытаются конфисковать мой транспорт.

Они скользнули в потайной ход, бравший начало в гардеробной принца, и побежали. Тит мечтал, чтобы его желудок повременил с восстанием. Секретный проход оканчивался под чердаком. Перескакивая через ступени, они поднимались по винтовой лестнице, голова кружилась все сильнее с каждым поворотом. Снизу доносился грохот погони.

Вот наконец и чердак. Они бросились в железнодорожный вагон, Тит закрыл дверь, а Далберт метнулся к рычагам. Едва рука слуги сомкнулась на рукоятке, как в дверь ворвалась фаланга стражников.

— Давай! — приказал Тит.

Далберт потянул за рычаг. Вагон дрогнул и с силой ввернулся в пульсирующий кровоток, коим являлась британская железная дорога.

Стук стальных колес о рельсы еще никогда не звучал так сладко.

Фэрфакс была в безопасности. Пока.

Силу могущественного мага мысли часто сравнивают со сверлом, пробивающим мозг, дабы достичь его глубин. Но правда несколько сложнее. Во время такой связи разум мага мысли хоть и доминирует, но на деле становится таким же открытым, как разум его жертвы, и столь же уязвимым, сколь разрушительным.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Поезд довез их до вокзала Чаринг-Кросс. Тит решил, что один из больших новых отелей возле Трафальгарской площади, часто посещаемых американскими туристами, прекрасно послужит его целям.

После чего быстро заколдовал женщину средних лет и ее служанку. Когда обе оцепенело и покорно последовали за ним, Тит представился служащему отеля мистером Джоном Мейсоном из Атланты, что в Джорджии, путешествующим с матерью. А получив на руки ключ, вывел леди со служанкой через другую дверь, освободил их от заклятия и сердечно пожелал доброй ночи.

Оказавшись в комнате, он наложил несколько слоев заклинаний от проникновения, без угрызений совести используя самые смертельные из них, известные магическому сообществу. И сочтя, что Фэрфакс может безопасно вернуться в человеческий облик, оставил ее в спальне с туникой из своей сумки и парой своих английских брюк.

Она выбралась из комнаты как раз в тот момент, когда зашумел кухонный лифт.

— Твой ужин, — буркнул Тит с кушетки, на которой лежал без сил, прикрыв глаза рукой.

Фэрфакс нашла дверь кухонного лифта — по гостинной разнесся аромат куриного бульона и мясного пирога — и поставила поднос с едой на низкий столик рядом с Титом.

— Как ты?

Он фыркнул.

— Не хочешь чего-нибудь поесть?

— Нет.

Не хотелось в ближайшие двенадцать часов напрягать желудок.

— И что теперь? Мы в бегах?

Тит убрал руку от лица и открыл глаза. Фэрфакс сидела на ковре перед столиком. Его серую туннику с капюшоном она надела, а брюки — нет! Ее ноги были оголены до середины бедра.

Этот вид выдернул его из летаргии.

— А брюки где?

— Они без подтяжек, так что не будут держаться. И потом, здесь довольно тепло.

Титу стало довольно жарко. Девушек в коротких платьях летом в Деламере хватало. Но в Англии юбки всегда доходили до пола, и мужчины сходили с ума от одного вида женских щиколоток. Так много кожи — парни в школе упали бы в обморок от перевозбуждения.

Возможно, и Тит не устоял бы, кабы уже не лежал.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, — заметила Фэрфакс так, словно вид длинных стройных ног не спутал все его мысли. — Мы в бегах?

— Нет, завтра возвращаемся в школу.

— Что?

— Если бы тебя сумели схватить до отъезда из Державы, ты была бы обречена. Но сейчас эта опасность миновала, и мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы сохранить твою нынешнюю личину. Пока она остается нетронутой, Атлантида может подозревать меня сколько угодно, но ничего не сумеет доказать.

— Но ты говорил, что не смог ни в чем убедить инквизитора. Она снова в тебя вцепится.

— Да, но не сразу. Твое вмешательство нанесло ей удар. Инквизитору понадобится время, чтобы прийти в себя. И потом, я не могу просто исчезнуть. По законам нашей страны, нельзя оставить трон пустым. Правящим принцем провозгласят Алекта.

И это станет концом дома Элберона.

Фэрфакс налила себе тарелку супа и откусила от мясного пирожка.

— Так у нас нет выбора, кроме как оставаться в Итоне?

— Пока это в наших силах.

— А когда это окажется не в наших силах?

— Тогда мы подвергнемся испытанию.

Тита окинули взглядом, исполненным стоицизма, и с тенью грусти. Какие у нее глаза красивые...

Мысли замедлились, стоило осознать: эти глаза могут оказаться последним, что он увидит перед смертью.

— Ты ввязался во все это только из-за своей матери. — Замечание вернуло Тита к настоящему. — А что, если инквизитор права?

Что, если инквизитор права? Большая часть короткой жизни матери оставалась для него тайной, как и многие из ее видений.

— Учти, что инквизитор хотела выбить меня из равновесия.

— Твою мать убил твой дедушка?

Лицо Тита запылало.

— Да.

Взгляд Фэрфакс оставался спокоен.

— Почему?

— Чтобы сохранить дом Элберона. Он отказался уйти как последний принц династии.

Когда Атлантида предложила выбор: устранить монархию полностью или пожертвовать своей дочерью, активной участницей Январского восстания — принц Гай выбрал последнее. Секреты постыднее в долгой истории дома Элберона найти можно, но с трудом.

— Твоя мать правда предвидела в детстве собственную смерть?

— Не знаю.

— Она что-то рассказала тебе перед смертью?

— Только, что если я хочу увидеть своего отца, то должен свергнуть Лиходея.

Тит никогда бы не упомянул отца, но клятва кровью обязывала говорить правду.

Фэрфакс задумчиво жевала.

— Извини, что спрашиваю, но кто твой отец?

Щеки запылали еще сильнее, если такое возможно.

— Я и сам не знаю.

— Твоя мать никогда о нем не упоминала?

— Она много о нем говорила.

О его любви к книгам, прекрасном певучем голосе, улыбке, способной поднять солнце посреди ночи.

— Но ничего, что помогло бы его опознать.

О, как Тита взбудоражила возможность, прозвучавшая в вопросе матери! *«Ты хочешь увидеть отца?»* Он счел этот вопрос чем-то вроде *«Хочешь кусочек торта?»* — когда торт приносят через минуту.

Фэрфакс помешивала суп ложкой.

— Что ты сказал, когда услышал, что должен свергнуть Лиходея?

Тит тогда чуть не утратил дар речи от страха и разочарования, теснившихся в душе. И от гнева — что собственная мать так подшутила над ним.

— Я сказал, что не собираюсь бороться с Лиходеем, поскольку не хочу умирать.

Мать горько разрыдалась. Слезы струились по ее лицу и падали на чудесную небесно-голубую шаль. Никогда прежде Тит не видел маму плачущей.

— Но потом ты согласился, — тихо произнесла Фэрфакс, глядя на него почти с нежностью.

Тит все еще видел залитое слезами лицо матери. По-прежнему слышал приглушенный голос, когда она отвечала на его удивленный вопрос:

«Почему ты плачешь, мама?»

«Потому что ненавижу себя за то, что прошу у тебя. Потому что никогда не прощу себя, ни в этой жизни, ни в следующей».

При этих словах что-то в нем сломалось.

— Мне было шесть. Я бы все для нее сделал.

В этом мире существовало нечто, связывающее мага крепче кровной клятвы, — любовь. Любовь как самая прочная цепь, самый болезненный кнут и самый жестокий рабовладелец.

Тит потянулся к сумке, которую бросил на пол рядом с кушеткой, и вытащил толстую книгу.

— Знакомая. Ты ее из школы притащил?

— *In priorem muta.* — Книга показала свой истинный облик, превратившись в скромный журнал в кожаной обложке. — Дневник моей матери. Она записывала в нем все свои видения.

— Он пуст, — заметила Фэрфакс, перелистав порядка тридцати-сорока страниц.

— Он показывает только то, что я должен видеть.

Дневник достался ему после смерти матери с надписью: *«Мой дорогой сын, я буду здесь, когда по-настоящему понадобится тебе. Мама».*

Тит ежедневно открывал его и просматривал пустые страницы. Лишь когда он узнал правду о ее смерти — что это было убийство, а не самоубийство, — появилась первая запись. Та самая, о нем, стоящем на балконе и наблюдающем явление, что должно изменить и изменит все.

Тит продолжал переворачивать страницы, но те упорно сохраняли белизну. Что-то холодное и ужасное разъедало его внутренности.

«Ты нужна мне сейчас. Не покидай меня. Не надо».

Наконец в самом конце дневника появились несколько страниц, исписанных ее знакомым наклонным почерком. Тит стиснул переплет, чтобы пальцы не задрожали от облегчения.

— Ты могла бы прочитать их со мной. Многие из ее видений связаны с нашей задачей.

Фэрфакс оставила низкий столик и присела рядом.

«4 апреля 1021 державного года.

Когда сегодня утром мы с Титом играли в верхних садах, я увидела коронацию. Нельзя не узнать особые флаги ангельского воинства, поднимаемые только на коронациях и государственных похоронах. И судя по ярким нарядам зрителей, заполонивших улицу, я наблюдала не похороны.

Но чья это коронация? Я уловила лишь три минуты долгого парада, вот и все.

Я вернулась к Титу, который дергал меня за рукав. Он нашел божью коровку и хотел, чтобы я ей восхитилась. Бедное дитя. Не знаю, почему он меня любит. Кажется, когда бы он ни захотел моего внимания, я всегда захвачена новым видением».

— Дата — это сразу после окончания Январского восстания, да? — спросила Фэрфакс. Тит кивнул. Баронессу Соррен казнили днем раньше.

Они продолжили читать.

«10 апреля 1021 державного года.

Видение вернулось. На сей раз я смогла увидеть появление государственной колесницы в самом конце Дворцового проспекта. Но не различила, кто в ней — лишь как играет солнце в его или ее короне.

Остаток дня я не могла ни на чем сосредоточиться. Бедный Тит принес мне стакан яблочно-грушевого сока. Подержав немного, я вернула его, даже не отпив.

Мне нужно узнать. Я должна узнать. На следующий день после того, как это видение появилось впервые, отец потребовал, чтобы я обменяла свою жизнь на будущее Тита на троне. Я попросила время, чтобы подумать. Он дал мне три недели.

Если человек на колеснице — я, тогда я возьму Тита и спрячусь. Лабиринтные горы полны недоступных углов и долин. Немагический мир тоже предлагает множество возможностей исчезнуть.

Но что, если на колеснице не я?»

«12 апреля 1021 державного года.

В колеснице не я.

Это Тит. И он маленький, лишь чуть постарше, чем сейчас.

На сей раз видение длилось и длилось. Я узрела всю коронацию, а также церемонию, облакающую Алекта властью регента.

Я сама или отправилась в изгнание, или мертва.

Поскольку Тит еще так юн, множество празднований, которые развернулись бы в ином случае, отложены, пока он не достигнет подходящего возраста. И все же в конце он часами принимает доброжелателей. Мой сын, маленький, важный и совершенно одинокий.

Наконец он остается один. Вынимает из туники письмо, раскрывает его и читает. Я не вижу, что там написано, но на разорванном конверте моя личная печать.

Письмо оказывает на Тита поразительное воздействие. Он выглядит так, словно получил удар в грудь. Читает снова, потом бежит и достает что-то из своего ящика.

Мой дневник. Этот дневник, с которым я никогда не расстанусь.

Открывает. Читает на первой странице: «Мой дорогой сын, я буду здесь, когда по-настоящему понадобится тебе. Мама».

Дата под надписью — две недели после сегодняшнего дня.

Он переворачивает страницы.

Шок. Мой дневник пуст — множество страниц ничего.

Когда наконец появляется надпись, я снова испытываю потрясение. Это видение о молодом человеке, на которого я смотрю со спины. Сам же он наблюдает с балкона за чем-то, что его ошеломило. Это видение я переживала несколько раз, но никогда не чувствовала его важности.

Очевидно, в ближайшем будущем я почувствую нечто иное. Когда я вносила последние дополнения к видению, описание занимало меньше двух страниц — сейчас она растянулось на все четыре, выделенные мной для каждого предсказания. Даже поля плотно исписаны.

В этот момент образ начал угасать, но я смогла прочитать отрывки своих записей, касающиеся магии стихий. В теснящихся абзацах я ссылаюсь на другие видения, которые, кажется, не имеют ничего общего с этим. И даже пересказываю разговор с Калистой, мол, строго по секрету, но она узнала об интересе Атлантиды к магам стихий от самого тогдашнего инквизитора, никак не меньше, совершенно очарованного ее красотой и шармом.

Видение полностью угасло. Сейчас пять утра. На небе за окном показался легчайший проблеск рыжины. С рвущей болью в сердце я понимаю, что мои дни сочтены.

Но сейчас не время барахтаться в жалости к себе. В следующие две недели я буду неистово писать о магии стихий, хотя едва о ней знаю...

Необходимо быстро выяснить не только как можно больше о самой магии, но и почему я так нуждаюсь в этих знаниях.

Однако сперва я поплачу, потому что не увижу, как растет мой сын. Не увижу даже его следующий день рождения. А он запомнит меня только как чудаковатую женищину, которая не выпила специально принесенный им сок».

Итак, лгала инквизитор, а не его мать.

Тита охватил горячий стыд за то, что он так жестоко в ней усомнился. За то, что ненавидел ее так часто и так сильно.

Он извинился и поспешил в туалет, где проиграл свою битву со слезами. Тит еще утирал их, когда его позвала Фэрфакс:

— Иди сюда. Я нашла еще одно видение.

** * **

— Уверена? Я никогда не видел больше одного за раз, — сказал принц.

Его глаза покраснели, словно он плакал. Иоланта немедленно уткнулась обратно в дневник.

— Я просто листала страницы. И почти уверена, что раньше, когда ты просматривал эти листы, они были пусты, но не сейчас.

Принц уселся рядом:

— Написано почти на десять лет раньше.

И начал читать. Иоланта еще раз взглянула на него украдкой.

«7 мая 1012.

Сегодня новое видение.

В нем библиотека — или книжный магазин. Женщина, стоящая ко мне спиной, рассматривает полки и, похоже, ищет определенный заголовок.

Она останавливается и достает том, который надо удерживать двумя руками. Название на корешке гласит «Энциклопедия зелий».

Мне знакома эта книга — отвратительная, полная претензий и примечательно лишенная настоящих знаний. Мой преподаватель мучил меня ею.

Женщина в видении с трудом доносит книгу до стола и кладет ее рядом с календарем, показывающим дату: двадцать пятое августа.

Затем открывает и быстро находит искомое. Тема — эликсиры света. На столе есть перо. Женщина берет перо и записывает на полях страницы: «Как бы вы ни испортили эликсир света, его всегда можно восстановить ударом молнии».

Иоланта отшатнулась. Именно эти судьбоносные слова изменили все.

— Именно этот совет ты получила во вторник? — спросил принц.

Вторник. Меньше недели и больше жизни назад. Она кивнула.

— Полагаю, мы сейчас выясним, кто это написал, — заметил он.

«5 августа 1013.

Повторение прошлогоднего видения, и никакой новой информации».

«11 августа 1013.

Я наблюдала это видение трижды за последние два дня. Вчера я спросила у преподавателя, можно ли использовать молнию, чтобы исправить эликсир. Он чуть не задохнулся от смеха».

«12 августа 1013.

Опять то же видение. Это начинает раздражать».

«15 августа 1013.

Наконец что-то новое.

Когда женщина в видении наклонилась к подставке для перьев, я смогла прочесть на подставке надпись: «Подарено моему дорогому другу и учителю Евгенидесу Константиносу».

«16 августа 1013

Я выяснила, что Евгенидес Константинос владеет книжным магазином на перекрестке Гиацинтовой улицы и Университетской аллеи. Когда в следующий раз окажусь поблизости, остановлюсь и загляну туда».

Иоланта втянула воздух.

— Что такое?

— Я знаю это место. Учитель все время брал меня туда. К тому времени книжный сменила кондитерская, но там по-прежнему сохранились старые надписи. Больше всего я любила ту, которая гласила что-то вроде «Книги о черной магии можно найти в подвале, бесплатно. Обнаружив подвал, пожалуйста, покормите призрачное чудище внутри. С уважением, Е. Константинос».

— Основа и уток Фортуны переплетаются таинственным образом. Только глядя в прошлое, можно увидеть, как обретает форму ткань судьбы, — продекламировал Тит.

Иоланта медленно выдохнула и продолжила чтение.

«31 августа 1013.

Самый фантастический день.

Я ускользнула с середины «Тита III», сбежала от фрейлин и поспешила в «Универмаг тонких наук и редкостей», магазин Константиноса. Едва я вошла, видение повторилось в седьмой раз, чего раньше не случалось.

Только теперь я ясно разглядела приметное кольцо на руке, водившей пером.

Когда же образы угасли, в шоке подняла собственную ладонь. Кольцо на правом указательном пальце идентично тому, что выковали для Гесперии Величественной. Другого такого нет во всех магических королевствах.

Эта женщина — я».

Рука Иоланты взлетела к горлу.

«Я рассмеялась. Вот так так.

Однажды в своем видении я рассказала отцу, что некая атлантйская девушка станет самой влиятельной персоной в Державе. Потом, встретив эту девушку наяву, повторила

ему то, что говорила в видении. Ведь никто не может намеренно изменить предвиденное. Отцу ужасно не понравилась возможность, что однажды он, прямой потомок Тита Великого, перестанет быть абсолютным властителем королевства.

Но на сей раз я никого не обижу.

Я нашла книгу, дотащила ее до стола, взяла с подставки перо и испортила энциклопедию, как делала это в видении.

И лишь закончив, вспомнила о настольном календаре. В видении на нем всегда двадцать пятое августа. Но сегодня тридцать первое. Я посмотрела на календарь: двадцать пятое августа! Устройство не работает уже неделю.

Меня нечасто радует собственная правота — способность видеть проблески будущего расстраивает и заставляет волосы вставать дыбом. Но в этот момент я дрожала от возбуждения.

Повинуясь импульсу, я снова открыла книгу, дошла до раздела просветляющих средств и вырвала последние три страницы. Рецепты, данные здесь, полны ошибок. Не хотелось, чтобы какой-нибудь бедный ученик от них пострадал».

Они перевернули страницу, но там больше ничего не было. Они продолжали листать. По-прежнему пусто. Тогда принц закрыл журнал и убрал его обратно в сумку.

Затем взглянул на Иоланту.

Она поняла, что должна что-то сказать, но не решилась облечь свои мысли в слова из страха обнаружить, сколь крепко сжата длинной рукой фатума.

Из страха, что, возможно, придется принять идею, будто судьбы ее и принца переплетены задолго до их рождения.

* * *

— Расскажи мне о видении, в котором она видела твою смерть, — попросила Фэрфакс, возвращаясь к ужину. — Об этом ты тоже прочитал в дневнике?

Тит медленно откинулся назад. Будь проклята сыворотка правды. И будь проклята клятва кровью, не позволяющая ему лгать. С тем же успехом можно ослепить художника или отрезать пальцы скульптору — ведь Тит был мастером лжи.

— Да.

— Когда это случится?

— Я описан на исходе отрочества. То есть... в любой день.

Иоланта несколько раз моргнула, посмотрела на свою тарелку, потом снова на него:

— Почему?

— Нет «почему». Все умирают.

— Ты говорил, мол, дневник показывает только то, что ты должен знать. Зачем тебе знать, что ты умрешь молодым?

— Чтобы соответственно подготовиться. Осознание ограниченности времени концентрирует разум.

— А может произвести и обратный эффект. Другой мальчик мог бы забросить все это дело.

— Тому мальчику не надо бояться встретиться с матерью в следующей жизни, ничего не достигнув в этой. Кроме того, нельзя сбежать от своей судьбы. Подумай, сколько усилий предпринято, чтобы помочь тебе избежать неизбежного. И взгляни, где ты сейчас.

На подносе с едой принесли также чайник, на него-то Фэрфакс и устремила взгляд. Чай сам по себе выплеснулся из носика, выгнулся в воздухе великолепной дугой и наполнил чашку, не пролив ни капли. Фэрфакс обхватила руками чашку, словно замерзла и нуждалась в тепле.

— То есть, в конце я могу оказаться в одиночестве против Лиходея.

Эта мысль пугала Тита едва ли не больше, чем нависшая над ним смерть.

— Пока я живу и дышу, я буду с тобой. И прикрою тебя.

Ее пальцы изогнулись, затем сжали чашку.

— Никогда не думала, что скажу это, но я хочу, чтобы ты жил вечно.

Он не нуждался в вечной жизни, но хотел бы прожить достаточно долго, чтобы забыть вкус страха.

— Ты сможешь жить вечно за меня.

Их взгляды встретились — и застыли.

Фэрфакс встала, вышла в спальню и вернулась с одеялом. Когда же она подоткнула его вокруг Тита, вечность превратилась в нечто отдаленное — он с радостью променял бы ее на несколько подобных моментов.

— Спи, — велела Фэрфакс. — Тебя будет охранять великий маг стихий нашего времени.

* * *

Несколько огненных искр парили под потолком и давали достаточно света, чтобы разглядеть комнату. Иоланта смотрела на спящего принца, закинувшего одну руку за голову, а в другой держащего палочку вплотную к телу.

Собрав искры поближе к себе, Иоланта достала дневник его матери и снова пробежалась по страницам. Ничего, кроме не замеченного ранее листка с маленьким рисунком черепа в правом нижнем углу. Дойдя до конца, Иола принялась переворачивать листы в обратном направлении. По-прежнему пусто. Она вздохнула и вернула дневник в сумку.

В глубине сердца Иоланта начинала понимать, что ее судьба и вправду предначертана на звездах. Но все еще казалось совершенно невозможным набраться храбрости для встречи с Лиходеем — ей, которая вела такую скромную жизнь и занималась лишь благополучием собственной семьи.

Особенно, если принц прав насчет своей смерти.

После его кончины клятва перестанет их связывать. Иоланта сможет выбраться из этой безумной авантюры, забрать, если получится, учителя Хейвуда и исчезнуть.

И ничто ее не остановит.

Кроме осознания, что принц отдал этому делу свою жизнь, а она все бросила.

Не говоря уже о вопросе, который замаячил где-то на задворках сознания: если Иоланта окажется в силах свергнуть Лиходея, сможет ли она существовать, так и не попытавшись? Просто сохраняя в безопасности себя и учителя Хейвуда в каком-нибудь уголке Лабиринтных гор, пока миссис Нидлз и бесчисленные ей подобные гниют в тюрьмах Атлантиды?

Сможет ли ужиться с собой, трусихой, пока мир пылает?

Как известно всем, читавшим хоть один комический рассказ (с сюжетом, основанным на недопонимании), случайно услышанная часть разговора может привести к катастрофически неверным выводам без знания контекста.

Именно поэтому те среди предсказателей, кто видит будущее долгими непрерывными кусками, считаются гораздо более одаренными, чем те, кому открываются лишь краткие мгновения, поскольку, интерпретируя случайные обрывки, гораздо легче ошибиться — если в них вообще удастся хоть что-то разобрать.

Еще реже встречаются провидцы, способные неоднократно узреть одни и те же события в будущем, что позволяет им с каждым повтором яснее понимать суть и замечать детали происходящего. Подобные видения становятся наиболее однозначными указателями на непредсказуемых иначе изгибах дороги времени.

Из книги «Когда прольется дождь и много ли: видения ясные и простые»

Иоланта проснулась, шипя от боли. Пальцы будто раздулись втрое, а кожа разрывалась от напряжения.

Но все выглядело по-прежнему. Она озадаченно уставилась на свои руки, а когда стиснула кулаки, суставы запротестовали. Иоланта еще несколько раз сжала и разжала пальцы. Неудобство довольно быстро прошло, оставив после себя лишь удивление.

— Что случилось? — спросил с дивана принц хриплым со сна голосом.

— Ты проснулся. Как голова? Хочешь, найду тебе что-нибудь на завтрак?

— Не надо завтрака, спасибо. А моя голова — ужасно, но это в порядке вещей. Что случилось с тобой?

— Не знаю. Минуту назад у меня болели руки, но сейчас все прошло. Побочный эффект переоблачения?

— Нет, но это может быть побочным эффектом того, что ты преодолела превратное заклятье.

— Какое превратное заклятье?

— Которое на тебя наложили раньше, чтобы заставить поверить, будто ты не можешь управлять воздухом.

— Может, я просто поздно развила эту способность.

Принц покачал головой:

— Я видел письмо твоего опекуна к тебе и...

Иоланта вздернула бровь. Она никогда не предлагала ему почитать это письмо.

— Ладно, ты уже знаешь, что я нещепетилен.

Она вздохнула:

— Продолжай.

— Вот его точные слова: «Интересно, как проявится твоя сила? Повернешь ли ты вспять речку Деламер? Устроишь ураган в погожий солнечный денек?» И это говорит мне, что уже в раннем детстве ты обладала властью над воздухом.

— Но я думала, нельзя наложить превратное заклятье, если объекту уже что-то известно.

— Власть над воздухом замаскировать легче всего. Сложновато объяснить внезапное появление огня или воды или камни, вылетающие из стены. Но в движении воздуха всегда можно обвинить ворвавшийся в окно ветер. И таким образом опекун мог объявить тебя стихийным магом третьей степени, гораздо менее приметным.

— Но если все так, я все равно не понимаю, почему мои руки должны болеть сейчас, после того, как я преодолела заклятье.

— Сделай что-нибудь с воздухом. Всколыхни занавески.

Она попыталась, но занавеска сдвинулась лишь самую малость.

— Не понимаю. Прошлой ночью я раскачала целый светильник.

— Сейчас ты не в чрезвычайной ситуации. Превратное заклятье, действовавшее на тебя так долго, непросто удалить полностью. Но ты уже зашла гораздо дальше, чем раньше. Очевидно, боль — это физическая демонстрация потенциала, который ты открыла, борясь с остатками заклятья.

Иоланта снова попыталась раздуть занавески. Результат оказался ненамного более

впечатляющим. Она-то думала, что с этого момента контроль над воздухом станет легким и абсолютным.

— Так что мне теперь делать?

— Больше тренироваться. Вся стихийная магия — это разум против материи. Ты должна больше стараться. — Принц сел и вздрогнул от боли. — Все мы должны стараться изо всех сил.

* * *

Миссис Хэнкок встретила его своей обычной милой улыбкой и в обычном мешковатом темном наряде:

— Ваше высочество, не пройдете ли в мою гостиную?

Тит ухватился за перила — она поймала его в самом низу лестницы.

— Да что с вами, атлантами? Разве вы не видите, что у меня жуткая головная боль?

Он не лгал: в голове как будто орудовали немаги — ломami и кувалдами. К тому же он ослабел от голода, поскольку со времени допроса в рот ничего не брал, кроме чая.

— Я бы и не подумала помешать вашему высочеству, если бы не дело жизненной важности, — невозмутимо сказала миссис Хэнкок.

— Кто хочет меня видеть?

— Исполняющий обязанности инквизитора, сир.

— Кто такой, полымя его возьми, исполняющий обязанности инквизитора?

— Его имя — Баслан.

Баслана обычно называли не И.О. инквизитора, а вице-проконсулом или что-то в этом роде. Тит потер виски.

— Властитель Державы уже недостаточно важен для лакея Лиходея? Я должен встречаться с лакеем лакея?

— Вы так добры, ваше высочество, — пробормотала миссис Хэнкок, протягивая руку и поправляя рамку с вышитым ирисом, сдвинутую беспечным мальчишкой.

Она провела Тита в строгую гостиную с непокрытым полом, жесткими креслами и отсутствием даже следа цветочков, обожаемых миссис Долиш. Зато на ящиках комода были вырезаны стилизованные изображения вихря. Не обращая внимания на стены и мебель, в гостиной висел спектральный образ Баслана — эту часть атлантической магии величайшим волшебникам Державы еще предстояло скопировать.

Когда Тит вошел, изображение щелкнуло. Тит плюхнулся в ближайшее кресло и прикрыл глаза рукой — солнечный свет, струившийся сквозь окно миссис Хэнкок, обжигал сетчатку подобно кислоте.

— Что вы хотите?

— Мне нужен отчет о действиях вашего высочества прошлой ночью в комнате для допросов.

Тит не ожидал вопроса, который бы в любой мыслимой форме не затронул мисс Лютик.

— Моих действиях? Истекал кровью из всех основных отверстий и страдал от жуткого ущерба моему зрению, слуху и мыслительным способностям.

— Для перечисленных вами повреждений вы выглядите поразительно здоровым, — заметил Баслан.

Тит закашлялся. Затем повернул голову и залил кровью юбки миссис Хэнкок. Неплохо

получилось. Та завизжала — наконец-то искренняя реакция — и безумно замахала палочкой, стремясь избавиться от пятен.

Тит сердито уставился на Баслана:

— Что вы сказали?

Атлант выглядел озадаченным. Он открыл и снова закрыл рот.

— Вам не стоит сомневаться, — вмешалась миссис Хэнкок. — Если его высочество еще не знает, что случилось, то очень скоро выяснит.

Баслан по-прежнему колебался.

Тит сделал вид, что встает:

— Вы потратили достаточно моего времени.

— С прошлой ночи инквизитор остается без сознания. — Голос Баслана звучал визгливо. — Мне требуется знать, что вы с ней сделали.

Тит знал, что маги мысли не выносят вмешательств во время дознания, но не представлял, что последствия могут быть настолько катастрофичны. Или же то, что Фэрфакс сочла легкими фарфоровыми сферами, оказалось гораздо тяжелее? Что, если один шар с эликсиром света, упав с большой высоты, вызвал бы у инквизитора сотрясение даже при нормальных обстоятельствах?

— Она потеряла рассудок? — поинтересовался Тит, понимая, что это слишком хорошо для правды.

— Она не потеряла рассудок, — огрызнулся Баслан. — Просто временно неспособна выполнять свою работу.

— Очень жаль. Это было бы ангельское правосудие за всех, чей мозг она разрушила.

Атлант сжал руку, с трудом сдерживаясь:

— Вы скажете мне, что сделали с госпожой инквизитором.

— Так вот почему вы прислали леди Калисту в замок прошлой ночью, — покосился на него Тит. — А я-то думал, что она наконец начала тревожиться о моем здоровье.

И вот почему они пытались предотвратить его отъезд. Не для того, чтобы отнять канарейку. Просто лекарям требовалось знать, что вызвало обморок инквизитора, прежде чем предложить лечение.

Тит ухмыльнулся и вытащил свою волшебную палочку, украшенную по всей длине семью бриллиантами-коронами.

— Это Валидус — палочка, некогда принадлежавшая Титу Великому. Я знаю, атланты культурно изолированы и в целом не интересуются историей, кроме своей собственной, но, полагаю, вы, действующий инквизитор, должны были слышать о Тите Великом.

Баслан поджал губы:

— Я в курсе, кто это.

— Тит Великий оставил после себя объединенную Державу. Но своей семье он оставил еще и благословение Тита, колоссальную защиту, связанную с силой Валидуса, которая не позволит причинить вред наследнику дома Элберона.

Тит дважды стукнул палочкой по ладони. Миссис Хэнкок вскочила на ноги, Баслан отступил на шаг. Оба смотрели на свет, исходящий сейчас от семи корон.

— Да, вы видите одну из последних палочек-клинков. В расчехленном виде — один из самых могущественных предметов. А расчехленный Валидус вызывает благословение Тита. Что я и сделал, прежде чем лишился сознания. В конце концов вся мощь инквизитора, призванная сломить меня, обратилась на нее саму.

Пока принц убирал Валидус, Баслан не отрывал от палочки взгляда. Тит с усилием поднялся. И со всем возможным высокомерием — не слишком впечатляющим, поскольку он едва держался на ногах — усмехнулся атлантам:

— Вот почему вам не стоит шутить с властителем Державы.

* * *

Иоланта обхватила принца рукой у самой лестницы.

В ответ он тихо заворчал:

— Я велел тебе не возвращаться, пока я не сообщу, что все чисто.

Принц был бледен. На его рукаве виднелись капли крови. Даже зная, что кровь — это лишь трюк, Иоланта почувствовала, как дрогнуло ее сердце.

— Тебе могла понадобиться помощь.

— Разве я не говорил тебе никогда обо мне не беспокоиться?

Глупый упрямый мальчишка.

— Если бы я не вмешалась раньше, сейчас ты был бы слюнявым идиотом. Так что заткнись и позволь мне принимать решения самостоятельно.

Он почти улыбнулся:

— Это звучит неправильно. Я — мозг операции. Твоя задача лишь обеспечивать мускулы.

Иоланта хотела коснуться его щеки, но не сделала ничего подобного.

— Когда накапливается достаточно силы, она развивает собственный разум.

По лестнице сбежал Бирмингем, староста пансиона.

— В чем дело, Тит? Выглядишь так, словно встретился с призраком.

Иоланту по-прежнему коробило, когда к принцу обращались по имени. Она чуть не велела Бирмингему прекратить фамильярничать, но вместо этого сказала:

— Испорченные устрицы на дипломатическом приеме.

Староста с шумом втянул воздух:

— Это может быть смертельно. Тебе лучше надеяться, что опасность позади.

— Кажется, меня сейчас снова вырвет, — пробормотал принц.

— Поспеш. Я принесу тебе горшок.

Иоланта нашла один такой в отеле. Принцу пришлось объяснять, для чего предназначен сей предмет. Подумать только.

— Пока, Бирмингем.

Как только они очутились в комнате принца, Иоланта одолжила его волшебную палочку и взмахнула ей. Послышались рвотные позывы.

Принц вздрогнул, но в то же время был поражен.

— Что это?

— Научилась у ученицы в Малых Заботах. Так она убедила мать больше не давать ей репу на ужин. — Иоланта очертила звуконепроницаемый круг и вернула палочку владельцу. — Теперь ложись.

— Мне нужно посмотреть, не прислал ли Далберт донесение.

— Ложись. Я сделаю это за тебя.

— Я...

— Если Далберт присылает донесения, я должна уметь их получать. Помни, ты не

всегда будешь здесь.

«Ты сможешь жить вечно за меня». В этих словах звучало сожаление, спокойное принятие того, что нельзя изменить. Принцу не светило ни славы за попытку совершить невозможное, ни награды за выполненное обещание.

— Обязательно мне напоминать? — Он вытянулся на постели. — Положи лист бумаги под машину у моего письменного стола в кабинете.

Иола без проблем нашла устройство, похожее на дикобраза, и со второй попытки разместила бумагу на подносе в форме подковы. Устройство клацнуло. Когда оно остановилось, Иоланта достала бумагу и отнесла принцу.

— Какие новости у Далберта? И что с тобой делала миссис Хэнкок? Она требовала, чтобы ты принес мисс Лютик?

— Никто не спрашивал о мисс Лютик. — Он взял донесение из рук Иоланты и просмотрел. Лицо его было уже не настолько бледным. — Так это правда: инквизитор остается без сознания.

— Правда?

— С прошлой ночи.

— Из-за того, что я сделала?

— Из-за того, что ты сделала, только они думают, будто в ответе за это я. Так что я сочинил для них сказку о могуществе моей волшебной палочки.

Принц продолжал читать отчет, не слыша, как прозвучало только что сказанное. Иоланта подавила смешок.

— Они тебе поверили? Все мальчишки рассказывают подобные сказки о своих палочках.

Принц взглянул вверх. Сначала его глаза были пусты, затем осветились озорством.

— Возможно, но я действительно владею великолепной палочкой, лучшей в своем роде. Она любую девушку с ума свести может.

Оба разразились смехом. Принц преобразился, словно пустыня, возродившаяся после ливня. Иоланте пришлось отвернуться — ее глаза наполнились внезапными слезами.

«Ты сможешь жить вечно за меня».

Повернувшись к нему спиной, она выглянула в окно. Стоял солнечный день. Младшие мальчишки заполнили полянку за домом, увлеченные играми, с чем придется: мячами, палками. Троица пыталась запустить в небо воздушного змея.

Их окружала простая мирная жизнь — а принц вынужден смотреть на все это будто через бинокль, без возможности прикоснуться.

— А регент не станет противоречить твоим словам? — услышала Иоланта свой голос, продолживший дискуссию, словно значение имела лишь опасность, угрожавшая им сейчас. — Твоя палочка — это фамильное достояние. Если она обладает особой властью, он бы тоже об этом знал, правда?

— Алект может сказать лишь, что он не в курсе. Он первым подтвердит, что есть знание, передающееся только по прямой линии наследования.

— Итак, пока инквизитор остается без сознания, мы в безопасности.

— Похоже, что так.

— Что случится, когда она придет в себя?

— Что-то.

Иоланта развернулась:

— Что?

— Время покажет. — Принц говорил со спокойствием, происходящим не от покорности, а от железной решимости. — Мы предположим худшее и приготовимся соответственно.

* * *

Комната была завешена темно-красными занавесками и синими гобеленами. Вазы с позолоченными ледяными розами поднимались почти до самого расписного потолка. В центре дальней стены под тройным арочным проемом на отделанном драгоценными камнями троне восседала принцесса Аглая.

Стансы в учебном разделе Горнила выглядели соответственно вкусам правящих принца или принцессы, их сотворивших. Принцесса Аглая, прабабушка Тита, любила эффектное использование цвета и показную роскошь. Кроме того, Аглая слыла одной из самых ученых наследниц дома Элберона.

Тит присел на скамеечку перед троном:

— Я прошу ваших знаний, ваше высочество.

Принцесса Аглая погладила толстого персидского кота у себя на коленях:

— Чем могу помочь?

— Я бы хотел знать, может ли первое видение — предсказание — впервые случиться с магом в шестнадцатилетнем возрасте?

Зрелище виверн и бронированных колесниц, сошедшихся в небе, угрожающих и целеустремленных, жгло мозг уже не так живо, как поначалу. Но по-прежнему приходило, угасая и расплываясь по краям.

Принцесса приложила указательный палец к щеке:

— Это было бы совершенно не типично, но не невозможно. Однако, когда первое видение приходит на заре взросления, за ним обычно следует быстрая серия дополнительных — каждый час, если не чаще. Ваш маг испытал это?

— Нет. — Тит не пережил ничего подобного. — А что, если первое видение появилось в ситуации тяжелого страдания? Это уменьшает вероятность дополнительных видений?

— Опишите ситуацию тяжелого страдания.

— Разгар ничем не сдерживаемого допроса инквизитора.

Кот заурчал. Принцесса Аглая с задумчивым видом почесала его между ушами.

— Любопытно. Не уверена, что видение способно проявиться, когда мозг находится под таким давлением. А как ваш маг вышел из подобного допроса, сохранив достаточную ясность ума, чтобы вспомнить предсказание?

— Допрос был прерван.

— Когда?

— Возможно, во время видения или вскоре после него.

— А. Тогда это имеет смысл.

— Как это?

— Сомневаюсь, что у вашего мага вообще было видение. Он видел прореху в сознании. Понимаете, — принцесса Аглая наклонилась вперед, стремясь поделиться своей эрудицией, — маги мысли — любопытное племя. Нельзя просто заплатить им, чтобы они сделали за вас грязную работу. Они должны захотеть принять в ней участие. Талант у магов

мысли врожденный, но достигаемая ими мощь прямо пропорциональна их отдаче делу.

Инквизитор определенно фанатично предана Лиходею.

— Маги мысли боятся вмешательства в их работу по двум причинам. Первая: их полностью открытый мозг весьма подвержен необратимому ущербу. Вторая: мысли, которые они используют, чтобы достичь неистовой мощи, становятся видны как прореха в сознании. Ваш провидец узрел не отблеск будущего, а картину внутренней работы мага мысли.

Совершенно неожиданное откровение. Но трепет Тита длился лишь секунду.

— Прореха работает лишь в одном направлении, или это взаимно?

— Совершенно точно взаимно. Известны случаи, когда хозяин мага мысли намеренно прерывал допрос, полагая, что маг недостаточно силен, чтобы сломать объект, и добиваясь прорехи.

Значит, инквизитор, придя в сознание, обнаружит в своей голове отпечатавшиеся образы принцессы Ариадны и ее канарейки. И потребуется не очень много времени, чтобы обнаружить: принцесса Ариадна в жизни не владела канарейкой.

А потом инквизитор вспомнит, что они с Титом были не совсем одни в комнате для допросов.

* * *

За чаем собрались лишь Кашкари, Уинтервейл и Иоланта.

— Его высочество еще тошнит? — спросил Уинтервейл.

— Уже нет, — ответила Иоланта. — Но запаха жареных сосисок он пока не выносит. И съест немного сухого печенья у себя в комнате.

Уинтервейл указал на обилие еды на своем столе:

— Тогда налетай.

— Как прошла твоя поездка домой, Фэрфакс? — поинтересовался Кашкари. — Твоя семья приедет на Четвертое июня^[4]?

Иоланта глотнула чая, купив себе несколько минут на размышление. По крайней мере, она знала наверняка, что ее семья не приедет на Четвертое июня, что бы это ни было.

— На самом деле они на этой неделе уезжают в Бечуаналенд. А вы, джентльмены, как поживаете вдали от дома?

— Я всегда «за» жизнь вдали от дома, — вздохнул Уинтервейл.

— Тогда что ты делаешь на каникулах?

— Жду, когда снова начнутся занятия.

Что можно ответить на подобное?

— А у тебя все так же плохо, Кашкари?

— Нет, я скучаю по дому. Но поездка в Индию и обратно занимает шесть недель, потому я могу видеться с семьей лишь летом. Хотел бы я учиться к ним поближе.

— Почему же решил пойти в школу так далеко?

Иоланта видела еще нескольких индийских мальчиков в форме, так что он хотя бы не единственный здесь.

— Так сказал астролог.

— Астролог?

Кашкари кивнул:

— Когда мы рождаемся, рисуют все эти запутанные карты. Перед каждым важным

решением в жизни мы консультируемся с астрологом — предпочтительно тем, кто нарисовал карту, — и он говорит, какие шаги желательно, а иногда и необходимо предпринять.

Это звучало очень похоже на то, что делают со своим натальными картами маги.

— Так ты здесь не потому, что хочешь, а потому, что так написано на звездах.

— Некоторые вещи предопределены.

Интонация Кашкари напомнила Иоланте о принце, когда тот рассуждал о тщетности попыток избежать своей судьбы.

Уинтервейл потянулся за сосиской:

— Думаю, ты слишком полагаешься на звезды.

И локтем опрокинул чайную кружку. Все вскочили. Кашкари схватил полотенце, висевшее возле умывальника, а Иоланта убрала с дороги стопку книг.

За ними стояла маленькая фотография в рамке, семейный портрет: мужчина, женщина и маленький мальчик между ними. Иоланта чуть не выронила книги. Мальчик — это, очевидно, Уинтервейл девять или десять лет назад. Его отец выглядел смутно знакомым, но лицо матери Иола узнала мгновенно.

Сумасшедшая, которая пыталась задушить ее в порталном сундуке.

— Твоя семья? — спросила Иоланта, надеясь, что голос звучит не слишком резко.

— Только отца больше нет. А мать уже не та со времени его смерти.

Один из способов сказать, что твоя мать — убийца-лунатичка.

— Так вот почему ты не любишь каникулы?

— Ну вообще большую часть времени с ней все в порядке. Просто никогда не знаешь, когда возникнут проблемы.

Уинтервейл взял у Кашкари полотенце и вытер лужу. Затем отбросил полотенце, плеснул себе еще чая и сел.

— Думаю, мы должны поработать над твоим броском, Фэрфакс. Скорость у тебя великолепная, но рука и плечо расположены не так ровно, как должны.

* * *

Через полуоткрытую дверь до Тита волнами доносился шум, производимый тридцатью с лишним мальчишками на отдыхе: вверх и вниз по лестнице топали ботинки и башмаки, младшие дети тащили подносы с грязной посудой, звенели тарелки и столовые приборы; старосты в общей гостиной, расположенной через проход, обсуждали различия между стилем игры в футбол в Итоне и Винчестере.

Тит сидел на кровати, прислонившись спиной к стене. Раскрытое Горнило лежало на коленях, и оттуда на него смотрел некто незнакомый. Если прежде Тит и сомневался в действенности наложенного на Фэрфакс заклинания неповторимости, то сейчас видел перед собой доказательство. Обычно он неплохо управлялся с ручкой и чернилами, однако на получившемся рисунке ее лицо было совершенно неузнаваемо.

Тит постучал палочкой по странице. Чернила вихрем поднялись с иллюстрации и вернулись в стержень авторучки. Теперь Спящая красавица лежала на своей кровати без лица, окруженная всей грязью и паутиной, что он добавил с годами. Тит вновь стукнул волшебной палочкой, и к принцессе вернулись первоначальные черты, милые и скучные.

В комнату постучали. Он поднял взгляд и увидел закрывавшую за собой дверь Фэрфакс.

Та указала на палочку в его руке. Принц установил звуконепроницаемый круг.

— Когда ты собирался сказать, что женщина, пытавшаяся меня убить, — это мать Уинтервейла?

Он наслаждался ее воинственным видом и суженными от возмущения глазами. Эта девушка излучала могущество самым своим присутствием.

— Я не хотел, чтобы на твое отношение к Уинтервейлу, который совершенно здоров, повлияло твое мнение о его матери.

— А что, если б мы с ней столкнулись?

— Не столкнулись бы. Она не появляется в школе, и никого из нас никогда не приглашали в ее дом. Кроме того, если б вы и встретились, она не знает, как ты выглядишь.

Фэрфакс сказанное не умиротворило.

— А ты на моем месте хотел бы о таком знать?

— Хотел бы, — пришлось признать.

— Тогда ответь мне той же любезностью.

Тит вздохнул. Ему, так долго скрывавшему все ото всех, оказалось тяжело делиться секретами и с трудом добытыми сведениями. Но Фэрфакс права — не все должно ждать его смерти.

— И вообще, ты слишком мало мне доверяешь, если думаешь, будто я стану судить о парне по его матери. Если я способна даже к тебе хорошо относиться, Уинтервейлу бояться нечего.

По затылку расползлось тепло.

— Ты хорошо ко мне относишься?

Она отодвинулась и бросила на Тита презрительный взгляд:

— Иногда. Не сейчас.

Он похлопал по постели:

— Иди сюда. Позволь мне переменить твое мнение.

Фэрфакс скривилась:

— Новыми сказками о могуществе твоей волшебной палочки?

Тит улыбнулся. Возможно, с ее появлением песок в часах его жизни посыпался быстрее, но до нее он никогда не улыбался. И не смеялся.

— Ты по-прежнему моя подданная, так что сядь по приказу своего суверена. Он покажет тебе свои владения.

* * *

Принц научил Иоланту самостоятельно проникать в Горнило и передвигаться не только в его практическом стансе, но и в учебном, о существовании которого она даже не подозревала.

Учебный станс выглядел как маленький дворец, построенный из бледно-розового мрамора, с прозрачными широкими окнами и глубоко утопленными лоджиями. Внутри два пролета лестницы вели на галерею, окружавшую высоченный приемный зал. Вдоль галереи располагались двери различных размеров, цветов и отделки.

Сперва они подошли к черной блестящей двери из цельного куска обсидиана, в котором поблескивали выложенные созвездиями бриллианты размером с виноградину.

— Это класс Тита Третьего.

— Внутри сам Тит Третий?

Тит Третий считался одним из самых выдающихся правителей дома Элберона, наряду с Титом Великим и Гесперией Величественной.

— Его запись и подобие. Именно он создал Горнило, так что его станс расположен первым.

Рядом с обсидиановой дверью виднелась табличка с именем правителя. А под ней список тем, спускавшийся до самого пола.

— Он разбирался во всех этих областях?

— В большинстве из них — он был ученым человеком. Но его знания соответствовали времени.

Принц постучал по списку, и поверх изначально вырезанных букв гроздью рассыпались пояснения.

Иоланта придвинулась поближе. Множество комментариев прилагались к теме зелий.

«Архаичные рецепты. За более простыми и эффективными рецептами обращайтесь к Аполлонии Второй. Тиберий».

«Не ходите за рецептами к Аполлонии Второй, если не собираетесь вырывать глаза у живых зверей. У Тита Шестого — знаю, это шокирует — есть множество очень достойных рецептов. Аглая».

«Аглая приспособила рецепты Тита Шестого к более современным инструментам и методикам. Гай».

— Так вот кто обучил тебя магии тонких сфер — твои предки!

— Многие из них были способными магами, но лишь некоторые стали хорошими учителями.

Галерея повернула. И еще раз. Иоланта перестала рассматривать двери и принялась изучать юношу, шедшего рядом. Он выглядел чуть менее слабым, хотя двигался по-прежнему осторожно, словно тревожась о равновесии.

И будет лишь хуже.

Вот почему он хотел, чтобы она в него влюбилась. Любовь — единственная сила, способная направить принца на этот путь. И удержать на нем.

В сердце Иоланты зародилось колкое, словно шипастая гиря, чувство.

Они снова приближались к лестнице. Последние две двери принадлежали соответственно принцу Гаю и принцу Титу Седьмому.

— А у твоей матери здесь нет места?

— Она никогда не была на троне. Только правящему принцу или принцессе дается участок в учебном стансе.

Дверь принца Гая — гигантский базальтовый блок, густо усеянный рубинами размером с кулак — безошибочно напоминала дверь Тита Третьего, только выполненную в более показной манере. Среди областей специализации на его табличке упоминалась Атлантида.

— Ты провел здесь много времени?

Принц бросил ледяной взгляд на дверь дедушки:

— Я к нему не обращаюсь.

Иногда он казался шестнадцатилетним. А иногда — тысячелетним стариком, холодным и гордым, как династия, его породившая.

Иоланта постучала в его собственную дверь:

— А что преподаешь ты?

Рядом с классом принца Гая, дверь Тита выглядела почти до смешного простой — в точности дверь его комнаты в пансионе миссис Долиш.

— Я преподаю выживание — тебе. Когда меня не станет, именно сюда ты будешь приходить, если возникнут вопросы.

Внезапно Иоланта поняла, почему так тяжело на сердце. Если пророчество о его смерти интерпретировано верно — у принца осталось очень мало времени. Возможно, год. В лучшем случае полтора. Каково будет открывать эту дверь, зная, что он мертв? Разговаривать с его «записью и подобием»?

Иоланта заставила себя произнести что-то разумное:

— Не возражаешь, если я задам твоему дедушке несколько вопросов? Вдруг он знал об Атлантиде что-то, способное помочь нам освободить учителя Хейвуда?

— Давай. Хотя...

— Что?

Принц не смотрел на нее.

— Думаю, тебе стоит сперва проконсультироваться с Оракулом Тихих вод.

* * *

От розового мраморного дворца вела выложенная булыжником тропа, обсаженная высокими величественными деревьями с шелковистой на ощупь корой. С ветвей слетали бледно-голубые цветы, кружась, подобно крошечным зонтикам.

Иоланта поймала один из голубых цветков.

— Мы все еще в учебном стансе?

Принц кивнул:

— В практическом, когда уходишь, все выглядит так, будто тебя и не было. Но Оракул советует каждому лишь раз в жизни, и пока ее историю не перенесли в учебный станс, где существует непрерывность, мои предки не могли добиться от нее разумных ответов.

— А она может лишь помочь тебе помочь кому-то другому, правильно?

— Да. И она видит тебя насквозь. Когда я притворился, будто хочу помочь Лиходею остаться у власти, Оракул рассмеялась. Когда сказал, что хочу защитить свой народ, она опять засмеялась. А когда я спросил, как могу помочь тебе добраться ко мне, она велела мне заниматься своими делами, поскольку тебе мои интриги не интересны.

Сейчас принц мог об этом шутить, но Иоланта подумала, насколько же его, наверное, задели резкие бесполезные ответы Оракула, когда он так отчаянно нуждался в руководстве и поддержке.

Тропа вывела их на поляну. Оракул в ее центре выглядела не прудом, как думалось Иоланте, а небольшим круглым бассейном из прекрасного светлого мрамора. Вода была так же красива, как эликсир света, созданный ею с помощью молнии.

— Наклонись над краем и посмотри на свое отражение, — велел принц.

Стоило так и сделать, как вода подернулась рябью.

— Добро пожаловать, Иоланта Сибурн, — приветствовал приятный женский голос

Иоланта в удивлении отпрянула:

— Откуда ты знаешь мое имя, Оракул?

Вода затанцевала, словно смеясь.

— Хорошабы я была, кабы не знала, кто пришел просить моей помощи.

— Тогда ты знаешь и то, зачем я пришла.

— Но ты хочешь помочь не одному человеку.

Иоланта глянула через плечо. Принц стоял на краю поляны, вне пределов слышимости.

— Подумай хорошенько. Я могу помочь лишь раз.

Иоланта провела пальцем вдоль бортика:

— Тогда помоги мне помочь тому, кто нуждается в этом больше всего.

Гладкая зеркальная поверхность бассейна не шелохнулась — ни малейшей ряби, ни всплеска. И вдруг отражение и самой Иоланты, и безоблачного неба над ее головой исчезло. Вода стала чернильно-черной и выгнулась, как при приливе.

Голос Оракула звучал глубоко и хрипло:

— Лучше всего ты поможешь ему, попросив помощи у преданного и отважного. И у скорпиона.

— Что ты имеешь в виду?

Но конечно, таких вопросов оракулам задавать не положено.

Вода снова стала чистой и отступила от края, шипя и испаряясь. Мрамор под рукой Иоланты, холодный минуту назад, теперь раскалился, словно его часами согревало солнце.

— Что же касается твоего опекуна, он недолго останется в тюрьме инквизитора, — тихо произнесла Оракул. — Прощай, Иоланта Сибурн.

* * *

Они вошли в Горнило, сидя на кровати на почтительном расстоянии друг от друга. Однако, открыв глаза, Тит обнаружил голову Фэрфакс на своем плече, а ее руку в своей на обложке книги.

Он не сразу отпустил ее ладонь. Надо было, но Тит почему-то не шелохнулся. Его дыхание стало поверхностным, почти прерывистым. Челюсть щекотали волосы Фэрфакс, словно она наклонилась, чтобы посмотреть на Тита.

В его венах пульсировало горячее желание. Одна секунда. Две. Три. Если он досчитает до пяти, и она не двинется...

Четыре секунды. Пять се...

Ее пальцы стиснули его руку. А в следующее мгновение Фэрфакс встала и отошла. У противоположной стены развернулась и беззаботно скрестила ноги в лодыжках, будто ничего не произошло. Ничего и не произошло, но около пяти ужасно долгих секунд Тит колебался на краю.

Он собрался:

— Что сказала Оракул о твоём опекуне?

— Что он недолго останется в Инквизитории.

— Как он сбежит?

— А оракулы отвечают на такие вопросы?

Послышался громкий стук в дверь, но не к Титу, а в комнату Фэрфакс.

— Ты там, Фэрфакс? — спросил Купер. — Я бы не отказался от помощи с сочинением-критической статьей.

— Мое стадо блеет. Пора их пасти. — Она распахнула дверь. — Купер, старик. Ты скучал по мне?

Тит по ней уже скучал.

Едва она вышла, он открыл Горнило на иллюстрации к «Оракулу Тихих вод». Лицо Иоланты смотрело на него с поверхности бассейна. Как он и надеялся, способность водоема ухватывать черты всякого, кто в него заглянул, не была подвержена чарам неповторимости.

Тит Пятый придумал этот фокус, потому как хотел, чтобы все великие и ужасные маги, оставшиеся внутри Горнила, походили на него. Тит Седьмой совсем не любил смотреть на собственное лицо даже в зеркале, но испытывал огромную благодарность к предку за то, что тот был столь глуп.

Теперь Тит мог вставить Фэрфакс в любую сказку по своему выбору.

Теперь он мог ради нее сразиться с драконами.

И теперь он мог вновь ее поцеловать.

Сложно предсказать, насколько сильным вырастет стихийник-ребенок. Малыш, в гневе способный сдвинуть фундамент дома, став взрослым, может оказаться в силах поднять лишь камень в четверть тонны.

Иногда верно и обратное. Маг стихий, что при нормальных обстоятельствах может сдвинуть лишь камень в четверть тонны, вполне способен поднять вес в двадцать раз тяжелее, когда от этого зависит его или ее жизнь.

Из книги «Жизнь и деяния великих магов стихий»

Образование мальчиков в Британии отчасти состояло из зазубривания наизусть. На уроках повторения ученики декламировали порядка сорока строк на латыни, которые им задавали.

Тит редко рассматривал мир через ту же призму, что и его одноклассники. Но в отношении сего отупляющего упражнения полностью их поддерживал — это колоссальная потеря времени. Хуже того: хотя, произнеся свои строки, мальчик и мог покинуть класс, вылетев оттуда словно щенок, слишком долго удерживаемый на привязи, нельзя было отвечать, пока тебя не вызовут. И Фрамптон неизменно заставлял Тита ждать, пока почти все не уйдут.

Однако в день, когда Тит впервые вернулся в класс после недели болезни, учитель вызвал его вторым, сразу после Купера, всегда декламировавшего безупречно, дабы установить планку для всего класса.

Тит, который рассчитывал, как обычно, запомнить строки во время их многократного прослушивания, запинался на каждом слове.

Фрамптон неодобрительно цыкнул:

— Ваше высочество, вы скоро примете бразды правления великолепным древним королевством. Эта мысль, верно, должна заставлять вас больше стараться.

Что-то новенькое. Он, конечно, не без наслаждения заставлял принца просиживать штаны, но никогда прежде не вступал в открытое противостояние.

— Успех моего правления не зависит от способности повторить никому не нужные латинские вирши, — холодно заметил Тит.

Фрамптона отповедь нисколько не смутила.

— Я говорю не о запоминании и чтении данных строк, а о понимании своих обязанностей. По моим наблюдениям, молодой человек, вы обладаете слабым представлением о долге и ответственности.

Сидящая рядом Фэрфакс задержала дыхание. И не она одна. Замер весь класс.

Тит напоказ рассматривал запонки на своих манжетах.

— Не имеет значение, что подобный вам лакей думает о моем характере.

— О, но времена меняются. В наши дни принцы из тысячелетних династий вполне могут остаться без трона, — мягко произнес Фрамптон. — Следующий Сазерленд. Будем надеяться, что вы подготовились лучше.

Тит, не теряя времени, вышел. Едва оказавшись в своей комнате в пансионе, он положил лист бумаги под пишущий шар. Новых донесений не было. Совсем не удивительно — всего три часа назад Далберт сообщил, что состояние инквизитора мало изменилось.

Но если она остается без сознания, почему Фрамптон проявил агрессивность? Просто хотел напомнить, что Тит стал персоной нон-грата в атлантических кругах, лишив трудоспособности одного из самых талантливых помощников Лиходея?

Тит нервничал. Прошло уже больше недели после допроса, но он по-прежнему не представлял, как интерпретировать видение в прореху: небо, полное виверн и изрыгающих огонь бронированных колесниц. Продвижение Фэрфакс к величию застопорилось после прорыва с воздухом. Единственный явный прогресс в их делах — сумка для чрезвычайных ситуаций, которую они приготовили и спрятали в заброшенном амбаре.

Продолжать так, отдавшись на милость неподвластных им событий, невозможно. Необходимо найти способ нейтрализовать инквизитора, исследовать видение и ускорить полное овладение Фэрфакс стихиями.

Тит обратился к дневнику матери, надеясь на подсказку. Если от допроса инквизитора и была какая-то польза, так в его полностью восстановленной вере в мать. Нити судьбы сплетались загадочно, но Тит убедился, что принцесса Ариадна, пусть и ненадолго, приложила руку к ткацкому станку.

Он медленно переворачивал страницы одну за другой, ощущая своеобразное тревожное покалывание в животе. И вскоре добрался до новой записи.

«26 апреля, 1020 державный год».

Ровно за год до ее смерти.

«Странное видение. Не знаю, что с ним делать».

Тит, похоже, пребывающий в том же возрасте, что и во время наблюдения с балкона за отдаленным феноменом, но в странных — немагических? — одеждах высовывается из окна маленькой комнаты. Она не из тех комнат, которые я видела в замке, в Цитадели или в монастыре, непримечательная, за исключением странного флага на стене — черного с серебром, с изображениями дракона, феникса, грифона и единорога».

Выдуманный флаг Сакс-Лимбурга. Насколько знал Тит, существовал лишь один такой.

«Стоит вечер или, возможно, ночь. Снаружи довольно темно. Тит, явно разгневанный, отворачивается от окна. «Подонки! — ругается он. — Головы им нужно...» Он застывает. Затем бросается к книжной полке и достает книгу на немецком, Lexikon der Klassischen Altertumskunde».

Дальше ничего.

Тит дважды перечитал запись. И закрыл дневник. Восстановил маскировочное заклинание. Дневник раздулся, на гладкой обложке появился рисунок древнегреческого храма. Под рисунком слова: «Lexikon der Klassischen Altertumskunde».

Итак, однажды вечером в не столь отдаленном будущем он выругается у окна, затем вновь бросится читать дневник. Однако это знание едва ли помогало выбраться из нынешней трясины.

Один за другим прозвучало три быстрых удара — с урока вернулась Фэрфакс.

— Входи.

Она закрыла дверь и прислонилась к ней, упершись одной ступней в створку. Фэрфакс научилась ходить и стоять, дерзко выставляя напоказ бедра. Титу приходилось напрягаться, чтобы не блуждать глазами по неподходящим местам ее тела.

— Как ты? — спросила она.

— Новостей об инквизиторе нет. Но это не означает, что они тем временем не могут затянуть сеть.

Он отбросил в сторону форменный пиджак и жилет:

— Мне пора на греблю.

Окрепший достаточно, чтобы вернуться на уроки, считался достаточно окрепшим и для спорта. Опустив пальцы на верхнюю пуговицу рубашки, Тит ждал, когда Фэрфакс освободит его комнату.

Та же смотрела в ответ, словно не слышала его, словно он направлялся не на несколько часов на реку, а в долгое и опасное путешествие.

Казалось, воздух вокруг него замерцал.

Затем Фэрфакс резко развернулась и открыла дверь:
— Конечно, тебе надо собраться.

* * *

Когда Тит положил последний лист под пишущий шар, миссис Хэнкок уже шла по коридору, проверяя в постелях ли мальчики перед отбоем. Машина клацнула. Тит нетерпеливо ждал, когда перестанут стучать клавиши.

Отчет гласил:

«Инквизитор еще не пришла в сознание, но по последним данным, лучше реагирует на раздражители. Атлантийские врачи оптимистичны в отношении нее. По слухам, Баслан настолько уверен в ее близком выздоровлении, что уже назначил день благодарственной церемонии во дворце инквизитора».

При стуке в дверь Тит подскочил.

— Доброй ночи, ваше высочество, — пожелала миссис Хэнкок.

Он с трудом удержался от грубости:

— Доброй ночи.

Конечно, улучшения в состоянии инквизитора и обретенная Фрамптоном воинственность связаны. Конечно.

Тит вновь просмотрел материнский дневник — пусто, — несколько минут походил по комнате, злясь на себя за то, что не знает, как поступить, а затем погрузился в Горнило и сбежал по тропинке, ведущей к Оракулу.

Стояла ночь. Бассейн освещали дюжины фонарей, подвешенных на деревья на краю поляны.

Когда Тит появился, не слишком довольный голос произнес:

— Опять вы, ваше высочество.

На потемневшей поверхности танцевали прожилки золотистого света.

— Опять я, Оракул.

Он приходил к ней уже много раз, но она ни разу не дала ему совета.

— По крайней мере, вы кажетесь искренним — на сей раз. — Тон Оракула немного смягчился.

— Как я могу уберечь ее, своего мага стихий?

Пруд подернулся серебром, будто алхимик превратил воду в ртуть.

— Вы должны посетить того, кого не хотите видеть, и пойти туда, куда не желаете.

Послания Оракула оставались тайной, пока не были поняты.

— Моя благодарность, Оракул.

На воде появилась рябь.

— И не думайте больше о точном часе своей кончины, принц. Это ждет всех смертных. Вы проживете достаточно, когда сделаете все, что должны.

* * *

Вдалеке, скрытая поднявшейся пылью, двигалась армия великанов, словно по равнине скользил целый горный кряж. Земля под ногами дрожала. Раскачивались валуны, галька скакала, будто множество водяных капель на горячем масле.

Окружавшая Иоланту стена из выкопанных гранитных блоков, что изначально предназначались для храма, позволила бы горожанам поражать уязвимые мягкие точки на макушках гигантов. Но стена была далека от завершения.

Великаны ревели и стучали огромными молотками по своим щитам. Иола уже заткнула уши ватой, но лязг по-прежнему пугал. Отрешившись, насколько возможно, от шума, она сосредоточилась мыслями на следующем гранитном блоке. Он не особо впечатлял размерами, но весил пудов триста. Ранее Иоланта с огромным трудом, приподнимая то один, то другой конец, умудрилась пододвинуть к основанию стены трехтонный камень. Но не смогла оторвать от земли даже угол этой новой громады.

Принц предназначил Иоланте три истории. В одной она должна была создать смерч, чтобы защитить урожай бедняков от нападения саранчи, но смогла вызвать лишь бриз. В другой требовалось разделить воды озера для спасения детей, застрявших на дне сдувающегося воздушного пузыря. Окажись он реальным, Иоланта потеряла бы великое множество своих подопечных. И стена... Это была шестая попытка возвести стену — остановить великанов не удалось ни разу.

Теперь боль в руках по утрам доходила до самых локтей. Иоланта пыталась не представлять, что будет, когда то же чувство вздутия охватит все ее тело.

Она упрямо не прекращала усилий, пока гигант не поднял тот самый гранитный блок над головой и не швырнул его на рыночную площадь, вызвав долгую цепь криков.

Иола вздохнула:

— И жили они долго и счастливо.

Больше никаких великанов. Никаких валунов. Вместо оглушающего воя битвы — тихий ровный шелест дождя. Она вновь оказалась в комнате принца, и...

Его рука накрывала ее ладони поверх Горнила. Голова покоилась на другой руке, лицо было повернуто к Иоланте, а глаза закрыты. В сером приглушенном свете принц выглядел таким же усталым, какой она себя чувствовала. И худым, узкое лицо состояло из одних углов. Да, черты у него замечательные — можно сказать, чеканные, — но ни один юноша не должен изводить себя заботами до истощения.

Безотчетно Иоланта потянулась и коснулась его щеки. Но, едва притронувшись кончиками пальцев к коже принца, отдернула руку. Никакой реакции. Иола облизала нижнюю губу, потянулась вновь и провела пальцем по его подбородку.

А потом увидела под локтем принца записку:

«Я в читальном зале».

Учебный станс состоял не только из классов. На первом этаже также находилась большая библиотека, которую называли читальным залом. Там принц проводил каждую свободную минуту.

Иоланта вновь взглянула на него — такое прекрасное и чуть-чуть искореженное существо.

— Мне неважно, что говорит видение, — прошептала она. — Я не позволю тебе умереть. Пока я дышу — нет.

* * *

Принц нашелся в книгохранилище. Сидел, скрестив ноги, на ковре. Перед ним полукругом лежали три раскрытые книги, рядом высилась стопка других талмудов.

Иоланта взяла верхний и прочла название — брови тут же взлетели почти до линии волос. *«Как убить мага за десять верст: заклинания удаленного действия для начинающих».*

— А я-то гадала, что же ты читаешь в свободное время.

— Небольшая передышка, — отозвался принц, не поднимая глаз, — прежде чем вернуться к «Магическим свойствам еще бьющегося сердца».

Иоланта улыбнулась его макушке:

— Так что ты ищешь?

— То, что позволит оставить инквизитора в коме навсегда. Она очнется. И вновь подвергнет меня допросу. И тебя рядом не будет. Моя единственная надежда — найти способ напасть на нее, когда ее мозг открыт и уязвим.

Как же быстро ожесточилась Иоланта — она едва ли моргнула при его ответе.

— Ты будешь с ней в одной комнате. Как тебе поможет пособие по убийству мага на расстоянии?

— Мне нравится его читать — чего не скажешь о книгах по магии мысли. И потом, название — это шутка. Во многих магических королевствах заклинания дальнего действия считаются абсолютно законным видом спорта.

— Так эта книга не учит убивать?

— Это похоже на стрельбу из лука. Если ты поразишь кого-то на правильном расстоянии и с нужной скоростью, твоя стрела убьет. Но английские леди вовсе не потому наслаждаются стрельбой на своих загородных приемах. — Принц забрал у Иоланты книгу. — Кстати, как дела со стеной?

— Не построена.

Он покачал головой:

— Нехорошо. Ты должна быть способна одолеть Лиходея, а я — инквизитора.

В этом, собственно, и состояла их беда.

— Я могу вернуться туда после ужина, но сейчас должна написать сочинение-критическую статью.

— Можешь написать и за меня? Необязательно хорошую.

— Наверняка большинству тех, кто скрывается от Атлантиды, не приходится писать по два сочинения.

— Спасибо, — улыбнулся принц.

И как всегда от его улыбки сердце Иоланты слетело с якоря.

— Только на этот раз. И ты мой должник.

— Английские журналы по домоводству, — прозвучало сзади, едва она повернулась к выходу.

— Прошу прощения?

— Вот что я читаю в свободное время.

— Тебе нравится домоводство?

— Мне нравятся непререкаемые ответы, которые дают в журналах. Дорогая миссис такая-то, все, что нужно, чтобы волосы сияли как луна, это смешать оливковое масло и спермацет в пропорции восемь к одному и щедро накладывать на голову. Дорогая мисс такая-то, нет, не принято подавать суп на свадебный завтрак. Одно или два горячих блюда, если необходимо, все остальное должно быть холодным.

Решаемые проблемы — вот что ему нравилось. Удовольствие обычных забот. Полное отсутствие настоящей опасности.

«Когда-нибудь, — подумала Иоланта. — Когда-нибудь».

* * *

Она чувствовала себя зернышком после хорошего весеннего дождя, напитавшимся до предела и все же неспособным прорвать оболочку. Ее потенциал как стихийного мага, возможно, велик, но ее умения упорно отказывались совершенствоваться.

Иоланта погрузилась в знакомый ритм уроков и спортивных занятий — то, чего ей так не хватало в Малых Заботах, — и иногда почти верила, что живет лишь слегка перекошенной версией обычной жизни.

С удлинением дня отбой устраивали гораздо позже, разрешалось оставаться на улице, пока последний отблеск солнца не исчезнет с горизонта. Ежедневно Иоланта часами сражалась с мальчишками на поле для крикета — и явно преуспевала.

Спортивные достижения приносили ей до смешного большое признание. Она всегда старалась приспособиться к месту, в котором оказывалась. Но вот ведь ирония: в девичьем облике Иоланта никогда не была популярна так, как сейчас в образе мальчика, едва ли походившего на нее настоящую.

Тем вечером после тренировки множество учеников остались понаблюдать за матчем между двумя лучшими школьными клубами. Иоланта упаковала свое снаряжение и двинулась к пансиону миссис Долиш. Ей нравилась компания друзей по команде, но по окончании тренировки Иола всегда первой уходила с поля. Как бы она ни отказывалась верить в пророческие слова о смерти принца, почему-то, стоило от него отдалиться, они казались еще более зловещими.

Кашкари пристроился рядом. По дороге они обсуждали задание на утро по греческому языку. Иоланта продолжала беспокоиться из-за индийца, но больше не чувствовала нервозности в его присутствии. Вряд ли он шпион Атлантиды, просто проницательный и наблюдательный юноша.

— Может, датив или локатив? — спросил Кашкари.

— Лучше использовать аккузатив, поскольку они идут в Афины. То есть: «Куда? — В Афины».

Иоланта обнаружила, что ее владение греческим, слабое в ее собственных глазах, другие ученики считают вполне продвинутым.

— Конечно, аккузатив. — Кашкари слегка покачал головой. — Интересно, как мы справлялись, когда тебя здесь не было.

— Несомненно, всюду царили страдания и разруха.

— Конечно, это черное время в анналах миссис Долиш. Невежество стелилось толстым слоем, непросвещенность затуманивала окна.

Иоланта улыбнулась. Кашкари ответил тем же.

— Если я когда-нибудь смогу тебе чем-то отплатить, только дай знать.

«Можешь обращать на меня поменьше внимания».

— Уверен, я застучу в твою дверь, как только займусь санскритом.

В Итоне ему не обучали, но от магов-старшекласников обычно требовалось знание хотя бы одного из классических неевропейских языков. Иоланта в жизни до молнии жаждала овладеть санскритом из-за его важности в науке.

— А, санскрит. Осмелюсь сказать, что мой санскрит так же хорош, как твоя латынь.

Меня учили ему с пяти лет, — ответил Кашкари, закатывая рукав, дабы разглядеть царапины, полученные при падении на землю во время тренировки.

На правой руке, чуть ниже локтя, виднелась татуировка в форме буквы М — видимо, в честь Моханда, его имени.

— А что с латынью? Ты ее хорошо знаешь. Тебе ее преподавали до приезда в Англию?

Кашкари кивнул:

— С десяти лет.

— Тогда ты узнал, что тебя отправят учиться за границу?

— Да, на свое десятилетие. Я помню этот день, потому что родственники все время рассказывали, как в ночь моего рождения произошел звездопад.

— Что?

— Я родился в разгар метеоритного ливня.

— В ноябре, — Иоланта все еще затруднялась в английском времяисчислении, — тысяча восемьсот шестьдесят шестого?

— Да, тогда. А потом они упомянули о еще более крупном метеоритном дожде в тридцать третьем.

— То есть, в тысяча восемьсот тридцать третьем?

— Самый грандиозный метеоритный ливень, согласно...

— О, смотри, Тюрбанчик и Милашка!

Через дорогу от них стояли и хихикали Трампер и Хогг.

— Кто-то должен их выпороть, — заметила Иоланта, и не думая понижать голос.

— А ты порешишь своего принца каждую ночь? — спросил Хогг, непристойно поводя бедрами.

Другие ученики по обеим сторонам улицы останавливались понаблюдать за происходящим.

— Не обращай на них внимания, — спокойно сказал Кашкари.

— Убирайся домой, к своей семье, где молятся идолам и женятся на сестрах, — начал Трампер. — Нам здесь такие, как ты, не нужны.

Все, хватит. Покрепче сжав крикетную биту, Иоланта перешла через дорогу.

— Какую большую палку ты несешь! — фыркнул Хогг. — Принц любит охаживать тебя ею?

Иоланта улыбнулась:

— Нет, это мне нравится охаживать ею твоего друга.

Она взмахнула битой. Не слишком сильно, поскольку не хотела убивать, но все же встреча орудия с носом получилась весьма удовлетворительной.

Из ноздрей Трампера брызнула кровь.

— Мой нос! — взвыл он. — Он сломал мне нос!

— А тебя? — обратилась Иола к Хоггу. — Тоже приложить?

Он отступил на шаг:

— Я... Я должен ему помочь. Но ты еще пожалеешь!

Несколько мальчишек из близлежащих зданий повысовывались в окна.

— Что происходит? — спрашивали они. — Что за вопли?

— Ничего, — ответила Иоланта. — Какой-то идиот врезался в фонарный столб.

Трампер и Хогг убрались под взрывы смеха — похоже, их никто не любил.

Когда Иоланта вернулась к Кашкари, тот посмотрел на нее со смесью тревоги и

обожания.

— Очень решительно с твоей стороны.

— Спасибо. Надеюсь, они теперь дважды подумают, прежде чем оскорблять моих друзей в моем присутствии. Так что ты говорил о метеоритном ливне в тысяча восемьсот тридцать третьем?

* * *

Тит вздрогнул, выбираясь из шлюпки, в которой провел последние три часа, гребя вверх и вниз по Темзе. На причале его ждала Фэрфакс.

— Что-то не так? — спросил он, стоило им отойти за пределы слышимости других гребцов. Обычно она не появлялась на пристани.

Фэрфакс в тревожном ритме постукивала по бедру крикетной битой.

— Разве за тридцать три года до моего рождения не было другого метеоритного ливня, еще более зрелищного? И пророчеств относительно великого мага стихий?

— Были. Провидцы всю предсказывали рождение величайшего стихийника всех времен.

— И?

— И он родился в маленьком королевстве в Аравийском море. В тринадцать лет он вызвал извержение подводного вулкана, который долгое время считался потухшим.

Огонь — это яркая сила, как и молния. Но способность двигать горы и поднимать из моря новые земли — мощь совсем другого масштаба.

Фэрфакс, явно под впечатлением, тихо присвистнула:

— Что с ним произошло?

— То королевство уже было под управлением Атлантиды. Отец и тетя мальчика погибли, участвуя в сопротивлении. Когда агенты Атлантиды прибыли, семья решила, что ни за что не позволит им забрать мальчика. Его убили.

На сей раз ее ответом стало долгое молчание.

— Каковы были последствия для его семьи? — наконец напряженным тоном спросила Фэрфакс.

— Насчет этой семьи не знаю. Но недовольство Лиходея оказалось очень велико, и все королевство пострадало от целого ряда карательных мер. Моя мать полагала, что неспособность Лиходея заполучить мальчика привела к потере его мощи, что, в свою очередь, вызвало ослабление власти над королевствами. Поначалу, несколько десятилетий кряду, маги этого не замечали. Но когда заметили, начались попытки выйти из-под контроля. Эпизоды неповиновения, которые превращались в бунты, а затем — в полномасштабные восстания.

— Январское восстание.

— Барон Уинтервейл собирался воспользоваться преимуществами массовых беспорядков повсюду. Юра к тому времени уже превратилась в кровавую баню с тяжелыми потерями с обеих сторон. У Атлантиды были проблемы и с Интер-Дакотой, и с королевствами второй половины континента. Ходили слухи и о недовольстве в самой Атлантиде. Лидеры Январского восстания думали, что станут последним ударом, который окончательно сломит ее господство.

— Но вместо этого оказались разбиты. Должно быть, Атлантида нашла способ обуздать

новую энергию.

— Или старую. Моя мать полагала, что Лиходею пришлось опустошить собственную жизненную силу, которую он тщательно хранил на протяжении долгих веков своей жизни. Что объяснило бы, почему он так отчаянно стремится найти тебя.

Фэрфакс несколько раз крутанула крикетной битой. Движения становились все более твердыми и уверенными.

— Меня он не получит. И однажды может пожалеть, что вообще искал меня — нас, — а не убрался подобру-поздорову.

Лишь переодеваясь в своей комнате, Тит понял важность сказанного: она собиралась взять в свои руки свою судьбу. Их судьбу.

В груди возникло незнакомое чувство, теплое и невесомое.

Полного одиночества больше нет.

* * *

У двери принца Гая Тит стоял долго. Внутри ожидал убийца его матери, который спокойно умер в своей постели в преклонном возрасте.

Даже сейчас в душе бурлили гнев и ненависть. Но Оракул сказала, что нужно навестить того, кого видеть не хочется, а кроме инквизитора, Тит не представлял никого, чье присутствие было бы ему более отвратительно.

Он толкнул тяжелую дверь. Из комнаты полилась музыка: ноты сладкие и сочные, словно летние дыни. На низком белом диване в окружении пухлых синих подушек сидел симпатичный юноша, перебирая струны лютни.

— Где принц Гай? — спросил Тит.

— Это я, — ответил юноша.

«Но ты должен быть стариком».

Все остальные принцы и принцессы выглядели так, как в конце своей жизни. В частности, Гесперия, хоть блеск ее глаз и не потускнел, была сморщенной, как скорлупа грецкого ореха.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

Всего на несколько лет старше Тита.

— И вы достаточно опытны, чтобы преподавать все, что перечислено снаружи?

— Конечно. Я вундеркинд. Вторым том «Лучших магов» закончил к шестнадцати годам.

Тит не добрался еще и до середины первого тома этого наиболее полного пособия по высшей магии. Гай извлек из лютни еще несколько музыкальных тактов, каждый аккорд звучал ярче предыдущего.

— Чем я могу вам помочь? — спросил затем с явной верой в собственное превосходство, но без лишнего занудства. На самом деле, его самоуверенность казалась привлекательной, даже чарующей.

Тяжелый хмурый старик, которого помнил Тит, когда-то был этим обаятельным беззаботным юнцом.

— Вам что-нибудь известно о вашей дочери, Ариадне?

— Прошу вас, — рассмеялся Гай. — Я еще не женат. Но Ариадна — милое имя. Когда-нибудь я бы хотел дочь. Я воспитаю ее такой же великой, как Гесперия.

Он ненавидел ежегодно подаваемые петиции с просьбами об отречении в пользу принцессы. Между отцом и дочерью существовала огромная пропасть.

— Вам что-нибудь известно о вашем будущем?

— Нет, за исключением того, что я вышибу Тита Третьего из тройки великих. Сместить Тита Первого и Гесперию невозможно, но я легко превзойду достижения Тита Третьего. Как, по-вашему, меня назовут? Гай Великий? Или, может быть, Гай Блистательный?

Его называли Гай-Разоритель. И он об этом знал.

— Хотите услышать пьесу, которую я написал? — спросил Гай.

И начал, не дожидаясь ответа. Пьеса была очень мила, нежная и приятная, как весенний бриз. Лицо исполнителя светилось от удовольствия и блаженного незнания, что позже он запретит музыку во дворце и один за другим уничтожит свои бесценные инструменты.

Закончив, Гай выжидающе взглянул на Тита. Тот, мгновение поколебавшись, захлопал. Музыка была хороша.

Принц, у которого однажды не останется ни музыки, ни ребенка, лишь клочки его юношеской мечты, грациозно поклонился, принимая аплодисменты.

— А теперь, ваше высочество, — заговорил Тит, — я хотел бы задать вам несколько вопросов об Атлантиде.

Вдали на редут Рисгара неслись мечи, булавы и дубинки, заколдованные чародейкой Небесной башни. Тит прочел каскад усиливающих, стабилизирующих и помогающих наводке заклинаний, чтобы точнее поражать свои цели. Все летящие орудия необходимо было обрушить верст с пяти, за внешними защитными стенами редута. Стоит им пересечь границу, как они сразу устремятся вниз, неся смерть и разрушение.

Чтение заклинаний приносило удовольствие. Будь он точнее, работало бы как медитация. Но успех Тита в поражении движущихся целей упрямо держался на пятидесяти процентах. После нескольких точных попаданий подряд следовало несколько промахов.

— С этой группой покончено, — крикнул капитан. — Если нужно, быстро перекусите. Сходите в уборную. Следующая стая на подходе.

Рядом на крепостном валу появилась Фэрфакс, почти не обращая внимания на спешащих мимо солдат.

— Прости, что задержалась. Стихи Роджерса были просто ужасны.

Злые языки утверждали, будто в Итоне учат писать плохие вирши на латыни и столь же отвратительную прозу на английском.

— Ты должна брать плату за свою помощь.

— В следующем семестре так и сделаю. Ты хотел меня видеть?

Он всегда хотел ее видеть. Грустная правда заключалась в том, что даже находясь вдвоем в Горниле, они слишком мало видели друг друга, поскольку Фэрфакс большую часть времени проводила в практическом стансе, а Тит — в учебном.

Он взял ее под локоть и вышел из Горнила.

— Помнишь, что я говорил тебе о прорехе в сознании?

Она кивнула:

— Образ драконов и бронированных колесниц в твоей голове, когда я помешала инквизитору.

— Я не совсем уверен, но после разговора с дедом думаю, что это внешняя защита дворца главнокомандующего Атлантиды.

— Того, что в Люсидиасе?

Люсидиас являлся столицей Атлантиды. Принц покачал головой:

— То место называется Роялис. Когда Атлантидой еще правили короли, именно там был королевский двор. Дворец главнокомандующего находится в верхних землях. Шпиону моего деда удалось отослать донесение в бутылке, проплывшее тысячу миль в открытом океане. Он указал примерное расположение дворца и написал, что тот имеет несколько колец защиты: первое состоит из виверн, второе — из легких, подвижных бронированных колесниц, и третье — из тяжелых колесниц, несущих драконов.

— Ты не упоминал, что драконов везли.

— Нет, мое видение было слишком кратким, чтобы заметить все детали. Я знал, что из нескольких колесниц исходил огонь, но не видел, что его вызывает. Это имеет смысл — некоторые виды драконов с наиболее горячим пламенем плохо летают или не умеют летать вовсе. Посадив их в воздушный транспорт, Атлантида может лучше воспользоваться их огнем.

Фэрфакс встала с кресла, прошла к буфету Тита и достала маленький пакетик

шоколадного печенья, недавно приобретенного на Хай-Стрит. Медленно, одно за другим, она съела три печенья.

— Звучит так, словно ты собираешься мне сказать, что нам придется отправиться во дворец главнокомандующего. Разве не лучше для нас будет выманить Лиходея в менее враждебную местность?

Тит протянул ладонь — ему тоже требовалось чем-то подкрепиться.

— Что ты думаешь о наших шансах в этой менее враждебной местности?

Фэрфакс положила лакомство ему на ладонь.

— Близки к нулю.

Он надкусил печенье:

— И ты думаешь так, потому что...

— Он непобедим. Его нельзя убить. Или так говорят маги.

— И они правы — на этот раз. Дважды Лиходея убивали на глазах свидетелей. Один раз на Кавказе, где маги очень опытни в дальнобойных заклинаниях. Второй — когда он был на субконтиненте, подавляя восстание. В обоих случаях говорили, что он уничтожен. Мозги и кишки были повсюду. В обоих случаях на следующий день он разгуливал здоровый как бык. И в обоих случаях Держава посылала шпионов, чтобы проверить сообщения, и те возвращались в недоумении, поскольку свидетели говорили правду.

Фэрфакс упала обратно в кресло.

— Он воскресал?

— Или это так выглядит. Именно по этой причине мой дед интересовался защитой дворца. Будь Лиходей по-настоящему непобедим, мог бы спать в чистом поле и не бояться за свою жизнь. Но он чего-то опасается. Как и инквизитор. Иначе она не думала бы о защите дворца, уязвимой перед сильной магией стихий.

Фэрфакс склонила голову.

Иногда, лежа по ночам в постели, Тит представлял себе ее жизнь уже после того, как она сразится с Лиходеем. Уважаемый профессор Консерватории магических наук и искусств — она несколько раз упоминала эту цель в школьных записях, которые раздобыл для Тита Далберт, — Фэрфакс попытается жить спокойно и скромно.

Но куда бы она ни отправилась, ее будут приветствовать громом аплодисментов как великую героиню своего народа, самого обожаемого мага современности.

Это будущее не включало Тита, но давало ему смелость думать, будто сделав все, что в его силах, он, возможно, хотя бы для нее превратит мечты в правду.

Однако сегодня это будущее казалось более туманным и далеким, чем когда-либо.

Фэрфакс подняла лицо:

— Дворец главнокомандующего... Там ты упадешь?

Она имела в виду, насмерть.

Тит сглотнул:

— Возможно. Мама видела ночную сцену. Там был дым, огонь — по ее словам, ошеломляюще много огня — и драконы.

— В каких историях в Горниле есть драконы?

— Наверное, в половине из них. «Лилия, умный вор», «Битва за Черный Бастион» «Принцесса драконов», «Повелитель...

— А как насчет «Спящей красавицы»? В мое первое посещение Горнила ты сказал, что однажды возьмешь меня в ее замок, чтобы сражаться с драконами.

Тит намеренно не упомянул «Спящую красавицу».

— Там жестокие драконы. Я поместил туда самых опасных для собственных тренировок. И все еще получаю раны, хоть и занимаюсь годами.

— Я хочу пойти туда после ужина, — настаивала Фэрфакс.

— Сегодня ты уже дважды была в Горниле. Ты не в лучшей форме для встречи с драконами.

Ее тон не допускал возражений:

— Полагаю, к тому времени, когда я доберусь до дворца главнокомандующего, я тоже несколько устану. Мне надо бы научиться использовать свои силы в не самых удачных условиях.

Тит заколебался. Достаточных причин для отказа не было, но если она справится...

Зря он так разволновался. В первый раз ей даже в ворота замка не пройти, куда уж там на чердак вскарабкаться. Бояться нечего.

— Ладно, — решил Тит. — Если ты настаиваешь, пойдем после ужина.

* * *

Замок Спящей красавицы опоясывало толстое кольцо сплетенных кустов шиповника. Взмахом палочки принц выжег в кустарнике туннель аршинов семьдесят в длину.

В конце него засверкал белый мрамор дворцовых стен, освещенный лампами и факелами. Однако внутри туннеля лишь колыхались фантастические тени. Иоланта вызвала четыре огненных сферы, и те поплыли впереди, освещая путь.

Сердце билось с почти болезненной скоростью — ей не хватало природной смелости. Иоланта пару раз глубоко вздохнула и попыталась отвлечься.

— Почему ты поместил самых жестоких драконов сюда, а не в другую историю? — спросила она принца.

Тот моргнул, словно удивленный вопросом:

— Это удобно.

Насколько она знала, все истории были одинаково удобны для входа в Горнило.

— Это потому, что в конце ты сможешь поцеловать Спящую красавицу?

Иоланта лишь шутила. Или, по крайней мере, наполовину шутила. Но принц открыл рот — и ничего не сказал.

Иола остановилась, пораженная его молчаливым признанием.

— Итак... Ты хотел, чтобы я в тебя влюбилась, а сам играл в поцелуи с другой девушкой?

Она впервые открыто упомянула этот его план.

Принц сглотнул:

— Я никогда ничего подобного не делал.

Поскольку он не согнулся от боли, пришлось счесть его ответ правдивым. И все же, что он недоговаривает?

Почти разрывая барабанные перепонки, ночь прорезал странный свист.

— Они нас учуяли, — напряженным тоном сказал принц.

Над головой ревели пламя, огненная комета роняла сквозь толстый клубок колючек оранжевые искры. Жар заставил Иоланту отвернуться и закрыться руками.

— Что именно они из себя представляют? — спросила она, забыв на мгновение о

Спящей красавице.

— Пара огромных куролисков.

Она несколько раз видела драконов в зоопарке Деламера. Видела в цирке. И однажды ездила с учителем Хейвудом на сафари в архипелаг Мелюзины, чтобы посмотреть на диких драконов в их естественной среде обитания. И все же, когда Иоланта выбралась из туннеля, у нее отвисла челюсть. Перед воротами замка стояли два дракона с петушиными головами, своими размерами затмевающие высоту стен.

— Это семейная пара?

Бескрылые гигантские куролиски гнездились на земле. И для защиты отложенных яиц объединенный огонь партнеров благодаря не вполне изученному процессу превращался в одну из самых горячих субстанций, известных магическому сообществу.

Ответа от принца не потребовалось. Куролиски перед воротами переплели длинные шеи — в точности, как делают брачные пары — и снова заскрежетали.

К принцу и Иоланте устремился поток огня, больше и горячее всего, что она когда-либо знала. Инстинктивно Иола отпрянула.

Ее визг мог соперничать с воплем куролисков. В ладонях возникла мучительная боль, словно их окунули в кипящее масло.

— *Fiat praesidium maximum!* — закричал принц. — Ты ранена?

Огонь резко остановился, задержанный шагах в тридцати от них. Иоланта взглянула на руки, ожидая увидеть ожоги размером с блюдца. Но ладони даже не покраснели.

— Я в порядке!

— Этот щит может выдержать еще два удара. Мне установить еще один?

— Нет, я хочу увидеть, на что способна сама.

Драконы передохнули пятнадцать секунд и вновь атаковали. Иоланта попыталась не подпустить пламя к щиту, но позорно провалилась. Тот треснул, открывая взору все, что находится по другую сторону.

Пятнадцать секунд. Нападение. Щит сдержал огонь, но вслед за этим исчез.

«*Это все иллюзии*», — напомнила себе Иоланта. Однако вонь куролисков, треск горящих кустов за спиной, пламя факелов, отпрянувшее, словно в страхе, от огня драконов — все было слишком реально.

При новом крике драконов Иоланта выбросила водную стену. Вода испарилась даже прежде, чем ее коснулось пламя.

Лед. Нужен лед. Иоланта не обладала опытом в работе со льдом, но к собственному удивлению, своим приказом материализовала крупный айсберг.

Тот мгновенно растаял.

Меняя тактику, она использовала воздух. Но удалось лишь разделить огненную массу надвое, и обе половины помчались прямо на них с принцем.

Теперь не оставалось ничего иного, кроме как напрямую выступить против драконов.

Обычно огонь казался пластичным, как глина. Но этот состоял из ножей и когтей. Иоланта вновь завизжала от боли. Делала ли она хоть что-то с огнем? Замедляла ли его? Или ей просто казалось, что он движется медленнее, поскольку мучительная боль в руках искажала восприятие времени?

Быстро или медленно, но пламя несло на них.

— Беги! — закричала Иоланта принцу.

Впервые в жизни она убегала от огня.

Открыв глаза, Иола обнаружила, что снова находится в комнате принца, сидит за его столом, держа руку на Горниле. В ноздрях еще держался запах горелой плоти. Кожа на спине и шее казалась неприятно горячей, словно Иоланта слишком долго пробыла на солнце.

Принц с потемневшими от тревоги глазами стоял перед ней на коленях, обхватив одной рукой за плечи, а другой придерживая за подбородок.

— Как ты?

— Думаю... нормально.

Он приложил два пальца к пульсу на ее шее.

— Уверена?

Совершенно не уверена.

— Я возвращаюсь туда.

Возможно, ей не хватало врожденной смелости, но Иоланта ненавидела поражения.

Спутанный кустарник не пылал, сквозь него не вел туннель: Горнило всегда возвращает все в изначальное состояние. На небе поднялись луны; один полумесяц бледнее другого.

— У твоего щитового заклинания есть пароль? — спросила Иоланта принца.

Он колебался, словно вновь хотел предложить ей оставить драконов на другой раз. Но вместо этого выдал пароль. Иоланта потренировалась в чтении заклинания. Когда же решила, что ее щит достаточно прочный, прожгла тропу сквозь кустарник.

В туннеле они с принцем обсудили тактику и пришли к единому мнению: для того, чтобы в итоге одолеть драконий огонь, Иоле для начала надо оказаться в безопасности.

— Давай выставим два щита, мой перед твоим, — предложила она.

Тогда, если первый окажется не таким прочным, у них останется еще один.

— Хорошая идея.

— Если мой получится крепким, я продолжу путь.

Принц кивнул:

— Я останусь снаружи и отвлеку куролисков. Если они разделят огонь между нами двумя, у тебя будет больше времени для принятия решения. Но на этот раз не заходи дальше крыльца замка.

— Почему? — И тут Иоланта вспомнила. — Ты не хочешь, чтобы я увидела Спящую красавицу?

— Не потому...

— Она хорошенькая?

— Ее не существует.

— Здесь существует. Она хорошенькая?

Она ненавидела себя за докучливые вопросы, но, похоже, не могла остановиться.

— Вполне.

Ответ принца прозвучал напряженно.

— Тебе нравится ее целовать?

«Больше, чем тебе нравится целовать меня?»

— Я не целовал ее с тех пор, как встретил тебя. — Это произнес уже властитель Державы с жестким голосом и твердым взглядом.

В душе Иоланты воевали боль и возбуждение. Он утверждает, что ради нее отказался от

других девушек? Или она полная дура?

— Теперь ты наконец сосредоточишься на текущей задаче? — нетерпеливо продолжал принц.

Она сделала глубокий вдох и посчитала до пяти.

— Давай поборемся с драконами.

* * *

Гигантские куролиски, обезумевшие от запаха чужаков, изливали огонь.

Иоланта и принц выставили щиты. Ее чары удержались. Создавая дополнительную защиту, она продвигалась вперед. Чудовища были привязаны к воротам замка и не могли ни приблизиться, ни погнаться за ней. И миновав линию огня, Иоланта оказалась бы в безопасности.

Ворота замка манили. Она пустилась бежать. Зрение у куролисков плохое. Поскольку их огонь блокирован, они попытаются достать ее когтями и хвостами, но проворства не хватит — они ведь не хищники. Когда гигантские твари затопали и заметались, содрогнулась земля, но Иоланта рванулась мимо них. Откуда-то из-за спины кричал принц, веля ей быть осторожней. Иола промчалась через широкий двор и вверх по ступеням. Но не остановилась, как требовал принц. Вместо этого она толкнула огромные укрепленные двери замка и вошла в большой зал.

Внутри замок выглядел мрачным. Несколько чуть теплившихся факелов отбрасывали слабые круги света, оставляя большую часть зала темной и пугающей.

Могут ли тени двигаться в тени? Иоланта покосилась, сжав пальцами запасную палочку принца. За спиной тихо зашуршало, словно у открытого окна зашевелились занавески.

Но прежде, чем Иоланта успела развернуться, в ее голову врезалось что-то тяжелое и шипастое. Один крайне острый шип проник глубоко в висок. Лицо Иоланты искривилось. Мышцы сжались в конвульсии. Крик замер в горле.

Она упала с тяжелым грохотом. Черное, похожее на рептилию существо приземлилось рядом, сложив крылья с чуть слышным шелестом. Острый коготь вытянулся и распорол глотку жертвы.

Но она уже была мертва.

* * *

Тит прокричал первые три слова пароля для выхода, прежде чем понял, что именно Фэрфакс привела их в Горнило. Чтобы вытащить ее сейчас, он должен быть с ней в физическом контакте.

Пришлось выпустить в дракона целый ряд заклинаний, отгоняя его от тела. Вторая виверна устремила к ним. Тит бросился к Фэрфакс и схватил ее за руку как раз в тот момент, когда на них обрушился покрытый шипами хвост.

Они вновь оказались в комнате пансиона. Глаза Фэрфакс распахнулись, но в них горела одержимость. Ее трясло в неистовых конвульсиях, которые могли вызвать остановку дыхания прежде, чем Тит доберется до лаборатории и найдет подходящее противоядие.

Он с силой опустил руки на Горнило и принялся отчаянно молиться.

* * *

Иоланта молча смотрела на темное, мерцающее звездами небо с двумя лунами. Кто она? Где?

Руки непроизвольно схватились за горло. Она... Она...

Ужас затопил темной волной. Иоланта закричала.

И тут же оказалась брошена в самую холодную воду, которой когда-либо касалась. Кожу словно вспарывали ножами. Иола задохнулась, забыв о прежнем страхе. Как холодно. Ледяная вода обжигала.

Кто-то вытащил ее из воды и крепко обхватил. Иоланта задрожала, застучала зубами. Ей больше никогда не согреться.

Чья-то рука растирала спину, отчего тело будто колело иглами тепла.

— Прости, мне пришлось это сделать. Ты билась в конвульсиях.

— Что... что случилось?

Принц растирал ей руки.

— Ты умерла в Горниле. В большом зале были две виверны. Я пытался тебя предупредить, но ты не слышала. Прости. Я должен был сказать тебе раньше.

Он тут ни при чем. Это она, идиотка, подняла тему Спящей красавицы и не могла от нее отказаться.

— Где я сейчас? — спросила Иоланта, продолжая дрожать.

— Возле Ледяного озера.

— Это не здесь живет кракен?

— Здесь. Скоро мы должны уходить. Он, должно быть, уже почуял...

Озеро за ее спиной заплескалось.

— И жили они долго и счастливо! — в один голос закричали Иоланта и принц.

Последнее, что она увидела, — протянувшееся к ней огромное пятнистое щупальце.

* * *

Сердце продолжало колотиться.

Иола отняла руку от Горнила.

— Это опасная книга.

— Ты и половины не знаешь, — ответил принц. — По крайней мере, сейчас ты выглядишь лучше.

И чувствовала она себя более или менее нормально.

— Значит, если пережить судороги, смерть в Горниле не имеет других последствий?

— Что ты думаешь о вивернах?

Как только он произнес эти слова, руки задрожали. Иоланта ухватила за край стола, но дрожь поползла выше.

— Вот последствия смерти в Горниле. Я никогда не возвращался в Черный Бастион. Одна мысль о Хельгире по-прежнему, — принц сделал глубокий вдох, — мягко говоря, лишает меня баланса.

Иола прикусила щеку изнутри.

— Я возвращаюсь туда.

— Что?

— Мне нельзя бояться виверн. Нельзя впадать в истерику у дворца главнокомандующего.

— Подожди хотя бы до завтра.

— Завтра я не стану бояться меньше. — Она коснулась руки принца. — Ты пойдешь со мной, поможешь?

«Когда придет время, я не могу проявить слабость. И позволить тебе упасть».

— Конечно, — вздохнул он. — Конечно, я тебе помогу.

* * *

Иоланта положила ладонь на угрожающе тяжелые двери большого зала, принц стоял рядом. За их спинами бессильно ревели гигантские куролиски. Внутри ждали виверны, безжалостно убившие ее всего несколько минут назад.

Принц накрыл ее руки своими.

— Они наверняка уже учуяли нас. Виверны скоры и коварны. Им не надо переживать между выбросами огня. И как ты уже знаешь, они там не на привязи.

Иоланта кивнула.

— Заходим на счет «три».

Она вновь кивнула, почти не в силах дышать.

— Раз, два, три.

Принц резко распахнул двери. Иоланта выстрелила пучком огней, освещая каждый угол зала и лишая драконов тени, в которой можно спрятаться.

Они боролись спиной к спине. Иоланта едва обращала внимание на действия принца, сосредоточившись всеми мыслями на управлении огнем. Чудовища плевались без передышки, но их пламя было не таким горячим. Телесный щит, в который заключил ее принц, дополнительно уменьшал жар.

Все равно было больно. Но это больше походило на царапанье грубых камней, чем на удары раскаленными ножами. Иоланта приветствовала боль — если чувствуешь ее, значит еще жива.

Наконец, ей удалось направить пламя одного дракона на другого. Обожженная тварь взвыла и ответила тем же. Как только виверны погрузились в собственные распри, принц схватил Иолу за руку. Они взбежали по большой лестнице, выбрасывая за плечами щиты, и закрыли за собой благословенно крепкие двери, которые вели на галерею.

Уперевшись руками в колени, Иоланта пыталась отдышаться. Она победила не безоговорочно, но ее хотя бы больше не будет мучить иррациональный ужас перед вивернами — только разумный страх.

— В замке есть еще опасности?

— Нет, это все, — потянулся к ней принц. — Можем возвращаться.

Иола отстранилась.

— Поскольку я уже здесь, могу взглянуть на Спящую красавицу.

Даже восторгу победы не удалось полностью рассеять разъедающее влияние ревности.

— Нет!

Для юноши, уделяющего столько сил самоконтролю, принц практически кричал.

— Почему нет?

Он покраснел? Сложно сказать. Обоих разгорячил жар битвы.

— Мой замок — мои правила, — ровным голосом заявил принц.

Иоланта сжала губы:

— Прекрасно.

Напряжение покинуло его плечи. Она воспользовалась этим секундным невниманием и побежала, выбрасывая за собой огненную стену.

— Остановись!

Принц выругался. Преодолев половину длинной портретной галереи, Иоланта кинулась наверх по ближайшей лестнице, перепрыгивая через три мраморных ступеньки за раз.

Конечно, она совершала глупость. Но ничего не могла с собой поделать. Хотелось увидеть, кого принц целовал до ее появления. И только ли целовал? Или хорошенькая, благодарная, уступчивая девица позволяла гораздо больше?

Ступени вели к позолоченной лестничной площадке — золото едва виднелось под слоем пыли, — переходившей в бальный зал с поеденными молью бархатными занавесями. Несколько горничных, все еще с полировочными тряпками в руках, мирно спали.

Именно здесь готовился причудливый костюмированный бал по случаю совершеннолетия Спящей красавицы.

Миновав комнату, где Мастер над париками посапывал на гряде волос, и другую, заполненную дюжинами манекенов в различных нарядах, Иоланта припустила по лестнице.

Замок без конца стремился вверх. Покрытые паутиной коридоры, покосившиеся оконные рамы, почерневшие от времени полотна — Иола пробежала мимо них, направляясь все выше.

Дверь резко распахнулась. И прежде, чем Иоланта успела отскочить, из комнаты вылетел принц. Оба упали на толстый ковер, поднимая клубы пыли. Иоланта толкнула принца.

— Нет, — сказал тот, сверля ее непреклонным взглядом.

Ей хотелось отшвырнуть его в сторону. За то, что раньше был с другой, хоть и выдуманной, девушкой. За то, что не станет жить вечно. И за то, что забрал ее свободу, заставив в конце концов в него влюбиться.

Вот только вместо этого ладони почему-то прижались к лицу принца. Большой палец прошелся вверх по измазанной грязью скуле, стер каплю пота, сочившегося по виску, и спустившись, прижался к уголку его губ, потрескавшихся от жара драконьего пламени.

Так мало времени. У них осталось так мало времени.

Притянув принца к себе, Иоланта его поцеловала. Он в шоке застыл, словно камень. Она запустила руки в его волосы и поцеловала с большей горячностью.

Внезапно принц ответил на поцелуй с жадой, возбуждавшей и испугавшей ее.

И так же внезапно они вновь оказались в его комнате, сидя по разные стороны стола и не касаясь друг друга.

— Мы не можем, — тихо произнес принц. — Я думал, любовь свяжет нас вместе для достижения цели. И ошибался. Ситуация гораздо сложнее. В тот момент, когда я стану бесполезным, тебе придется оставить меня позади. И это решение нельзя принимать или нет под влиянием ненужных эмоций.

Ненужные эмоции.

От жара закололо щеки и ушные раковины. Трахею обожгло, словно кто-то запихнул в горло факел.

Быть отвергнутой вот так — это крайнее унижение, и все во имя Цели...

Но еще хуже звучала абсолютная уверенность в его голосе. Принц проживал свою жизнь, ведя обратный отсчет. Иоланта могла с тем же успехом влюбиться в человека на смертном одре.

— Да ладно, — услышала она свой голос, прорвавшийся через комок в горле, — не устраивай мелодраму. Не путай простой поцелуй с вечным обожанием. Я окружена симпатичными молодыми людьми — ты не замечал, как великолепен Кашкари? — но лишь тебя могу поцеловать, не вызывая проблем. Кроме того, ты не забыл, что я здесь не по своей воле? Я никогда не смогу полюбить тебя, пока не обрету свободу. И то, что ты думаешь иначе, лишь показывает, как мало ты понимаешь в любви. — Иоланта поднялась. — Теперь, если позволишь, мне надо попасть к себе в комнату до отбоя.

* * *

Гигантские куролиски бесполезно рычали снаружи. Виверны лежали связанными в углу большого зала. Тит совершал долгое-долгое восхождение на чердак замка, тяжело шагая под гнетом усталости и уныния.

Спящая красавица была погружена в глубокий сон. Тит опустился на одно колено и обхватил ладонями ее лицо.

Затем склонился и очень нежно ее поцеловал.

Принцесса открыла глаза цвета полуночи. Ее волосы были темны, как сама тень.

Тит знал, каковы они на ощупь, поскольку однажды сам их подстригал. Знал вкус ее губ, поскольку целовал ее и — сегодня — получал поцелуи.

— Иоланта, — тихо позвал он.

Она улыбнулась:

— Ты знаешь мое имя.

— Да, я знаю твоё имя.

Лишь здесь, в Горниле, Тит осмеливался называть ее — и даже думать о ней — по имени.

— Я скучала по тебе, — прошептала принцесса, поднимая руки и обнимая его за плечи. — Поцелуй меня снова.

Он изменил этот диалог перед входом в Горнило. Именно эти драгоценные слова ему хотелось слышать. Но они глухо отражались от стен чердака — бессмысленные звуки, которые не утешали, не убеждали.

— Не обращай внимания на то, что я наговорила в расстройстве, — продолжала принцесса, перебирая пальцами его волосы.

Но Тит не мог. Он знал, как много времени Фэрфакс проводила с Кашкари — они всегда вместе ходили на тренировки по крикету и обратно. И как глупо было предполагать, будто она сможет хотя бы на минуту забыть, что оказалась здесь против своей воли.

— И жили они долго и счастливо, — произнес Тит.

И вернулся в свою, теперь уже пустую, комнату. Встал с кресла и приложил руку к стене, разделявшей их с Фэрфакс, словно мог протолкнуть мысли сквозь все преграды и заставить ее понять, что его испугал не сам поцелуй, но собственная на него реакция.

Ведь если Тит полюбит, то никогда не сможет подвергнуть Фэрфакс смертельной опасности.

И все же он должен, иначе вся его жизнь пропадет впустую.

Виверны — редкие плотоядные, которые поддаются одомашниванию. Но виверны, рожденные в неволе, как правило, более медлительны и менее свирепы. Это хорошо для магов, желающих держать их в качестве домашних животных, и неприемлемо для тех, кто использует виверн в скачках или ищет жестоких охранников.

Таким образом, виверны, рожденные и выросшие на воле и пойманные позже, гораздо более желанны. Среди магов-конюших стало распространенной практикой тайком перекладывать яйца от своих призовых особей в гнезда диких драконов, отслеживать молодняк до зрелости, а затем вновь ловить и возвращать в клетки.

Из «Полевого справочника наблюдателя за драконами»

На игровом поле, окруженном плотной толпой зрителей, вовсю шел крикетный матч.

Уэст, будущий капитан школьной команды, отбил мяч сразу за границу поля, заработав шесть ранов. Публика одобрительно закричала.

— Джонни, ты должен представить меня Уэсту, — заявила своему брату девочка справа от Тита. — Ты просто-напросто обязан это сделать!

— Да я к нему ближе, чем на полсотни шагов, и не подходил никогда, — запротестовал Джонни, грузный ученик младших классов.

— Джонни, дорогуша, — вмешалась его угрюмая мать, — и это все, на что ты способен? Если твоя сестра желает познакомиться с Уэстом, ты должен приложить все усилия, чтобы это произошло.

Каждый год четвертого июня в Итоне проводился большой праздник, длящийся целый день напролет. Традиционно все начиналось с утренних торжественных речей, днем проходил крикетный матч, вечером по Темзе плыла процессия лодок, а заканчивалось действо ночным салютом. Во всех мероприятиях активно принимали участие бывшие выпускники и семьи нынешних учащихся.

Тит уже успел позабыть, что за шумная орда сестер и матерей обрушивается на Итон каждый год, наводняя школу волной пастельных оттенков. Оборочки, ленточки и изобилие юбок с турнюрками. Тысячи шляпок, на которых подпрыгивают и раскачиваются цветы из шелка. А воздух наполняют ароматы роз и лилий.

Такая явная женственность казалась Титу кричащей, почти карикатурной. Самая прекрасная для него сейчас девушка носила короткую стрижку, школьную форму и лихо сдвинутый на ухо котелок.

Тит обвел взглядом толпу. Фэрфакс еще не вернулась. Она отправилась на пикник вместе с Кашкари и Уинтервейлом, чьи семьи также отсутствовали на празднике. Тит мог бы присоединиться к друзьям, но не стал.

Они с Фэрфакс не то чтобы избегали друг друга. Они ежедневно обсуждали новости из Державы, ее тренировки и его поиски заклинания для необратимого лишения инквизитора дееспособности. Но общение их стало формальным, упорядоченным, круг обсуждаемых вопросов день ото дня практически не менялся, да и ответы оставались неизменными.

Наверное, так даже лучше.

Но все же, ему хотелось другого. Особенно после того, как Далберт по просьбе умирающей матери отправился сопровождать ее в религиозное отшельничество на остров Ундины, неподалеку от места ее рождения. Без ежедневных отчетов от камердинера Титу казалось, будто он стоит с завязанными глазами на минном поле.

Хотя последние вести, отправленные Далбертом накануне отъезда, были крайне обнадеживающими: инквизитор перевезена в Атлантиду, вероятно, из-за ухудшения состояния.

Шум за спиной заставил Тита обернуться. Группа людей проталкивалась сквозь толпу, вызывая недовольство оказавшихся на пути. С досадой Тит опознал герб на ливреях идущих к нему мужчин — геральдика Сакс-Лимбурга, вымышленной родины Тита. За людьми в ливреях шествовал одетый как немаг Гринкомб, секретарь Алекта.

— Ваше высочество, — поклонился Гринкомб. — Регент и леди Калиста покорно ждут

чести увидаться с вами.

— Они здесь?

— Разумеется. Сегодня же день для встречи с семьей, сир.

Алект и леди Калиста никогда прежде не появлялись на празднованиях Четвертого июня. Тит нахмурился. Вот именно на такие мины и наступаешь, если позволяешь своему незаменимому шпиону отлучиться по личным делам. Что задумала леди Калиста на сей раз?

Гринкомб показал на большой белый навес, установленный на краю поля. Со свитой, расчищающей ему дорогу сквозь толпу, Тит направился прямо к навесу. Гринкомб шагал следом.

Окружающие зашептались. В Итоне Тит никогда не был в центре внимания, но теперь ребята, знавшие его годами, уставились на него во все глаза.

И вот показались находящиеся под навесом люди. Алект выглядел еще более энергичным и бестолковым, чем обычно, а леди Калиста по левую руку от него уже собрала вокруг себя толпу зевак. Справа же от Алекта...

Справа от него стояла инквизитор.

Как и остальные, она нарядилась в одежду немагов. Многоярусная шелковая юбка в сборку с огромным турнюрором, украшенная пером шляпка, зонтик с бахромой — и все черного цвета. Она выглядела нелепо, но при этом казалась совершенно здоровой.

Их глаза встретились. Инквизитор улыбнулась — словно оскалился хищник, готовый к прыжку. Она пришла в себя. Знала, что Титу помогал стихийный маг. И прибыла сюда подвергнуть его допросу.

Тита душил страх. Но ноги по-прежнему несли его в сторону навеса. Он — наследник дома Элберона, и не потеряет самообладания у всех на виду.

Регента сопровождала свита из двадцати человек, да и у инквизитора своих приспешников хватало. Зрители шепотом обсуждали происхождение Тита и гадали, каков его статус на самом-то деле. Он бы расхохотался, услышав возглас: «*А он следующий кайзер?*», кабы все внутренности в этот момент не сжались в плотный клубок.

Когда Тит подошел, регент и инквизитор встретили его поклоном, а леди Калиста присела в реверансе. Тит ответил кивком. Гул толпы стал выше на пол-октавы — зрители ожидали, что это Тит выразит гостям свое почтение, а не наоборот.

— Мой восторг не передать словами, — произнес Тит. — И скоро ли вы уедете?

Толпа смолка. В тишине раздался громкий шепот Купера:

— А я что всегда тебе говорил, Роджерс? Это вам не местечковый принц, а великий князь.

Леди Калиста тихо рассмеялась, будто Тит сказал нечто забавное:

— Ваше высочество, на самом деле мы покинем вас очень скоро. Поэтому давайте насладимся тем временем, которое мы проведем вместе. Мы с регентом и, не сомневаюсь, инквизитор тоже — мы все жаждем познакомиться с вашими друзьями.

И только после этих слов Тит заметил среди свиты инквизитора Неттл Оукблаф. Она смотрела на собравшихся безумным взглядом жадного золотоискателя, готового откопать самородок, который приведет ее к богатству и славе. Рядом с ней с трудом держался на ногах бледный Горацио Хейвуд.

Тита бросило в холодный пот. Инквизитор догадалась, что Иоланта Сибурн должна находиться где-то неподалеку от принца. Чары невоспроизводимости не давали создавать и распространять ее портреты. Но от опознания они не защитят.

Слава небесам, Фэрфакс ушла на пикник.

Хватит ли этого расстояния, чтобы она была в безопасности?

— Нам тут передали список тех, кто входит в ваше окружение, сир, — с улыбкой заявила леди Калиста. — Мы решили познакомиться со всеми.

* * *

Иоланта и Уинтервейл лежали на крутом берегу Темзы. Раньше с ними был и Кашкари, но потом он отправился погулять.

Высокие кучерявые облака плыли по ясному голубому небу. Река журчала и тихонько плескалась меж своих берегов. Теплые солнечные лучи нежно согревали кожу.

Иоланта открыла глаза и скривилась. Похоже, она заснула. И даже после такой легкой дремы руки, все руки целиком, болели. Она успокаивала себя, что это хороший знак, и что, чем больше боли, тем, возможно, интенсивнее идет борьба ее потенциала с остатками превратного заклатья. Но борьба эта длилась уже слишком долго, да и власть над воздушной стихией у Иоланты все еще сомнительная.

— Вот черт, — неожиданно воскликнул Уинтервейл.

— Что случилось?

Он сел.

— Помнишь, что Кашкари говорил про теннисный турнир?

— Что сегодня отличный денек погонять резиновый мячик на траве?

— Ну да, а еще, что он хочет в следующее воскресенье устроить турнир, — хмуро заметил Уинтервейл. — Совсем забыл, я в тот день должен уехать ненадолго.

Нога Иоланты дернулась — ребята обычно уезжали, только чтобы семью навестить.

— Я думал, твоя мама в Баден-Бадене.

— Нет, она вернулась на прошлой неделе. Я не стал ничего говорить, а то идиоты вроде Купера не способны понять, почему она решила остаться дома на Четвертое июня.

— Ясно, — хмыкнула Иоланта.

— Да ты не переживай, Фэрфакс. — Уинтервейл выглядел немного смущенным. — Большую часть времени она в порядке. На самом деле она... О, Кашкари, ты уже вернулся? Недалеко ушел.

Кашкари сел между ними.

— Странное дело. Я и пяти минут не прошел, как откуда ни возьмись появился какой-то человек и сказал, что я вышел за границы школы и должен повернуть назад. Я направился на север, а через пару минут повернул на запад, и опять предо мною неожиданно возник другой человек и сказал, что проход воспрещен.

Иоланта нахмурилась. В пансионах, в которых они жили, устраивались несколько ежедневных проверок, дабы убедиться, что учащиеся самовольно не отлучились. Но не слишком точно определенные границы Итона никогда не охранялись.

— Что за нелепость? — фыркнул Уинтервейл. — Это же школа, а не тюрьма.

— Джентльмены, вас зовут.

Они обернулись на зычный голос Сазерленда. Тот пришел не один, а вместе с Бирмингемом, старостой их дома.

— В жизни не видел такого официоза, — посетовал Бирмингем, крупный юноша девятнадцати лет, уже обзаведшийся усами. — Фрэмpton отправил лично меня, будто

одного Сазерленда мало, чтобы привести вас троих.

— Привести нас куда? — спросил Кашкари.

— К путешествующему двору Сакс-Лимбургского княжества, — ответил Сазерленд. — Я всегда думал, что Тит один из тех принцев, у которых поместье величиной с акр. Видимо, я ошибался.

— Прибыла его семья? — встревожилась Иоланта. Принц об этом не говорил.

— Что? — тут же воскликнул Уинтервейл.

Естественно, он тоже знал, что путешествующего двора Сакс-Лимбургского княжества не существует. Как и самого Сакс-Лимбургского княжества.

— Только дядя. Ах, но какая дама его сопровождает. — Сазерленд повернулся к Бирмингему. — Они что-нибудь говорили, Елена Прекрасная не жена этого дяди?

— Держу пари, она лишь его любовница. Что ты хочешь от этих европейцев! — Бирмингем опомнился и повернулся к Уинтервейлу, который, как и принц, считался родом из небольшого европейского княжества. — Без обид!

— И не думал обижаться, — отозвался Уинтервейл, все еще выглядевший потрясенным.

— Пора идти, джентльмены, — поторопил Сазерленд. — Мы и так вас долго искали. Его высочество станет волноваться.

* * *

По всему телу Тита бежали мурашки.

Инквизитор не пыталась влезть к нему в голову — огромная толпа стала препятствием для мага мысли, который жаждал обследовать один конкретный разум. Но сидеть рядом с ней — та еще нервнотрепка. Полудюжина приспешников инквизитора не спускали с Тита глаз, дабы увериться, что он ничего не предпримет и не помешает им в поисках.

Но он бы с легкостью все это перенес, находишь Фэрфакс где-нибудь в Сибири. А вместо этого она направлялась к нему в сопровождении Сазерленда и Бирмингема.

День становился все жарче, сорочка липла к спине.

Вот она, человеческая натура налицо. Очередь из жаждущих быть представленными двору Сакс-Лимбурга росла в геометрической прогрессии. Ученики и выпускники Итона налаживали связи с Титом, надеясь подобраться поближе к прекраснейшей из живущих на земле — к леди Калисте. Сестры и матери — ну разве англичанкам есть дело до континентальных князьков? И все же они терпеливо стояли в очереди, их белоснежные зонтики напоминали надетые на нить жемчужины.

К сожалению, длина этой очереди не будет иметь никакого значения, когда появится Фэрфакс. Ее тотчас выведут вперед.

Если сердце Тита застучит еще сильнее, ребро не выдержит и треснет.

Это Купер снова вернулся в начало очереди? Разве он еще не засвидетельствовал свое почтение? Для Купера это было развлечением. Этот остолоп-показушник отрывался вовсю.

Тит жаждал его задушить.

Хотя... Быть может, получится этого идиота использовать?

Когда Купер снова склонился перед леди Калистой, Тит громко сказал:

— А вы что тут делаете, Неттл Оукблаф? И вы тоже, Хейвуд? Разве Инквизитории теперь дает своим заключенным выходные? — Потом насмешливо улыбнулся Куперу: — Купер, прекрати быть таким бесполезным олухом. Ты ведь чье-то место занимаешь.

Убирайся! Хотя нет, подожди. Отправляйся и найди Бирмингема с Сазерлендом. Почему они до сих пор не вернулись? Они оскорбляют меня своей бестолковостью.

* * *

Сазерленд без умолку твердил о красоте леди Калисты. Бирмингем от излишних Сазерленда был уже не в восторге.

— Не отрицаю, леди Калиста прекрасна, но она же возраста наших мам или даже старше.

— И что? — спросила Иоланта, слегка толкнув Сазерленда локтем. — Мне-то она мамой не приходится.

— Точно, — засмеялся Сазерленд. — Вот Фэрфакс меня понимает. Хотя мне бы хотелось, чтобы ее не сажали рядом с той ведьмой. У меня от этой женщины кровь в жилах стынет.

Иоланта остановилась на ходу. Эта женщина.

— Ты имеешь в виду кормилицу принца?

Бирмингем с Сазерлендом хихикнули.

— Да скорее камень даст молоко, чем она, — заметил Бирмингем.

— Мои шарики скукожились бы навсегда, если бы мне пришлось пить из ее груди, — заявил Сазерленд.

Иоланта сделала вид, что хмыкает. Инквизитор. Когда же она пришла в себя? И что она делает в таком общественном месте, знакомится с друзьями принца и все? Сможет ли она словно кувалдой разбить его разум, когда вокруг тысячи людей?

Перед ними выскочил Купер:

— А, вот вы где. Мне поручили вас найти.

— Фрэмpton и тебя отправил? — Голос Бирмингема звучал не особо радостно, ведь это намекало на его некомпетентность.

— Нет, принц лично послал меня за вами, — гордо ответил Купер.

Тревога Иоланты тут же усилилась. Принц без причины никогда и ничего не делает. Он наверняка знал, что Сазерленд и Бирмингем уже пошли за ними. Так зачем еще и Купер?

— Ну и денек у тебя сегодня, Купер! — сказала она. — Тебе всегда нравилось, когда принц вел себя соответствующе.

— Словами и не описать, насколько он величественный. Человек, рожденный властвовать.

Бирмингем фыркнул.

— А еще кто-нибудь прибыл из двора Сакс-Лимбурга, кроме его дяди, прекрасной леди и той страхолюдины? — поинтересовалась Иоланта.

— Ага, целое полчище слуг.

Купер задумался. Иоланте казалось, что она могла услышать, как у него в голове вертятся шестеренки.

— Может, и не все из них слуги. Принц назвал по имени двух из них и сказал что-то вроде «А когда из Транзитория стали выпускать арестантов?». Как думаете, некоторые из них могут быть политическими заключенными?

— Ну ты и кретин. — Бирмингем явно устал от болтовни Купера. — Кто приведет политзаключенных на школьный праздник? И что это за слово такое — «транзиторий»?

— Я лишь повторил, что сказал принц.

Иоланта не слышала ничего, кроме шума в ушах. Вот оно, сообщение принца: учитель Хейвуд и миссис Оукблаф привезены в Итон для опознания. А после — ее тут же схватят.

«Беги! — вопило чувство самосохранения. — Перескочи куда-нибудь. Куда угодно. Убирайся отсюда!»

Но что случится с ним, если она убежит? Если вдруг закадычный друг принца пропадет с лица земли, когда в Итон приехали способные опознать Иоланту Сибурн, то даже Алект сможет сообразить, что к чему. И принц снова окажется в Инквизитории. И на сей раз никого не будет рядом, чтобы помешать инквизитору буравить его мозг.

Если только...

Нет. Вот уж совсем безумная идея.

Но придется. Выбора нет. Больше помочь ей некому.

— Ой! — вскрикнула Иоланта, обхватив живот руками.

— Что такое? — одновременно спросили ребята.

— Живот. Не стоило мне пить то имбирное пиво. Готов спорить, старая карга варит его на воде из канавы.

— Быстро беги в уборную, — посоветовал Бирмингем. — Когда имбирное пиво просится наружу, бьет от души.

— Хочешь, пойду с тобой? — с готовностью предложил Купер

— И что? Будешь мне задницу подтирать? Ты — личный посланник принца, так и передай ему от меня сообщение. Скажи, что я появлюсь сразу после свидания с толчком.

Уже на этих словах Иоланта побежала.

Чтобы через минуту врезаться на полном ходу в Трампера и Хогга, преградивших ей дорогу.

— О, посмотрите, кто сегодня без друзей и без бейсбольной биты! — воскликнул Трампер.

Хогг хмыкнул, ударив кулаком одной руки по ладони другой.

— Попрощайся со своим смазливym личиком, Фэрфакс. После того, как мы поработаем с тобой сегодня, ты будешь похож на паштет из печени.

Ругнувшись, Иоланта ударила Трампера в живот. Тот взвыл. Хогг бросился на нее и руками обхватил ее шею в удушающем объятии. Она ударила его локтем по почке. Хогг взвизгнул от боли и отскочил назад. Трамперу, снова присоединившемуся к драке, Иола засадила коленом в пах. Трампер с пронзительным криком свалился на землю.

Она снова побежала и нырнула в пустой проход между двумя зданиями. Затем, опираясь руками о шероховатую кирпичную стену, совершила скачок.

И... открыв глаза, поняла, что не сдвинулась с места.

Пункт назначения в пределах ее диапазона. Должно было получиться. Иоланта попыталась снова. И еще раз. И еще...

Напрасно.

Атлантида превратила всю школу в закрытую для скачков зону.

Иоланта бежала изо всех сил.

Если Кашкари сказал правду, а причин сомневаться в нем не было, то Атлантида не только превратила школу в закрытую для скачков зону, но и проследила, чтобы за пределы этой территории никто даже выйти не мог.

Но внескачковые зоны бывают разные. Постоянные, вроде той, что создал принц в своей комнате, требуют титанических затрат времени и сил. А в новых и, вероятно, временных зонах порой перекрывается не все, и можно выбраться за пределы. По крайней мере, так Иоланте недавно объяснили в учебных стансах.

Она не останавливалась, пока не очутилась около шкафа в комнате Уинтервейла. Двусторонние порталы, кроме специально предусмотренных, не работали внутри внескачковой зоны. Но когда один из порталов находился внутри, а другой вне зоны, порою переход не закрывался, особенно когда огораживали большую территорию.

Иоланта распахнула шкаф, сдвинула в сторону пальто Уинтервейла, втиснулась внутрь и закрыла дверь. Но, вновь ее открыв, оказалась все в той же комнате в пансионе миссис Долиш.

Кончики пальцев дрожали.

Быть может... А вдруг у портала есть пароль? Большинство, конечно, обходились без одного: магия, связывающая переходы, плохо сочеталась с паролями. Но ведь принц точно использовал их для своих порталов в ваннах между замком и монастырем.

Но как сейчас угадать пароль? От принца помощи ждать нечего. И если она отправится на поиски Уинтервейла, то с большой вероятностью ее найдут и приведут к инквизитору прежде, чем Иоланта вернется в шкаф и сможет воспользоваться порталом.

Она вся взмокла — в шкафу было темно и душно. Казалось, что она уже начинает задыхаться. Не упирайся Иола руками в стенки по обеим сторонам, точно упала бы.

И тут, будто вспышка в ночи, вспомнилось предсказание Оракула:

«Лучше всего ты поможешь ему, попросив помощи у преданного и отважного». Она дни напролет ломала голову над этой фразой, но смысла в словах так и не нашла.

А теперь все стало ясно.

— *Fidus et audax!* — воскликнула Иоланта, «преданный и отважный» на латыни.

И на сей раз, открыв дверь гардероба, очутилась в лондонском особняке Уинтервейла.

* * *

Иоланта шагнула в комнату. Темно-синие обои и дорогой восточный ковер казались незнакомыми — в прошлый раз она немного рассмотрела из убранства дома. Места за тем шкафом, куда принц запихнул Иоланту, когда Уинтервейл прибежал на крик матери, практически не было. Они с принцем, должно быть, прижимались друг к другу словно пара рубашек, пропускаемых через валики для отжима белья.

Но окно и глубокий подоконник выглядели точно так, как Иола запомнила. Вот только ей казалось, что окно выходит на улицу, а на самом деле — на маленький сад за домом.

Коридор за дверью устилал ковер, стены обтягивал бледно-золотистый шелк. На этаже имелось еще несколько спален, но те пустовали.

— Ли, это ты? — раздался голос за спиной. — Что случилось? Почему ты дома?
Сумасшедшая.

Уинтервейл настаивал, что на его мать находит лишь временами. Иоланта взмолилась, чтобы сегодня она оказалась в ясном рассудке

Затем медленно повернулась, поднимая вверх руки с раскрытыми ладонями. Мать Уинтервейла была затянута в очередное английское платье. И, несмотря на проведенную на курорте весну, отдохнувшей она не выглядела — запавшие глаза, ввалившиеся щеки, кожа тонкая и хрупкая будто яичная скорлупа.

Когда миссис Уинтервейл осознала, что перед ней стоит вовсе не сын, взгляд ее наполнился злобой. Она направила волшебную палочку на Иоланту:

— Кто вы? Что тут делаете?

— Я — та, кого вы на крови клялись защищать с того самого мгновения, как впервые увидите. — Слова давались с трудом — горло судорожно сжалось. — В прошлый раз вы пытались меня убить. Теперь — вы мне поможете.

Уголок глаза сумасшедшей дернулся.

— Я сказала, что меня попросили поклясться на крови. — Ее тихий смех напоминал о ночных кошмарах. — Но я не сказала, что поклялась.

* * *

Тит молился.

Он мечтал, чтобы Иоланта убежала, и, судя по словам Купера, она так и сделала. Но сможет ли она убежать достаточно далеко? Хотелось, чтобы она оказалась на другом конце света в тот момент, когда инквизитор сломает Тита.

А инквизитор, по всей вероятности, его сломает. Несмотря на столько дней в коме, она выглядела здоровее прежнего. Зоркий взгляд, сияющий цвет лица, а внимание сосредоточенное, будто луч солнца, пропущенный сквозь увеличительное стекло.

Прибыла миссис Хэнкок вместе с прислугой из дома миссис Долиш — кухарки, горничные, прачки, уборщицы. Вызвав недовольство стоящих в очереди, их провели в самое начало ряда.

Инквизитор нетерпеливо подалась вперед.

Ну конечно, девушка, живущая в пансионе, должна вызывать больше подозрений, нежели мальчик. Несколько горничных и прачек как раз подходили по возрасту.

Сложилось так, что одну из судомоек отпустили на день в Лондон, навестить больную сестру. Инквизитор была недовольна.

— Мы же просили, чтобы присутствовал весь персонал.

— Вчера вечером они все были на месте, мадам инквизитор, — спокойно отозвалась миссис Хэнкок. — Но эта девушка получила телеграмму сегодня рано утром, и миссис Долиш, моя начальница, не посоветовавшись со мной, разрешила ей уехать. Смею вас заверить, девушка вернется назад вовремя.

Когда она увела весь штат, Купер внезапно закричал:

— И вот пришел он, наш Фэрфакс, как и обещал — освежившийся после туалетной комнаты!

«Что? — Тита словно бичом ударили. — Почему?»

Высоко держа голову, Фэрфакс беспечно направилась к нему с края толпы, лихо

сдвинув шляпу на ухо, да еще и насвистывая.

Насвистывая. Да она что, с ума сошла?

«Беги, дуручка, и не вздумай обернуться!»

Тита захлестнуло чувство вины. Фэрфакс пришла из-за клятвы крови. Другого объяснения просто быть не могло. Он снова взмолился всем богам — отчаянно, путая слова, — чтобы ряды сомкнулись и не дали ей пробраться вперед. Вместо этого Фэрфакс непринужденно двигалась сквозь толпу, словно быстроходный клипер по открытому океану.

«Ты самая бестолковая девчонка во всем мире!»

Миссис Оукблаф уставилась на нее, равно как и Хейвуд. Инквизитор же неотрывно следила за ними всеми. Малейший проблеск узнавания, и...

Фэрфакс все еще приближалась и была прелестнее, чем все эти обряженные в шелка сестренки. Чудо, что ей так долго удавалось выдавать себя за мальчика, но больше она никого не сумеет одурачить.

А может, она и не собиралась никого дурачить. Может, решила направить всю свою силу против инквизитора прямо здесь и сейчас. Но шансов у Фэрфакс не было. Среди приспешников инквизитора стояли закаленные в боях стихийные маги с опытом значительно превосходящим ее собственный.

Дойдя до Гринкомба, секретаря, Фэрфакс остановилась. Мгновением позже Гринкомб объявил:

— Мистер Арчер Фэрфакс.

Она шагнула к своим злейшим врагам и поклонилась.

Неверие Тита достигло мучительного апогея. Да как такое возможно, что ее еще не схватили? Что вообще происходит? Он не решался взглянуть ни на Оукблаф, ни на Хейвуда, боясь ненароком себя выдать.

— Я так понимаю, вы, мистер Фэрфакс, верный товарищ его высочества? — уточнила леди Калиста, что старательно улыбалась уже целый день напролет — лицо ее одеревенело и потускнело от усталости.

— Я тот, кого его высочество частенько одаривает своей щедростью, — ответила Фэрфакс. — Поэтому-то, когда ему нужно дружеское плечо, я всегда готов подставить свое.

Глаза леди Калисты даже слегка округлились от столь равнодушного заявления.

Фэрфакс снова поклонилась и приготовилась уступить свое место следующему в очереди.

— Кто твои родители? — раздался вопрос инквизитора.

До сего момента она не обращалась ни к одному из представляемых учеников.

— Мистер и миссис Роланд Фэрфакс из Бечуаналенда, мэм.

— Откуда именно из Бечуаналенда?

— Сто двадцать миль от Курумана. А вы бывали в Бечуаналенде, мадам?

— Нет. Но при первой же возможности обязательно навещу твоих родителей.

Титу казалось, будто по его спине ползет огромный паук. Если инквизитор возьмется за личное расследование, сотканная принцем тончайшая завеса обмана долго не продержится.

Но самообладание не покинуло Фэрфакса и на этот раз.

— Для них будет большой честью принимать вас в гостях, мэм.

— Посмотрим, — отозвалась инквизитор.

Фэрфакс еще раз поклонилась и покинула площадку перед навесом.

Она в безопасности. Пока в безопасности.

* * *

Уходя, Иоланта рискнула бросить взгляд на учителя Хейвуда. Тот выглядел изможденным и ословелым, и потребовались все ее силы, чтобы сдержаться, не ввергнуть место действия в хаос и не убежать с наставником.

Пансион миссис Долиш опустел. Но мать Уинтервейла стояла в его комнате около стола и что-то писала.

Иоланте пришлось пережить леденящие душу мгновения, когда в их доме она осознала свою ошибку. А потом миссис Уинтервейл сказала: *«Я не собираюсь тебя убивать. Какая именно помощь тебе нужна?»*

Иоланта была ошеломлена, но времени на вопросы не осталось. Она в спешке объяснила, что ей нужно, привела мать Уинтервейла в пансион миссис Долиш и отправила наружу с описанием двух магов, к которым необходимо применить лишаящие сил чары. Так, чтобы, когда Иоланта предстанет перед учителем Хейвудом и миссис Оукблаф, те оказались не способны ни обратиться к своим личным воспоминаниям, ни запомнить что-либо из происходящего.

Иоланта тихо постучалась, и мать Уинтервейла обернулась:

— А, это ты.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила Иоланта, а про себя взмолилась, чтобы гостья не потеряла разум прямо сейчас.

— Мне пора, — ответила не-такая-уж-и-сумасшедшая женщина. — Прости меня. И не бери в голову то, что я говорила раньше — ты не в ответе за принятые им решения.

— Какие решения?

Но миссис Уинтервейл уже шагнула в шкаф, сжимая в руке листок бумаги. Когда Иоланта снова открыла гардероб Уинтервейла, тот был пуст, не считая записки, прикрепленной с внутренней стороны двери:

«Дорогой Ли.

Я закрываю этот портал, пока не найду для тебя более надежный способ попасть домой.

С любовью, мама».

* * *

Как выяснилось, Фэрфакс оказалась не последним учеником из пансиона миссис Долиш, которого явили взору инквизитора. И даже не предпоследним. Кто-то из младших ускользнул в город купить табака. Ученика выпускного года притащили к инквизитору прямо из дома директора школы, где его застали в компрометирующем положении со служанкой.

Но даже когда Двору представили всех ребят, ожидание продолжилось, поскольку отсутствующая судомойка так по-прежнему и отсутствовала. Леди Калиста заранее подготовилась к пикнику и захватила с собой белоснежную льняную скатерть и столько снеди, что хватило бы и на правительственный обед. Тит ни к чему не прикоснулся, даже глотка воды не сделал.

В шесть вечера он встал, чтобы присоединиться к остальным гребцам в процессии лодок, которая отправилась в плавание в половину седьмого. Приспешники инквизитора не отставали — тащились по берегу, не упуская Тита из вида ни на мгновение. Выше по течению лодки пристали к берегу, и все гребцы набросились на приготовленный специально для них ужин. Тит заставлял себя есть, тем самым демонстрируя надсмотрщикам собственную беззаботность. После ужина ребята забрались в лодки и поплыли обратно вниз по течению. Сразу по их возвращении начали запускать фейерверки.

Наступила ночь. Деревья по берегам реки подсветили крохотными свечками, на водной глади мерцали отраженные огоньки. Прелестная картина, но Тит был не в настроении ею наслаждаться.

На полпути вниз по реке он вдруг почувствовал, что следующие за ним тенью маги исчезли. Тит разрывался между опустошающим облегчением и острым подозрением, что это лишь очередная хитрость.

И только увидев, что белого навеса больше нет, позволил себе выдохнуть. Если бы инквизитор собиралась этим вечером всерьез взяться за Тита, она бы его дождалась.

Обогнув толпу зрителей, собравшихся полюбоваться фейерверком, он отправился в дом миссис Долиш.

Фэрфакс в ее комнате не оказалось — весь этаж был абсолютно пуст, — но на своем столе она оставила записку:

«На фейерверках. Ребята очень настаивали».

Тит вернулся к себе, поставил на огонь чайник, вытащил из шкафчика жестяную банку с печеньем и завалился на кровать.

На данный момент он в безопасности. Но следующее дознание рано или поздно случится, и чтобы защитить Фэрфакс, ему нужно пуститься в бега. «Вот только что для нее безопаснее: отправиться со мной или остаться в Итоне?»

Вода закипела. Тит поискал на полке свой любимый сорт чая, выращенный среди покрытых туманами гор Западного Понивиса — магической страны в Аравийском море — и вспомнил, что тот уже закончился. В обычный день Тит бы заварил немного «Эрл Грея» из запасов Фэрфакс, но сегодня ему хотелось... нет, он просто нуждался в покое чего-то привычного, прежде чем принять решение, что повлияет на всю его оставшуюся жизнь.

Тит отправился в комнату Фэрфакс, чтобы перенестись в свою лабораторию, и... не смог. Наверное, испытанное им потрясение было сродни тому, что пережила Иоланта, когда ее бросили в Ледяное озеро. Перейдя в пустую гостиную старосты и его помощников, Тит снова попытался перескочить и снова остался на месте. Он сбежал вниз по лестнице на улицу — и там все повторилось.

Атлантида расстаралась. И ясно без слов: если он захочет определить границы внескачковой зоны, то тут же узнает, что границы эти хорошо охраняются. И ковер-самолет лежит в сумке Фэрфакс на случай побега, до него тоже не добраться.

Тит глубоко вздохнул и велел себе не терять надежды. Ведь всегда можно уйти через шкаф в комнате Уинтервейла.

Однако, открыв дверь гардероба, он обнаружил внутри записку:

«Дорогой Ли.

Я закрываю этот портал, пока не найду для тебя более надежный способ попасть домой.

С любовью, мама».

Последняя возможность, а Тит и ее лишился. Онемевший от паники, он поковылял обратно в свою комнату.

Издаലെка доносились взрывы запускаемых фейерверков и восторженные аплодисменты. Словно лунатик, Тит доплелся до окна и увидел на лужайке Трампера и Хогга. В руках они держали по кирпичу и явно намеревались бросить их в окна — его и Фэрфакс.

Кипя от гнева, Тит взмахнул палочкой. Трампер и Хогг тут же повалились навзничь. Принц крепко сжал кулаки, сдерживаясь, чтобы не сотворить еще чего-нибудь. В его нынешнем состоянии, он был способен необратимо покалечить.

Тит отвернулся:

— Подонки! Головы им нужно...

И замер. Именно эти слова он произнес однажды в видении матери. Тит в спешке потянулся к своему экземпляру «Lexikon der Klassischen Altertumskunde», который в его руках превратился в дневник принцессы Ариадны. Нужная запись нашлась почти сразу.

«Стоит вечер или, возможно, ночь. Снаружи довольно темно. Тит, явно разгневанный, отворачивается от окна. «Подонки! — ругается он. — Головы им нужно...» Он застывает. Затем бросается к книжной полке и достает книгу на немецком, Lexikon der Klassischen Altertumskunde.

Когда я вновь вижу отчетливую картинку, это уже не крохотная комната, а библиотека в Цитадели. Это тот же вечер? Не уверена. Снова появляется Тит, в серой тунике с капюшоном, бесшумно крадущийся между книжными стеллажами. (Он ведь станет Правителем Державы. Так что это за игра в прятки в собственном дворце?)

И опять все размывается, чтобы превратиться в интерьер библиотеки Цитадели. Там много магов, большинство из которых — солдаты в форме Атлантиды (как же низко падет дом Элберона!), и все они стоят вокруг чего-то, напоминающего распростертое на полу тело. Алект и Калиста тоже тут.

— Не могу в это поверить, — шепчет Калиста.

Алект выглядит так, будто потерял собственную сестру.

— Инквизитор мертв. Невозможно. Это просто невозможно».

Означает ли это видение, что Тит сегодня проникнет в Цитадель, и это как-то приведет к смерти инквизитора? От такой перспективы становилось дурно.

Что там сказала Оракул? *«Вы должны посетить того, кого не хотите видеть, и пойти туда, куда не желаете».*

Чтобы попасть в Цитадель, он должен пройти сквозь Черный Бастион, крепости Хельгиры.

«Обычно мои видения не столь бессвязны. На сей раз я не уверена, одно ли это видение, или три отдельных. Я запишу их сейчас как одно, и надеюсь, что позже смогу внести ясность».

Тит перевернул страницу. Больше записей не было. Он перелистнул следующую и замер. В правом нижнем углу виднелась небольшая метка в виде черепа.

Тит сам ее поставил на странице с видением о своей смерти.

Были ли эти два предсказания частями одного большого? Отправившись этим вечером в Цитадель, пойдет ли он навстречу гибели?

«И не думайте больше о точном часе своей кончины, принц. Это ждет всех смертных. Вы проживете достаточно, когда сделаете все, что должны».

Тит переоделся в серую тунику из видения матери, положил руку на Горнило и

произнес пароль.

Создание постоянной внескачковой зоны требует первоначально больших затрат времени — здесь нет места для спешки. Однако если мы ограничиваем скачки не насовсем, то в первую очередь необходимо не время, а участие большого количества магов.

Несколько друзей в туристическом походе могут за час создать временную внескачковую зону вокруг палатки. А несколько дюжин друзей в силах сотворить то же самое уже над небольшим общественным парком и устроить там празднество, хотя для этого им прежде потребуется получить соответствующее разрешение. Бывали случаи, когда армии, в распоряжении которых всегда много магов, за одну только ночь создавали временную внескачковую зону над небольшим городом.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Иоланту утащили с собой ребята, заскочившие в пансион на ужин. Они никак не могли понять, почему ей вдруг вздумалось остаться в своей комнате, а сама Иола, погруженная в размышления, не сообразила вовремя пожаловаться на головную боль или усталость.

Она старательно держалась в тени и пристально следила, не появились ли где поблизости атланты, и даже еще внимательнее — не водят ли по Итону учителя Хейвуда и миссис Оукблаф, как пару собак-ищеек.

Но никто Иоланту не арестовал. Она вернулась к миссис Долиш и направилась напрямиком в комнату принца.

Там его не оказалось. Сначала Иоланта ужаснулась, что его все-таки уволокли прочь, но потом заметила форменный пиджак на спинке стула и еще теплый чайник на каминной решетке.

Получается, принц вернулся, скинул пиджак, вскипятил воду для чая, а потом — Иола еще раз потрогала чайник — где-то между четвертью и получасом назад вновь куда-то ушел.

Но куда? Перескочить отсюда он не мог. Атлантида контролирует всю границу внескачковой зоны. Леди Уинтервейл со своей стороны заблокировала портал в шкафу.

За дверью Бирмингем зычно напоминал, что пора готовиться ко сну. Вскоре по коридору пройдет миссис Хэнкок и будет стучать во все комнаты, дабы убедиться, что к отбою все мальчишки на месте.

Иоланта проверила общую комнату, но и там принца не было. Ванные уже закрыли. Оставался только туалет.

«Подожди», — велела она себе. Но полминуты тянулись как все десять. Выругавшись, Иоланта направилась в уборную, коей пользовалась, лишь когда там никого (или практически никого) не было. Скоро отбой — на отсутствие народа точно рассчитывать не стоило.

Прежде чем войти, Иоланта сделала три глубоких вдоха, но все равно едва не вылетела оттуда с воплем. У писсуара стояла стена мальчишек, плечом к плечу опустошавших свои мочевые пузыри — последнее, за чем Иола хотела бы наблюдать, пусть даже только со спины.

— Хочешь на мое место, Фэрфакс? — спросил застегивающий брюки Купер, отступая от стока.

— Нет, благодарю! Ищу Сазерленда. У него моя книга по античной географии. — Иоланта постучала в кабинки: — Сазерленд, ты тут?

— О боже, ну неужели человек не может посидеть в уборной в тишине и спокойствии? — раздался из дальней кабинки раздраженный ответ Бирмингема.

Все рассмеялись. Иоланта присоединилась к ним нервным гоготом и в спешке выскочила прочь.

В другой вечер она не стала бы так сильно переживать — принц не был бы Титом Седьмым, если бы не вынашивал какие-то секретные планы. Но сегодня они лицом к лицу столкнулись с заклятыми врагами и еле-еле спаслись. Ему должно быть до смерти любопытно, как же ей удалось выкрутиться. Не говоря уже о том, что им необходимо вместе продумать, как противостоять следующему шагу инквизитора.

Иоланта вернулась в комнату принца. Непроверенным осталось только одно место —

учебные стансы. Горнило лежало на столе, и она положила руку на книгу, а очутившись в зале розового мрамора, помчалась к двери принца.

Там обнаружилась записка:

«Ф.,

Я отлучусь ненадолго. Не тревожься обо мне. И не волнуйся по поводу отбоя.

«.

Его скрытность по поводу направления и целей отлучки лишь усиливала волнение Иоланты.

Она открыла дверь и... замерла на пороге. Внутри классной комнаты, освещенной дюжиной факелов, из щелей в полу выросли толстые, с запястье толщиной, древовидные лианы, что узлами и узорами переплетались на стенах и свободно опутывали потолок. Соцветья крохотных золотых бутончиков свисали с этого своеобразного купола. Несколько распахнутых настежь французских окон выходили на большой балкон к темному звездному небу.

На ковре живой травы не было ни столов, ни стульев — только пара элегантных садовых качелей с навесом, поставленных под углом друг к другу. Принц в итонской форме сидел на одной из них и раскачивался, вытянув руки вдоль спинки.

— Скажи мне, что я люблю читать в свободное время?

— Да плевать! Где ты?

Будто совсем не слыша Иоланты, он повторил вопрос.

С болью в сердце она вспомнила, что это и не принц вовсе, а лишь его запись и подобие.

— Английские журналы по домоводству

— Когда ты в последний раз меня целовала?

Воспоминание по-прежнему обжигало.

— В замке Спящей красавицы.

Он кивнул:

— Что я могу для тебя сделать, любовь моя?

Никогда прежде принц так ее не называл. Грудь сдавило. Неужели он оставил всю свою нежность на время после смерти?

— Скажи, куда ты направился?

— Полагаю, ты спрашиваешь о чем-то в моем будущем. А подробности будущего мне неведомы.

— Где твоя запасная волшебная палочка?

Иоланта надеялась, что ей не придется брать дело в свои руки. Но собиралась, как научил ее сам принц, предполагать худшее и приготовиться соответственно.

— В коробке в моем чайном шкафике. В той самой, которую я попросил тебя передать мне перед нашим первым занятием в Горниле. И открывается она только от твоего или моего прикосновения. Пароль — «Спящая красавица», подпись — «Nil desperandum».

— Что помимо запасной палочки и Горнила я должна забрать из твоей комнаты в чрезвычайной ситуации?

— Дневник моей мамы, сейчас он выглядит как «Lexikon der Klassischen Altertumskunde». Пароль — «Лучше чистотою, чем красноречием», подпись — «Consequitur quodcunque petit».

Иоланта попросила его повторить все пароли и подписи и заучила их наизусть.

А по возвращении в комнату принца только и успела найти запасную палочку, как раздался окрик миссис Хэнкок:

— Тушим свет, джентльмены, отбой.

Принц сказал не волноваться по поводу отбоя, но Иоланта нуждалась в собственном плане, на случай, если его — не сработает. Она могла бы изобразить голос принца в надежде, что миссис Хэнкок купится на это подражание, затем выключить свет, выскочить и прямо на глазах у надсмотрщицы войти в свою комнату.

Вот только имитировать чужие голоса Иоланта умела плохо.

В дверь принца постучали. Не успела Иола выдавить и звука из резко пересохшего горла, как раздался голос принца:

— Спокойной ночи.

Сердце чуть было не выскочило из груди. Иоланта оглянулась вокруг — принц не вернулся. Она не была точно уверена, но похоже, это стоящий на полке каменный бюст ответил вместо него.

— Не пора ли гасить свет, ваше высочество? — спросила миссис Хэнкок, а Иоланта тем временем спрятала палочку в рукав и схватила со стола Горнило и «Lexikon der Klassischen Altertumskunde».

Газовая лампа погасла сама по себе. Иола приоткрыла дверь настолько, чтобы суметь протиснуться наружу.

— Сейчас я у себя тоже погашу, мэм, — с улыбкой сказала она миссис Хэнкок.

— Смотри, так и сделай, Фэрфакс. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мэм.

* * *

Сердце все еще громко стучало в груди, когда Иоланта потушила свет в своей комнате, плотно задернула шторы и, вызвав лепесток пламени, посадила его в углубление подсвечника. Устроившись на своей кровати, она сначала открыла дневник — проверить, есть ли ему что ей сказать, много времени не займет.

Обнаруженное ужасало и в то же время приводило в ярость. Принцесса Ариадна пишет о солдатах Атлантиды и присутствии леди Калисты, поверенного лица Атлантиды. «И принц отправился туда, даже слова мне не сказав?» Такое ощущение, будто он сам жаждал собственной гибели!

Иоланта ворвалась в его классную комнату в учебных стансах и кратко повторила ответы на вопросы, необходимые для установления ее личности.

— Если я хочу попасть в Цитадель прямо сейчас, и у меня нет никаких возможностей для передвижения, что я должна сделать?

Запись и подобие принца нахмурился:

— Что, совсем никаких способов передвижения?

— Нет. Я во внескачковой зоне. И нет ни транспорта, ни ковра-самолёта, ни верхового животного, ни порталов.

— И ты обязательно должна туда попасть?

— Обязательно.

— Ты можешь использовать для перехода Горнило, но только в случае вопроса жизни и смерти, и если нет других вариантов.

— Ты же сам говорил, что Горнило — не портал.

— Я говорил, что оно не используется в таком качестве. И совершенно обосновано. Ибо для этого требуется, чтобы маг физически погрузился в пространство Горнила. Если тебя там ранят, ты получишь ранение. Если тебя убьют — ты умрешь. Подобное применение возможно, но я категорически против.

Иоланте хотелось схватить советчика и хорошенько его встряхнуть.

— Если ты категорически против, тогда почему ты, идиот, воспользовался этим путем?

Он оставался абсолютно невозмутим:

— Боюсь, я не готов к такому вопросу. Перефразируй или задай другой.

Иоланта постаралась успокоиться:

— Расскажи, как Горнило работает в качестве портала.

— Его действие основано на входе через другие копии книги. Всего их было сделано четыре. Одну я постоянно держу при себе, другая — в монастыре в Лабиринтных горах, третья хранится в библиотеке Цитадели, а четвертая — утеряна.

— То есть тыходишь через свою копию, произносишь пароль и переносишься в книгу, что лежит в Цитадели. И там ты произносишь «И жили они долго и счастливо» и сам оказываешься в Цитадели?

— Если бы все было так просто. Когда Гесперия превратила копии в порталы, она пыталась сделать переходы безопасными, но большую часть изначальной структуры Горнила изменить нельзя. Все места там, как правило, доступны в мгновение ока, будто ящики в комод. Но когда Горнило используется как портал, истории сливаются в непрерывный ландшафт. Существует лишь одна точка входа и выхода, центр этой территории, на поляне рядом с замком Спящей красавицы. И чтобы добраться до другого места, ты должна отправиться в путешествие — пешком или верхом на каком-то животном, или еще каким-нибудь волшебным образом, если таковой существовал на момент создания книги, что исключает использование скачков. Более того, Гесперия, озабоченная тем, как бы погоня не последовала за ней в Горнило, расположила действующие порталы в самых опасных местах — в Бездне Бриги, на Заветном острове и в Черном Бастионе.

Черный Бастион — именно там принц был убит молнией Хельгиры.

— И который ведет в Цитадель?

— Черный Бастион.

«Ну конечно».

— Черный Бастион целиком или какое-то конкретное место внутри?

— Молитвенный альков в опочивальне Хельгиры.

Иоланту замутило.

— Как я могу туда попасть?

— На первых страницах есть карта — так Горнило выглядит, когда действует в качестве портала. От замка Спящей красавицы до Бастиона пятьдесят верст на северо-восток.

Иоланта потерла горло. Воротничок рубашки неожиданно стал очень тугим.

— Ну ладно, тогда назови мне пароль и подпись для использования Горнила в качестве портала.

Двойник принца назвал оба, но добавил:

— Ты должна поклясться жизнью опекуна, что воспользуешься Горнилом как порталом только в случае, если твоей жизни будет угрожать смертельная опасность.

Иоланта заколебалась.

Он поднялся и сжал ее ладони. Его собственные, огрубевшие после бесчисленных часов гребли, были теплыми и сильными.

— Умоляю, не подвергай свою жизнь опасности, особенно ради меня. Не вздумай. Я себе такого никогда не прощу. Единственное, что делает все это сумасшествие терпимым, — это надежда, что ты сможешь выжить и однажды будешь жить так, как тебе всегда хотелось.

Слезы обожгли уголки глаз. Иоланта отвернулась и произнесла:

— И жили они долго и счастливо.

* * *

Тита потряхивало. Он проклинал себя, но дрожь так и не прекращалась.

Ему тогда было двенадцать лет, дерзкий мальчишка, уверенный в своем мастерстве после побед над Монстром Прекрасных Земель, Хранителем Башни Быка и семиглавой гидрой Жуткого озера. Его смерть от руки Хельгиры стерла любые мысли о собственной неуязвимости. На самом деле потребовались два месяца, чтобы снова начать пользоваться Горнилом, да и то только для участия в простейших, самых спокойных заданиях.

Спустя годы Тит победил свой страх перед Горнилом, но вот справиться с ужасом перед Черным Бастионом так и не смог.

Виверна под Титом почувствовала его нарастающую панику и решила воспользоваться этим состоянием. Она вертелась и стремительно падала, стараясь стряхнуть со спины наездника. Едва ли не радуясь возможности отвлечься, Тит ткнул палочкой в шею дракона. Чудище взвыло от боли.

— Лети нормально, или еще получишь!

В прошлый раз выбранная Титом стратегия нападения была наглой и очевидной — прямо на первые ряды атакующего войска. Ошибка, коей он повторять не собирался. Сага о Хельгире начиналась с того, как один из ее лейтенантов на виверне прилетает в Черный Бастион. Тит увел виверну из замка Спящей красавицы и решил попробовать выдать себя за солдата, прибывшего предупредить Хельгиру о надвигающейся атаке.

Перед глазами предстал силуэт Черного Бастиона, освещенный факелами. Массивная, четырехугольная крепость короной венчала предгорье Багряной горы. Тит прошептал благодарственную молитву темноте — Хельгиру он пока еще не видел. Последнее, что он помнил из своей предыдущей вылазки, — ее тонкая фигура в белом облачении, стоящая на верхушке крепости, с поднятой вверх рукой, чтобы вызвать насмерть поразившую Тита молнию.

Сразу после случившегося его позвоночник чуть было не сломался от охватившей тело судороги. Даже сейчас воспоминание вызывало дрожь.

Черный Бастион приближался и становился все больше.

«И на сей раз, если тебя убьют, ты так и останешься мертвым».

До посадочной платформы оставалось меньше сотни саженей. Виверна под Титом была необъезженной и без упряжи. Он руками обхватил шею дракона и потянул. Тот взревел и стал замедляться, давая возможность спрыгнуть. Солдаты окружили Тита в тот же миг, как его ноги коснулись площадки.

— Нас атаквали! Сумасшедший Колдун Пустой Лощины обещал своим смердам землю и богатство в обмен на наши жизни!

Дюжины мечей тут же были вытащены из ножен. Капитан стражи приставил к горлу

Тита длинное копье — одно из тех, что целую милю могут преследовать беглеца.

— Ты не Боаб.

— Боаб мертв. Они убили почти всех.

— Как они могли убить Боаба? Великого воина и еще более великого мага?

Во рту пересохло, но Тит упрямо следовал сюжету сказки:

— Измена. Они подмешали яд в вино.

— Тогда почему ты не отравился?

— Меня не было на том празднике. Крестьянская девушка, ну вы понимаете. Думал, что ей понравился, но она меня выдала. Подслушал, как она говорит с теми, кто шел меня убить. Так что я стащил одежду ее брата и вот эту виверну, чтобы предупредить мою госпожу.

Он надеялся, что его серая туника сойдет за крестьянское одеяние.

Капитан не поверил, но и не рискнул не проводить гонца к Хельгире. На Тита нацелили восемь копий и повели по наклонному переходу во внутренний двор замка, а оттуда — в главный зал Черного Бастиона.

Здесь было многолюдно. Все пели и танцевали. Хельгира в белом платье сидела за длинным столом на высоком помосте и пила из золотого кубка.

Тит замер как вкопанный. Четыре пики уперлись в его спину, но он не мог сделать ни шагу.

Вместо того, чтобы разозлиться, капитан усмехнулся:

— От нее на всех столбняк нападает, это точно.

Но Тит остолбенел не от красоты Хельгиры и не от страха. Он был ошеломлен тем, что Хельгира оказалась Фэрфакс.

Да, на двадцать лет старше, но черты лица точно как у нее! Губы того же темно-розового оттенка, волосы цвета воронова крыла струятся водопадом, который Тит так хорошо помнил.

Вот, значит, почему Фэрфакс при первой встрече показалась ему столь пугающе знакомой.

Хельгира заметила появление солдат и взмахом руки оборвала игру музыкантов. Танцоры разошлись по краям зала, освобождая проход.

Тит брел будто во сне, неотрывно пялясь на Хельгиру. И только после того, как капитан шлепнул его по голове и наорал за неуважение, склонил голову.

Недалеко от помоста Тит опустился на колени и, не поднимая глаз, повторил свою легенду. Ему были видны лишь носки изящных белых туфель-лодочек Хельгиры, украшенные вышитыми серебряной нитью молниями.

— Воин, я очень тобой довольна, — прошептала Хельгира. — Ты будешь награжден золотом и женщиной, что не отвернется от тебя.

— Благодарю вас, моя госпожа. Моя госпожа могущественна и великодушна.

— Но ты допустил серьезное нарушение этикета, юноша. Неужели ты не знаешь, что никому не позволено смотреть на меня без моего на то позволения?

— Простите меня, моя госпожа. Я потерял разум от красоты моей госпожи.

Хельгира рассмеялась. Ее голос был высоким и пронзительным, и совсем не походил на голос Фэрфакс.

— Он мне нравится — как изящно выразился! Что ж, отныне я дарю тебе привилегию глядеть на меня. Но знай: я не оставляю проступки без наказания.

С этими словами Хельгира вытащила кинжал из ножен на поясе и вонзила его в Тита.

Сидящая на кушетке в темноте Иоланта чуть не взвыла от боли. Казалось, будто кто-то режет ее ножом. Она проверила руку, но крови не обнаружила, только боль все еще терзала ее, заставляя стискивать зубы.

Что происходит? Неужели Иола опять смогла почувствовать страдания принца?

Острый запах с металлическими нотками достиг носа. Нет, быть такого не может. Наверное, просто волнение сыграло с ней злую шутку.

Что-то закапало на пол.

Из горла вырвался сдавленный стон. Иоланта вызвала язычок пламени. Прямо из лежащего перед ней на столе Горнила сочилась кровь и, капая вниз, собиралась в чернеющую на полу лужицу.

Иоланта снова застонала и, чуть помедлив, прыгнула с кушетки. Взмахом запасной волшебной палочки принца она убрала лужу — все чародейки, достигшие двенадцатилетнего возраста, знали, как справиться с кровью в таком количестве. По крайней мере, сама книга не испачкалась, страницы оставались сухими и чистыми.

Слева раздался оглушительный грохот. Иола инстинктивно выставила щит и тем самым уберегла себя от летящих осколков стекла и кирпича, брошенного в ее комнату.

Какое-то время она пялилась на кирпич, а затем скользнула к окну. В темноте удалось разглядеть пару фигур. Голова была слишком забита проблемами, не связанными напрямую со школой, так что Иоланта с трудом осознала увиденное. Где-то там принц истекает кровью, а здесь Трампер и Хогг жаждут пустячной мести.

Следующий кирпич разбил вдребезги окно в комнате принца. Скоро сюда сбегутся все, в том числе и миссис Хэнкок. Вот уж чего им точно не нужно, так это чтобы отсутствие принца в школе обнаружили в то самое время, когда он занят чем-то не тем в Цитадели.

Иоланта оглушила Трампера и Хогга заклинанием, и те свалились на траву. Теперь настал черед левитации. Иола порой жульничала и использовала ее, когда собственной магии оказывалось недостаточно для покорения камня. В результате ее власть над данной стихией оставалась под вопросом, зато сейчас получилось играючи поднять двух здоровенных учеников старших классов вершков на тридцать над землей и перенести их в кусты на краю полянки.

Иоланта ногами хаотично разбросала по комнате осколки стекла, которые раньше лежали на полу прямой линией, обозначая контур щита, и, сжимая в руке Горнило, выбежала в коридор как раз в тот момент, когда со всех сторон начали открываться двери.

— Вы слышали? — спрашивали друг у друга ребята. — Что случилось? Кто-нибудь еще слышал звон разбитого стекла?

Иоланта включила свет в комнате принца и смяла его кровать. Как назло, Горнило оказалось совершенно чистым, больше ни капельки крови с него не упало. Иола подхватила один из осколков, уколола подушечку указательного пальца на левой руке и выдавила немного крови на простыни принца. Потом измазала себе лицо, засунула Горнило за ремень брюк — она еще не успела переодеться в ночную рубашку — и заклинанием закрепила книгу на месте.

Широко распахнув дверь, Иоланта заорала изо всех сил:

— Быстрее, Тит! Поймай этих грязных ублюдков!

И, как и ожидалось, к ней тут же сбежались все мальчишки пансиона.

* * *

Нож Хельгиры вонзился в левую руку Тита. Его оглушила боль.

— Где Мати? Подлечи этого человека. — Хельгира нежно коснулась его подбородка. —

Заметь, я пощадила руку, которая нужна тебе для работы палочкой.

Тит сглотнул:

— Моя госпожа так великодушна.

Но Хельгира уже уходила:

— Я хочу видеть Копла, Намсу и Йери. Остальные — готовьте крепость к битве.

Тит смотрел, как его рукав окрашивается кровью. Прежде он об этом даже не задумывался. Что случается с кровью, которую он проливает, используя Горнило как портал?

Мати, полная женщина среднего возраста, вышла вперед и подняла Тита на ноги. Зажимая рукой рану, он последовал за ней в небольшую комнату, где на медленном огне варились горькопахнущие зелья. В углу стояла кушетка. На полках теснились разномастные банки с травами.

Как только Мати повернулась к нему спиной, Тит ее оглушил. Затем подхватил здоровой рукой и уложил на кушетку. Возможно, Мати и лучший целитель на милях вокруг, но испытать на себе ее примитивную медицину Титу совсем не хотелось.

Стиснув зубы, он очистил порез, вылил на него содержимое двух разных пузырьков, что достал из принесенной с собой аптечки, и проглотил взятый там же пакетик с гранулами.

Рана начала затягиваться. Направив целый блок заклинаний на свою тунику, Тит очистил одежду от крови и запаха. Не стоит появляться в Цитадели, если выглядишь и пахнешь как после резни.

Приведя себя в порядок и подвесив на дверь лазарета отпугивающее заклинание, Тит отправился на поиски молельного алькова Хельгиры.

Даже дорогу спросил, ссылаясь на обещанные деньги и женщину. Весь путь его сопровождали добродушные подмигивания. Однако служанки Хельгиры отказались пустить Тита в личные покои своей госпожи. Пришлось доставать волшебную палочку и пробиваться с боем.

Искомый альков располагался в опочивальне. На самом деле их тут было даже два, и оба занавешенные. Но едва Тит переступил порог, как вслед за ним вошла и сама Хельгира. Времени высчитывать, какой же из двух — альков для молитв, не осталось. Тит перепрыгнул через кровать и, на ходу шепча пароль, бросился в одну из ниш с особенно замысловатой занавеской.

Если выбор неверен, то Тит врежется в метровую стену и умрет от руки женщины с лицом Фэрфакс.

Никуда он не врезался.

На другой стороне портала его, естественно, тоже ждал молельный альков в покоях Хельгиры — в той копии Горнила, что хранилась в Цитадели. И если бы Тит так не спешил, стараясь спасти собственную жизнь, то вспомнил бы, что и здесь лучше двигаться медленно и осторожно.

Он выскочил из местного алькова прямо на середину местной опочивальни Хельгиры.

И теперь уже местная Хельгира подняла свою волшебную палочку.

* * *

— Смотрите под ноги! — закричала Иоланта, когда Уинтервейл и Кашкари появились у входа в комнату.

Ребята вцепились в дверной проем, удерживаясь на месте, когда сзади их начали толкать подоспевшие Сазерленд, Купер и Роджерс.

Однако почти все были в домашних тапочках, кроме Купера, который явился босиком, но надел пару переданных ему Роджерсом туфель принца и вошел в комнату вслед за остальными.

Тут же послышались полные отвращения и негодования возгласы.

— Бог мой, да здесь же кровь! — ужаснулся Роджерс.

— Они его ранили, — заявила Иоланта. — Будто недостаточно скверно, что они мне чуть голову не размозжили.

Это заявление вызвало новую волну возмущения:

— Вот ублюдки!

— Мы этого им с рук не спустим!

— Ты видел, кто это сделал?

— Трампер и Хогг, разумеется, и принц уже за ними погнался, — ответила Иоланта. — Они приставали ко мне сегодня, но я вздул их как следует.

— И правильно! — одобрил Купер.

— Я не собираюсь тут стоять и ничего не делать! — воскликнул Кашкари, засучивая рукава.

Теперь татуировка на внутренней стороне его правой руки стала видна полностью. И это оказалась не буква «М», а символ «♍». Скорпион — зодиакальный знак Кашкари как в западной, так и в ведической астрологии.

«Лучше всего ты поможешь ему, попросив помощи у преданного и отважного. И у скорпиона».

Кашкари распахнул оставшуюся от окна раму и, подтянувшись на подоконнике, вылез наружу. Его действия будто открыли какой-то шлюз. Иоланте даже пришлось побороться за право спуститься по водостоку. За ними успело последовать еще семеро мальчишек, причем двое выбрались через окна в собственных комнатах, а некоторые вообще обошлись без водостоков, прыгнув напрямик на землю. Их длинные ночные рубашки вздымались словно паруса. А потом миссис Хэнкок поймала кого-то из ребят прямо в оконном проеме.

— Куда они побежали? — спросил Купер.

— Туда. — Иоланта указала в сторону, противоположную от зарослей, в которые она забросила Трампера и Хогга. — Давайте поймаем их, пока они не успели вернуться в собственный пансион.

Не обращая внимания на вопли миссис Хэнкок, что приказывала им немедленно вернуться, все ринулись вперед. Когда дом остался позади, Иоланта остановила мальчишек и разделила по парам, якобы для того, чтобы у них было больше шансов обнаружить Трампера и Хогга и меньше — попасться на глаза ночным зрителям.

Себе в пару Иола выбрала Кашкари. Отправив всех остальных в разные направления с указанием ждать Трампера и Хогга около пансиона, если не удастся поймать их где-то еще,

она тронула Кашкари за плечо и двинулась обратно к дому миссис Долиш.

— Мне кажется, ты сказал, что они побежали в другую сторону, — заметил Кашкари.

Иоланта взмолилась всем сердцем, чтобы Оракул и в этот раз подсказала ей верное решение.

— Долго объяснять. Помнишь, ты как-то сказал, что если мне однажды понадобится твоя помощь...

— Конечно! Все, что угодно.

— Я прошу тебя исполнить обещанное. И о случившемся этой ночью ты никогда никому не расскажешь. Клянешься?

Кашкари колебался:

— Я причиню кому-нибудь вред?

— Нет, даю слово.

— Тогда хорошо. Я тебе доверяю.

«А я вручаю тебе наши жизни».

— Слушай внимательно. Вот, что мне нужно...

* * *

Прежде, чем Хельгира успела превратить Тита в пыль, он опустился на одно колено:

— Миледи, я принес сообщение от моего господина Румиса.

Еще до первого сражения с Хельгирой Тит внимательно изучил легенду о ней. Потом, бесславно погибнув от ее руки, старался забыть все с ней связанное, однако некоторые важнейшие детали в памяти остались.

И среди них — хранимая в секрете платоническая любовь Хельгиры и великого мага Румиса.

Удивление смягчило лицо Хельгиры:

— Похоже, милорд Румис отличается чудесным чувством юмора, раз без предупреждения посылает слугу в мою опочивальню.

— Он просил передать настоятельную просьбу и предупредил, что нельзя терять ни минуты.

— Говори.

— Мой господин просит, чтобы миледи дала мне дракона и отпустила по своим делам.

И снова те же правила. Если используешь Горнило в качестве портала, то к выходу придется продвигаться на своих двоих. Или на виверне, что гарантированно быстрее.

Хельгира вздохнула:

— Передай своему хозяину, что, хоть его просьба и кажется не очень разумной, я слишком ему доверяю, чтобы задерживать тебя вопросами.

— Благодарю вас, миледи.

— Можешь встать. Я распоряджусь, чтобы для тебя подготовили виверну. — Сняв с запястья браслет, она защелкнула его на руке Тита. — И я вручаю тебе этот знак для безопасного прохода через мои земли.

Он поднялся:

— Благодарю вас, миледи. Прощайте.

Но не успел дойти до двери, как Хельгира спросила:

— Как поживает твой хозяин?

Тит обернулся и поклонился:

— Очень хорошо, миледи.

— И полагаю, его жена по-прежнему в здравии?

Про жену Румиса в легенде говорилось, что она пережила и Хельгиру, и Румиса.

— Да, миледи.

Она отвернулась:

— Ступай тогда. Да пребудет с тобой Фортуна.

Выражение ее лица так напоминало Титу Фэрфакс, что он не удержался от еще одного взгляда:

— Миледи, хозяин от всего сердца посылает вам наилучшие пожелания.

* * *

Виверна оказалась быстрая, слишком быстрая.

Уже через несколько минут Тит будет на месте. И, вероятно, совсем скоро применит к инквизитору заклинание казни.

Правящий принц обязан владеть этим заклинанием. Если правитель осуждает кого-то на смерть, то и осуществлять казнь должен сам — должен смотреть в лицо приговоренному магу, раз уж отнимает у того жизнь.

Титу раньше и в голову не приходило, что ему придется использовать это заклинание. Да, он был лжецом, интриганом и манипулятором, но не убийцей.

В отличие от собственного деда.

Да, ради безопасности Фэрфакс, он готов пожертвовать собственной жизнью. Но готов ли пожертвовать остатками своей души?

Виверна приземлилась на поляне. Тит подавил волнение и сосредоточился на цели. При нормальных обстоятельствах, когда маг переносится в реальность, не имеет значения, набил ли он свои карманы вещичками из сказок. Из Горнила ничего нельзя вынести, все сразу возвращается на круги своя. Но использование Горнила в качестве портала меняет правила. Образно говоря, книга не закрывается, если маг уносит с собой что-то, принадлежащее к этому миру.

Тит уже решил, что не станет снимать браслет Хельгиры. Если он сможет сбежать из библиотеки Цитадели невредимым, виверна не помешает, а лучше дракона Хельгиры ему не найти.

Всего-то и нужно, что оставить виверну ждать на месте. Грум предупредил, что надо просунуть колышек в конец длинной цепочки, привязанной к ноге дракона, и вбить кол в землю.

Вот только виверне, похоже, не особо понравилось выбранное Титом место — на берегу ручейка, делившего поляну пополам. Дракон жалобно вопил и когтями цеплялся за края туники принца.

— Что такое? Ты что-то унюхал?

Виверны отличались необычайно чувствительными носами и могли учуять добычу за много верст.

— Ты ведь не голоден, правда? Я думал, они постоянно кормят тебя свежим мясом.

Виверна зашипела.

— Я бы не стал волноваться. Ничего опасного на этой лужайке не было и нет. Ну, во

всяком случае, я ничего такого не видел.

Потому что никогда физически не находился в Горниле и не знал, как книга поведет себя в такой ситуации. Тит осмотрелся. Вроде все знакомое, в том числе и замок Спящей красавицы на холме.

Или лишь кажется знакомым? Замок окружало не привычное красноватое сияние от огней факелов и ламп, а нечто похожее на сине-зеленое свечение живущих в глубине морских обитателей.

Эта копия Горнила когда-то принадлежала дедушке Тита, и, похоже, принц Гай кое-что здесь поменял. Хотя основополагающие сюжеты всегда оставались прежними — например, Спящая красавица никогда не сможет самостоятельно спуститься по ступенькам вниз или помочь своему спасителю в сражении с драконами, — всю обстановку в них можно было переписывать.

Так превращение Спящей красавицы в Фэрфакс — лишь последнее из внесенных Титом в его собственную копию Горнила изменений. Когда книга впервые попала к нему в руки, в большом зале не было виверн. И ворота охраняли не гигантские куролиски.

Но изменения принца Гая казались еще опаснее. Вот только Тит не мог уделить им должного внимания — не сейчас, когда его голова занята планами убийства.

Ну, по крайней мере, попыткой убийства.

— И жили они долго и счастливо.

Очутившись в Цитадели, рядом с копией Горнила, что лежала на подставке прямо в центре тускло освещенной библиотеки, Тит спрятался между полками.

Дверь распахнулась, послышался голос Алекта:

— А вот тут у нас библиотека. И мягкое освещение, как просила мадам инквизитор.

Тит задержал дыхание.

— Сгодится, — холодно бросила инквизитор. — Оставьте нас.

Кого это «нас»?

Тит выглянул из-за книжного ряда, но увидел лишь, как Алект поклонился и, шаркая, вышел из комнаты.

— Сир, вам не следовало так утруждаться, — промолвила инквизитор тоном столь мягким и почтительным, что Тит едва ее узнал. — Я бы провела допрос в Инквизитории.

— Но мы оба знаем, как чувствителен маг мысли к своему окружению, моя дорогая Фиа, — ответил ей невероятно милозвучный мужской голос. — В Инквизитории для вас пока еще слишком много боли и страха.

— Но там безопаснее для вас, лорд главнокомандующий.

Колени Тита подогнулись. Лорд главнокомандующий. Лиходей!

— Я в бесконечном долгу перед моим господином за спасение меня из объятий смерти и возвращение в полное здравие. И как я могу простить себя за то, что подвергаю вас опасности нахождения в подобном месте? Замок построен Гесперией, тут, должно быть, полно ловушек и капканов!

— Фиа, Фиа, не позволяй страху говорить за себя. Наши маги уже проверили библиотеку сверху донизу, и порою комната — это просто комната. Теперь перестань беспокоиться на мой счет и сосредоточься. Подумать только, все эти годы мы растрачивали твой редкий и восхитительный талант, используя тебя как молоток, хотя ты прекрасна в роли скальпеля. Хватит попусту тратить время. Сегодня мы срежем все слои магии, за которыми прячет свои воспоминания Хейвуд. А завтра доберемся до юного принца.

Тит вздрогнул.

— Дождаться не могу, мой господин. Кстати, поскольку его разум останется после всего совершенно невредимым, он даже не сможет заявить дипломатический протест.

Тит прислонился к шкафу, ноги его не держали.

Дверь в библиотеку снова открылась.

— Лорд главнокомандующий, мадам инквизитор, не желаете ли освежиться?

Леди Калиста.

Она сама несла большой поднос и не спеша приближалась к Лиходею и инквизитору.

— Мы только что насладились столь изобильным банкетом — примите мои поздравления, леди Калиста, вы собрали в Цитадели лучших мировых поваров. Нам нужно немного передохнуть, чтобы восстановить аппетит.

Лиходей оказался идеальным гостем, учтивым и сладкоречивым. Тит представлял его себе совершенно иначе.

— Если бы мы были предупреждены о визите лорда главнокомандующего немного раньше, то приготовили бы пир, более подходящий случаю.

Лиходей, вероятно, прибыл только после сообщения инквизитора, что Иоланта Сибурн не угодила в ее засаду. И теперь они оба настроены не допустить нового провала.

— Я поставлю поднос вот тут, — сообщила леди Калиста. — И оставлю моего господина и мадам инквизитора продолжать их подготовку.

Не прошло и минуты после ее ухода, как появился солдат Атлантиды и, сделав два шага в комнату, преклонил колено:

— Лорд главнокомандующий, мадам инквизитор, мы привели заключенного Горацио Хейвуда.

Оракул предсказывала, что Хейвуд не останется в руках Атлантиды надолго. Значит ли это, что именно Тит вытащит его на свободу? Но кто тогда убьет инквизитора? Тит не в силах сделать и то, и другое.

Клятва кровью требовала от него предпринять все возможное, чтобы помочь Фэрфакс освободить ее опекуна. Тит сжал зубы.

Длительность заклинания, останавливающего время, сильно сокращается, если необходимо воздействовать более чем на одного мага. Например, наложенное на кого-то одного заклинание длится три минуты, а на трех — лишь тридцать секунд. Ну а если под него попадают четыре мага, то секунд десять — в лучшем случае.

Хватит ли этих мгновений, чтобы затянуть Горацио Хейвуда в Горнило и спрятать его внутри?

Хейвуда втащили два охранника. Заклинание на четырех магов. Волшебная палочка Тита дрожала. Получится ли? Неужели из-за глупой галантности его поймают, и в итоге Фэрфакс будет арестована прямо в кровати посреди ночи?

Тит видел, как поднялась его палочка, и не мог поверить в то, что собирается сделать. Один. Два. Т...

Хейвуд исчез прямо у него на глазах.

Иоланта нетерпеливо пыхтела.

На первый взгляд, замок Спящей красавицы находился не слишком далеко от поляны, но добираться туда пешком оказалось долго, даже если бежать изо всех сил. К тому же она и так уже много времени потеряла в поисках надежного укрытия для Горнила, волнуясь, как бы оно вновь не закровоточило. Хорошо еще осознала, что в столь поздний час из книги может вылиться хоть ведро крови — никто ее в высокой траве не заметит.

Однако по мере приближения к замку нетерпение перерастало в страх. От одной только мысли о встрече с вивернами Иоланте делалось дурно. А единственная луна в небе безжалостно напоминала, что все это не понарошку.

И все-таки нужно достать средство передвижения. Иначе придется целый день топтать до Черного Бастиона.

В зарослях терновника Иоланта увидела туннель, оставленный принцем. Значит, он здесь проходил. Он тоже взял виверну?

Иола неслась вперед. Ее не встречали ни ревом, ни потоками пламени. Даже воняло слабее, чем обычно. И в конце туннеля стало понятно почему. Огромных куролисков на месте не обнаружилось, опоры, к которым крепились их цепи, были сломаны. Иоланта замешкалась на мгновение, а потом ринулась дальше. Двери большого зала оказались распахнуты настежь. Она вбежала внутрь, заклинанием возводя перед собой щиты, но никто на нее не набросился. Внутри, растянувшись на мраморном полу, лежала всего одна виверна. Грудь ее поднималась и опускалась. Дракон или спал, или, скорее всего, его оглушил принц.

Иоланта вздохнула с облегчением.

Теперь пора волноваться о том, как выжить в Черном Бастионе.

* * *

Ошеломленный, Тит только через мгновение понял, что произошло.

— *Tempus congelet*, — пробормотал он останавливающее время заклинание.

Во всей Цитадели скачки невозможны. В связи с исчезновением Хейвуда библиотеку обыщут сверху донизу. Нужно немедленно убираться отсюда.

Тит бросился бежать. Быстро. Еще быстрее. И все равно слишком медленно, будто убегая от монстров в кошмарном сне. И вот он уже выскочил из укрытия прямо к замершим в странных позах магам.

На бегу Тит направил волшебную палочку на инквизитора:

— *Mens omnino vastetur!*

Самое сильное, самое запрещенное разрушающее мозг заклятье, какое ему только удалось отыскать — но не заклинание казни. Возможно, потом Тит пожалеет о своей мягкости, но он не убийца. Пока еще не убийца.

Резко остановившись рядом с подставкой, на которой лежала местная копия Горнила, Тит оказался всего лишь в шаге от Лиходея. Маг выглядел лет на пятьдесят, но уж точно не на двести. Черты его лица отличались уверенностью, привлекательностью и странным образом казались знакомыми.

Произносить стандартный длинный пароль времени не осталось. К счастью, это и без

надобности, когда Горнило уже открыто.

— Я наследник дома Элберона, и я в смертельной опасности.

В следующее мгновение Тит очутился на поляне. Ночное небо стремительно затягивали тучи, на холме перед ним сиял странным холодным светом замок Спящей красавицы.

Тит облегченно вздохнул. Но тут же скривился — сильно воняло. Кровью. Тихо произнеся заклинание света, он почти сразу увидел вытянутый из земли острый колышек с обрывком цепи на нем. Тот самый, к которому была привязана виверна Хельгиры.

Усилив яркость, Тит расширил круг света. На траве лежало что-то темное. Он помчался было к находке, но резко замер. Желудок скрутило. Это оказалась даже не виверна целиком, а лишь одно ее крыло, окровавленное и смятое словно старый пиджак.

Виверны — невероятно активные существа с подвижным телом и разумом. У них жуткие зубы, смертоносные челюсти и острейшие шипы; они способны лететь часами на скорости свыше ста миль в час, ускоряясь до ста пятидесяти. Тит и представить себе не мог чудовище достаточно быстрое и жестокое, чтобы охотиться на виверн.

Но кто-то нашелся.

Тит помчался к замку.

Необходимо немедленно обзавестись новым средством передвижения. Из-за исчезновения Хейвуда Атлантида, скорее всего, не станет дожидаться наступления утра и явится за принцем прямо сейчас. Надо как можно быстрее попасть в школу, рассказать о произошедшем Фэрфакс, вручить ей Горнило и самому в нем спрятаться, покуда не найдется место получше.

Оставалось только молиться, что в его собственной копии Горнила не так опасно находиться, как в этой.

Тит уже взбегал на холм, упорно стараясь не сбавлять скорости. Ноги противились такому насилию, да и легкие тоже. И в практически крошечной тьме густой, насыщенный запах драконьей крови продолжал бить в нос, вызывая тошноту.

Наступив на что-то одновременно мягкое и твердое, Тит инстинктивно отскочил в сторону. Запах крови усилился. Бег распалил тело, но теперь вдруг резко стало холодно — по щеке побежали выступившие от страха капельки пота.

Тит достал волшебную палочку. Вспыхнул свет, озаряя лежащую на траве черную конечность — нижнюю часть ноги виверны.

Со стороны замка донесся жуткий рев. Земля задрожала — Тит ногами почувствовал ее вибрацию. Сердце колотилось так, будто стремилось выпрыгнуть из груди, а шумное дыхание заглушало все прочие звуки ночи.

Будь Тит в Горниле на обычной тренировке, поспешил бы выяснить, что за страшная тварь засела в замке. Но сейчас все по-настоящему. Не до роскоши оказаться разбросанным клочками по полю.

На пути от Черного Бастиона к лугу Тит миновал торговый городок, лежащий чуть севернее, — место действия сказки «Лилия, умный вор», если он не ошибся.

Он уже много лет там не упражнялся, но помнил, что начинается история с нападения на город дикой виверны. Не совсем то, что Титу хотелось бы в настоящий момент, но, как говорят немаги, «из двух зол выбирай меньшее».

Виверна так и не пришла в себя.

Иоланта поднялась в костюмерную рядом с танцевальным залом, нашла там белое платье, подобное тем, что носили в древние времена, и натянула его поверх своей немагической одежды. Затем вытащила из-под спящего Мастера над париками черный парик и надела на себя, от души применив приклеивающие чары, дабы волосы не сорвались во время полета.

Иола читала «Битву за Черный Бастион» и знала, что Хельгира в свое время обращалась за помощью. Так что нужно просто притвориться магом, прибывшим ее поддержать.

В готовом уже образе Иоланта с предельной осторожностью приблизилась к виверне и, запрыгнув на нее, обхватила тощую драконью шею, ожидая, что сейчас будет яростно сброшена вниз.

Но виверна только чуть пустила слюну.

К такой проблеме Иоланта оказалась не готова. С одной стороны, она была признательна принцу за то, что он применил сильнейшие заклинания. С другой — Иоланта столкнулась с неподвижным драконом, в то время как ей нужен живенький, способный мчаться достаточно быстро, чтобы любые парики, кроме самых скрупулезно приклеенных, слетали с головы.

— *Revisce.*

Никакой реакции.

— *Revisce forte.*

Опять ничего.

— *Revisce omnino!*

По-прежнему ни движения. Последнее заклинание относилось к тем, что и мертвеца поднимут.

Иоланта хлопнула себя ладонью по лбу. В то же мгновение виверна пронзительно завизжала и взмыла в воздух. Иола закричала и вцепилась в чешуйчатую шею.

Дракон понесся по большому залу — то ли заклинание принца его так травмировало, то ли чудище под весом седока обезумело. В любом случае оно пыталось сделать все возможное, чтобы сбросить болтающуюся на его шее Иоланту.

Она закинула ногу виверне на спину. Дракон перевернулся вверх тормашками. Иоланта завопила и потеряла равновесие.

Виверны свирепы и умны. Тварь наверняка заметила, что на особо крутых виражах ноги Иоланты соскальзывают. И потому понеслась прямо на колонну, лишь в последнюю секунду свернув и избежав столкновения. Чтобы не впечататься в мрамор, Иоле пришлось резко притянуть колени к груди, ослабив при этом хватку.

Виверна опять попыталась ее скинуть. Иоланта сжалась в клубок и пронеслась в каком-то миллиметре от колонны. И тут вдруг вспомнила, что теперь умеет управлять воздухом. Как можно было о таком забыть? Пора дать достойный отпор этой твари!

Иоланта вызвала порыв встречного ветра. Не ожидавшую подвоха виверну откинуло назад, почти в вертикальное положение с широко распахнутыми крыльями.

Иоланта ногами обхватила туловище дракона и наконец-то устроилась поудобней. А теперь... как бы провести его через двери без помощи вожжей?

«Что ж, принц продолжает называть меня величайшим магом стихий своего времени. Пора бы оправдать его доверие».

И вот, когда виверна выровнялась, а Иоланта убедилась, что сидит устойчиво, она

ударила животное хлестким воздушным потоком, заставляя накрениться влево. А потом направляла потоками с трех сторон, подталкивая в сторону главных дверей зала.

И немного промахнулась. Они действительно направились к выходу, но вместо дверей вылетели сквозь большое круглое окно, покинув замок в ливне древесных щепок и осколков разбитого стекла.

Да уж, грязная это работенка, принцев спасать.

* * *

Наверное, он просто устал после семи верст бегом, да еще и за день удалось перехватить лишь пригоршню печений — иначе как еще оправдать то, что за четверть часа сражения Тит так и не одолел виверну?

Он свернул в переулок. Дело дрянь. Вместо того чтобы биться с драконом, Тит от него бежал. «*Только чтобы перевести дух*», — убеждал он себя. Не может быть, чтобы он боялся. Боялся глупо погибнуть зря. Боялся никогда больше не увидеть Фэрфакс.

Тит крался вдоль переулка. Местные жители словно затаились, и от виверны не исходило и звука. Тит вытянул руку, дальше двигаясь на ощупь — небо полностью затянуло облаками, глухая ночь, — и уперся пальцами в другую стену.

Тупик.

Тит едва успел выставить щит, как в него ударил поток огня. Виверна заманила его в ловушку. Принц выругался. Таких ошибок он не допускал лет с тринадцати — чуть ли не целую вечность.

— *Aura circumvallet!*

Виверна снова изрыгнула пламя, но заклинание Тита сработало как заслонка. Он ударил двумя огненными струями дракону в живот. И пусть магия тонких сфер не способна по силе сравниться со стихийной, зато принц неплохо ею владел.

Виверна взлетела, уклоняясь от атаки. Тит помчался вперед, но чудовище вновь преградило ему дорогу. Он выстрелил двумя залпами огня. На сей раз виверна была готова к нападению и приняла удар на внешнюю сторону крыльев. Только драконье пламя способно их опалить, а вот обычному мощи не хватит.

Тит нырнул под одно из крыльев. Шипастый хвост виверны последовал за ним. Принц бросился на землю и откатился в сторону, но его все равно зацепило — кончиком шипа пропорол бок.

Тит взвыл от боли. И вместе с ней ощутил прилив гневной энергии:

— *Flamma caerula!*

Голубое пламя выстрелило из его палочки в живот виверны. Дракон дернулся и взревел. К принцу вернулось преимущество. И уже через несколько минут виверна несла его в сторону Черного Бастиона, а Тит тем временем накладывал на рану целебную мазь, останавливающую кровотечение.

Лучше было бы обойтись без травм. «*Если тебя ранят, пойдет кровь*», — вот что когда-то сказала ему Гесперия в своей учебной комнате. Титу оставалось только надеяться, что его кровь не течет из цитадельной копии Горнила. В библиотеке сейчас столько магов, ищущих причину исчезновения Хейвуда, что они точно обратят внимание на кровоточащую книгу.

Быстрее бы летела виверна! Тит постоянно оглядывался, нет ли погони. Теоретически причин волноваться не было: знание о том, что Горнило может использоваться как портал,

передавалось по прямой линии наследования. Но порою и другие члены семьи постигали эту тайну — хитростью или случайно. Среди таких самым известным был Узурпатор.

Погода ухудшалась. Резкие порывы ветра мотали виверну из стороны в сторону. А последний оказался столь сильным, что дракон едва не перевернулся в воздухе.

Тит спустился пониже, надеясь, что там поспокойнее. Напрасно. И выше то же самое. Длинное заковыристое ругательство сорвалось с уст и тут же утонуло в реве, сотрясшем каждую косточку в его теле — реве, из-за которого Тит сбежал из замка Спящей красавицы.

Виверна закричала. И ускорилась, несмотря на несговорчивые ветра, словно подгоняемая внезапным ужасом. Тит натянул капюшон туники на голову, прикрыв большую часть лица тканью, и обернулся.

Ночное небо было пустым, за исключением светящейся точки. Принц произнес заклинание дальнзоркости и тут же увидел крылатого монстра — настолько огромного, что рядом с ним и гигантские куролиски показались бы воробьями. И будто ради большей абсурдности картины он еще и мерцал на фоне бушующих небес.

Призрачное чудище, боевой конь ангелов.

Вот они, внесенные принцем Гаем изменения!

Призрачных чудищ не существует. Еще в давние века выяснили, что легендарное страшилище порождено воображением испуганных магов, впервые узревших куролисков. Но когда используешь Горнило в качестве портала, здесь все становится реальным.

Тит развеял заклинание. Призрачное чудище вновь стало лишь точкой в небе, многие версты позади.

Опять раздался рев. Создания с самыми большими крыльями не всегда летают быстрее всех. Но, судя по звуку, призрачное чудище нагоняло Тита так быстро, словно он двигался пешком.

Он повернулся, стараясь разглядеть, есть ли на монстре седок.

К чудищу было привязано существо размером поменьше — крупный сапсан, который рядом со своим соседом казался блохой. Вот этот сапсан совершенно точно нес седока. И в призрачном сиянии чудища глаза этого седока казались совершенно бесцветными.

Инквизитор!

А на огромной голове чудища сидел почему-то будто знакомый в лицо красавец — не кто иной, как сам Лиходей.

* * *

Иоланта и сама не поняла, как ей удалось загнать виверну на посадочную платформу Черного Бастиона и не разбиться. Но вот она уже стоит на твердом каменном полу, а пара грумов умело уводит дракона, и их действия не вызывают у него желания сжечь всех и вся на сто шагов вокруг.

Иола ожидала, что ее тотчас же схватят, но все на площадке, кроме занятых с виверной грумов, преклонили колени, бормоча: «Миледи».

Кто ж знал, что в Черном Бастионе настолько требуется помощь?

Иоланта спустилась во двор замка. И там еще больше людей выразили ей свое почтение. И еще больше рухнуло на колени, когда она проходила по главному залу. Интересно, за кого они ее приняли? За саму Хельгиру?

Иоланта продолжила двигаться вглубь крепости. И каждый раз, сталкиваясь с выбором

дальнейшего пути, поворачивала в коридор, выглядевший побогаче.

С сопротивлением она столкнулась лишь единожды, в лице неприметной горничной. Стоило Иоланте войти в роскошные покои Хельгиры, как служанка закричала:

— Это не наша госпожа!

— Нет? — Иоланта удивленно вскинула бровь. Щелкнула пальцами и за окном вспыхнула молния.

Горничная жутко смутилась.

Иоланта снова щелкнула пальцами, и небеса прорезала молния еще ярче.

— Простите меня, моя госпожа. — Горничная, дрожа, опустилась на колени.

Не обращая на нее внимания, Иоланта направилась в опочивальню, и там прошла через моельный альков в Черный Бастион, находящийся в цитадельной копии Горнила.

В этой версии Бастиона было спокойнее, и его обитатели готовились скорее ко сну, чем к войне. Иоланта подумала, что хозяйки в замке нет, но потом заметила стоящую у окна женщину, чьи длинные черные волосы развевались от сильного ветра.

Хельгира.

В военное время надо бы быть бдительнее. Иоланта могла оказаться укрывающимся в тених наемным убийцей. Хельгира же чужого присутствия не замечала, ее дыхание вырывалось судорожными вздохами.

— Ангел!.. Это благословение. Я благословлена...

Вероятно, она в религиозном экстазе. Но из любопытства Иоланта применила заклинание дальнорзости и выглянула в окно.

Ступни вдруг начало покалывать. Призрачное чудище. Неудивительно, что Хельгира потрясена. Во всех церквях и соборах, которые посещала Иоланта, в росписи потолков были призрачные чудища — скакуны ангелов.

Вот только... Чуток поближе к крепости, в нескольких верстах от чудища летела виверна, и виверна эта была под седоком. Иоланта усилила заклинание. Лицо наездника разглядеть не удалость, но она узнала серую тунику с капюшоном, которую принцесса Ариадна описывала в своем видении.

Тит.

* * *

Потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить: он применил к инквизитору заклятье разрушения мозга в тот момент, когда она находилось под чарами, останавливающими время. А маги под их воздействием защищены от большинства атакующих заклинаний. И нечего тогда удивляться, что инквизитор оказалась в достаточно хорошей физической форме, чтобы сопровождать своего господина в погоне за Титом.

Он заставил виверну лететь еще быстрее, жалея, что не захватил защитные очки. Глаза горели от встречного ветра, уши болели.

В следующее мгновение боль обернулась пыткой, будто в голову вонзили иглу. Тит закричал. А потом возникло странное ощущение, словно кто-то пальцем тыкает внутри его черепа, потирая все выступы и складочки мозга.

Не об этом ли говорили инквизитор и Лиходей, как о лучшем применении ее способностей? Какое непотребство!

И еще Тита испугало, что инквизитор способна творить подобное, находясь в

нескольких верстах от жертвы. Не только ее здоровье улучшилось после поездки в Атлантиду — ее магия тоже стала сильнее.

Наверняка сейчас она пытается не раскопать его секреты, а всего лишь понять, кто он — лица его они не видели. Но как только инквизитор узнает принца, что удержит ее от того, чтобы сразу же забраться в его голову поглубже и выжать его полностью?

Медлить нельзя.

Тит дважды ударил по ладони своей волшебной палочкой, расчехляя клинок — насчет палочки-клинка он не лгал. Затем прикрыл ее рукавом так, чтобы не был виден свет корон, и повернулся, свободной рукой придерживая капюшон.

Заклинания слетали с губ, словно хвала ангелам, слоги срывались со смертоносной красотой. Вблизи такие чары бесполезны, все равно что перышком махать. Но когда Тит выровнял руку и прицелился, с его палочки сорвался ветерок, который начал набирать силу и скорость, пока не превратился в непреодолимую силу, за счет своей невидимости еще более смертоносную.

Тит обхватил рукой шею виверны. И вовремя — налетевший вихрь перевернул ее верх тормашками. Дракон пронзительно закричал. Принц с трудом смог удержаться и повис; пальцы соскальзывали с гладкой чешуи. Казалось, виверна падала целую вечность, но потом все-таки выровняла полет. Обоих — и седока, и животное — трясло от испуга.

И тут прямо у них на пути вырос смерч.

Погода тут ни при чем. Это дело рук невероятно могущественного мага стихий.

Лиходей.

Почему же Тит не знал, что Лиходей сам является стихийником?

Тит дернул виверну влево, и тут же появился еще один вихрь, и тоже слева. Принц выругался. Повернул дракона направо, чтобы они смогли протиснуться меж двумя воронками, и наклонился, когда каменная глыба пронеслась лишь в нескольких дюймах над головой.

Фэрфакс, может, и станет величайшим магом стихий в мире, но пока этот титул принадлежит Лиходею, который в данный момент с наслаждением забавлялся игрой с Титом.

Ощущение ковыряющего в голове пальца внезапно пропало. Создав новое заклинание дальнозоркости, Тит оглянулся через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть падающую с огромного сапсана инквизитора.

Рот Лиходея округлился в крике. Тело инквизитора прекратило свое падение и вместо этого поднялось прямо в его руки. А потом исчезло.

«Что случится, если ты умрешь, используя Горнило в качестве портала? Останется ли твое тело гнить внутри, если ты не сможешь выбраться?» — спросил Тит как-то Гесперию в учебных стансах.

«Мертвым нет места в Горниле, — ответила Гесперия. — Оно выбросит тело наружу».

И снова видение его матери оказалось истинным. В библиотеке Цитадели солдаты Атлантиды окружают тело инквизитора, а Алект с леди Калистой будут потрясенно говорить о ее смерти.

Тит все-таки это сделал. Убил инквизитора в конце концов. Он выпрямился. Внутри разлились дурнота вперемешку с облегчением. К горлу подступали то ли слезы, то ли тошнота.

За спиной раздался какой-то грохот, свистящий и трещащий, заставив забыть и об облегчении, и о рвотных позывах. Тит погнал виверну вверх и с трудом увернулся от огненной струи шириной с тракт.

Призрачное чудище все еще отставало на версту. Ни один настоящий дракон не способен изрыгать огонь так далеко и так быстро. Но в этом и преимущество мифических созданий — они существуют по собственным законам.

Огонь обрушился метеоритным дождем. Луг внизу загорелся. Поднимающийся дым облаком укутывал Тита, заставляя глаза слезиться. И только благодаря слуху он смог увернуться от очередного смерча, и только благодаря дыбом вставшим на затылке волосам ускользнул от бесшумного, незаметно подкравшегося языка пламени.

И перед виверной принца, и по обе стороны от них взвились стены из вихрей, неистово завывая. А за спиной уже ревела гора из пламени, и его было так много, словно от солнца отломили кусок.

Те самые — огонь, дым, драконы? Тит упадет и погибнет, как и предвидела мама?

Он сделал все, что должен. Значит, прожил достаточно.

«Будь в безопасности, Фэрфакс. Живи вечно».

* * *

Вот это пламя у призрачного чудища! Огромное. Красивое. Великолепное. Иоланта — истинный ценитель огня — никогда не видела прекрасней. Так ей казалось, пока она не осознала, что огонь нацелен на Тита, на ее Тита! Виверна принца скользила между яростными лавинами, каждый раз лишь на волосок ускользая от опасности.

Хельгира опустила на колени.

— Это счастье лицезреть исполнение воли ангелов, — прошептала она.

«Ах ты дуручка древняя! Это не ангел, а Атлантида!»

Не промолвив ни слова, Иоланта подняла палочку, чтобы оглушить Хельгиру.

«Покуда дышу, я не дам тебе погибнуть».

Но принца заслонили вставшие огромными утесами вихри. Призрачное чудище рыкнуло так громко, что в оконных рамах задребезжали стекла, и изрыгнуло вперед струю огня достаточной мощи, чтобы расплавить Багряную гору.

Иоланта вышла на террасу из опочивальни Хельгиры и подняла руки. И вся клокочущая в ней энергия устремила к кончикам пальцев.

* * *

Огонь сожжет крылья виверны, это верная смерть. Смерчи? Тоже верная смерть, но в ураганах люди, случалось, выживали.

Тит направил виверну вперед. А вдруг у них получится найти лазейку.

Или же нет — вихри слились в нерушимый барьер.

Но вдруг этот барьер стал уже не столь нерушимым. Один из смерчей ослаб, а потом и вовсе развеялся, оставив после себя облако падающего мусора.

Тит направил дракона в появившийся просвет.

«Нет, не успеем проскочить».

И тут их с виверной подхватил попутный ветер, причем настолько сильный, что Тита

чуть не сдуло с драконьей спины, и этот ветер швырнул их сквозь прореху в стене смерчей.

Еще один стихийный маг вступил в игру.

Хельгира.

Тит обновил заклинание дальноточности. Вот она, стоит в длинном белом платье на террасе Бастиона, черные волосы треплет ветер. И в свете крепостных факелов она так похожа на Фэрфакс.

Тит направил виверну к Хельгире.

Воздух наполнился свистом. На принца понеслись валуны размером с дом. Они должны быть уже у подножья Багряной горы, осталось совсем немного.

Валуны сыпались беспрестанно, порывы ураганного ветра налетали со всех сторон. Тит правил виверной вслепую, полагаясь больше на интуицию, чем на зрение.

«Я совсем близко. Помоги!»

Что-то попало виверне в голову — небольшой камень, но этого хватило, чтобы она начала падать, и Тит вместе с ней.

* * *

«Я не дам тебе упасть!»

Она не даст. У Иоланты получилось удержать виверну в воздухе и толкнуть вперед с таким попутным ветром, которым бы и ангелы могли гордиться.

Что же до призрачного чудища и сидящего на нем потенциального убийцы — поиграли и хватит!

Она подняла руку вверх, к обложенному небу. Тучи начали потрескивать, потом вспыхивать голубым. От самого горизонта энергия понеслась к Багряной горе, собралась прямо над ними, бурля, клокая. Ожидая приказа.

Иоланта указала на призрачное чудище.

Молния ударила, прекрасная и могучая.

Все камни рухнули вниз. Рухнуло призрачное чудище, содрогнулась от удара земля, потрянуло Иоланту.

Через минуту стойкая маленькая виверна пришла в себя и, осознав, что все еще находится в воздухе, опять принялась махать крыльями.

* * *

Тит приземлился на террасу, чмокнул дракона в чешуйчатую шею и слез. Хельгира, тяжело дыша, взирала на него одновременно нежно и яростно. Тит сразу понял, что перед ним и не Хельгира вовсе, а Фэрфакс. Она пришла, его нестигаемый друг, и спасла его.

Принц шагнул вперед и обнял ее.

— Спасибо. Спасибо. Спасибо. Я думал, что именно этой ночью исполнится пророчество.

— Нет, не сегодня. — Одной рукой Фэрфакс запуталась в его волосах, другой очертила линию его подбородка. — И никогда, если у меня получится. Но уж точно не сегодня.

Тит не мог описать собственных ощущений. Он жив, спасен и находится тут, рядом с ней...

Его губы застыли в дюйме от ее рта, их дыхание смешалось.

— Любовь сделает тебя слабым и нерешительным, помнишь? — прошептала Фэрфакс.

Каким же дураком он был. Только с любовью ему достанет силы справиться с их задачей.

— Больше никогда не слушай идиота вроде меня.

— Договорились. Думаю, это не будет считаться, если произойдет в Горниле.

И с этими словами Фэрфакс притянула Тита к себе и поцеловала. Слезы обожгли уголки его глаз. Он выжил. Они выжили. Он крепко прижался к ней, да и просто к самой жизни.

* * *

Титу хотелось простоять так вечность, ну или хотя бы еще немного побыть в этом мире радостной близости.

Но Фэрфакс со вздохом отодвинулась:

— Я там ребят заставила бегать по всему Итону, наши следы замечать. Нужно вернуться и отправить их спать.

Тит убедился, что оставил браслет Хельгиры. А когда они вернулись в Черный Бастион в принадлежащей ему копии Горнила, на всякий случай запечатал портал: даже рискуя жизнью, он предпочитал перестраховаться.

Здесь, после поднятого им раньше переполоха, его возвращение встретили сначала с испугом, а потом с изумлением, когда Фэрфакс взобралась на виверну за его спиной. Хорошо, что ее принимали за громовержицу-хозяйку Бастиона — ни перед кем не нужно было объясняться.

Еще лучше, что, стоило им взлететь, она обняла Тита и положила голову ему на плечо.

Так значит, вот оно какое — счастье?

Фэрфакс объяснила, как ей удалось предстать перед инквизитором и не попасться, и что Кашкари оказался тем самым скорпионом. Тит в свою очередь рассказал, что видел и слышал в Цитадели, в том числе о загадочном исчезновении Горацио Хейвуда.

— Спасибо. — Фэрфакс обняла его еще крепче.

— За что?

— За то, что был готов спасти моего опекуна.

— Но мы теперь не знаем, где он.

— Мы все выясним, — заявила Фэрфакс хриплым от усталости голосом и взлохматила Титу волосы. — Как ты — тебе же пришлось убить инквизитора?

— Я бы предпочел, чтобы кто-нибудь другой забрал ее жизнь. Но жалеть о ней не буду.

Они слезли с виверны на лугу перед замком Спящей красавицы. Фэрфакс сбросила позаимствованные парик и платье и снова превратилась в стройного бойкого юношу.

Тит притянул ее к себе и прижался щекой к ее волосам.

— А правда, что все, что происходит в Горниле — не считается?

Фэрфакс обняла его в ответ:

— Моя спасательная операция, мои правила.

Тит поцеловал раковину ее уха:

— Тогда позволь мне кое-что тебе сказать. Я живу ради тебя, ради тебя одной.

Считается, что золотой век магии стихий закончился около тысячи лет назад

— со смертью Леопольда Сидорова и Манами Канеширо, которые спустили свои карьеры на враждебное соперничество. Оба они погибли на дуэли, заодно угробив оказавшихся поблизости незадачливых зрителей.

С тех пор миновали столетия, но больше ни одного действительно великого стихийника так и не появилось. Все думали, что и не появится, как вдруг раскрылись способности Гесперии Величественной — величайшей среди великих.

Посему мы лелеем надежду, что и на наш век придется явление необычайно сильного мага стихий.

Из книги «Жизнь и деяния великих магов стихий»

Кашкари исполнил указания Фэрфакс замечательно. Он спеленал Трампера и Хогга лентами из их собственной одежды, обрывками тряпок завязал им глаза и заткнул рты. А потом, когда хулиганы пришли в сознание, начал ругаться по-немецки, как и было велено, — чтобы они приняли его за принца, родным языком которого считался немецкий.

Когда появились Фэрфакс и Тит, Кашкари пожал им руки и вместе с Фэрфаксом отправился к остальным ребятам. Тит последовал за ними, но прежде снова вырубил незадачливых хулиганов и оставил на парадном крыльце их пансиона в одних подштанниках.

Налюбовавшись и наворговавшись видом связанных Трампера и Хогга, все мальчишки, позевывая, направились к своим постелям. Злоумышленники наказаны, веселье на эту ночь закончилось.

В собственном пансионе их ждали раскрытая парадная дверь, освещенное фойе и обе хозяйки. Миссис Долиш устало махнула вверх:

— Отправляйтесь спать. Разбираться с вами будем завтра.

— Кроме вас, ваше высочество, — добавила миссис Хэнкок. — Не будете ли вы столь любезны пройти в мой кабинет?

Фэрфакс шагнула вперед:

— Мы все вылезали. Почему вы выделяете принца?

Тит быстро положил руку ей на плечо:

— Ступай. Со мной все будет хорошо.

В кабинете миссис Хэнкок его снова ждала спектральная проекция Баслана, расхаживающая сквозь полки и стены.

— Можете нас покинуть, — сказал атлант миссис Хэнкок.

— Смею напомнить, сэр, что я специальный представитель министерства управления заморскими владениями, и вам не подчиняюсь, — с улыбкой заметила та.

Баслан смерил ее ледяным взглядом.

Плюхнувшись на лучшее кресло в кабинете, Тит с наслаждением наблюдал за перебранкой агентов Атлантиды.

— Баслан, чего вы хотите на этот раз?

— Называйте меня инквизитором, ваше высочество.

Инквизитор. Значит, заклятый враг Тита действительно мертва. Он дал своему желудку мгновение прийти в себя.

— Инквизитор? Что, теперь каждого из Инквизитория надо так величать?

От этих слов Баслан вздрогнул:

— Мадам инквизитор больше не может исполнять свои обязанности. Она покинула эту бренную землю.

Оказалось, Титу даже не надо изображать потрясение. Он на самом деле был потрясен.

— Быть такого не может. Я видел ее всего несколько часов назад. Прямо здесь, в Итоне. И признаков близкой кончины не заметил.

— К нашему величайшему сожалению, это правда.

— Как это произошло?

— Это строго конфиденциальная информация. Мне необходимо, чтобы ваше высочество предоставили отчет о своем местонахождении этой ночью.

— А разве это не строго конфиденциальная информация?

— Нет, — ответил Беслан без тени иронии в голосе.

Тит скрестил руки на груди:

— После того, как вы сегодня вечером наконец-то позволили мне уйти, в надежде найти покой и тишину я вернулся в свою комнату и находился там до отбоя. Вскоре после отбоя два мальчика бросили камень в мое окно. Я их догнал, задал им трепку и оставил на переднем крыльце их дома.

— А есть ли очевидцы, готовые подтвердить сказанное? — Вопрос явно был адресован миссис Хэнкок.

— Принц находился в своей комнате во время отбоя — я сама проверяла. Окна принца и его соседа действительно были разбиты. Что же до всего остального, я немедленно проверю.

— И изымете все книги принца, — приказал Баслан.

Миссис Хэнкок закатила глаза, но не стала напоминать инквизитору, что относится к другому ведомству.

Тит выдохнул. Как же хорошо, что мамин дневник остался у Фэрфакс. И что свое Горнило он замаскировал под томик поэзии вагантов и спрятал до поры до времени в школьной библиотеке, чтобы потом перенести в лабораторию.

Баслан продемонстрировал цитадельную копию Горнила:

— Что вам известно об этой книге?

— А, эта. Я играю в Серого волка с Красной шапочкой. Вы знали, что она любит пожестче? А я вот — нет.

— Прошу прощения?

— А что еще делать с этой штукой? Конечно, Спящая красавица наверняка посимпатичнее будет, но сражаться с драконами? Увольте! Ну и крошка, живущая в лесу, тоже ничего, но эти ее гномы — просто извращенцы. Вечно подглядывают.

Лицо Баслана пошло пятнами.

— Вы использовали подобную книгу в качестве портала, чтобы этой ночью попасть в Цитадель и убежать оттуда вместе с Горацио Хейвудом?

Тит расхохотался:

— Что за бред! Вы с ума сошли?

У инквизитора дернулся кадык.

— Вы, без сомнения, осведомлены, что Атлантида ищет девушку, которая способна призывать молнии. Мы столкнулись с ней этой ночью.

— Так почему же не арестовали ее?

— Она была в этой книге. Мы хотим знать, где она сейчас.

— Очевидно, все там же. Никогда не слышали о Хельгире?

— О ком?

Тит закатил глаза:

— Хельгира Беспощадная, одна из самых легендарных героинь фольклора, известных магическому миру. О, я забыл, приспешники Атлантиды ничего не знают.

Баслан стиснул зубы:

— Атланты не безграмотны, но мы не обращаем внимания на провинциальные предания.

— Что ж, тогда как вам понравилось первое знакомство с Хельгирой?

Инквизитор закипел от злости, но вопросы у него закончились.

Вскоре вернулась миссис Хэнкок вместе с Трампером и Хоггом, все еще полураздетыми.

А потом последовала сцена весьма комическая, по крайней мере, с точки зрения Тита. Трампер и Хогг, оба испуганные, но явно готовые извлечь из ситуации выгоду, даже не заметили, что говорят с призрачной проекцией. Они принялись обвинять принца не только в похищении, но и в бесчисленных актах насилия и извращенной жестокости над их личностями, тем самым предоставив неопровержимое свидетельство, что если кто и убил инквизитора, то это уж точно не мог быть Тит.

Миссис Хэнкок вновь ушла и вернулась, притащив охапку книг.

— Инквизитор, здесь все книги его высочества. Вы пошлете за ними курьера, или это сделать мне?

Тит встал:

— Я оставляю вас обсуждать детали. Спокойной ночи, инквизитор. Спокойной ночи, миссис Хэнкок. И спокойной ночи вам, господа Трампер и Хогг — был рад.

* * *

Внескачковую зону убрали утром. И когда вернулся шпион принца, из пишущего шара полетели отчеты.

Инквизитор действительно была мертва. Как, очевидно, и Лиходей, хотя неизвестно, что его убило — молния Иоланты или последующее падение. Двойная смерть вызвала в Цитадели и панику, и ликование; последнее вскоре обернулось смертельным ужасом, когда Лиходей вернулся, на вид моложе и крепче прежнего, в третий раз воскреснув.

Леди Калисту поначалу обвинили в уничтожении вещественных доказательств — когда появились дознаватели инквизиции, вытекшую из Горнила кровь уже убрали. Но после рыданий прелестницы — кровь на полу выглядела так ужасно! — все неожиданно согласилось, что она, безусловно, имела полное право избавить свой дом от столь огорчительной картины.

Впрочем, Иоланту больше волновали новости, касающиеся наказания для ребят, что ночью покинули пансион миссис Долиш. Двадцать ударов плетью Титу, и по пять — всем остальным. А что, если от Иолы потребуют (как, по слухам, и положено) снять брюки? Ей так долго удавалось выдавать себя за мальчика; не хотелось бы, чтобы ее секрет так глупо раскрылся.

Но Тит вернулся после наказания с улыбкой. Бирмингем не только не потребовал снять брюки, но и все удары вместо провинившегося достались коври. Вдобавок, Бирмингем душевно поздравил принца с тем, что он перед всей школой выставил Трампера и Хогга на посмешище.

И все же Иоланта тренировалась в заклятиях, не дающих запомнить и осознать происходящее. Но и ее встреча с Бирмингемом тоже прошла очень приятно: за чаем, в живой беседе об эпосах Гомера — предмете близком и дорогим Бирмингему.

Конец семестра оказался столь же спокойным. Школьный кубок по крикету их команда не выиграла, но впервые за многие годы вышла в финал. Уинтервейл попал в сборную Итона и участвовал в матче против Хэрроу — к гордости всего пансиона. Иоланта, к изумлению и восторгу Тита, выиграла десять фунтов стерлингов, написав лучшее эссе на латыни. Деньги

она тотчас же потратила на мороженое и пирожные для всех, а еще купила Кашкари очень красивый набор для бритья с монограммой, в покупке которого принял участие и принц, оплатив половину стоимости.

В последнее воскресенье перед окончанием летнего семестра Кашкари наконец-то устроил давно им обещанный теннисный турнир, в честь Бирмингема и других ребят, уезжавших учиться в университете.

Разыгрывалось два приза — отдельно для младших и для старших. За соревнованиями младших друзья Иоланты наблюдали из ее комнаты. А когда настал их черед, толпой ринулись вниз, горя желанием разбить друг друга. В комнате остался только принц.

Иоланта кивком указала на дверь:

— Идем?

Он закрыл дверь, взял тарелку из буфета и произнес:

— *Flamma nigra*.

Взвилось черное пламя.

— Что это?

— Дай руку.

Тит погрузил в пламя их соединенные ладони. По ощущениям огонь был как нагретый солнцем камень, льнувший к коже с игривостью щенка. Через несколько секунд пламя начало светлеть, меняя цвет от фиолетового к темно-синему, от небесной лазури к едва заметной голубизне вены сквозь кожу. Наконец, стало совсем прозрачным и рассеялось.

Иоланта уставилась на свою руку, потом посмотрела на принца:

— Это... кровная клятва?

Он склонил голову, как будто застеснялся:

— Да, ты свободна.

— Ты понимаешь, что натворил? — спросила она дрожащим голосом.

— А как иначе? Я неделями ни о чем другом думать не мог. И все же не могу осознать.

— Тогда почему? Потому что мы уже попытались убить Лиходея?

Такова была их договоренность — одна и только одна попытка. Хотя, по сути, эта попытка не считается, ведь Лиходей среди мертвых не задержался.

— Отчасти да...

— А еще почему?

Тит чуть помедлил:

— Когда-то все решили за меня. Никто не спрашивал, желаю ли я идти по этому пути. И я не хочу лишать выбора тебя — друзья не делают друзей рабами. Ты должна решить сама.

Глаза защипало от выступивших слез.

— А если я решу сбежать?

Принц на мгновение отвел взгляд. Когда же снова посмотрел на Иоланту — тот самый юноша, который заявил ей, что живет для нее одной, — в его глазах читался страх. Но наравне со страхом еще и надежда.

— Имеешь право.

С улицы их звали ребята. Будто во сне, Иоланта подошла к окну:

— Сейчас спустимся.

Снаружи все выглядело по-прежнему: летнее небо, летняя трава, летние мальчишки. Но все изменилось. Ее жизнь снова принадлежала ей, и она могла поступать, как пожелает.

Иоланта повернулась к юноше, который стал для нее самым верным другом во всем

мире:

— Мне нужно решить сейчас?

— Нет. Можешь не торопиться.

— Выходи, Фэрфакс! И ты, принц, тоже! — вопил Уинтервейл. — Мы ждем вас на жеребьевку!

— Идем! — закричала она в ответ. И уже тише добавила: — Пора идти играть.

У самой двери Тит сжал ее плечо:

— Что бы ты ни решила, знай: знакомство с тобой — величайшая честь в моей жизни.

Иоланта положила руку поверх его ладони и сморгнула слезы:

— Взаимно, принц

— И предупреждаю: в теннис я собираюсь разбить тебя в пух и прах.

Она рассмеялась, хоть и не успела еще вытереть слезы:

— Попробовать можете, ваше высочество. Попробовать-то никто не мешает.

Тит ждал.

В это время года мыс Рат поражал красотой. Солнце светило достаточно ярко, чтобы перекрасить море из обычного тоскливо-серого в глубокий темно-синий. На зеленом лугу паслось несколько овец с еще короткой после весенней стрижки шерстью. Белый и безмятежный, сиял маяк.

Но Тит больше не мог любоваться окрестностями.

Фэрфакс опаздывала.

А ведь покинула школу на два дня раньше него. И знала точное время их встречи здесь, возле единственного сохранившегося входа в его лабораторию. Назначенный час уже миновал.

Если Тит не уйдет, то пропустит свой поезд.

Он ждал; невыносимая боль сжимала сердце. Он больше не представлял своей жизни без нее.

У них осталось еще секунд тридцать.

Двадцать.

Пятнадцать.

Десять.

— Прости! Прости! Не уходи без меня!

Фэрфакс, с чемоданом в руке, мчалась к нему! Чувствуя, как сердце едва не разрывается от счастья, Тит схватил ее за руку, и вместе они ринулись к маяку.

Потоком хлынули объяснения. Поезд из Эдинбурга в Инвернесс задержали из-за случившегося на путях небольшого оползня. И ей, величайшему магу стихий своего времени, что щелчком пальцев способна сдвигать тонны почвы, пришлось сидеть и ждать, пока рабочие расчищали дорогу лопатами. Лопатами!

Но Тит в каждой фразе слышал поэзию, воспевание надежды, дружбы, отваги и всего остального, ради чего стоит жить. Фэрфакс здесь. Она пришла. Пришла.

— И я не могла выйти из поезда, — рассказывала она, запыхавшись, — потому как должна была оказаться в пределах полутора сотен верст от мыса Рат, прежде чем перескакивать. В одиночку я больше не выдержала бы.

— Ты не в силах покрывать полторы сотни верст за раз.

— Я разделила дорогу на четыре части и в середине совершила несколько слепых скачков.

Тит открыл дверь лаборатории и сунул Фэрфакс зелья. На сей раз он собирался превратить ее в черепашку — на случай, если кто-то до сих пор жаждет конфисковать его канарейку.

— Слепые скачки... Ты с ума сошла?

Фэрфакс отбросила чемодан и залпом выпила зелье:

— Конечно, сошла. Я ведь здесь.

Тит прокашлялся:

— Я... я рад, что ты здесь.

Она улыбнулась:

— Готов?

Возможно, она спрашивала про свое превращение. Но, отвечая, Тит говорил обо всем, что ждало впереди:
— Да. Я готов.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Примечания

Бальнеоклиматический курорт во Франции, у подножия Савойских Альп.

Королевская военная академия.

«Гамлет», Шекспир, пер. И. Пешкова. Фразеологизм, означающий, что человек слишком сильно старается убедить других в ложности того, что на самом деле является правдой.

Наибольший расцвет Итон получил при Георге III. Монарх часто бывал в Виндзоре и регулярно навещал школьников. Он даже устраивал для них увеселительные мероприятия в Виндзорском замке. В ответ на столь пристальное внимание к школе руководство учебного заведения выдвинуло инициативу сделать день рождения короля Георга III — 4 июня — школьным праздником. В настоящее время традиция отмечать этот праздник сохранилась, даже при том, что мероприятия, посвященные «четвертому июня» в Итоне, в последнее время редко приходятся именно на эту дату в календаре.